

МОРЯ ДАВІСА СЕТ БРІВАДОН

ТАЙНА

ЛЕДИ

ОМІ

Annotation

Мэри Элизабет Брэддон — королева английского любовного романа. Одна из самых знаменитых ее книг — «Тайна леди Одли».

Молодая симпатичная гувернантка Люси Грэм выходит замуж за своего хозяина, богатого пожилого аристократа сэра Майкла Одли. До поры до времени ей удается «сохранять лицо» — играть роль уважаемой дамы из высшего общества перед требовательными соседями. Но неожиданно с золотых приисков приезжают племянник сэра Майкла — Роберт и его друг Джордж. Увидев портрет Люси, Джордж, потерявший жену и ребенка, испытывает сильнейшее потрясение, после чего неожиданно исчезает. А Роберт, поначалу очарованный блестящей и порочной красотой леди Одли, начинает подозревать, что в прошлом новоиспеченной леди не все так гладко, как она любит рассказать...

- [Мэри Элизабет Брэддон](#)

-

- [Тайна леди Одли](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

- [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Мэри Элизабет Брэддон

Гайна леди Одли

1

ЛЮСИ ГРЭХЕМ СТАНОВИТСЯ ЛЕДИ ОДЛИ

Посвящается distinguished сэру Эдварду Бульвер-Литтону, баронету, члену парламента, доктору гражданского права, и проч. и проч. и проч. С благодарной признательностью за уроки литературного мастерства, которые он столь щедро преподал автору этой книги.

Место, где произошла эта история, находится в ложнне, что славится роскошными пастбищами и многолетним строевым лесом. Направляясь туда, вы должны будете пройти по липовой аллее, по обеим сторонам которой раскинулись деревенские луга, а когда подойдете ближе, местные быки и коровы непременно устрелят на вас пытливые взоры из-за высоких оград, словно спрашивая, что вам нужно — ведь здесь «проход воспрещен», и если ваш путь лежит не в Одли-Корт, то вам тут вообще делать нечего.

В конце аллеи возвышается древняя башня с аркой и часами — диковинными часами, способными сбить с толку кого угодно: на их циферблате красуется одна-единственная стрелка, которая указывает лишь часы, не размениваясь на секунды и минуты, и преодолевает каждую двенадцатую часть окружности одним могучим рывком.

Пройдя под сводами арки, вы сразу же попадаете в сады поместья Одли-Корт.

Перед вами шелковистая лужайка; там и сям кусты рододендронов — они необыкновенно хороши, других таких не найти во всем графстве. Справа — огороды, пруд для разведения рыбы, фруктовый сад, окруженный рвом без воды и полуразрушенной стеной, на которой красуются плющ, желтая заячья капуста и темный мох; слева — широкая дорога, покрытая гравием, по которой много лет назад, когда здесь располагался женский монастырь, прогуливались, взявшись за руки, смиренные монашки. По одну сторону стены высажены шпалеры, другая прячется в тени почтенных дубов, оживляющих своими очертаниями плоский ландшафт и окружающий дом и огороды сумрачной завесой.

Дом выходит фасадом на арку. Он стар и построен безо всякого плана. Все окна разные: какие побольше, какие поменьше; одни сочетают в себе массивные каменные рамы с ярко окрашенными стеклами; другие прикрыты хрупкими решетками, стучащими при малейшем дуновении ветра; третьи же выглядят так современно, словно появились тут только вчера.

На крыше тянется вверх великое множество дымовых труб. От возраста и долгих лет службы им давно бы уже пора надломиться и рухнуть вниз, и кажется, что только вездесущий плющ, добравшийся до крыши, удерживает их в крепких зеленых объятиях и не дает свалиться на головы обитателей дома.

Парадная дверь втиснулась в башню — втиснулась как-то боком, под углом, словно прячась от непрощенных гостей. При всем том это весьма благородная дверь, ибо сработана она из старинного дуба и укреплена громадными железными гвоздями с квадратными шляпками. Дверь такая толстая, что на удар крепкого деревянного молоточка откликается лишь невразумительным глухим звуком, и тот, кто бывал здесь не однажды и знает это, не теряет времени понапрасну, а сразу же прибегает к помощи колокольчика, нашарив его среди зарослей плюща: никакой иной звук не может пробиться сквозь гранитную твердыню.

Славное место, старинное место! Попадая сюда, не испытываешь ничего, кроме восторга и томительного желания, распростившись с прежней жизнью, поселиться здесь навсегда и, глядя на прохладные пруды, считать пузыри, когда плотвички и карпы подплывают к поверхности воды. Кажется, здесь обосновался сам Покой, возложивший свои ласковые руки на каждое дерево, на каждый здешний цветок, на тихие пруды и безмятежные аллеи, на тенистые углы старомодных комнат, где близ окон за цветными стеклами стоят глубокие диваны, даже на колодец со стоячей водой, затерявшийся в кустарнике за огородами, праздный ворот которого давно уже никто не поворачивал, веревка прогнила, а ведро упало на дно зловонного сруба, обретя там свое последнее пристанище.

Благородное место, благородный дом, в котором вы рискуете заблудиться, опрометчиво решив побродить по нему в одиночку. Дом, где всякая комната в разладе со всеми остальными, где любое помещение внезапно переходит в другое, внутреннее, и через него выводит на узкую лестницу, приглашающую вас к дверям, которые, в свою очередь, возвращают вас туда, откуда вы начали свой обход. Дом, до какого не додумался бы ни один архитектор из всех, что жили на грешной земле; дом, который сработал старый добрый строитель — Время, что в каком-нибудь

году пристраивало новый флигелек и уже в следующем году сводило на нет другой флигелек; рушило камин — ровесник Плантагенетов и возводило на его руинах камин в стиле Тюдоров; разрушало стену, помнившую времена саксонского владычества, но щадило арку, возведенную во времена норманнов; оставляло пустые провалы от узких высоких окон времен королевы Анны и пристраивало к трапезной, возведенной во времена Вильгельма Завоевателя, столовую в стиле ганноверца Георга I и за одиннадцать столетий соорудило такое жилище, с которым, обыщи хоть весь Эссекс, невозможно было сравнить ни одно здание графства.

Конечно же, в этом доме были и потайные помещения, и дочь нынешнего его владельца, сэра Майкла Одли, как-то в детстве случайно обнаружила здесь секретную каморку. Она играла в детской, и вдруг половицы подозрительно затрещали у нее под ногами, и она обнаружила, что в углу комнаты несколько досок не закреплено, отодвинула их и увидела лестницу, ведущую в крохотное помещение между полом детской и потолком комнаты, что была прямо под ней. Пиратских сокровищ девочка не нашла: в каморке стоял дубовый сундук, а в нем лежало полное облачение католического священника, припрятанное здесь в те ужасные времена, когда принадлежность к этой профессии каралась смертной казнью.

За широким внешним рвом, заросшим травой, во всю длину сада раскинулся пруд для выращивания рыбы. Липовая аллея, примыкавшая к пруду, была так плотно прикрыта со всех сторон кронами деревьев, что казалось, будто сама Природа устроила тут место для тайных свиданий. И хотя отсюда до дома было всего два десятка шагов, здесь с равным успехом и равной безопасностью можно было готовить государственный заговор и плести любовную интригу.

Старый колодец находится как раз в конце аллеи. В свое время, надо полагать, он хорошо потрудился, и хлопотливые монашки не раз извлекали из его недр студеную воду, чтобы омыть в ней свои прекрасные руки. Но сейчас он заброшен, и едва ли кто в Одли-Корт помнит, жив ручей, питающий его, или давно высох.

Нынешние хозяева не усмотрели в колодце ничего романтического. Часто по вечерам сэр Майкл Одли, дымя сигарой, выходил в аллею. Собака вертелась у него под ногами, и прелестная молодая жена шла рядом с ним, держа его под руку, но проходило каких-нибудь десять минут, и окружающая обстановка начинала утомлять супругов, и они возвращались домой, в гостиную с белыми стенами, где миледи принималась играть мечтательные мелодии Бетховена и Мендельсона и играла до тех пор, пока

ее супруг не засыпал в своем кресле.

Три месяца назад, когда сэр Майкл Одли женился вторым браком, ему исполнилось пятьдесят шесть лет. Он был высоким, крупным и крепким мужчиной, с глубоким звучным голосом, выразительными черными глазами и седой бородой, выдававшей возраст своего владельца. Последнее чрезвычайно огорчало сэра Майкла, потому что он все еще был непоседлив, как мальчишка, и по-прежнему считался лучшим наездником графства.

Он вдовел целых семнадцать лет, и все эти годы его единственное дитя, его дочь, Алисия Одли, безраздельно царила в доме. Она хранила у себя все ключи, держа их в карманах своих шелковых передников, теряла их в кустах и роняла в пруд, причиняя немало хлопот домочадцам, и свято уверовала в то, что именно на ней держится весь дом.

Но вот появилась молодая мачеха, и от власти мисс Алисии не осталось и следа. О чем бы она ни просила экономку, та неизменно отвечала ей, что должна передать просьбу миледи, должна спросить у миледи, разрешит ли миледи сделать то-то и то-то, причем не как-нибудь, но именно так-то и так-то. С той поры дочь баронета, прекрасная наездница и приличная рисовальщица, большую часть времени начала проводить вне дома, гарцуя по зеленым лугам и покрывая листы своего альбома рожицами деревенских мальчишек, изображениями коров, быков и вообще всякой живности, попадавшей ей на пути. Она раз и навсегда усвоила в отношениях с мачехой мрачный тон, и, как ни старалась миледи победить предвзятость Алисии и убедить ее в том, что, выйдя замуж за сэра Майкла Одли, она не нанесла смертельной обиды ее дочери, избалованная девчонка стояла на своем, и сблизиться с нею не было никакой возможности.

Правда состояла в том, что, выйдя замуж за сэра Майкла, леди Одли заключила с ним один из тех блистательных союзов, которые просто созданы для того, чтобы стать предметом зависти и ненависти особ, принадлежащих к тому же полу, что и она сама.

Некоторое время тому назад она поселилась тут по соседству, став гувернанткой в семье военного врача, проживавшего в деревне неподалеку от Одли-Корт. Никто не знал о ней ничего, кроме того, что она откликнулась на объявление мистера Доусона, врача, помещенное им в «Таймс».

Приехала она из Лондона. Единственный документ, бывший при ней, удостоверял, что она работала учительницей в Бромптоне, но этой бумаги оказалось вполне достаточно, и врач с удовольствием принял девушку у

себя в доме, сделав ее наставницей своих дочерей.

Таланты гувернантки оказались столь блистательными и разнообразными, что оставалось лишь удивляться тому, что она согласилась на предложение, сулившее ей весьма скромные условия. Мисс Грэхем совершенно удовлетворяло ее положение. Она разучивала с девочками сонаты Бетховена, писала акварелью с натуры и по воскресеньям трижды ходила из скучной отдаленной деревни в скромную церквушку, — ходила с таким умиротворенным видом, словно не существовало для нее высшего блага, кроме того, чтобы прожить здесь до конца дней.

Местные жители, понаблюдав за ней со стороны, решили эту загадку по-своему. Девушка с таким добрым и легким сердцем, сказали они себе, чувствует себя хорошо в любых обстоятельствах.

Где бы она ни появлялась, она несла с собой радость и свет. Когда она входила в бедную хижину, казалось, что под нищенскую кровлю заглядывал яркий солнечный луч. Побыв с четверть часа в обществе какой-нибудь старухи, она выказывала в отношении беззубой собеседницы такое восхищение, словно познакомилась по меньшей мере с маркизой. Когда она уходила, не дав ничего (ее скромное жалованье лишало ее возможности оказывать благотворительность), старая женщина посылала вслед такие похвалы ее грации и душевным качествам, каких не достаивала и жену викария, помогавшую ей пищей и одеждой. И немудрено: мисс Люси Грэхем обладала магической властью, которая позволяет женщине очаровывать словом и опьянять улыбкой.

Все вокруг любили ее, восхищались ею, превозносили ее до небес. Мальчишка, открыв ей ворота, вприпрыжку бежал домой, спеша поведать матушке, каким необыкновенным взглядом одарила его эта удивительная девушка и каким ангельским голосом поблагодарила его за маленькую услугу. Церковный служка, провожавший ее до скамьи, где сидело семейство доктора; викарий, видевший ее нежные голубые глаза, устремленные на него, когда он читал свою скромную молитву; носильщик с железнодорожной станции, доставлявший ей время от времени письмо или пакет, не ожидая вознаграждения; ее наниматель; его гости; ее ученицы; слуги — все сошлись на том, что Люси Грэхем — самая замечательная девушка из всех когда-либо живших на земле.

Должно быть, этот восторженный гимн проник-таки в тихие комнаты Одли-Корт или было, наконец, замечено изумительное лицо девушки, — так или иначе, но в один прекрасный день сэра Майкл Одли почувствовал вдруг неодолимое желание поближе познакомиться с гувернанткой мистера

Доусона.

Он устроил у себя небольшой прием, пригласив девушку, пригласив доктора с супругой и викария с супругой. Разумеется, его дочь также составила им компанию.

В тот тихий вечер решилаась участь сэра Майкла. Он не смог противостоять этим голубым глазам, этой лебединой шее, этой божественной головке, этому глубокому голосу, преисполненному музыки; он не смог противостоять собственной судьбе.

Судьба! Да, это была судьба! Нет, никогда он прежде не любил. Брак с матерью Алисии? То была всего лишь сделка, скучная сделка, призванная поправить положение его обедневшего семейства. Может быть, он и испытывал нежные чувства к своей первой супруге, но эту слабую — слишком слабую! — искорку никакие силы не смогли бы раздуть до яркого пламени.

И вот пришла любовь, с ее лихорадкой, томлением, тревогой, сомнениями и беспокойством, с мучительным и жарким страхом, что его, сэра Майкла, возраст может стать неодолимой преградой на пути к счастью. И он с новой силой возненавидел свою седую бороду и почувствовал неистовое желание снова стать молодым, чтобы волосы его снова стали черными, как воронье крыло, а талия — тонкой и гибкой, какой была двадцать лет назад.

Потекли бессонные ночи и меланхолические дни, и только любимое лицо, случайно мелькнувшее за занавесью окна, разом преображало безрадостную действительность. Все эти многочисленные признаки говорили об одном и том же, и то, о чем они говорили, было правдой: в том возрасте, который сам по себе является символом благоразумия и трезвости мыслей, в возрасте пятидесяти пяти лет сэра Майкла Одли поразил ужасный недуг, именуемый любовью.

Не думаю, что, ухаживая за девушкой, он рассчитывал на то, что его богатство и положение в обществе смогут сыграть решающую роль на пути к успеху. Если подобные мысли и приходили ему на ум, он гнал их от себя, содрогаясь от отвращения. Мысли эти приносили ему огромные страдания. У него просто не укладывалось в голове, что такую прелесть и такую невинность можно отдать, прельстившись домом и титулом. О нет! Он надеялся, что, поскольку в жизни девушки не было и нет ничего, кроме труда и зависимости, и поскольку она еще очень молода (никто точно не знал, сколько ей лет, но на вид было чуть более двадцати), она еще ни к кому не испытала чувства привязанности, и он, первый в ее жизни мужчина, ухаживающий за ней, окружая ее нежной заботой и щедрым

вниманием, мог напомнить ей отца, которого, по-видимому, уже нет в живых, и тем завоевать ее молодое сердце.

Что касается Люси Грэхем, то в ее поведении не было и тени пошлой искусственности, заметной в манерах женщины, когда она стремится завоевать богача. Люси Грэхем так привыкла к всеобщему восхищению, что ухаживания сэра Майкла не произвели на нее особого впечатления. (Кстати сказать, сэр Майкл вдовел так долго, что все, кто его знал, уже и не чаяли увидеть его под венцом во второй раз.) Как бы там ни было, миссис Доусон решила поговорить с гувернанткой на этот счет.

Они сидели в комнате для школьных занятий. У супруги врача было в руках вышивание, а Люси подправляла кисточкой акварельные наброски своих учениц.

— Знаете, дорогая мисс Грэхем, — промолвила миссис Доусон, — по моему, вы просто обязаны считать себя редкой счастливницей.

Гувернантка, оторвавшись от работы, взглянула на хозяйку с явным удивлением.

— Что вы имеете в виду? — спросила она, погружая кисточку в аквамарин.

— Я имею в виду, дорогая, что вам ничего не стоит стать леди Одли и хозяйкой Одли-Корт.

Люси Грэхем взмахнула кисточкой и, сделав легкий мазок, побледнела, что не ускользнуло от внимания миссис Доусон.

— Да не волнуйтесь вы, милочка, — промолвила та, — никто не заставит вас выйти замуж за сэра Майкла, если вы сами этого не захотите. Однако, скажу я вам, это был бы замечательный союз. У сэра Майкла солидные доходы, и он самый щедрый мужчина из всех, кого я знаю. Он возвысит вас до себя, и вы сможете сделать для ближних много доброго. Но руководствоваться при этом, подчеркиваю, вы должны только собственным чувством. И еще: если внимание сэра Майкла вам неприятно, лучше объясниться с ним сразу и не поощрять его дальнейшие ухаживания.

— Его внимание... Поощрять дальнейшие ухаживания... — пробормотала Люси. — О чем вы говорите, миссис Доусон? Да у меня и в мыслях ничего подобного не было! Хотя в последнее время я кое-что начала замечать...

Здесь она умолкла, облокотилась о стол, обхватила голову руками и глубоко задумалась. На шее у нее всегда была узкая черная ленточка то ли с медальоном, то ли с крестиком; а может быть, то была миниатюра — во всяком случае, эту безделушку она постоянно носила под платьем, и сейчас, нервно коснувшись пальчиками того, что было спрятано у нее на

груди, сказала:

— Думаю, некоторые люди просто рождены, чтобы быть несчастными, миссис Доусон. Стать леди Одли! Для такой, как я, это было бы чересчур большой удачей.

— Это вы-то несчастная! — изумилась миссис Доусон. — Вы первая, от кого я слышу подобное. Вы такая яркая, такая... Честное слово, не знаю, что мы станем делать, когда сэр Майкл похитит вас.

После этого разговора они не однажды возвращались к этой теме. Люси не выказывала никаких эмоций, когда речь заходила о восхищении баронета, и в семействе врача молчаливо решили, что, когда бы сэр Майкл ни сделал свое предложение, гувернантка, само собой разумеется, примет его: для девушки без состояния упустить такой шанс было бы чистым безумием.

Однажды туманным июньским вечером сэр Майкл, сидя рядом с Люси Грэхем у окна в маленькой гостиной врача, воспользовался тем, что хозяйева, сославшись на какую-то случайную причину, разом поднялись и тактично оставили их одних, и заговорил о том, что давно лежало на его сердце. Он промолвил несколько торжественных слов и попросил у гувернантки ее руки.

— Но если вы не любите меня, — добавил он, — лучше разбейте мне сердце, но откажите. Нет большего греха, чем идти замуж без любви. И если путь к моему счастью лежит через такой грех — ваш грех, Люси, — то не нужно мне такого счастья.

Люси Грэхем сидела, не глядя на сэра Майкла. Лицо ее было обращено вдаль, к туманному закату, и сэр Майкл, видя только профиль, не мог уловить выражения ее глаз. Если бы это ему удалось, он увидел бы тоскливый взгляд, устремленный не к горизонту, а гораздо дальше, в бесконечную неизвестность, в иной мир.

— Люси, вы слышите меня?

— Да, — печально отозвалась она. Впрочем, в ее тоне не было холода и не чувствовалось, что слова сэра Майкла как-то обидели ее.

— Итак, ваш ответ?

Несколько мгновений она сидела молча, наблюдая, как деревня погружается во тьму. Внезапно она с неожиданной страстью повернулась к сэру Майклу, и лицо ее засветилось той новой и чудесной прелестью, какую баронет увидел даже в нарастающей мгле.

Мисс Грэхем упала перед ним на колени.

— Нет, Люси, нет, нет! — горячо запротестовал он. — Не здесь! Пожалуйста, только не здесь!

— Нет, здесь, здесь, — промолвила она все с той же необычной страстью, и слова ее прозвучали негромко, но со сверхъестественной отчетливостью, — здесь, и только здесь! Какой вы добрый! Будь на моем месте другая, в сто раз лучше меня, она бы полюбила вас от всей души. Но вы ждете от меня слишком многого, слишком многого. Подумайте, какая у меня была жизнь, — только подумайте. С самого детства я не видела ничего, кроме бедности. Отец мой был джентльменом — умным, образованным, великодушным, красивым, но — бедным. Матушка моя... Впрочем, позвольте мне о ней умолчать. Бедность, злоключения, мытарства, потери, унижения... Нет, при вашей спокойной и обеспеченной жизни вам меня не понять, не прочувствовать всего, что испытала я. И потому я говорю: вы ждете от меня слишком многого. Поймите: я не могу быть бескорыстной, я не настолько слепа, чтобы не видеть благ, что сулит мне такой союз. Нет, не могу! Не могу!

В этом возбуждении, в этой страстной горячности было нечто такое, чему трудно было дать точное определение и от чего баронет почувствовал смутную тревогу.

Между тем Люси по-прежнему была у него в ногах, и в эти мгновения она не просто стояла на коленях — она раболепствовала перед ним! Ее тонкое белое платье разметалось по полу; ее волосы упали бледной волной на плечи; ее большие голубые глаза поблескивали в сумерках. Она сжимала черную ленточку, свисавшую с ее шеи, сжимала так, словно эта ленточка душила ее.

— Вы ждете от меня слишком многого, — повторила она. — Я себялюбива с самого детства.

— Люси, Люси, скажите прямо: я вам не нравлюсь?

— Не нравитесь? Вы? Ах, нет, нет!

— Может, вы любите кого-то другого?

Она громко засмеялась.

— Я никого не люблю. Никого в целом мире.

Он был счастлив, услышав такой ответ, но ее странный смех был ему неприятен. Чуть помолчав, он с заметным усилием промолвил:

— Что ж, Люси, я не буду ждать от вас слишком многого. Я знаю, что я — старый болван с романтическими вывертами, но если я не вызываю в вас отвращения и неприязни и если вы никого не любите, не вижу причин, почему бы нам не стать счастливой парой. Итак, по рукам, Люси?

— Да. Я согласна.

И он поднял ее, и поцеловал в лоб, и затем, тихим голосом пожелав ей доброй ночи, вышел из дома, не задержавшись ни на минуту.

Он вышел немедленно, этот глупый стареющий джентльмен, потому что сердце у него билось часто-часто. Нет, он не чувствовал ни радости, ни торжества, — он чувствовал нечто похожее на разочарование, и неудовлетворенное желание саднило и раздражало его. Слова Люси убили в нем надежду. Как и всякий мужчина его возраста, он знал теперь совершенно определенно, что ему уступили, рассчитывая на его состояние и положение в обществе.

Тем временем Люси Грэхем медленно поднялась по лестнице и вошла в свою комнатку. Поставив тусклую свечу на ящик с рисовальными принадлежностями, она присела на край кровати.

— Вот и все, — сказала она. — Конец моей зависимости, конец тяжелой, нудной работе, конец унижениям. Все, что было в моей прошлой жизни, исчезло. Все, что может рассказать, кто я такая и откуда, похоронено и забыто. Все кроме этого, кроме вот этого.

Она сняла черную ленточку и взглянула на то, что было на ней: не медальон, не миниатюра и не крестик — это было кольцо, завернутое в продолговатый клочок бумаги, покрытый печатными и письменными буквами, пожелтевший от времени и измятый многочисленными сгибами.

2

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Он бросил в воду недокуренную сигару и, облокотившись о фальшборт, задумчиво взглянул на волны.

— Голубая, зеленая, опаловая, — сказал он. — Опаловая, голубая, зеленая... Скука смертная! Все бы ничего, но три месяца такой жизни — это слишком долго, особенно когда...

Он оборвал фразу. Похоже, на самой ее середине ему пришла в голову мысль, которая унесла его за тысячу миль отсюда.

— Бедная девочка, то-то она обрадуется! — пробормотал он, открывая ящик для сигар и с отсутствующим видом рассматривая его содержимое. — То-то обрадуется, то-то удивится! Бедная девочка! Ведь прошло три с половиной года: то-то удивится!

Это был молодой человек лет двадцати пяти. Смуглое лицо, бронзовое от загара, красивые карие глаза, в которых играла женственная улыбка, искрившаяся из-под черных ресниц, густая борода и усы, закрывавшие всю нижнюю часть лица. Он был высок, атлетического телосложения, в просторном сером пиджаке и фетровой шляпе, беззаботно нахлобученной на копну черных волос. Звали его Джордж Толбойз, и был он пассажиром из кормовой каюты «Аргуса», доброго судна, следовавшего на всех парусах из Сиднея в Ливерпуль с грузом австралийской шерсти.

Вместе с ним кормовую каюту занимали еще несколько пассажиров первого класса. Пожилой торговец шерстью, склотивший состояние в колонии, возвращался с женой и дочерьми; тридцатипятилетняя гувернантка ехала домой, чтобы выйти замуж за того, с кем была помолвлена уже целых пятнадцать лет; сентиментальная дочь богатого австралийского виноторговца направлялась в Англию, чтобы завершить образование.

Джордж Толбойз был на судне главным заводилой и душой компании. Никто не знал, кто он, чем занимается и откуда следует, но нравился он всем и каждому. Толбойз сидел во главе обеденного стола рядом с капитаном, помогая ему воздавать должное искусству судового повара. Он открывал бутылки с шампанским и пил со всеми, кто подворачивался под руку. Он рассказывал забавные истории, и сам при этом смеялся так заразительно, что нужна была железная выдержка, чтобы не покатиться со

смеху вместе с ним. Он бесподобно играл в «спекуляцию» и «двадцать одно», завладевая всеобщим вниманием настолько, что, пронесись в эти минуты ураган — никто бы и ухом не повел.

Живость мистера Толбойза создала у окружающих несколько преувеличенное представление о его учености.

Бледная гувернантка пыталась завести с ним разговор о последних новинках литературы, но Джордж лишь несколько раз дернул себя за бороду, промолвив: «О да!» и «Еще бы, конечно!».

Сентиментальная молодая леди — та, что собиралась завершить образование, — заговорила было с ним о Шелли и Байроне, но Джордж Толбойз просто рассмеялся ей в лицо.

Торговец шерстью хотел втянуть его в политическую дискуссию, но оказалось, что в вопросах политики Джордж невинен, как младенец.

Кончилось тем, что его оставили в покое, дав возможность жить так, как ему заблагорассудится: курить сигары, болтать с матросами, глазеть на воду и нравиться людям таким, каким он был на самом деле.

Но когда до Англии оставалось недели две ходу, Джордж Толбойз — это заметили все — резко изменился. Он стал беспокойным и суетливым, порою казался таким веселым, что каюта звенела от его хохота, порою был задумчивым и мрачным. Уж каким любимчиком он ни был у матросов, однако и они начали сердиться, выслушивая его бесконечные вопросы об одном и том же. Когда будем в Англии? Через десять дней? Через одиннадцать? Двенадцать? Тринадцать? Ветер попутный? Какая скорость у судна, сколько узлов? А однажды неведомая сила выгнала его на палубу, где он устроил скандал, обозвав «Аргус» старым корытом, а его владельцев — прохвостами, обманом добывающими себе клиентов, давая заведомо ложную рекламу. «Аргус» не выдерживает график! На «Аргусе» впору не людей перевозить, а скотину! Вот-вот, пусть перевозит проклятую шерсть! Пусть она сгниет по дороге, и вообще, пропади все пропадом!

Долго еще бушевал Джордж Толбойз в тот августовский вечер на палубе «Аргуса», и матросы, чтобы успокоить его, сказали, что придется подождать десять дней, прежде чем английский берег покажется на горизонте.

— Да я готов доплыть до него хоть в яичной скорлупе! — в сердцах воскликнул Толбойз.

Пассажиры кормовой каюты — все, кроме бледной гувернантки, — посмеялись над его нетерпением, а гувернантка, глядя на молодого человека, лишь сочувственно вздохнула: ей и самой в эти дни было не по себе.

Вечером она вышла из каюты на палубу и тихо подошла к Джорджу, встала рядом и, как и он, устремила взгляд на запад, на блекнувший пурпур заката.

Она была спокойна, сдержанна и немногословна, редко принимала участие в развлечениях, никогда не смеялась, но — крайности, как известно, сходятся — крепко подружилась с Джорджем Толбойзом во время путешествия.

— Вам моя сигара не мешает, мисс Морли? — спросил молодой человек, вынимая сигару изо рта.

— Нет, вовсе нет. Пожалуйста, продолжайте курить. Я вышла всего на несколько минут, только чтобы взглянуть на закат. Какой чудесный вечер!

— О да, чудесный, — отозвался Толбойз, и в его тоне снова прозвучало уже знакомое нетерпение. — Чудесный, но какой долгий! Боже, какой долгий!

— Да, — согласилась мисс Морли и вздохнула. — А вы хотели бы, чтобы время бежало быстрее?

— Еще как хотел бы! А вы разве нет?

— Я, пожалуй, нет.

— Но неужели у вас в Англии нет никого, кто бы любил вас? Неужели никто из тех, кого любите вы, не ждет вашего приезда?

— Хотелось бы надеяться на это, — печально ответила мисс Морли.

Некоторое время они молчали. Джордж курил, торопливо стряхивая пепел, и казалось, будто он и впрямь убежден, что внутреннее беспокойство, не оставлявшее его ни на минуту, может ускорить движение судна. Мисс Морли глядела вдаль покрасневшими глазами, уставшими от чтения книг с мелким шрифтом и вышивания, глазами, покрасневшими от слез, втайне пролитых одинокими ночами.

— Взгляните-ка, — нарушил молчание Джордж Толбойз, — нарождается новый месяц.

Она посмотрела на бледный лунный серп, и лицо ее в эту минуту было почти таким же тусклым и бесцветным.

— А ведь мы впервые заметили его. Жаль! — сказал Джордж.

— Стоит ли об этом жалеть?

— Да, мне жаль, что мы идем так медленно, — отозвался Джордж, и эти невпопад сказанные слова лишний раз показали, в каком он теперь состоянии.

— А мне жаль нас, — жаль при мысли о том, какое, быть может, разочарование поджидает нас в конце пути.

— Разочарование?

— Чувства того, к кому я еду, могут измениться. А если нет... Увидев мое бедное поблекшее лицо... Вы же понимаете... Что, если он меня давно разлюбил и ждет только ради денег, которые я скопила за пятнадцать лет работы? Пятнадцать лет назад, мистер Толбойз, когда я уезжала в Сидней, меня считали хорошенькой... Может быть, его давно уже нет в живых. А может быть, он жив, но за несколько дней до нашего прибытия его свалит лихорадка, и он умрет за час до того, как наше судно бросит якорь на Мерсее. Вот о чем я думаю, мистер Толбойз, по двадцать раз на день... По двадцать раз на день! — повторила она.

Джордж слушал ее, держа сигару в руке, слушал, застыв на месте, слушал с таким вниманием, что позволил себе расслабиться только тогда, когда мисс Морли произнесла последние слова. Сигара тут же полетела за борт.

— Сама себе удивляюсь, — продолжала мисс Морли, — удивляюсь тому, как моя надежда была полна, когда судно только-только покинуло порт. Тогда у меня и мыслей не было о разочаровании. Я представляла себе будущую встречу, слышала каждое слово, каждую интонацию, представляла каждый будущий взгляд... Но час за часом и день за днем мои надежды блекли, и сейчас конец путешествия страшит меня так, словно я еду в Англию, чтобы успеть к похоронам.

Молодой человек вздрогнул и тревожно взглянул на собеседницу.

— Господи, какой я глупый! — с досадой воскликнул он, ударив кулаком по фальшборту. — Зачем вы меня пугаете? Зачем будоражите мои чувства теперь, когда я еду к женщине, которую люблю, к той, от которой не жду измены, потому что душа ее чиста, как свет небесный? Зачем вы пришли, зачем забиваете мне голову мрачными фантазиями, когда я возвращаюсь домой, к моей дорогой жене?

— Ваша жена — совсем иное дело. Если она у вас такая, как вы говорите, бояться вам нечего. А я еду в Англию, чтобы соединиться с человеком, с которым была помолвлена пятнадцать лет назад. В ту пору он был слишком беден, чтобы содержать семью. Когда мне представилась возможность получить место гувернантки в богатой австралийской семье, я уговорила его позволить мне уехать. Не связанный узами брака, он остался на родине, чтобы проторить свою дорогу в жизни, а я хотела скопить немного денег, которые могли бы поддержать нас, когда мы начнем жить вместе. Я не собиралась оставаться в Австралии надолго, но здесь, в Англии, дела у моего жениха пошли неважно, так что... Вот вам и вся моя история. Теперь вам понятны мои страхи. Повлиять на вас они никак не должны. Мой случай — исключение.

— Мой тоже, — сказал Джордж Толбойз. — Хоть, впрочем, я отсутствовал дома не пятнадцать лет, а всего три с половиной года. Что может случиться за такой короткий срок?

Мисс Морли взглянула на него со скорбной улыбкой, но промолчала. Его лихорадочный пыл, свежесть и непосредственность натуры — для нее все это было так странно и так ново, что она взглянула на него с восхищением и жалостью.

— Бедная моя женушка! Кроткая, чистая, любящая женушка! Знаете, мисс Морли, когда я уходил из дома, она спала с ребенком на груди, а я — я написал ей на прощание несколько неряшливых строк, где объяснил, почему ее верный супруг покидает ее.

— Покидает! — воскликнула гувернантка.

— Да, мисс Морли. Когда я впервые встретил свою любимую, я служил корнетом в кавалерийском полку. Полк квартировал в дурацком портовом городишке. Любимая жила с престарелым отцом — отставным морским офицером на половинном окладе. Бедный, как Иов, он думал только о том, как бы не упустить главный шанс в своей жизни. У него была прелестная дочь, и он лез из кожи вон, чтобы заполучить для нее в мужья кого-нибудь из драгун. С чувством неловкости смотрел я на его неуклюжие хитрости, когда он зазывал к себе меня и моих товарищей. Жалкие званые обеды, портвейн из ближайшей пивной, выпренные разговоры о благородстве его семейства, фальшивая гордость, фальшивый независимый вид, фальшивые слезы в мутных старческих глазах, когда он говорил о своем единственном детище... Пьянчуга и лицемер, он готов был продать свою бедную девочку тому, кто даст цену подороже. К счастью для меня, такую цену мог предложить ему именно я, потому что мы с его дочерью полюбили друг друга с первого взгляда, а мой отец, мисс Морли, — богатый человек. Словом, мы решили пожениться. Увы, когда мой отец узнал, что я выбрал бесприданницу, дочь старого выпивохи, отставного флотского лейтенанта на половинном окладе, он написал мне ужасное письмо, пообещав порвать со мной все связи и после свадьбы прекратить выдачу мне ежегодного содержания. Прожить на офицерское жалованье с молоденькой женой на руках было невозможно, но я понадеялся, что, прежде чем мы истратим деньги, которые я получил, продав свой офицерский патент, я найду себе какое-нибудь место и все мало-помалу образуется. Мы поехали в Италию и чудесно жили там, пока мои две тысячи фунтов не начали подходить к концу. Когда в кармане у меня оставалась каких-нибудь пара сотен или около того, мы вернулись в Англию, и, поскольку моей славной женушке непременно хотелось

поселиться где-нибудь поблизости от ее несносного родителя, обосновались в том самом портовом городишке, где я впервые ее встретил. Узнав, что у меня есть двести фунтов, тесть проявил по отношению к нам необыкновенную привязанность и настоял на том, чтобы мы переехали к нему. Мы так и сделали, и тут он начал вымогать у меня деньги, а когда я сказал об этом своей молодой жене, она лишь пожала плечами и ответила, что ей претит мысль быть нещедрой по отношению к «бедному папочке». Мне пришлось уступить. «Бедный папочка» в мгновение ока пустил на ветер то немногое, что у нас еще оставалось, и я отправился в Лондон, чтобы найти себе хоть какую-нибудь работу. Я пытался устроиться клерком в купеческой конторе, бухгалтером, счетоводом и так далее в таком же роде. Но, видимо, служба в драгунском полку оставила на мне неизгладимую печать, потому что нигде я не задерживался надолго: никто не верил, что я действительно смогу справиться с порученным делом. Мыкаясь в поисках места, я устал и пал духом, а потом вернулся к женошке, нянчившей моего сынишку, наследника моей бедности. Безрадостно было на душе у бедной девочки, а когда я, вернувшись, рассказал ей, чем закончилась моя поездка в Лондон, она и вовсе ударилась в слезы и сказала, что самую большую подлость по отношению к ней я совершил тогда, когда сделал ей предложение. О господи! Мисс Морли, ее слезы и упреки чуть не свели меня с ума. Проклиная ее, себя, свекра, белый свет со всеми, кто его населяет, я выбежал из дому, заявив, что никогда больше сюда не вернусь. Весь день я бродил по улицам, едва соображая, что делаю, и испытывал огромное желание броситься в море, чтобы освободить бедную девочку и дать ей возможность устроить свою жизнь с кем-нибудь поудачливее меня. «Если я утоплюсь, — думал я, — свекор, конечно же, не оставит ее в беде. Старый лицемер не откажет ей в крове, а между тем, пока я жив, со всякой ее просьбой о помощи он будет отсылать ее ко мне». Я набрел на старую деревянную пристань и решил, дождавшись темноты, закончить счеты с жизнью. Но пока я сидел, покуривая трубку и безучастно глядя на морских чаек, неподалеку от меня двое мужчин завели разговор об австралийских золотых приисках и о том, какие деньжища можно там заработать — если, конечно, повезет. Один из них, как я понял, отправлялся в путь через день-другой и пытался уговорить приятеля последовать за ним. Целый час я слушал их разговор, а потом заговорил с ними и узнал, что через три дня из Ливерпуля отправляется судно, на котором один из моих новых знакомцев собирался добраться до Австралии. Он ответил на все мои вопросы, а затем вдруг заметил, что такой здоровяк, как я, навряд ли вернется с золотых приисков с пустыми руками. Меня

просто затрясло от его слов. Что бы ни ожидало меня на приисках, любой исход был предпочтительнее, чем смерть в морской воде. Моей жenuшке легче будет пережить невзгоды под отцовским кровом, а я за какой-нибудь год сколочу состояние и вернусь — вернусь прямо к ней в объятия. (В то время я был настолько горяч и непоседлив, что мне казалось, года вполне хватит.) Я поблагодарил нового знакомого за все, что он мне рассказал, и поздней ночью побрел к себе. Дул пронизывающий зимний ветер, но я был настолько захвачен идеей, что не чувствовал холода. Я шел по тихим улочкам, снег бил мне в лицо, а сердце переполняла отчаянная надежда. Когда я пришел домой, старик сидел в маленькой столовой и пил бренди, разбавляя его водой. Жена мирно спала наверху, держа ребеночка на груди. Я присел у окна и написал ей несколько коротких фраз. Я заверил ее в том, что никогда не любил ее больше, чем теперь, когда я решил покинуть ее. Там, в новом мире, я попытаюсь добиться лучшей доли. Если преуспею, то вернусь и дам ей богатство и счастье; если нет — она больше никогда меня не увидит. Оставшиеся деньги, что-то чуть более сорока фунтов, я разделил на две равные части, оставил одну часть ей, а другую положил себе в карман. Потом я преклонил колени и помолился за жену и ребенка, уткнувшись лицом в белое покрывало, под которым лежали самые дорогие для меня существа. Вообще-то я нечасто прибегаю к молитве, но Господь знает: та молитва шла из моего сердца. Я поцеловал жену, поцеловал ребенка, вышел из спальни и спустился вниз, в столовую. Старик, поминутно кляня носом, дремал над развернутой газетой. Услышав мои шаги, он поднял голову и спросил, куда я иду. «На улицу, покурить», — ответил я, и он поверил, потому что для меня не в диковинку было поступать именно так. Спустя три дня я уже был в море, ехал в Мельбурн четвертым классом, весь мой багаж составлял инструментарий золотоискателя, а в кармане было всего семь шиллингов.

— И вы добились успеха? — спросила мисс Морли.

— Да; но до той поры мне пришлось крепко подружиться с нуждой. Часто, оглядываясь на свою прошлую жизнь, я просто диву давался при мысли, что тот лихой, безрассудный, сумасбродный, расточительный драгун, выпивший море шампанского, и этот человек, спящий на сырой земле и грызущий заплесневелую корку в пустынном, богом забытом краю, — одно и то же лицо. Я жил среди всякого сброда, я стал для него своим человеком, но моя любовь к жене уберегла меня от пьянства и разврата. Голодный, худой, изможденный, я взглянул однажды на себя в осколок зеркала и ужаснулся, увидев в нем собственное лицо. Но я продолжал работать, работать, работать — несмотря на разочарование,

отчаяние, ревматизм, лихорадку, голод. Побывав у самых врат смерти, я работал, работал, работал, пока не прошел свой путь до конца. А в конце меня ждала победа.

— Какой же вы молодец! — с восхищением воскликнула мисс Морли.

— Молодец? — усмехнулся Джордж Толбойз. — Но разве я боролся не ради своей любимой? Разве не ее нежная рука вела меня все эти годы к счастливому будущему? Разве не она сидела рядом со мной в драной брезентовой палатке с сынишкой на руках?

Однажды туманным утром, когда жизнь моя, казалось, дошла до края, я открыл месторождение золота и в одночасье стал самым богатым человеком в нашей маленькой колонии. Я поспешил в Сидней, и за все, что мне удалось добыть, выручил 20 тысяч фунтов. Прошло еще две недели, и я взошел на борт этого судна, чтобы вернуться в Англию. Десять дней — еще десять дней! — и я увижу свою любимую!

— Но разве за все это время вы не написали ей ни строчки?

— Единственное письмо я отправил за неделю до отплытия «Аргуса». Не мог я ей писать, когда вся жизнь виделась мне в черном свете. Не мог писать, страдая от собственного отчаяния и близости смерти. Я жил, надеясь на удачу, и, когда она пришла ко мне, написал жене, сообщив, что появлюсь в Англии вскоре после того, как придет мое письмо. Я дал ей адрес лондонской кофейни, куда бы она могла написать, указав, где ее искать, хотя, думаю, навряд ли за это время она покинула отцовский дом.

Он умолк и, задымив сигарой, задумался о своем. Мисс Морли стояла рядом, не смея ни словом, ни жестом прервать ход его мыслей.

Внезапно, отбросив сигару, Толбойз резко повернулся к гувернантке и сказал:

— Мисс Морли, если, вернувшись в Англию, я узнаю, что с женой что-то случилось, — мне не жить.

— Мистер Толбойз, дорогой, к чему такие мысли? Господь добр к вам. Он не посылает нам страданий сверх тех, что мы можем вынести. То, что мир кажется мне таким печальным, вовсе не означает, что он таков на самом деле. У меня это оттого, что долгое однообразие моей жизни давало мне слишком много времени, чтобы поразмыслить о своих невзгодах.

— А моя жизнь была наполнена действием, лишениями, тяжким трудом, сменой надежды и отчаяния, отчаяния и надежды. У меня не было времени подумать о том, что с женой может что-то случиться. Какой же я глупец! За три с половиной года — ни единой строки, ни единого словечка от нее или кого-нибудь, кто знает ее. Господи, может, за это время с ней и вправду что-то стряслось?

Он заметался по безлюдной палубе, а гувернантка, следуя за ним, тщетно пыталась его успокоить.

— Клянусь вам, мисс Морли, — сказал он, — до разговора с вами у меня не было и тени страха, а сейчас, когда я вспоминаю, о чем вы говорили мне час назад, сердце мое саднит от тоски. Оставьте меня, пожалуйста. Наедине с самим собой мне легче будет избавиться от наваждения.

Она безмолвно отошла от него и, сев у борта, устремила взгляд в бескрайний морской простор.

СЕКРЕТНЫЙ ЯЩИК

Мы вновь возвращаемся в Одли-Корт. Августовское солнце катится к закату. Тишина вокруг такая, что становится не по себе. Замычит ли корова на лугу, плеснет ли форель в пруду, выведет ли усталая птица несколько прощальных нот, проскрипит ли воз — каждый этот звук, поминутно нарушающий тишину, делает ее еще более гнетущей. Кажется, что здесь, у стен серого здания, покрытого плющом, зарыт покойник — настолько мертвенно разлитое вокруг спокойствие.

Часы над аркой пробили восемь. Двери черного хода тихо отворились. На пороге показалась девушка. Она украдкой скользнула в аллею, что тянется по берегу пруда, и скрылась из виду за ветвями липы, образующими сплошной покров.

Не сказать, чтобы девушка из хорошеньких — скорее из тех, кого обычно называют интересными. Интересной она, быть может, казалась потому, что в ее бледном личике с мелкими чертами, в светлых серых глазах и плотно сжатых губах было нечто, говорившее о сдержанности и самообладании, которые нечасто встретишь в девушке девятнадцати-двадцати лет. Впрочем, ее можно было бы отнести и к хорошеньким, если бы не один недостаток: ее овальное личико в буквальном смысле слова было бесцветным. Ни кровинки в ее белых щеках; в бледных, скучных бровях и ресницах — ни малейшего намека на коричневый цвет; ни золотистого или каштанового, пусть слабого, оттенка в копне ее волос. Даже платье страдало тем же недостатком: бледный лавандовый муслин стал блекло-серым, даже ленточка, повязанная вокруг горла, приобрела со временем тот же нейтральный оттенок.

В ее тонкой, изящной фигурке, в ее грации и осанке сквозило нечто благородное, хоть и была она всего лишь простой деревенской девушкой. Звали ее Фиби Маркс, она служила няней в семье мистера Доусона. Когда леди Одли вышла за сэра Майкла, то взяла ее с собой и сделала своей горничной.

Для Фиби новое место стало подарком судьбы. Платили здесь втрое больше прежнего, работа в хорошо налаженном хозяйстве была не трудной, и люди ее круга завидовали ей так же, как местная аристократия — ее госпоже, леди Одли.

Выйдя из дома, Фиби крадучись сделала несколько шагов по густой траве, а затем, вынырнув из глубокой тени, отбрасываемой липовой листвой, появилась среди сорняков и кустарника, представ перед деревенским парнем, сидевшим на сломанной деревянной раме заброшенного колодца, к которому шла на свидание.

Как я уже говорила, место тут довольно укромное: окруженное низким кустарником и скрытое от остального парка, оно просматривается только из чердачных окон западного крыла здания, с его тыльной стороны.

— Господи, Фиби, — вздрогнув, промолвил молодой человек, закрывая складной нож, которым он состругивал кору с тернового колышка. — Ты появилась так тихо, вдруг, что я принял тебя за нечистый дух. Я шел сюда по полю, потом через ворота — те, что возле рва, — а потом присел тут передохнуть перед тем, как войти в дом и спросить, вернулась ты или нет.

— А мне из окна моей спальни виден колодец, Люк, — отозвалась девушка, указывая на поднятую решетку под коньком крыши. — Я увидела, что ты тут сидишь, и спустилась вниз немножко поболтать с тобой. Лучше это сделать здесь, чем дома, где кто-нибудь нас наверняка подслушает.

Люк был здоровенным широкоплечим и простоватым увальнем лет двадцати трех. Волосы темно-красного оттенка почти закрывали его лоб, а густые брови, смыкаясь на переносице, нависали над парой серо-зеленых глаз; нос большой и красивый, но рот такой грубой формы, что с физиономии Люка никогда не сходило зверское выражение. Розовощекий, с бычьей шеей, он и сам походил на одного из могучих быков, что паслись на лугах, окружавших поместье Одли-Корт.

Девушка села рядом с парнем и нежной ручкой — мозоли давно сошли с тонких пальчиков — обняла парня за толстую шею.

— Рад, что видишь меня, Люк?

— Знамо дело, рад, — грубовато ответил парень и, раскрыв нож, снова начал стругать палку.

Они были троюродные брат и сестра, друзья с детства и возлюбленные с ранней юности.

— Не похоже, что рад, — упрекнула девушка. — Мог бы, например, сказать, что путешествие пошло мне на пользу.

— Как были у тебя щеки белыми, так и остались, — пробурчал парень, поглядывая из-под насупленных бровей. — С чем уехала, с тем и приехала.

— Но говорят, что путешествия облагораживают, Люк. Я побывала с миледи на континенте, навидалась всякой интересной всячины, и к тому же, ты знаешь, Люк, когда я была еще совсем маленькой, дочери сквайра

Хортон научили меня немножко изъясняться по-французски... Господи, как приятно поговорить за границей с тамошними людьми на их языке!

— Благородство! — воскликнул Люк Маркс и хрипло расхохотался. — Кому нужно твое благородство, хотел бы я знать? Мне не нужно. Когда мы поженимся, времени для благородства у тебя будет в обрез. Французский ей зандобился! Послушай, Фиби, когда я скоплю денег на ферму, кому ты станешь говорить «парле-ву-франсе»? Коровам, что ли?

Девушка поджала губку и отвела взгляд. Парень как ни в чем не бывало скреб и строгал свою жердь, не обращая внимания на троюродную сестру.

— Видел бы ты, — промолвила Фиби, — как путешествовала мисс Грэхем с горничной и курьером, как она ехала в карете, запряженной четверкой лошадей, а ее муж — тот не мог на нее надышаться, найти места на земле, достойного, чтобы на него ступила ее нога!

— Все это хорошо, Фиби, когда куры денег не клюют, — отозвался Люк. — Ты свои-то не больно транжирь: они нам пригодятся, когда мы поженимся.

— А кем она была в доме у мистера Доусона каких-нибудь три месяца назад? — продолжила девушка, словно не слыша того, что сказал ей брат. — Такой же служанкой, как и я сама! Работала за плату, и работа у нее была потяжелей, чем у меня. Видел бы ты ее блузки и юбки, Люк! Все старое, поношенное, заплатанное, хотя и в них, признаться, она смотрелась королевой. А сейчас мне, горничной, она платит больше, чем сама получала у мистера Доусона. Еще недавно я видела, как она выходила из гостиной, сжимая в кулачке несколько соверенов и серебряных монет — плату за три месяца, а поглядел бы ты на нее сейчас!

— Не думай ты о ней, — сказал Люк, — подумай лучше о себе. А что, если мы откроем пивную, а? На этом деле можно заработать кучу денег!

Девушка сидела, по-прежнему не глядя на жениха, и ее бледные серые глаза были устремлены на темно-красную полосу заката, медленно угасавшую за стволами деревьев.

— А посмотрел бы ты, какая роскошь в доме, Люк, — сказала она. — Снаружи — старье да рухлядь, а полюбовался бы ты на комнаты миледи! Сплошные картины, позолота, высоченные зеркала от пола до потолка. Потолки расписные, дворецкий говорит, это стоило не одну сотню фунтов, и все — для нее.

— Что и говорить, повезло ей, — пробормотал Люк с ленивым безразличием.

— А видел бы ты ее, когда мы были за границей! Тамошние

джентльмены толпами ходили вокруг нее. И сэр Майкл нисколько не ревновал. Наоборот, он даже гордился тем, что его жену принимают с таким восхищением. Слышал бы ты, как она смеялась над своими поклонниками и как беспечно отвергала их комплименты! Где бы она ни появлялась, все сходили от нее с ума. Сколько времени оставались мы на одном месте, столько и было там разговоров о ней и только о ней.

— Будет она вечером дома?

— Нет, они с сэром Майклом отбывают на званый обед в Бичез. Туда семь-восемь миль езды, так что вернутся поздно, не раньше одиннадцати.

— Ну, тогда, Фиби, ежели, как ты говоришь, в доме у них красота неопишная, мне бы хотелось взглянуть на эту красоту — хоть одним глазком.

— Нет ничего проще. Мистер Бартон, дворецкий, знает тебя в лицо и не станет возражать, если я покажу тебе лучшие комнаты в доме.

Уже почти стемнело, когда парень и девушка вышли из кустарника и медленно направились к дому. Дверь, что они отворили, вела в людскую; рядом была комната, где проживал дворецкий. Фиби Маркс, получив разрешение показать дом родственнику, зажгла свечу от фонаря, освещавшего людскую, и велела Люку следовать за ней.

В длинных коридорах, обшитых черными дубовыми панелями, было сумрачно, свеча, которую держала Фиби, почти не давала света, мерцая в широких проходах крохотным желтым пятнышком. Люк опасно озирался по сторонам, пугаясь скрипа собственных башмаков.

— Жуть какая! — пробормотал он, когда они вошли в главный зал, где тоже стояла непроглядная тьма. — Я слышал, в прошлые времена здесь кого-то убили.

— Убивали всегда, Люк, и в прошлые времена, и в нынешние, — отозвалась девушка, поднимаясь по лестнице.

Она прошла через огромную гостиную. Вокруг — великое множество шкапулок, обшитых бархатом, из золоченой бронзы, инкрустированных... Бронзовые украшения, камеи, статуэтки, безделушки — все это мерцало и поблескивало в неверном свете свечи.

Фиби прошла через маленькую столовую, примыкавшую к кухне и увешанную оттисками гравюр, сделанных с дорогих картин, вошла в прихожую и остановилась, подняв свечу над головой.

Парень, широко раскрыв глаза и рот, осмотрелся вокруг.

— Красиво, что и говорить, — промолвил он. — И денег, конечно, стоило кучу.

— Посмотри, какие картины на стенах, — сказала Фиби, указывая на

панели восьмигранной комнаты, сплошь завешанные работами Клода, Пуссена, Воувермана и Кейпа. — Я слышала, что одни только эти картины стоят целое состояние. Здесь передняя, вход в апартаменты миледи, бывшей мисс Грэхем.

Она отодвинула зеленую портьеру, закрывавшую дверь, и ввела ошеломленного деревенского парня в сказочный будуар, а затем в комнату для одевания. Открытые двери гардероба и платья, разбросанные по софе, — все оставалось в том беспорядке, какой царил здесь в минуту отъезда, когда миледи покидала свои владения.

— Все это я должна прибрать до возвращения миледи, Люк. Посиди здесь, я недолго.

А парень все смотрел и смотрел по сторонам, подавленный окружающей роскошью, затем не без некоторого колебания выбрал самое массивное из кресел и осторожно присел на краешек.

— Будь моя воля, показала бы тебе драгоценности, Люк, — сказала девушка, — но, увы, ключи миледи всегда уносит с собой. Драгоценности хранятся у нее вон там, на туалетном столике с зеркалом.

— Как, в этой штуковине? — воскликнул Люк, с изумлением уставясь на большую шкатулку красного дерева с латунной инкрустацией. — Да в этот ларь можно было бы сложить всю одежду, что сейчас на мне.

— Там бриллианты, рубины, жемчуг, изумруды... До краев полнехонько, — отозвалась Фиби, раскладывая шелестящие шелковые платья по полкам гардероба. Перед тем как положить последнее платье, она встряхнула его оборки, и внезапно до ее слуха донесся слабый металлический звон. Фиби живо запустила руку в карман платья.

— Подумать только! — воскликнула она. — Миледи забыла свои ключи! Если хочешь, я покажу тебе драгоценности, Люк.

— Ну, раз такое дело, тогда конечно... — сказал парень, поднимаясь из кресла и поднося свечу поближе к Фиби, пока та отпирала шкатулку.

То, что он увидел, превзошло все его ожидания. Боже, сколько тут всего! Интересно, сколько это стоит? А это? А это? Люк взирал на сокровища, сгорая от зависти.

— Одна-единственная такая вот игрушка обеспечила бы нас до конца жизни, Фиби, — хрипло промолвил он, вертя бриллиантовый браслет в громадных багровых ручищах.

— Положи на место, Люк! Положи немедленно! — крикнула девушка вне себя от ужаса. — И повернулся же язык сказать такое!

Вздохнув, Люк нехотя положил браслет, но от шкатулки не отошел, продолжая внимательно разглядывать ее со всех сторон.

— А вот это что? — спросил он немного погодя, указывая на медную кнопку внутри шкатулки.

Не дожидаясь ответа, он нажал на кнопку, и секретный ящичек, отделанный внутри темно-красным бархатом, стремительно выдвинулся из шкатулки.

— Нет, ты только взгляни! — воскликнул Люк, придя в восторг от своего неожиданного открытия.

Фиби Маркс отложила платье миледи и подошла к туалетному столику.

— Прежде я этого не видела, — медленно промолвила она. — Интересно, что там, внутри?

Там, внутри, не было ни золота, ни драгоценных камней — только детский шерстяной ботиночек, завернутый в бумагу, да крохотный бледно-желтый шелковистый локон, явно срезанный с ребячьей головки.

Фиби рассматривала все это, широко раскрыв глаза.

— Так вот что прячет миледи в секретном ящичке... — пробормотала она.

— Всякий хлам она тут прячет, — беспечно заметил Люк.

На тонких губах девушки зазмеилась странная улыбка.

— Не вздумай никому рассказывать, что я тут нашла, — предупредила она, кладя содержимое секретного ящичка себе в карман.

— Фиби, не валяй дурака! — закричал парень. — Неужели ты и впрямь польстишься на эту дрянь?

— Это в тысячу раз дороже бриллиантового браслета, на который ты польстился, — ответила девушка. И, помолчав, добавила: — Будет у тебя пивная, Люк!

ОБЪЯВЛЕНИЕ В «ТАЙМС»

Считалось, что Роберт Одли практикует в качестве адвоката. В этом качестве он был внесен в списки британских законников, в этом качестве открыл свою контору на Фигтри-Корт в Темпле и в этом качестве проучился положенное количество семестров, вытерпев грандиозную пытку, без которой ни один будущий жрец правосудия не добьется известности и не сколотит состояние. Если все вышеупомянутое необходимо для того, чтобы джентльмен стал адвокатом, то Роберт Одли, конечно, был самым настоящим адвокатом.

При всем том он не вел ни одного дела, не пытался вести ни одно дело и не испытал угрызений совести из-за того, что за все пять лет, пока на одной из дверей на Фигтри-Корт красовалась табличка с его именем, у него так и не возникло желания это сделать.

Он был красивым, ленивым и беззаботным молодым человеком двадцати семи лет, единственным сыном младшего брата сэра Майкла Одли. Отец завещал ему 400 фунтов годовой ренты, а друзья не однажды советовали увеличить доходы, добившись права адвокатской практики. Он, поразмыслив, решил, что, противясь их желаниям, он доставит себе больше хлопот, чем бесконечные семестры юридического факультета и открытие конторы в Темпле, и потому выбрал второе и, не краснея, подался в адвокаты.

Когда на улице стояла невыносимая жара, он принимался курить немецкие трубки и читать французские романы, а когда это не помогало, расстегивал ворот рубахи и отправлялся полежать где-нибудь в тени Темпл-Парка, заявляя степенным судьям, что совершенно доконал себя работой.

Хитрые старые судьи, конечно, посмеивались над ним, но все они сходились на том, что Роберт Одли — хороший парень, великодушный парень и при этом довольно чудной парень, но при всей его вялости, нерешительности и лени Роберт Одли — ума палата и кладезь добродушного юмора. Такой, решили они, карьеры не сделает, зато и мухи не обидит.

Первая встречная шавка, чувствуя в нем родственную душу, почитала долгом возложить на Роберта Одли ответственность за свою дальнейшую судьбу, и наш герой, подтверждая ходившую о нем славу, превратил свою

адвокатскую контору в образцовую псарню, регулярно приводя туда бездомных собак.

Охотничий сезон Роберт всегда проводил в Одли-Корт, но славы библейского богатыря и охотника Нимрода он не стяжал, ибо предпочитал неспешно въезжать в лесную чащу на кроткой кобыле, широкой в кости и без фантазий в голове, держась на внушительном расстоянии от завзятых наездников. Лошадь его прекрасно понимала: ей тоже менее всего хотелось присутствовать при умерщвлении затравленной лисицы.

Дядюшка души не чаял в молодом человеке, зато его кузина — легкомысленная, хорошенькая, мордашкой вылитый цыганенок, а характером чистый сорванец, — кузина его, мисс Алисия Одли, терпеть его не могла. Окружающие считали, что склонности, пристрастия и предпочтения молодой леди, единственной наследницы огромного состояния, достойны всяческого поощрения, но Роберт Одли был не из их числа. Алисия премиленькая девушка, говаривал он, прелестная девушка, серьезная девушка — одним словом, редкая девушка, одна на тысячу. Так говорил Роберт Одли, и выше этого его воодушевление не воспаряло. В его праздном уме даже не забрезжила мысль о том, чтобы добиться расположения девушки и обратить это обстоятельство в свою пользу. Сомневаюсь, имел ли он точное представление о состоянии дядюшки, но не сомневаюсь, что ни разу Роберт Одли не попытался устроить так, чтобы часть этого состояния перекечевала в его карман. Вот почему, когда в одно прекрасное весеннее утро, месяца за три до описываемых событий, почтальон принес ему свадебное приглашение от сэра Майкла и леди Одли, а также негодующее письмо от кузины, сообщавшей, что ее отец женится на молоденькой, не старше самой Алисии вертихвостке, не замечательной ничем, кроме соломенных кудряшек да непрерывного хихиканья (ибо, к прискорбию своему, должна сообщить, что предубеждение мисс Одли побудило ее именно таким образом описать чудесный музыкальный смех, который так восхищал в недавней мисс Люси Грэхем), — когда, повторяю, вся эта корреспонденция попала к Роберту Одли, он не выказал ни досады, ни удивления. Сердитое письмо Алисии, испещренное многочисленными помарками, он прочел хладнокровно, не вынимая изо рта немецкую трубку, и, закончив чтение, бросил письмо и приглашение в корзину для ненужных бумаг, а затем отложил трубку в сторону и не без некоторого усилия заставил себя поразмыслить о том, что только что узнал.

— Я всегда говорил, что старик рано или поздно женится, — пробормотал он через полчаса. — Мачеха с падчерицей, конечно же, перегрызутся между собой, но, надеюсь, на время охотничьего сезона они

воздержатся от скандалов и не наговорят друг другу гадостей за обеденным столом: свары пагубно влияют на пищеварение.

В полдень на следующий день после событий, описанных в предыдущей главе, Роберт Одли, покинув Темпль, отправился в Сити: он в недобрый час поручился за своего нуждающегося друга и сейчас, чтобы уплатить по векселям, должен был продать половину своей годовой ренты.

Закончив дела в Сити, Одли двинулся в обратный путь, но по дороге его чуть не сбил с ног некий молодой человек приблизительно его возраста, пожелавший обогнать Роберта и первым войти в узкий переулок.

— Пожалуйста, будьте повнимательней, друг мой! — с мягким укором промолвил наш герой. — Могли бы, в конце концов, предупредить, что торопитесь, и не наступать мне на пятки.

Незнакомец резко остановился, устремив на Роберта тяжелый взгляд.

— Ба! — с изумлением воскликнул он, и лицо его просветлело. — Подумать только, я прибыл в Англию лишь вчера вечером, и на следующее же утро встречаю именно тебя. Какая удача!

— Похоже, я вас где-то встречал, мой бородатый ДРУГ, — заметил Роберт Одли, внимательно вглядываясь в собеседника, — но пусть меня повесят, если я помню, когда это было и где.

— Что? — воскликнул незнакомец. — Ты хочешь сказать, что забыл Джорджа Толбойза?

— Нет, конечно же, нет! — в тон ему ответил Роберт Одли и, обняв старого друга за плечи, увлек его в ближайшую тень. — Ну, выкладывай, что ты и как ты.

И Джордж Толбойз рассказал — все то же самое, что рассказывал десять дней назад гувернантке на борту «Аргуса», а затем, не переводя дыхания, показал пачку ассигнаций и сообщил, что собирается передать их — это здесь неподалеку — своим давнишним банкирам.

— Хочешь верь, хочешь нет, — сказал Роберт Одли, — но я только что от них. — Пойдем вместе, я улажу дело в пять минут.

Дело они уладили за четверть часа, а потом Роберт Одли предложил отправиться в «Корону и скипетр», или в «Замок», или в «Ричмонд», чтобы пообедать и вспомнить добрые старые времена, когда они вместе учились в Итоне.

— Нет, — решительно мотнув головой, сказал Джордж Толбойз, — прежде, чем мы куда-нибудь пойдем, прежде, чем я побреюсь, и прежде, чем мы перекусим, я должен зайти в кофейню на Бридж-стрит, что в Вестминстере: там меня ждет письмо от жены.

— Тогда я пойду с тобой, — сказал Роберт. — Так ты женат? Господи,

какая глупая шутка!

И они отправились на Бридж-стрит.

— Я построю виллу на берегу Темзы, Боб, — с жаром воскликнул Джордж. — Построю для женушки и для себя. А еще, дружище, у меня будет яхта, и ты сможешь нежиться на палубе и курить трубку, а моя женушка будет играть на гитаре и что-нибудь напевать. Она у меня ужасно похожа на... Забыл, как их зовут, но это те, которые смутили беднягу Одиссея и чуть было не совратили его с пути истинного. (Бедняга Джордж был явно не в ладах с мифологией.)

Официанты из вестминстерской кофейни с удивлением уставились на бородатого посетителя — глаза ввалившиеся, платье колониального покроя, возбужденного, бурного, шумливого.

— Я частенько захаживал в ваше заведение, — сказал Джордж Толбойз, — захаживал в прежние времена, когда служил в драгунах. Пожалуйста, бутылку содовой, а также письмо на мое имя.

Официант принес молодым людям заказанную бутылку.

— А письма для вас нет, сэр, — сказал он.

Джордж побледнел.

— То есть как это нет? Может, вы не расслышали мою фамилию? Называю по буквам: т, о, л, б, о, й, з. Сходите и поищите. Письмо непременно должно быть.

Официант пожал плечами и вышел из комнаты. Через три минуты он вернулся.

— На полке для корреспонденции только три письма, сэр, — сказал он. — Для Брауна, Сандерсона и Пинчбека. Ничего похожего на Толбойза, сэр.

Молодой человек молча выпил стакан содовой, затем положил локти на стол и закрыл лицо руками. Весь его вид выражал неизбывное горе, и Роберт Одли, чувствуя это, не решился обратиться к нему с вопросом.

Мало-помалу Джордж пришел в себя. Подняв глаза, он машинально вытащил из кучи лежавших тут же журналов захвачанный экземпляр «Таймс» суточной давности и устремил стеклянный взгляд на первую страницу.

Там, где помешают списки умерших, его внимание привлек один абзац. Он долго смотрел на него — как долго, я и сама не знаю, и, когда подтолкнул газету в сторону Роберта Одли, был настолько бледен, что этого не мог скрыть даже колониальный загар.

Не промолвив ни слова, он указал пальцем на строчки, где было напечатано следующее:

«24-го числа текущего месяца в Вентноре (остров Уайт) в возрасте двадцати двух лет скончалась Элен Толбойз».

НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Именно так, черным по белому, и было напечатано: «Элен Толбойз, двадцати двух лет». Когда десять дней назад на борту «Аргуса» Джордж поклялся гувернантке, что покончит с собой, если с его молодой женой стряется какая-нибудь беда, он искренне верил, что поступит именно так и не иначе. Теперь же, когда худшее случилось, он сидел, оцепенелый и беспомощный, тупо уставясь на испуганное лицо своего друга и не в силах что-либо предпринять.

Горе ошеломило его своей неожиданностью. Сначала все, что он видел вокруг себя, предстало перед ним, поражая неестественными пропорциями, потом предметы, превратившись в темные пятна с размытыми очертаниями, один за другим провалились в жуткую бездну, потом раздался шум, словно разом заработали полдюжины механических двигателей. Этот шум погасил последние проблески его сознания, и он ощутил лишь одно: кто-то или что-то тяжело опустилось на землю и навеки скрылось в ее бездонном чреве.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на низкой железной кровати у открытого окна. На подоконнике — ваза с цветами и клетка с двумя-тремя птицами; за окном — вечер и тишина, которую нарушает лишь дробный стук колес о мостовую, доносящийся откуда-то издалека.

Он с изумлением осмотрелся. Перед ним, попыхивая трубкой, сидел Роберт Одли.

— Не желаешь ли трубочку, Джордж? — тихо спросил он.

— Нет.

Некоторое время он лежал, поглядывая на цветы и на птиц: одна из канареек пела прощальный гимн заходящему солнцу.

— Может, птицы тебя раздражают, Джордж? Хочешь, вынесу клетку из комнаты?

— Не надо. Мне нравится, когда они поют.

Роберт Одли, выбив пепел из трубки, положил ее на каминную доску и, выйдя в соседнюю комнату, тут же вернулся с чашкой крепкого чая.

— Выпей, Джордж. От этого голова у тебя прояснится, — сказал он, ставя чашку на маленький столик в изголовье кровати.

Джордж, медленно обведя комнату глазами, взглянул на озабоченное

лицо своего друга.

— Боб, — сказал он, — где мы?

— У меня в кабинете, в Темпле. Жить тебе негде; оставайся пока здесь.

Джордж потер лоб и неуверенно спросил:

— А газета... Нынешним утром... Что это было?

— Выбрось из головы, дружище. Выпей-ка чаю.

— Да-да, — воскликнул Джордж, приподнимаясь на локтях и озираясь ввалившимися глазами. — Теперь я вспомнил. Элен, моя Элен! Жenuшка моя дорогая, любовь моя единственная! Мертва! Мертва!

— Джордж, — сказал Роберт Одли, мягко дотронувшись до руки молодого человека, — та, о которой написано в газете, может быть, вовсе и не твоя жена. Она вполне может оказаться другой Элен Толбойз.

— Нет, нет! — страстно возразил Джордж. — Возраст совпадает, а фамилия Толбойз встречается не так уж часто.

— Но, может, в фамилии допустили опечатку, написали «Толбойз» вместо «Толбот»?

— Нет, нет, нет! Моя жена мертва!

Он отбросил руку Роберта, пытавшегося удержать его, и, поднявшись с кровати, направился к двери.

— Ты куда?

— В Вентнор, взглянуть на ее могилу.

— Но не ночью же, Джордж, не ночью! Утром мы отправимся туда первым же поездом.

Роберт проводил друга до постели и снова уложил его. Затем он дал ему успокаивающее средство, оставленное доктором, которого вызывали официанты из кофейни на Бридж-стрит, когда Джорджу стало плохо.

Тяжкий сон смежил очи Джорджу Толбойзу, и ему приснилось, что он добрался до Вентнора и нашел там жену, живую и счастливую, но сморщенную, старую и седую, и сына, ставшего взрослым молодым человеком.

Ранним утром следующего дня он сидел напротив Роберта Одли в вагоне первого класса экспресса «Лондон — Портсмут». Поезд катил по равнине; по обеим сторонам дороги открывались чудесные деревенские виды.

Из Райда в Вентнор они отправились в карете. Когда добрались до места, был уже полдень и солнце пекло немилосердно.

Молодые люди легко сбежали по ступенькам кареты. Народ, толпившийся вокруг, с изумлением уставился на бледное лицо Джорджа и

его неподстриженную бороду.

— Что будем делать, Джордж? — спросил Роберт Одли. — Ума не приложу, как мы найдем тех, кого ты ищешь.

В ответ на это Джордж Толбойз взглянул на него с таким жалобным видом, что сразу стало ясно: здоровяк и бывший драгун беспомощен, как младенец. Одли понял: ему, Роберту, при всей его нерасторопности — к тому же нам известно, что человеком он был совершенно непробивным, — на этот раз придется действовать за двоих.

— Может, поспрашивать по гостиницам о миссис Толбойз, Джордж? — спросил он.

— Фамилия ее отца Молдон, — чуть слышно отозвался Джордж. — Он бы ни за что не оставил ее здесь умирать в одиночестве.

Больше он был не в силах промолвить ни слова. Роберт повел его в ближайшую гостиницу.

— Проживал ли здесь мистер Молдон? — спросил Роберт хозяина гостиницы.

— Да, — последовал ответ. — Капитан Молдон действительно останавливался здесь. Не так давно у него умерла дочь. Слугаходит и узнает адрес.

В гостинице было довольнолюдно. Многочисленные лакеи и конюхи, торопясь по делам своих господ, ежеминутно входили и выходили, наполняя зал зычными голосами.

Джордж Толбойз стоял, прислонившись к дверному косяку. На лице его застыло то же выражение, что так напугало его друга в вестминстерской кофейне.

«Худшее подтвердится сегодня, — подумал Джордж. — Сегодня подтвердится: дочери капитана Молдона, моей жены, нет в живых».

Слуга вернулся минут через пять.

— Капитан Молдон проживает в Лэндсдаун-Коттэджиз, в доме номер четыре, — сообщил он.

Друзья легко нашли дом — обшарпанное строение с покосившимися окнами, выходящее неприглядным фасадом на морское побережье.

— Капитан Молдон дома?

— Нет, — ответила хозяйка гостиницы. — Он ушел к морю с маленьким внуком. Не угодно ли джентльменам войти и подождать его в комнатах?

Джордж машинально последовал за своим другом в маленькую гостиную — пыльную, заставленную убогой мебелью и неприбранную. Сломанные детские игрушки валялись там и сям на полу, от муслиновых

занавесей исходил тяжелый запах табака.

— Взгляни-ка! — воскликнул Джордж, указав на картину, висевшую над каминной доской.

Это был его собственный портрет, написанный в те дни, когда он служил в драгунах. Джордж был изображен с отменным сходством, в военной форме; за спиной у него стоял боевой конь.

Роберт Одли не стал досаждать ему своими утешениями. Поискав глазами стул, он тихо сел у открытого окна, выходящего на улицу.

А молодой вдовец, убитый горем, все ходил и ходил по комнате, взирая на милые его сердцу предметы и изредка дотрагиваясь до них дрожащими руками.

Вот шкатулка для рукоделия, вот ее неоконченная работа; вот ее альбом, куда он корявым почерком вписывал любимые строки из Байрона и Мура; вот книги, что он когда-то подарил ей, а вот букет увядших цветов, поставленный в вазу, которую они купили в Италии.

— Ее портрет висел рядом с моим, — чуть слышно обронил он. — Куда же он подевался?

Наступила тишина. Прошло целых полчаса, прежде чем в комнате снова раздался голос Джорджа Толбойза:

— Мне бы хотелось перемолвиться с хозяйкой заведения; мне бы хотелось спросить ее о...

Голос его надломился. Он снова умолк, охватив голову руками.

Роберт позвал хозяйку гостиницы. Это была добродушная и словоохотливая особа, привычная и к болезням, и к смертям, ибо множество всякого народу перебивало под ее кровом, словно бы задавшись целью именно здесь сказать жизни последнее «прости».

О последних днях миссис Толбойз она рассказала во всех подробностях. Хозяйка поведала, что в Вентноре бедная женщина появилась за неделю до кончины, и по ней было видно, что она не жилица на этом свете.

При этих ее словах Джордж не выдержал и громко всхлипнул.

— Джентльмен был ее родственником? — спросила хозяйка, обращаясь к Роберту Одли.

— Он был мужем покойной леди.

— Что? — с возмущением воскликнула женщина. — Да ведь он бросил бедную леди, оставил ее и ее прелестного мальчугана на попечение своего немощного тестя! Капитан Молдон часто рассказывал мне об этом, и всякий раз не мог удержаться от слез.

— Не бросал я ее! — с болью промолвил Джордж и поведал хозяйке

историю своих трехлетних мытарств.

— Говорила ли жена обо мне? — спросил он, завершая рассказ. — Вспоминала ли обо мне... в последние... минуты?

— Нет, она отошла кроткая, как овечка. Леди с самого начала была малоразговорчивой, а в последний день вообще не узнавала никого, даже сынишку и бедного старого отца. А когда у нее начался бред, она заговорила вдруг о своей матушке и о том, что взяла на душу великий грех, согласившись умереть на чужбине.

— Ее матушка умерла, когда она была еще совсем ребенком, — покачав головой, заметил Джордж. — Странно, что в такие минуты она вспомнила ее и заговорила о ней и ни словом не обмолвилась обо мне.

Хозяйка отвела его в спальню, где умерла его жена. Он опустился на колени у кровати и нежно поцеловал подушку. Хозяйка рыдала, наблюдая за ним.

И пока он, стоя на коленях и уткнувшись лицом в белоснежную подушку, твердил слова молитвы, хозяйка вынула что-то из ящика и передала ему, когда он встал с колен.

Это был длинный локон, завернутый в белую папиросную бумагу.

— Я отрезала его, когда она лежала в гробу, — сказала хозяйка. — Бедняжечка!

Джордж Толбойз прижал локон к губам.

— Как часто я целовал эти волосы, когда ее головка покоилась на моем плече, — тихо промолвил он. — Но те волосы были волнистыми, а эти гладкие и прямые.

— Это их болезнь так изменила, — отозвалась хозяйка. — Если вам, мистер Толбойз, хочется взглянуть на ее могилу, мой маленький сын проводит вас до кладбища.

И Джордж Толбойз, сопровождаемый верным другом, отправился к свежей могиле той, чья улыбка часто снилась ему на другом конце земли.

Здесь Роберт Одли оставил его одного и, вернувшись через четверть часа, увидел, что Джордж по-прежнему стоит на том же месте, недвижимый, как изваяние.

Увидев Роберта, Толбойз вздрогнул и сказал:

— Хорошо бы найти каменотеса. Я бы заказал надгробие.

Каменотеса они нашли быстро, и, присев среди строительного мусора, Джордж Толбойз набросал карандашом короткую надпись, которую предстояло высечь на могильном камне его покойной жены:

«Нетленной памяти ЭЛЕН, любимой жены Джорджа Толбойза.»

**Ушла из жизни
24 августа 1857 г., 22-х лет от роду,
горько оплакиваемая безутешным супругом».**

ДЕД И ВНУК

Когда они вернулись в Лэндсдаун-Коттеджиз, старика еще не было, и друзья, не желая тратить время на бесплодные ожидания, отправились к морю.

Старика они нашли быстро. Сидя на куче гальки, он читал газету и грыз лесные орехи. Чуть в стороне от него маленький мальчик рылся в песке деревянной лопаткой.

Траурный креп на поношенной шляпе старика...

Черный костюмчик ребенка...

Глядя на печальные знаки, Джордж Толбойз лишний раз убедился в том, что великая утрата, которой суждено было случиться в этом огромном мире, предпочла обездолить именно его — его, Джорджа Толбойза.

— Мистер Молдон, — обратился он, направляясь к тестю.

Старик взглянул на него, отложил газету и, поднявшись с гальки, отвесил зятю церемонный поклон.

Его выцветшие светлые волосы подернула седина. Узкий крючковатый нос, слезящиеся голубые глаза, очертания рта, выдающие нерешительность, поношенное платье с претензией на аристократизм и щегольство, пенсне, свисающее на жилет, застегнутый на все пуговицы. В руке без перчатки он держал трость.

— Боже мой! — воскликнул Джордж. — Вы что, видите меня в первый раз?

Мистер Молдон вздрогнул и покраснел. Бросив на Джорджа испуганный взгляд, он узнал наконец своего зятя.

— Дорогой мой мальчик, — сказал он, — представь себе, не узнал. В первый момент не узнал: борода меняет внешность. Борода сильно изменяет внешность, вы не находите, сэр? — спросил он, обращаясь к Роберту Одли.

— Господи! — возмутился Джордж. — Это так-то меня встречают! Я овдовел — овдовел всего лишь за несколько дней до возвращения на родину, а мне морочат голову, болтая о моей бороде. И кто? Отец моей покойной жены!

— Твоя правда, твоя правда, — поспешно забормотал старик. — Досадная ошибка, досадная ошибка, мой дорогой Джордж. Ну что бы тебе

успеть на неделю раньше!

— Если бы я успел, — воскликнул Джордж с болью и страстью, — я бы не дал ей умереть, я бы отнял ее у самой смерти. Отнял бы! Отнял! Господи! И почему «Аргус» не провалился в тартарары со всеми, кто был на его борту, прежде чем я дожид до этого дня!

В отчаянии он заходил взад-вперед по берегу, меж тем как его тесть, беспомощно глядя на него, протирал свои близорукие глаза носовым платком.

«Сдается мне, старик плохо заботился о своей дочери, — подумал Роберт Одли, наблюдая за отставным лейтенантом. — Похоже, по этой или по какой-то другой причине, но он побаивается Джорджа».

Безутешный Джордж Толбойз, не находя себе места от горя и боли, по-прежнему метался по берегу, меж тем как мальчуган, подбежав к деду, начал теревить его за полу пиджака.

— Пойдем домой, дедушка, ну пойдем же! Я устал.

Джордж Толбойз обернулся на детский голос и взглянул на мальчика пристальным и печальным взором.

У мальчика были карие глаза и темные волосы — такие же, как у него, Джорджа.

— Дорогой мой! Дорогой! Душенька моя! — воскликнул Джордж, беря мальчика на руки. — Я твой папочка, я пришел сюда, к морю, потому что искал тебя. Ты меня любишь?

Мальчик решительно оттолкнул Джорджа от себя.

— Не знаю я никакого папочки, — сказал он. — Я люблю дедушку и миссис Монкс, что живет в Саутгемптоне.

— Джорджи — парнишка с норовом, — заметил старик. — Его порядком разбаловали.

Они медленно направились в гостиницу, и Джордж Толбойз еще раз поведал историю своих мытарств. Он сообщил также, что за день до этого поместил в банк двадцать тысяч фунтов. Расспрашивать о прошлом он не стал — на это у него не было сил душевных. А тесть, мистер Молдон, сказал лишь, что через несколько месяцев после его, Джорджа, отъезда, они переехали в Саутгемптон, где у Элен появились несколько учениц, которых она обучала игре на фортепьяно, и где им жилось вполне сносно до тех пор, пока Элен не заболела и не умерла. Словом, подобно всем печальным историям, эта была совсем короткой.

— Мальчик, похоже, привязан к вам, мистер Молдон, — немного помолчав, сказал Джордж.

— О да, конечно, — ответил старик, погладив ребенка по курчавой

головке. — Джорджи очень любит своего дедушку.

— Тогда ему лучше оставаться с вами. Мой доход по процентам составит примерно шестьсот фунтов годовых. На образование Джорджи вы можете тратить сто фунтов в год, а остальное пусть постоит в банке до его совершеннолетия. Его опекуном будет мой друг, присутствующий здесь, — если, конечно, он согласится принять на себя эту обязанность, — а пока пусть мальчик побудет на вашем попечении.

— Почему бы тебе самому не позаботиться о нем, Джордж? — спросил Роберт Одли.

— Потому что я отплываю на первом же корабле, что следует из Ливерпуля в Австралию. На золотых приисках или где-нибудь в лесной глуши я буду чувствовать себя лучше, чем здесь. С этого дня и часа я уже не гоюсь для цивилизованной жизни, Боб.

При этих словах в слабых глазах старика блеснули искорки.

— Бедный мой мальчик, — сказал он, — думаю, ты прав. Ей-богу, прав. Смена обстановки, жизнь на дикой природе и... и...

На этом его красноречие иссякло, потому что его порядком смутил пристальный взор Роберта Одли, устремленный на него.

— А не слишком ли вы торопитесь избавиться от своего зятя, мистер Молдон? — сурово спросил он.

— Я? Избавиться? От зятя? Да боже мой, сэръ! Пусть, ради собственного блага, поступает, как ему заблагорассудится.

— Полагаю, ему, ради его же блага, следовало бы остаться в Англии и заняться воспитанием собственного сына, — сказал Роберт Одли.

— Не могу! Говорю тебе, не могу! — воскликнул Джордж. — Каждый дюйм этой проклятой земли мне ненавистен. Я хочу бежать отсюда, как бежал бы с кладбища. Завтра рано утром я улажу все денежные дела и уеду в Ливерпуль, не медля ни минуты. Пусть полмира отделяет меня от ее могилы!

Перед тем как покинуть гостиницу, он зашел к хозяйке и задал ей несколько вопросов о своей покойной жене.

— Бедствовали они здесь? — спросил он. — Наверное, сидели без пенни в кармане, пока она болела?

— Ой, да что вы! — замахала руками женщина. — Капитан, как и нынче, ходил в поношенном платье, но в кошельке у него всегда было полным-полно соверенов. Бедная леди ни в чем не нуждалась.

Услышав это, Джордж с облегчением вздохнул, хотя и не понял, откуда у вечно пьяного отставного лейтенанта, живущего на пенсию, равную половине прежнего оклада, могли взяться деньги на лечение дочери.

Однако Джордж был слишком поглощен своим горем, чтобы задуматься над этим всерьез, и потому не стал более задавать вопросов, но в компании тестя и Роберта Одли отправился на пристань, где стояло судно, следовавшее до Портсмута.

На прощание старик отвесил Роберту весьма церемонный поклон.

— А ведь ты, кстати, не представил меня своему другу, — с упреком обратился он к Джорджу.

Толбойз взглянул на него с непонимающим видом, и, прежде чем тот успел повторить свою просьбу, Джордж взбежал по трапу на судно.

Пароход вышел в открытое море, и вскоре контуры острова растаяли за горизонтом в лучах заката.

— Подумать только, — сказал Джордж, — всего лишь два дня назад я спешил в Ливерпуль, надеясь прижать супругу к своему сердцу, а нынче вечером спешу прочь от ее могилы!

Официальный документ, делавший Роберта Одли опекуном Джорджа Толбойза-младшего, был оформлен в адвокатской конторе на следующее утро.

— Великая ответственность, что и говорить! — воскликнул Роберт. — Я — и опекун кого-либо или чего-либо. Я, который за всю свою жизнь не сумел толком позаботиться о себе самом!

— Я верю в твое благородное сердце, Боб, — сказал Джордж. — Я знаю, ты не бросишь на произвол судьбы моего бедного мальчика и проследишь, чтобы дед с ним хорошо обращался. Из того, что я оставляю Джорджу, я возьму ровно столько, сколько мне понадобится, чтобы добраться до Сиднея, а там займусь прежней работой.

Но, видно, Джорджу суждено было самому стать опекуном своего сына, потому что, когда они прибыли в Ливерпуль, выяснилось, что корабль только что ушел, а другой будет не раньше чем через месяц. Друзья возвратились в Лондон, и Роберт, немало порадовавшись тому, что обстоятельства сложились подобным образом, в полном блеске явил Джорджу свое гостеприимство, отдав ему гостиную, наполненную щебетом птиц и ароматом цветов, а себе приказав стелить в гардеробной.

Увы, горе — чувство эгоистичное, и Джордж даже не понял, на какие жертвы пошел друг. Он знал лишь, — что для него самого солнце померкло и все радости жизни кончились. Дни напролет он курил сигары, невидящим взором уставившись на клетки с канарейками и с нетерпением ожидая, когда закончится его вынужденное пребывание в столице.

Но в один прекрасный день, когда этот срок подходил к концу, к нему явился Роберт Одли, осененный блестящей идеей. Один из его коллег,

отправляясь в Санкт-Петербург на целую зиму, пожелал, чтобы Роберт составил ему компанию, и Роберт согласился при том единственном условии, что вместе с ними в путешествие отправится и Джордж.

Джордж сопротивлялся как мог, но, когда понял, что Роберт от своего не отступится и либо уедет с ним, либо не уедет вовсе, сдался, уступив настояниям друга.

— Какая разница? — промолвил он, размышляя вслух. — Куда бы ни ехать, лишь бы подальше от Англии.

Роберт Одли пропустил эти унылые слова мимо ушей, довольный уже тем, что одержал верх в нелегком противоборстве.

Путешествие обещало быть весьма удачным, поскольку все трое молодых людей сумели обзавестись рекомендательными письмами, адресованными самым влиятельным жителям русской столицы.

Перед отъездом из Англии Роберт написал письмо кузине Алисии, где рассказал ей о старом своем друге Джордже Толбойзе, об их будущей поездке и о том, что Джордж недавно потерял молодую жену.

Алисия не заставила себя ждать с ответом. Вот что она написала:

«Дорогой Роберт!

Как жестоко с твоей стороны сбегать в этот ужасный Санкт-Петербург как раз накануне открытия охотничьего сезона! Я слышала, в России такой неблагоприятный климат, что у людей просто отваливаются носы, а поскольку нос у тебя довольно длинный, советую вернуться, не дожидаясь наступления русских холодов. Что он за человек, этот молодой Толбойз? Если он тебе так нравится, приезжай с ним в Одли-Корт, как только вернешься из путешествия. Леди Одли передает через меня свою просьбу: пожалуйста, купи ей партию соболей. На цену внимания не обращай; главное — пусть будут самые красивые, какие только можно купить за деньги. Папочка просто без ума от своей новой жены, а мы с ней до сих пор не можем ужиться. Не то чтобы она мне вовсе была не по душе — по тому, как она себя здесь ведет, она скоро завоюет сердца всех, кто ее знает, — но держится она слишком уж по-детски, не по-возрасту дурашливо.

До свидания. Искренне твоя

Алисия Одли».

Миновал первый год вдовства Джорджа Толбойза. Черная траурная лента на его шляпе выцвела и потускнела. Сегодня, на закате последнего августовского дня, он все так же сидел и курил сигары в тихих комнатах на Фигтри-Корт. Все было как год назад, когда весь ужас его горя еще был для него непривычен и казалось, что все, что ни есть в этой жизни важного, все, что ни есть пустякового, каждое ее явление и каждый ее предмет — все вокруг преисполнено великой скорби.

Прошел год, но боль в его душе по-прежнему не улеглась, хотя внешне он почти не изменился. Одному богу известно, какие бури отбушевали в нем за это время! Одному богу известно, какие приступы самопорицания снедали честное сердце Джорджа, когда долгими бессонными ночами он думал о своей жене, которую бросил на произвол судьбы!

Однажды во время заграничного путешествия Роберт Одли рискнул поздравить Джорджа с тем, что тот наконец воспрял духом, но в ответ Джордж лишь горько рассмеялся.

— Знаешь, Боб, — сказал он, — некоторые наши парни, раненные в Индии, возвращаются домой с невынутыми пулями. Они никому не рассказывают о своих ранах, на вид это вполне здоровые и бодрые люди, внешне совсем такие, как ты и я. Но стоит измениться погоде — хотя бы чуть-чуть — или атмосферному давлению совсем немного отклониться в ту или иную сторону, и раны их снова начинают болеть, как в тот первый день, когда они получили их на поле боя. Получил свою рану и я, Боб; моя пуля сидит во мне до сих пор, и мне суждено унести ее с собой в могилу.

Путешественники вернулись из Санкт-Петербурга весной, и Джордж вновь поселился в апартаментах друга, лишь изредка покидая их для того, чтобы навестить в Саутгемптоне маленького сына. Всякий раз он привозил с собой кучу всевозможных игрушек и сладостей, но Джорджи по-прежнему дичился родного отца, и сердце молодого человека не однажды сжималось при мысли о том, что не только жена, но и сын потерян для него безвозвратно.

«Что же делать? — думал он. — Забрать его у деда — значит разбить ему сердце, а оставить все как есть... Тогда он вырастет совершенно чужим мне человеком, куда более привязанным к старому пьянице и лицемеру, чем

к собственному отцу. А я, невежественный человек, служивший в тяжелых драгунах, что я смогу дать ребенку? Чему научить? Тому, как курить сигары да без дела слоняться день-деньской?»

30 августа, ровно через год после того, как Джордж прочел в «Таймсе» объявление о смерти жены, молодой человек впервые снял с себя траурные одежды, а со шляпы — выцветшую черную ленту и положил все это в дорожный сундук, где хранил связку писем жены и прядь ее волос. Роберт Одли никогда не видел ни этих писем, ни длинной пряди шелковистых волос, а Джордж ни разу не упомянул имени покойной жены с того дня, как, побывав в Вентноре, узнал подробности ее кончины.

— Напишу-ка я своей кузине Алисии, Джордж, — объявил молодой адвокат. — Послезавтра — первое сентября. Я напишу ей и сообщу, что мы с тобой собираемся приехать на недельку в Одли-Корт, отдохнуть и пострелять.

— Ах, нет, нет, Боб, поезжай без меня. Я там придусь не ко двору, и я бы предпочел...

— ...похоронить себя на Фигтри-Корт среди моих собак и канареек! Нет, милый, этого я никак не допущу.

— Но я не интересуюсь охотой.

— Ты думаешь, я интересуюсь? — с очаровательной наивностью воскликнул Роберт. — Ей-богу, я не отличу куропатки от голубя даже с трех шагов. За всю жизнь я не подстрелил ни одной птицы, хотя на военной службе ружье изрядно оттянуло мне плечо. В Эссекс я наезжаю только для того, чтобы развеяться, хорошо покушать и полюбоваться на честную физиономию дядюшки. На этот раз, кстати, у меня будет еще одна причина для визита: хочу взглянуть на образец совершенства, свою новую тетюшку. Итак, едем, Джордж?

— Едем, если тебе так хочется, — кротко отвечал Джордж Толбойз, с детской покорностью подчинившись воле друга.

Однако в письме, которое пришло через несколько дней, Алисия Одли сообщила, что молодые люди не могут быть приняты в Одли-Корт.

«У нас в доме семнадцать свободных спален, — писала молодая леди торопливым почерком, за которым проглядывало негодование, — и все же, дорогой Роберт, ты со своим другом приехать не сможешь: миледи вбила себе в свою глупую голову, что она слишком больна, чтобы принимать визитеров (хотя, поверь, она не более больна, чем я, а ведь я-то совершенно здорова!), и никаких заезжих джентльменов (грубых и неотесанных мужчин, по ее словам) ей в доме не нужно. Пожалуйста, извинись перед

своим другом мистером Толбойзом и передай ему, что папочка надеется свидеться с вами во время охотничьего сезона».

— И все-таки жеманство миледи не закроет нам дорогу в Эссекс, — решительно заявил Роберт, скручивая письмо в жгут, чтобы разжечь им свою большую пенковую трубку. — Вот что мы сделаем, Джордж. В Одли есть премиленькая гостиница, и места для рыбной ловли там отменные. Съездим туда на недельку. Рыбная ловля лучше, чем охота: лежи себе на бережку да знай поглядывай на леску. Что много наловишь, не ручаюсь, но что удовольствие получишь на целый год — даю гарантию.

С этими словами он поднес скрученное письмо к каминной решетке, но потом передумал и, разгладив скомканный листочек, задумчиво промолвил:

— Бедная малышка Алисия! Она не заслужила, чтобы с ее письмом обращались так жестоко.

Он положил письмо в конверт и бросил его в ящик письменного стола, на котором было написано «Важное». Бог знает каких только диковинных бумаг не было в этом ящике, но не похоже, любезный мой читатель, чтобы там хранилось что-либо представляющее сколько-нибудь значительную ценность для юридической практики. И если бы кто-то в эту минуту сказал молодому адвокату, что столь заурядная вещь, как короткое письмо его двоюродной сестры, станет в один прекрасный день звеном ужасной цепи улик, которую он медленно выкует в том единственном уголовном расследовании, к какому будет иметь отношение, — то очень может быть, что брови мистера Роберта Одли взметнулись бы на сей раз чуть выше обычного.

На следующий день молодые люди покинули Лондон, прихватив на двоих один чемодан, одну удочку и одну снасть, и поехали в Одли — беспорядочно раскинувшемуся старомодную деревушку, быстро приходящую в упадок. Они подросли как раз ко времени, когда в местной гостинице «Солнышко» можно было заказать добрый обед.

Поместье Одли-Корт, находившееся в трех четвертях мили от деревни, располагалось, как я уже упоминала, глубоко в лощине. Со всех сторон его окружал прекрасный строевой лес. Дойти туда можно было только по проселочной дороге, по обеим сторонам которой росли высокие деревья. Для столь яркой личности, как бывшая мисс Люси Грэхем, поместье, несмотря на его деревенскую прелесть, было довольно скучным местом, однако баронет в неизбывной щедрости своей превратил жилые комнаты старого серого строения в маленький дворец для своей молодой жены, и

леди Одли была счастлива, как ребенок, задаренный новыми дорогими игрушками.

Где бы она ни появлялась — она, казалось, изливала вокруг себя потоки счастья и солнечного света. Так было прежде, так было и теперь. Мисс Алисия не скрывала своего презрения к легкомысленности и ребячливости мачехи, и все же Люси — леди Одли любили больше и восхищались ею чаще, чем дочерью баронета, ибо в самой ее ребячливости было очарование, против которого могли устоять немногие. Прекрасное лицо леди Одли осеняла невинность, присущая лишь ребенку. Ей было двадцать лет, но давали ей не более семнадцати. Читать она не любила, учиться чему-либо терпеть не могла. Одиночество она также не выносила и предпочитала либо выезжать в свет, либо коротать время в обществе Фиби Маркс, возлежа на софе в своей роскошной гардеробной и обсуждая с горничной, какое платье надеть к обеду, или, усевшись на бархатные подушки, болтать обо всем, что взбредет в голову, положив рядом шкатулку с драгоценностями — дарами сэра Майкла, без конца пересчитывая их и любуясь.

Едва она появилась на нескольких балах в Челмсфорде и Колчестере, как ее немедленно признали первой красавицей графства. Высокое положение, богатейший дом, каждая прихоть тут же исполняется; где бы она ни появилась, все взоры разом обращаются в ее сторону; муж, любящий ее без памяти и щедрой рукой дающий деньги «на булавки»; никаких бедных родственников, взыскующих материальной поддержки и покровительства — одним словом, во всем Эссексе не было никого счастливее Люси — леди Одли.

Перенесемся, однако, в гостиницу «Солнышко», где только что отобедали наши молодые друзья. Окна широко раскрыты настежь, свежий деревенский ветерок свободно гуляет по комнате. Погода великолепная, ранняя осень уже кладет на листву свои первые мазки. Одни поля все еще желтеют от несжатой пшеницы, а на других она уже вся легла под сверкающим серпом. Широкогрудые кони, тяжело ступая, медленно развозят по дворам богатейший урожай. На тех, кто просидел в Лондоне взаперти все жаркие летние месяцы, это производит неопишное впечатление. Впервые после смерти жены Джордж Толбойз испытал чувство, похожее на радость.

Когда обед кончился, часы пробили пять.

— Надевай-ка шляпу, Джордж, — сказал Роберт Одли. — В Одли-Корт раньше семи обедать не садятся, так что у нас еще есть время нанести визит старому поместью и его обитателям.

Хозяин гостиницы, войдя в столовую с бутылкой вина, услышал конец фразы и счел возможным вмешаться в разговор.

— Извините, мистер Одли, — сказал он, — но если вы хотите повидаться с дядюшкой, то, отправляясь к нему сейчас, только потеряете время. Сэр Майкл, миледи и мисс Алисия уехали на скачки в Чорли и скорее всего ранее восьми вечера не вернутся. Возвращаясь домой, они обязательно проедут мимо моей гостиницы.

Идти в Одли-Корт, разумеется, уже не было смысла, поэтому молодые люди отправились в деревню, заглянули в старую церковь, затем сходили туда, где назавтра собирались заняться рыбной ловлей. В четверть восьмого они вернулись в гостиницу и, закулив сигары, сели у открытого окна, любясь открывшимся перед ними мирным видом.

За окном быстро темнело. С грохотом промчались кабриолеты, почтовые кареты и догкарты, протарахтели неуклюжие деревенские фаэтоны, а когда стало совсем темно, у покачивающегося столба с вывеской внезапно остановился открытый экипаж, запряженный четверкой лошадей, и кучер спустился на землю, чтобы привести в порядок запутавшуюся упряжь.

— Ба, да ведь это дядюшка! — радостно воскликнул Роберт и выбежал на улицу.

Джордж закурил очередную сигару и, стоя за оконной занавесью, решил понаблюдать за тем, что делается на улице. Алисия сидела спиной к лошадям, и даже в густых сумерках Джордж разглядел красавицу брюнетку, но леди Одли находилась в углу, который был наиболее удален от окна, поэтому Джордж так и не увидел белокурую богиню, о которой так много слышал.

— Роберт! — воскликнул сэр Майкл, когда племянник появился на пороге гостиницы. — Вот это сюрприз!

— Я не решился побеспокоить вас в Одли-Корт, дорогой дядюшка, — промолвил молодой человек, меж тем как баронет с самым сердечным видом пожимал ему руку. — Эссекс, как вы знаете, моя родина, и в это время года на меня обычно находит ностальгия. Поэтому Джордж и я остановились в местной гостинице, чтобы два-три дня порыбачить в здешних ручьях.

— Джордж? Какой Джордж?

— Джордж Толбойз.

— Ах, так он тоже приехал! — воскликнула Алисия. — Как я рада! Умираю, хочу взглянуть на этого красивого молодого вдовца!

— В самом деле, Алисия? — отозвался Роберт Одли. — Тогда я схожу

за ним и познакомлю вас прямо сейчас.

Брови леди Одли чуть дрогнули, и сэр Майкл, прочтя в ее глазах выражение ужаса, решил, что предстоящая церемония страшит ее ввиду ее крайней усталости.

— Пожалуйста, только не сейчас, Боб, — попросил он. — Сегодня у нас был такой насыщенный день! Леди Одли слегка нездоровится. Приходи со своим другом завтра к обеду, тогда и представишь его и Алисию друг другу. Пойди перемолвись с леди Одли парой слов, а потом мы поедем домой.

Миледи была утомлена, и у нее хватило сил только на то, чтобы мило улыбнуться новоявленному племяннику и протянуть ему изящную, крошечную ручку, затянутую в перчатку.

— Итак, завтра вы пожелаете к нам на обед и приведете с собой вашего интересного друга? — осведомилась миледи низким усталым голосом и, не дожидаясь ответа, откинулась на спинку сиденья. Она была главной достопримечательностью сегодняшних скачек, и, судя по всему, восторженные взоры половины обитателей графства подействовали на нее угнетающе.

— Странно: она не стала потчевать тебя своим бесконечным смехом, — шепнула Алисия, перегнувшись через дверцы экипажа, чтобы пожелать Роберту спокойной ночи. — Но ничего: она приберегла тебе это удовольствие для завтрашнего дня. Однако ты очарован ею, как и все, кто видел ее хотя бы раз, не так ли? — брюзгливым тоном спросила молодая леди.

— Изумительное создание, что и говорить, — с откровенным восхищением чуть слышно ответил Роберт.

— Подумать только! Это первая женщина, о которой ты замолвил доброе слово, Роберт Одли. Обидно, однако, что тебя привлекают только восковые куклы.

Экипаж тронулся с места и тут же пропал во мгле.

Бедная Алисия вела давнюю войну с двоюродным братом из-за его странного темперамента, который позволял ему молча довольствоваться всем, что давала жизнь, но не позволял его чувствам, о чем или о ком бы ни шла речь, проявиться хотя бы единой искрой восторга.

«Способен ли Роберт влюбиться? — размышляла время от времени молодая леди. — Нет, ни за что на свете! Если бы его вниманию представили целый сонм обольстительных гурий и от его султанского величества потребовалось бы только указать пальцем на избранницу, он лишь воздел бы очи горе и повелел им самим бороться за первенство!»

И все же невозможное случается, и в этот вечер произошло то, что произошло.

— Какая женщина, Джордж! — воскликнул Роберт Одли, возвращаясь в гостиницу. — В жизни ничего подобного не видел. Какие глаза! Какая улыбка! Знаешь, я похож на героя французского романа: влюбился в собственную тетушку!

Молодой вдовец ничего не ответил. Стоя у открытого окна, он глубоко вздохнул и выпустил облачко сигарного дыма. Прошлое вновь ожило перед его глазами, и он вспомнил ту, которую считал слишком прекрасной, чтобы ступать на нечистую твердь, слишком прекрасной, чтобы относиться к ней как к земному существу, и которую при всем том осмелился сделать и своей женой, и матерью своего ребенка. Ныне она покоится на маленьком кладбище в Вентноре, и он всего лишь год назад заказал ей каменное надгробие. Он думал и думал о ней, и слезы медленно катились по его щекам.

Минувший день так утомил леди Одли, что, когда семейство наконец воротилось домой, она не села с мужем и падчерицей за обеденный стол, но тут же ушла к себе в гардеробную в сопровождении горничной Фиби Маркс.

В отношении этой девушки леди Одли вела себя несколько неровно: порою довольно доверительно, порою довольно сдержанно. Но в общем хозяйкой она была снисходительной, и у Фиби не было оснований жаловаться на судьбу.

В этот вечер, несмотря на усталость, леди Одли была в необычно приподнятом настроении, и, живо описав скачки и всех, кто там присутствовал, она между прочим заметила:

— Утомилась я до смерти, Фиби. Целый день на жарком солнце! Каким, должно быть, страшилищем кажусь я сейчас со стороны!

Она взглянула на себя в зеркало. Свечи, горевшие по обеим его сторонам, чуть потрескивали.

— Вы чуточку побледнели, миледи, — ответила горничная, раздевая свою госпожу. — А вообще-то вы все такая же хорошенькая — как всегда.

— Пожалуй, ты права, Фиби, — сказала леди Одли, садясь в кресло и отбрасывая кудри назад.

Фиби, стоя у нее за спиной, принялась их расчесывать, готовя миледи ко сну.

— Знаешь, Фиби, некоторые говорят, мы с тобой очень похожи.

— Я тоже про это слышала, миледи, — тихо отозвалась девушка. —

Но, конечно же, это глупость: вы, ваша милость, по-настоящему прекрасны, а я обыкновенная деревенщина.

— Ну не скажи, — великодушно заметила госпожа, — ты действительно похожа на меня, и ты хороша собой, но тебе — как бы это выразиться поточнее? — недостает цвета. Смотри сама: у меня волосы бледно-желтые с золотым отливом, а у тебя — серые, грязноватые; у меня брови и ресницы темно-каштановые, а у тебя почти что — прости, я говорю это с великим сожалением, — почти что белые, дорогая Фиби. И еще: у тебя цвет лица болезненный, желтоватый, а у меня — здоровый, розовый. Впрочем, одна бутылка жидкости для волос — такие продаются, помнишь, мы читали в газете на странице с объявлениями? — одна баночка румян, и ты будешь такой же красивой, как я, Фиби!

Она еще долго болтала, перескакивая с пятого на десятое, перебрала кучу сюжетов и позабавила горничную, перебив кости всем, кого встретила на скачках. Падчерица, войдя в комнату, чтобы пожелать миледи спокойной ночи, была неприятно удивлена: госпожа и служанка громко смеялись, обсуждая одно из приключений, случившихся в этот день с миледи. Алисия никогда не фамильярничала с прислугой. Не сказав ни слова, она вышла из гардеробной, с негодованием закрыв за собой дверь.

— Расчеши мне волосы еще раз, Фиби, — попросила леди Одли, когда девушка закончила свою работу. — Мне так нравится болтать с тобой!

Наконец она отпустила горничную, но тут же вернула ее назад.

— Фиби Маркс, — сказала леди Одли, глядя Фиби прямо в глаза, — мне нужно, чтобы ты оказала мне одну услугу.

— Слушаю, миледи.

— Я хочу, чтобы ты отправилась в Лондон первым же утренним поездом и сделала то, что я попрошу. Если сделаешь все как надо и будешь держать язык за зубами, я дам тебе пять фунтов и день отпуска.

— Слушаю, миледи.

— Посмотри-ка, плотно ли закрыта дверь, а потом присядь на скамеечку — на эту, что у моих ног.

Девушка сделала все, что велела госпожа. Леди Одли, погладив серые волосы девушки пухлой белой ручкой, украшенной драгоценностями, помолчала несколько минут, размышляя о чем-то своем, а потом, вздохнув, промолвила:

— Дело это совсем простое, Фиби.

Дело действительно оказалось настолько простым, что уже через пять минут леди Одли отправилась к себе в спальню, сказав девушке (та в этот момент задвигала занавеси):

— Фиби, душенька, поцелуй меня. Я слышу в прихожей шаги сэра Майкла. Когда встретишь его при выходе, скажи, что завтра утренним поездом отправляешься в Лондон, чтобы забрать у мадам Фредерик мое новое платье — я его заказала специально для обеда в Мортон-Эбби.

На следующее утро леди Одли села завтракать довольно поздно, после десяти часов. Когда она пила кофе, в столовую вошел слуга и, протянув ей запечатанный пакет, попросил расписаться в получении.

— Телеграфное послание! — воскликнула миледи, потому что слова «телеграмма» тогда еще не изобрели. — Что же могло случиться?

Она взглянула на мужа с нескрываемой тревогой, и по всему было видно, что ей недостает храбрости взломать сургучную печать. На конверте стоял адрес доктора Доусона. Послание адресовалось мисс Люси Грэхем, и отправлено оно было из деревни.

— Прочти лучше ты, дорогой, — сказала леди Одли. — Может быть, там нет ничего особенного — так, пустяки.

Телеграмма была от миссис Винсент, содержательницы частной школы: это к ней в свое время обратилась за рекомендациями леди Одли, поступая на службу в семью доктора Доусона. Миссис Винсент была опасно больна и умоляла бывшую ученицу приехать к ней.

— А ведь она, бедная, все хотела завещать мне свои сбережения, — сказала леди Люси Одли со скорбной улыбкой. — Она даже не знает, как с той поры изменилась моя судьба. Дорогой сэр Майкл, я должна съездить к ней.

— Разумеется, должна, дорогая. Если она была добра к моей бедной девочке в пору ее невзгод, мы не бросим эту женщину в ее несчастье. Надевай шляпку, Люси: мы еще успеем на ближайший экспресс.

— Ты поедешь со мной?

— Конечно, душа моя! Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя одну?

— Нет, я была уверена, что мы поедем вместе.

— Эта женщина указала какой-нибудь адрес?

— Нет; но она всегда проживала в квартале Креснт-Виллас, что в Западном Бромптоне; не сомневаюсь, что она живет там по-прежнему.

Леди Одли поспешила к себе и едва успела надеть шляпку и накинуть шаль, как у парадного входа раздался шум подъехавшей кареты, и сэр Майкл, стоя у подножия лестницы, громким голосом попросил супругу поторопиться.

Как я уже упоминала, комнаты здесь шли одна через другую, оканчиваясь восьмиугольной прихожей, увешанной картинами, писанными маслом. Даже в спешке миледи не забыла об этой комнате и,

остановившись у ее дверей, тщательно заперла комнату, а ключ положила себе в карман.

Запертая комната перекрывала всякий доступ в апартаменты миледи.

ПЕРЕД БУРЕЙ

Обед в Одли-Корт отложили, и представление мисс Алисии молодому красивому вдовцу, мистеру Джорджу Толбойзу, пришлось перенести на более поздний срок.

По правде говоря, интерес девушки к этому знакомству был несколько искусственным, нарочитым, жеманным. Но если таким образом она надеялась возбудить ревность в Роберте Одли, усилия ее были совершенно напрасными: молодой адвокат считал жизнь слишком глупой шуткой, чтобы ему, человеку рассудительному, воспринимать ее серьезно хотя бы минуту.

Его хорошенькая, похожая на цыганенка кузина могла влюбиться в него по уши, могла целый год по сто раз на день говорить о своих чувствах, но до Роберта Одли — я совершенно в этом уверена — так и не дошло бы, как много он для нее значит.

С другой стороны, влюбись он в нее сам, это новое чувство вывело бы его из обычного состояния не более, чем расстройство желудка, и до самой могилы он так бы и не понял, что, собственно, с ним произошло.

Напрасно все три дня, что двое молодых людей провели в Эссексе, бедная Алисия гарцевала по тропинкам между изгородей; напрасно красовалась в лихой кавалерийской шляпе с плюмажем; напрасны были ее частые, но, конечно же, совершенно случайные встречи с Робертом и его другом. Роберт Одли взирал на ее красоту таким ленивым взором, что лучше бы ей коротать время в прохладной гостиной Одли-Корт, чем гонять кобылу по всему поместью под жарким сентябрьским солнцем.

Вообще-то рыбная ловля — довольно скучное времяпровождение, и неудивительно, что на следующий день после отъезда леди Одли двое молодых людей, один из которых, пораженный сердечной раной, кротко переносил страдания, находя удовольствие во всем, что его окружало, а другой считал, что почти все удовольствия на этом свете суть обратная сторона жизненных невзгод, — так вот, двое наших молодых героев начали томиться, полеживая в тени ив, свисавших над ручьями, прихотливо петлявшими вокруг деревушки Одли.

— Сейчас на Фигтри-Корт не бог весть как весело, — задумчиво промолвил Роберт, — но, полагаю, лучше, чем здесь. Там, во всяком случае,

до ближайшей табачной лавки рукой подать.

Джордж Толбойз, приехавший в Эссекс лишь по настоянию друга, не стал возражать.

— Пожалуй, я бы с радостью вернулся в Лондон, — сказал он. — Мне пора ехать в Саутгемптон: я не видел моего маленького уже целый месяц.

Джордж всегда называл сына «мой маленький», и всегда он говорил о нем скорее с печалью, чем с надеждой. Мысли о мальчике приводили его в смятение: ему казалось, что тот никогда не полюбит его. Хуже того: какое-то неясное предчувствие говорило ему, что он не доживет до того времени, когда маленький Джорджи станет взрослым человеком.

— Я в общем-то не романтик, Боб, — заметил он, — и за всю свою жизнь не прочел ни единой стихотворной строки, которую не принял бы за пример многословия и пустозвонства, но после смерти жены меня не покидает чувство, что я подобен человеку, стоящему на длинном пологом берегу. Страшные скалы, вздымаясь надо мной, хмурятся у меня за спиной, между тем как прилив медленно, но верно подкатывает к моим ногам. С каждым днем он подкатывает ко мне все ближе и ближе, этот черный, безжалостный прилив; он не обрушивается на меня с оглушительным ревом, не швыряет на песок могучим рывком — нет, он крадется ко мне исподволь, вкрадчиво, по-воровски, готовый накрыть меня с головой именно тогда, когда я меньше всего думаю о смерти.

Роберт Одли взглянул на друга с безмолвным изумлением. Последовала долгая пауза. Наконец Роберт пришел в себя и печально промолвил:

— Джордж Толбойз, насколько я понял, ты чересчур плотно поужинал. Такое бывает, когда отведаешь на ночь холодной свинины, особенно если она недожарена. Право слово, тебе необходимо сменить обстановку. Тебе нужны живительные ветры Фигтри-Корт и успокаивающая атмосфера: ты накурился сигар хозяина нашей гостиницы, в них-то все и дело!

Как бы там ни было, полчаса спустя они встретили Алисию — она, как обычно, была верхом — и объявили ей о своем намерении покинуть Эссекс ранним утром следующего дня. Молодую леди весьма удивило и обескуражило их решение, и именно по этой причине она сделала вид, что ей все это в высшей степени безразлично.

— Быстро же тебе наскучило в Одли, Роберт, — беспечно сказала она, — и это понятно: никаких иных друзей, кроме родственников, проживающих в Одли-Корт, у тебя здесь нет, а вот в Лондоне... Там тебя окружает шумное и веселое общество, там...

— ...там я покупаю хороший табак, — перебил кузину Роберт

Одли. — У вас тут прекрасные места, но когда куришь высушенные капуста́ные листья, Алисия...

— Одним словом, вы действительно решили уехать отсюда завтра утром?

— Бесповоротно, утренним экспрессом, что отходит в 10.50.

— Тогда леди Одли не будет представлена мистеру Толбойзу, а мистер Толбойз потеряет шанс увидеть самую красивую женщину Эссекса.

— В самом деле... — запинаясь, промолвил Джордж.

— У этой самой красивой женщины не будет ни малейшего шанса услышать хоть слово восхищения из уст моего друга Джорджа Толбойза, — сказал Роберт. — Сердцем он сейчас в Саутгемптоне, где живет его сын, маленький мальчик ростом по колено Джорджу. Мальчик называет его «большим джентльменом» и требует от него леденцов.

— Я собираюсь написать мачехе, отправлю ей письмо с вечерней почтой, — сказала Алисия. — Я получила от нее весточку, где, в частности, она просит дать ей знать, сколь долго вы пробудете в Одли, с тем, чтобы, вернувшись домой вовремя, не упустить возможности принять вас у себя.

С этими словами Алисия вынула письмо из кармана жакета для верховой езды.

— В постскриптуме она пишет: «Ты такая рассеянная, Алисия! Пожалуйста, не забудь на этот раз ответить на мой вопрос относительно мистера Одли и его друга!»

— Какой у нее чудесный почерк! — заметил Роберт, когда Алисия разогнула бумажный листочек.

— Да, в самом деле, чудесный. Полюбуйся, Роберт.

Она вложила ему письмо прямо в руку, и он несколько минут лениво скользил по нему глазами, меж тем как Алисия легонько похлопывала по шее свою кобылу, которой, судя по всему, надоело стоять на месте и которая готова была сорваться с места по первому требованию хозяйки.

— Тихо, Аталанта, тихо. Верни письмо, Джордж.

— Что и говорить, Алисия, это самый чудесный и самый кокетливый почерк из всех, что я видел на своем веку, честное слово, не встречу я в тот вечер своей тетушки, все равно, вглядываясь в строки этого письма, я бы до мельчайших подробностей угадал, как она выглядит. Джордж, посмотри!

Но Джордж, стоявший в нескольких шагах от Роберта и Алисии, был погружен в собственные невеселые мысли и не обратил внимания на восклицание Джорджа.

— Верни письмо, — нетерпеливо повторила молодая леди. — Мне пора возвращаться. Уже начало девятого, мне нужно написать сейчас же,

иначе я не успею к вечерней почте. Вперед, Аталанта! До свидания, Роберт, до свидания, мистер Толбойз. Счастливо оставаться!

Каштановая кобыла тут же унесла ее в сторону поместья, и никто не увидел, как из глаз мисс Алисии выкатились две яркие крупные слезы. Они сверкнули всего лишь на какое-то мгновение — гордость девушки, поднявшись из глубины ее рассерженного сердца, моментально высушила их.

— Подумать только! — воскликнула Алисия. — Иметь единственную двоюродную сестру, быть мне самым близким родственником после отца и при всем том интересоваться мною не более, чем собственной собакой!

Но на экспресс, отходивший в 10.50, Роберт и его друг не попали. Причина была более чем заурядной: в то утро голова у молодого адвоката разболелась так, что он попросил Джорджа распорядиться, чтобы им в номер прислали зеленого чая — самого крепкого, какой только найдется в «Солнышке». С отъездом он решил подождать до следующего дня. Джордж, разумеется, согласился, и Роберт все утро пролежал в комнате с опущенными шторами, развлекаясь челмсфордской газетой пятидневной давности.

— Это все из-за сигар, Джордж, — убежденно сказал он. — Увозя меня отсюда, устрой так, чтобы хозяин гостиницы не попался мне на глаза, иначе прольется кровь!

К счастью для мира и спокойствия Одли, недомогание Роберта совпало с базарным днем в Челмсфорде. Почтенный хозяин гостиницы поехал туда, чтобы прикупить кое-каких товаров для своего заведения — возможно, среди всего прочего и новую партию тех самых сигар, что возымили для Роберта Одли столь трагические последствия.

Молодые люди проскучали взаперти целый день, а когда начало темнеть, Роберт предложил сходить в Одли-Корт и попросить Алисию, чтобы та показала им дом.

— Ей-богу, Джордж, это займет не более двух часов. Жаль уезжать отсюда, не полюбовавшись на старину: поверь, там есть на что посмотреть.

Солнце стояло уже совсем низко над горизонтом, когда они, никуда не сворачивая, двинулись напрямую через луга, взбежали по приступкам стены и вошли в аллею, что вела к арке. Заалел мрачный, зловещий закат, от которого возникло чувство, будто кто-то смотрит на вас тяжелым взглядом. В воздухе разлилась мертвая тишина, разом замолкают испуганные птицы, и лишь редкие лягушки квакали в окрестных канавах, словно спрашивая: впрямь ли так уж худо на белом свете? Листья

зашелестели, и на душе стало еще тревожнее — не потому, что вам и впрямь что-то угрожает, а потому, что вы видите, как хрупкие ветви невольно вздрагивают в предчувствии надвигающейся бури. Вот и глупые часы, не знающие, что такое равномерный ход. Их единственная часовая стрелка описывает полный круг, совершая двенадцать героических рывков. Вот и сейчас, когда наши герои проходят под сводами древней арки, часы указывают на семь вечера, хотя на самом деле сейчас где-то около восьми.

Они нашли Алисию в липовой аллее. Девушка прогуливалась в черной тени деревьев, а вокруг медленно падали на землю увядшие листья.

Джордж Толбойз редко на чем подолгу задерживал свой взгляд, но — странное дело! — на это место он обратил особое внимание.

— Так должна выглядеть кладбищенская аллея, — сказал он, обращаясь не столько к Роберту, сколько к самому себе. — Как мирно спалось бы мертвым в этой угрюмой тени! Жаль, что кладбище в Вентноре не похоже на это место.

Все трое пошли по аллее к разрушенному колодцу. Там Алисия рассказала им старинную легенду, связанную с Одли-Корт, — мрачную историю, какие во множестве витают вокруг всякого старого дома, словно прошлое — это темная страница, заполненная одной лишь скорбью и преступлениями.

— Мы хотим осмотреть дом до темноты, Алисия, — сказал Роберт.

— Тогда нам следует поторопиться, — отозвалась девушка. — Идите за мной.

Они прошли через распахнутое окно, построенное во французском стиле, — такие окна, перестроив, несколько лет назад превратили в двери, вошли в библиотеку, а оттуда попали в зал.

Молодые люди прошли мимо бледнолицей горничной миледи — та, взмахнув белыми ресницами, взглянула на них украдкой.

Они уже поднимались по лестнице, когда Алисия, обернувшись, обратилась к девушке.

— Мы только что побывали в гостиной, а сейчас я хочу показать этим джентльменам апартаменты леди Одли. Там прибрано, Фиби?

— Да, мисс. Но дверь в прихожую заперта. Полагаю, миледи, отправляясь в Лондон, взяла ключ с собой.

— Взяла с собой? Но это невозможно! — воскликнула Алисия.

— Тем не менее, мисс, думаю, это именно так. Я не смогла его найти, а его, как правило, всегда оставляют в замочной скважине.

— Ерунда какая-то, — обиженно развела руками Алисия. — Неужели миледи боится, что кто-то, проникнув в ее комнаты, станет рыться в ее

платях и драгоценностях? Все это тем более досадно, что лучшие в доме картины развешаны именно в прихожей. Кроме того, там есть ее портрет. Он, правда, еще не окончен, но сходство с оригиналом поразительное.

— Ее портрет! — воскликнул Роберт Одли. — Отдал бы все что угодно, лишь бы взглянуть на него: оригинал я успел рассмотреть лишь в самых общих чертах. В прихожую нет иного входа?

— Иного входа?

— Да. Какой-нибудь двери, ведущей в другие комнаты, через которые мы могли бы проникнуть в апартаменты миледи.

Кузина отрицательно покачала головой и повела их в коридор, где на стенах, украшенных гобеленами, висело несколько семейных портретов. Картины давно потускнели; огромные фигуры предков в сумеречном свете выглядели устрашающе.

— Вон тот парень с боевым топором выглядит так, словно он собрался раскрыть Джорджу череп, — заметил Роберт Одли, указав на изображение разъяренного воина, чья поднятая рука оказалась в этот момент как раз над темноволосой головой Джорджа Толбойза.

— Пойдем отсюда, Алисия. Тут сыро и, похоже, есть привидения. Знаешь, я твердо уверен, что привидения заводятся именно от сырости. Спишь, к примеру, в сырой постели, и вдруг посреди ночи просыпаешься от холодной дрожи и видишь перед собой какую-нибудь старую леди в придворном костюме времен Георга I, сидящую у тебя в ногах: старую леди принесло несварение желудка, а холодную дрожь обеспечили сырые простыни.

Новомодных ламп в Одли-Корт не было и в помине. В гостиной горели свечи, а комнаты сэра Майкла освещали почтенные толстые восковые свечи в массивных серебряных подсвечниках и канделябрах.

Смотреть в гостиной было особенно не на что, и Джорджу Толбойзу вскоре прискучило глазеть на образчики современной мебели и картины, выполненные в академической манере.

— Скажи, Алисия, а нет ли здесь поблизости какого-нибудь тошного лаза, или старого дубового сундука, или чего-нибудь в этом роде? — спросил Роберт.

— Конечно есть! — воскликнула Алисия с такой горячностью, что Роберт даже вздрогнул. — Конечно есть! И как я не подумала об этом раньше? Боже, какая же я глупая!

— Почему же глупая?

— Потому что, если вы не пожалеете свои локти и колени, то сможете осмотреть апартаменты миледи, попав туда через такой вот лаз, который

ведет прямо в ее гардеробную. По-моему, она даже не подозревает о его существовании. Представляю, как она удивится, когда однажды вечером, когда она будет сидеть перед зеркалом, готовясь к балу, перед ней возникнет грабитель в черной маске и с фонарем, пробравшийся в святая святых снизу, через пол!

— Ну что, попытаем счастья, Джордж? — спросил Роберт Одли.

— Давай, если тебе так хочется.

Алисия повела их в комнату, где когда-то была ее детская. Сейчас тут никто не жил, за исключением тех редких случаев, когда в дом наезжало слишком много гостей.

Следуя указаниям кухни, Роберт Одли приподнял угол ковра и обнаружил среди дубовых половиц грубо сколоченную крышку люка.

— А теперь слушайте меня внимательно, — сказала Алисия. — Сначала придется спускаться на руках — там примерно четыре фута высоты; затем, нагнув головы, двинетесь по проходу; дойдя до поворота, резко примете влево и в конце обнаружите короткую лестницу, а над ней люк — такой же, как этот. Отодвинув засов, попадете в гардеробную миледи. Итак, вам все ясно?

— Яснее не бывает.

— Тогда, Роберт, бери свечу, а мистер Толбойз последует за тобой. Даю вам двадцать минут на осмотр картин — по одной минуте на картину, а когда время истечет, надеюсь, вы без особых приключений тем же путем вернетесь обратно.

Роберт все сделал в точности так, как сказала Алисия, и Джордж, покорно последовав за другом, через пять минут очутился в гардеробной миледи, пребывавшей, если так можно выразиться, в состоянии элегантного беспорядка.

Судя по всему, из-за непредвиденного путешествия в Лондон миледи оставила дом в спешке, и сейчас ее туалетные принадлежности лежали, поблескивая, на мраморном столике. От флаконов с духами — здесь их было великое множество — шел одуряющий запах. На крошечном письменном столике красовался увядший букет цветов, доставленных прямо из оранжереи. Два-три прекрасных платья бесформенной грудой были брошены на пол. Фарфор, драгоценности, гребни из слоновой кости валялись повсюду, обнаруживая свое присутствие в самых неожиданных местах. Увидев свое отражение в большом зеркале на подвижной раме, Джордж Толбойз подумал, как, должно быть, нелепо смотрится он сейчас среди этих роскошных дамских побрякушек.

Из гардеробной они прошли в будуар, а из будуара — в ту самую

прихожую, где, как утверждала Алисия, кроме портрета миледи, имелось двенадцать весьма ценных живописных полотен.

Портрет миледи, прикрытый зеленой байкой, стоял на мольберте в центре восьмигранной комнаты. Художник нарисовал ее в этой же комнате, и окружающая обстановка выглядела как достоверная репродукция стен, изображенных на картине. Художник, вероятнее всего, принадлежал к прерафаэлитскому братству, было страшно подумать, сколь долго пришлось ему трудиться над второстепенными деталями картины — мелкими локонами миледи и тяжелыми складками ее темно-красного бархатного платья.

Впрочем, осмотр молодые люди начали с картин, развешанных по стенам, оставив незаконченный портрет, так сказать, на сладкое.

К этому времени стало совсем темно. Тонкая свечка в руке Роберта, медленно переходившего от картины к картине, светилась крохотным одиноким пятнышком. В проеме широкого незанавешенного окна виднелось тусклое небо, чуть тронутое последним холодным проблеском непроглядных сумерек. Плющ, касаясь оконного стекла, шелестел, сотрясаемый трагическим трепетом, и каждый лист сада, охваченный тем же трепетом, пророчествовал о близкой буре.

— А вот и наш друг и его неизменными белыми конями, — промолвил Роберт, останавливаясь перед картинами Воувермана. — Никола Пуссен, Сальватор — гм! А теперь взглянем на портрет миледи.

С этими словами он положил руку на байковое покрывало и, обращаясь к другу, торжественно провозгласил:

— Джордж Толбойз, у нас с тобой на двоих одна-единственная восковая свеча, и сказать, что света недостаточно, — значит не сказать ничего. А посему, сделай милость, поскучай пока в стороне. Самое противное — вглядываться в картину, пытаюсь понять замысел художника, меж тем как кто-то вертится у тебя за спиной и сопит, пытаюсь проделать то же самое вместе с тобой.

Джордж немедленно отошел — к портрету миледи он испытывал интереса не больше, чем к любой другой мишуре в этом беспокойном мире, — и, упершись лбом в оконное стекло, устремил взгляд в ночную мглу.

Прошло некоторое время. Джордж обернулся и увидел, что Роберт, развернув мольберт, как ему было удобно, сидит в кресле, с наслаждением созерцая картину, открывшуюся его взору.

— Теперь твоя очередь, Толбойз, — сказал, поднимаясь, Роберт Одли. — Картинка — из ряда вон.

Он занял место Джорджа у окна, а Джордж сел в кресло перед мольбертом.

Да, художник, безусловно, был прерафаэлитом — только прерафаэлит мог с такой тщательностью, волосок к волоску, изобразить эти легкие воздушные локоны, не поступившись ни единым золотистым пятнышком, ни единой бледно-коричневой тенью. Только прерафаэлит с таким нечеловеческим усердием мог проработать каждый дюйм этого прекрасного лица, стремясь придать мертвенно-бледный оттенок его белизне и странный зловещий отблеск — пронзительно-голубым глазам. Только прерафаэлит мог искривить эти милые пухлые губки в недоброй, почти порочной улыбке, с какой миледи взирала в ту минуту с живописного полотна.

Может, все это было так, а может, и не так; впечатление картина оставляла довольно зыбкое: будто кто-то поднес к лицу женщины источник света, расцвеченный самыми необычными огнями, и этот свет придал ее лицу новое выражение и новые черты, каких прежде в нем никто и никогда не видел. Сходство и колорит не вызывали ничего, кроме восхищения, но было такое чувство, словно вначале художник практиковался в измышлении фантастических средневековых чудовищ, а к портрету миледи приступил лишь потом, когда мозги его уже съехали набекрень, и он, сообразно их перемещению, изобразил молодую женщину в виде прекрасного злого духа.

Ее темно-красное платье, написанное, как и все на этой странной картине, с чрезмерной резкостью, ниспадало вниз крупными складками, напоминая языки пламени, и ее светлая головка выглядывала из пылающего нагромождения цвета, как из раскаленной топки. Много вопросов можно было задать по этому поводу, но ясно было одно: бесчисленные мазки, положенные рукою мастера, составили картину, а картина составила весьма отрадное впечатление о таланте ее создателя.

Джордж Толбойз сидел, не шелохнувшись, уже четверть часа — в правой руке подсвечник, левая упала с подлокотника и бессильно соскользнула вниз, и по тому, что он взирал на полотно остекленевшим взором, можно было подумать, что оно не произвело на него ни малейшего впечатления. Но он все сидел и сидел, не меняя позы, пока Роберт не решился наконец окликнуть его.

— Эй, Джордж, ты что, уснул?

— Почти.

— Ты простудился в том сыром коридоре с гобеленами. Помяни мое слово, Джордж Толбойз, ты простудился: голос у тебя хриплый, как у

ворона. Однако нам пора возвращаться.

Роберт Одли забрал свечу у друга и спустился в люк. Джордж последовал за ним, тихий и спокойный — спокойный не более и не менее, чем всегда.

Алисия поджидала их в детской.

— Итак? — спросила она.

— Портрет мы рассмотрели, можно сказать, вдоль и поперек, — ответил Роберт Одли за двоих. — Но, говоря по правде, мне лично он не понравился. Есть в нем какая-то... чертовщина!

— Вот и я заметила то же самое, — сказала Алисия. — Мне кажется, что художник, действуя по наитию, обнаружил под обычным выражением лица иное выражение, недоступное простому глазу. Он изобразил миледи такую, какую мы не видели ее никогда, но я уверена, что такую она вполне может быть.

— Ради бога, — умоляюще промолвил Роберт, — не городи чепухи!

— Но, Роберт...

— Право слово, не городи чепухи — если любишь меня. Картина — это картина, а миледи — это миледи. Я не занимаюсь метафизикой и воспринимаю вещи как есть. И, пожалуйста, не переубеждай меня!

Он несколько раз, проявив неожиданное занудство, повторил свой страстный монолог, а затем, одолжив зонтик на случай дождя, покинул Одли-Корт, сопровождаемый Джорджем Толбойзом, который, как всегда, покорно последовал за ним. Когда они подходили к арке, старые глупые часы указывали единственной стрелкой на девять вечера. Под сводами им пришлось посторониться: мимо промчался экипаж. Это был простой одноконный экипаж, нанятый в деревне. Внезапно из его окна показалась прекрасная головка леди Одли. Несмотря на темноту, она разглядела неясные контуры двух молодых людей.

— Кто это? — спросила она. — Садовник?

— Нет, дорогая тетушка, — смеясь, отозвался Роберт. — Это ваш наипокорнейший племянник.

Роберт и Джордж стояли под аркой, пока экипаж не доехал до парадного входа, где господина и госпожу встретили удивленные слуги.

— Ночью, думаю, бури не будет, — сказал баронет, поглядывая на небо. — А вот утром она наверняка разразится.

ПОСЛЕ БУРИ

Сэр Майкл оказался плохим предсказателем погоды. Буря обрушилась на деревушку Одли не утром следующего дня, а в тот же день за полчаса до полуночи.

Роберт Одли отнесся к грому и молнии с тем же самообладанием, с каким относился ко всем несчастьям мира сего. Он лежал на софе в гостиной, время от времени потягивая холодный пунш и делая вид, что его чрезвычайно занимает чтение челмсфордской газеты пятидневной давности.

Джордж Толбойз сидел у открытого окна, вглядываясь в черное небо, которое беспрестанно рассекали молнии зигзагами ослепительной стальной синевы.

Джордж Толбойз был бледен, как смерть.

— Джордж, — обратился к нему Роберт Одли, вздрогнув от того, что разглядел в его лице, — ты что, боишься молний?

— Нет.

— От молний бросает в дрожь даже самых отчаянных, это не страх, это нечто такое, что заложено в самой природе человека. Потому я уверен: ты боишься молний.

— Нет, не боюсь.

— Посмотрел бы ты на себя со стороны: весь белый, лицо осунулось, глаза ввалились — призрак, да и только! Говорю тебе, ты боишься молний.

— А я тебе говорю, что нет.

— Джордж Толбойз, ты не только боишься молний, но ты к тому же изводишь нас обоих: себя — потому, что держишь свои страхи в тайне, меня — потому, что не хочешь облегчить передо мной душу.

— Роберт Одли, еще слово, и ты получишь здоровенную оплеуху!

Джордж стремительно вышел из гостиной, с шумом захлопнув дверь.

В это мгновение на улице разразился настоящий потоп.

Боится ли молний Джордж Толбойз, так и осталось недоказанным, а вот в том, что ливень ему нипочем, можно было убедиться воочию: спустившись по лестнице, он направился к выходу и, не обращая внимания на дождь, который лил как из ведра, широкими шагами двинулся на большую дорогу. Походив по ней взад-вперед минут двадцать, он вернулся

в гостиницу и теми же широкими шагами направился в спальню.

— Идешь спать, Джордж? — спросил Роберт Одли.

— Да.

— Но у тебя нет свечи.

— Обойдусь.

— Да ты посмотри, на кого ты похож, парень! На тебе же нитки сухой нет! И какая чума погнала тебя в такую ночь на улицу?

— Я устал и хочу спать. Отстань от меня.

— Выпьешь теплого бренди с водой?

Джордж яростно отстранил Роберта Одли.

— Отвяжись от меня; не путайся под ногами! — воскликнул он хриплым голосом, похожим на воронье карканье, и Роберт Одли тут же припомнил, что подобное он уже слышал три часа назад в дядюшкином доме.

И все же Роберт последовал за Джорджем в его спальню, но тот захлопнул дверь прямо перед его носом.

— Должно быть, он сердится из-за того, что я подметил его страх перед молниями, — пробормотал Роберт Одли и как ни в чем не бывало вернулся на свою софу.

Когда Роберт проснулся на следующее утро, погода уже утихомирилась: в воздухе разливалась такая благодать, словно она хотела извиниться за ночной разбой.

Джордж Толбойз поджидал друга, сидя за обеденным столом. Бледность по-прежнему не сходила с его лица.

— Извини, Боб, — сказал он, поднимаясь навстречу другу и сердечно пожимая ему руку» — вчера ты был прав: от молний мне действительно бывает не по себе. Это у меня с детства.

— Бедняга! Однако что нам теперь предпринять — уехать отсюда первым же экспрессом или повременить с отъездом и явиться к дядюшке на обед?

— Хочешь честно, Боб? Не устраивает меня ни то, ни другое. Посмотри, какое чудесное утро! Я бы хотел еще раз побродить по окрестностям, еще раз забросить удочку и вернуться в Лондон вечерним поездом, в шесть пятнадцать.

Это показалось Роберту скучноватым, но после вчерашнего он уже не решился перечить Джорджу и немедленно согласился на все. Позавтракав, друзья заказали обед на четыре часа дня, и Джордж Толбойз, положив удочку на широкие плечи, бодро вышел из гостиницы, сопровождаемый своим верным другом и компаньоном.

Если гром и молния, потрясшие до основания «Солнышко», так и не потрясли Роберта Одли, то его тетушку — существо, разумеется, куда более нежное и чувствительное — они совершенно выбили из колеи. Ночью во время непогоды она велела, чтобы ее кровать передвинули в угол комнаты, где она, опустив многочисленные тяжелые драпировки, забила лицом в подушки, судорожно вздрагивая всем телом при каждом раскате грома. Сэр Майкл — его мужественному сердцу был неведом страх — всю ночь просидел у постели миледи, почитая защиту и утешение молодой жены своей счастливой привилегией. До трех часов утра, пока последний раскат грома не отгрохотал за дальними холмами, миледи не позволяла себя раздеть. В четыре часа она забылась глубоким сном и проспала около пяти часов.

В половине десятого леди Одли вошла в столовую, свежая и лучезарная, как букет, который в эту минуту она держала в своих руках.

— Дорогая моя! — воскликнул баронет, заключая ее в свои могучие объятия. — Какая радость для меня видеть тебя здоровой и счастливой, как прежде! Молю небеса, Люси, чтобы такую, как нынешней ночью, я видел тебя в последний раз!

После завтрака миледи отправилась в гардеробную и, заметив, что ковер сдвинут с места, тут же обнаружила люк и насмешливо похвалила Алисию за храбрость, какую та проявила, впуская двух молодых джентльменов в дамские апартаменты.

— У этих господ хватило дерзости взглянуть на мой портрет, Алисия? — с шутливым негодованием воскликнула миледи. — Покрывало они сбросили на пол, а перчатку забыли на ковре. Полюбуйся!

И она показала падчерице толстую перчатку для верховой езды. Это Джордж, глядя на портрет миледи, обронил ее и, уходя, не вспомнил о пропаже.

— Схожу-ка я в «Солнышко» и приглашу молодых людей на обед, — сказал сэр Майкл, появляясь на женской половине дома.

В этот сентябрьский день миледи не могла усидеть на месте и занять себя чем-то одним. То пальчики ее нетерпеливо бегали по клавишам рояля, разнося по дому звуки блистательных вальсов и бравурных итальянских пьес; то сама она нетерпеливо бежала в сад с серебряными ножницами для рукоделия, вообразив, что ими можно подстричь клумбу; то она вбегала в гардеробную и, вызвав туда Фиби Маркс, в третий или четвертый раз приказывала ей расчесать свои локоны. В то время как миледи искала развлечения в этой нескончаемой суматохе, наши молодые герои медленно брели вдоль ручья, покуда не нашли тенистый уголок, где вода была

глубокой, течение — спокойным, а ветви ив, длинные, как девичьи косы, ниспадали прямо в журчащий поток.

Джордж Толбойз тут же забросил удочку, а Роберт, расстелив на траве дорожный плед, лег, растянувшись во весь рост, надвинул на глаза шляпу и уснул сном младенца.

То, чем был занят Джордж Толбойз, также не имело ничего общего с рыбной ловлей. Он глядел, глядел, глядел перед собой отсутствующим взглядом, и серебристые обитательницы прозрачных глубин чувствовали себя в полной безопасности: Джорджу не было до них никакого дела. Когда церковные часы пробили два, он отложил удилище в сторону, резко встал и решительно зашагал прочь от места этой странной рыбалки, оставив Роберта Одли дремать в одиночку, что, согласно привычкам вышеупомянутого джентльмена, должно было продлиться никак не менее двух-трех часов. Пройдя с четверть мили, Джордж перешел деревенский мостик и двинулся через луга в усадьбу Одли-Корт.

Судя по всему, нынешним утром птицы напелись досыта и порядком устали, потому что в эту пору дня в округе не слышно было ни звука. Быки и коровы, следуя примеру Роберта Одли, лениво дремали на лугу. Сэр Майкл еще не вернулся после утренней прогулки. Мисс Алисия ускакала куда-то час назад на своей гнедой кобыле. Слуги обедали, собравшись в задней комнате. Миледи прогуливалась с книгой в руках по тенистой липовой аллее. Никогда еще старое серое здание не воплощало в себе столько покоя и умиротворения, как в этот погожий день, когда Джордж Толбойз, миновав лужайку, позвонил в крепкую дубовую дверь, обитую железом.

Слуга, открывший дверь, сообщил, что господ сейчас нет дома, и Джордж ушел обескураженный, не оставив визитной карточки или записки.

Леди Одли вернулась домой через полтора часа, но не со стороны липовой аллеи, а с прямо противоположной. В руках у нее была открытая книга. Она шла, что-то напевая про себя.

Алисия только что закончила верховую прогулку и сейчас стояла в дверях; рядом помахивал хвостом громадный ньюфаундленд.

Пес, не любивший миледи, обнажил зубы и глухо зарычал.

— Отгони прочь это ужасное животное, Алисия! — с раздражением воскликнула леди Одли. — Собака знает, что я боюсь ее, и ведет себя, как ей вздумается. А еще говорят, что псы великодушны и благородны. Какое уж тут благородство! Тихо, Цезарь! Я ненавижу тебя, ты — меня; где-нибудь в темном узком переулке ты бы непременно вцепился мне в горло,

не так ли?

Прячась за спиной падчерицы, миледи прошла в дом и напоследок состроила гримасу разозленному животному.

— Кстати, леди Одли, — сказала Алисия, — вы знаете, что в наше отсутствие сюда приходил мистер Толбойз — молодой вдовец, друг Роберта Одли? Он хотел повидаться с сэром Майклом и с вами.

Леди Одли подняла подведенные бровки.

— А я-то думала, он пожалует к нам на обед. Тогда бы нам хватило времени обсудить все, что ему нужно.

Она легко взбежала по широкой лестнице и вошла в свои апартаменты. Перчатка Джорджа по-прежнему лежала на столике в будуаре.

Леди Одли нервно позвонила в колокольчик.

На пороге появилась Фиби Маркс.

— Унеси отсюда эту дрянь! — резким голосом приказала леди Одли, указывая на перчатку.

Девушка сложила в фартук перчатку и несколько увядших цветов; туда же она бросила клочки бумаги, подобрав их со столика.

— Чем ты занималась все утро? — спросила миледи. — Надеюсь, не теряла времени даром?

— Нет, миледи. Я перешивала голубое платье. Однако на этой половине дома довольно темно, и я забрала его к себе в комнату и работала, сидя у окна.

Девушка произнесла эти слова, выходя из комнаты. В дверях она остановилась и взглянула на леди Одли, ожидая дальнейших приказаний.

В это же самое мгновение леди Одли подняла на нее глаза.

Взгляды женщин встретились.

— Фиби Маркс, — сказала миледи, откидываясь в легком кресле и поигрывая полевыми цветами, лежавшими у нее на коленях, — ты добрая трудолюбивая девушка, и, пока я жива и богата, у тебя никогда не будет недостатка в моей дружбе и двадцати фунтах стерлингов.

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Проснувшись, Роберт Одли обнаружил, что рыболовные принадлежности лежат без присмотра на берегу, а рыбаки скрылись неизвестно куда. Немало тому подивившись, молодой адвокат, однако, еще долго лежал, потягиваясь и дрыгая руками и ногами, словно желая лишней раз убедиться в их безотказности, и лишь после того, как эти гимнастические упражнения изрядно ему наскучили, рывком поднялся с травы, неторопливо сложил дорожный плед и, забросив его на плечо, поплелся на поиски Джорджа Толбойза.

— Джордж! Эй, Джордж!

Нет ответа.

— Эй, Джордж!

Роберт Одли взглянул на часы и присвистнул: на часах была четверть пятого.

— Эгоист несчастный! — с досадой пробормотал Роберт. — Вечная с ним история: десять раз нужно напомнить, прежде чем он сядет за обеденный стол!

Впрочем, Роберт Одли и сам был не без греха, и как ни голоден он был в ту минуту, хороший аппетит не поборол его природной лени, и, когда он неспешным шагом добрался до гостиницы, часы показывали пять.

Роберт Одли был так уверен, что застанет друга в столовой, что даже застонал, когда пустая комната обнаружила всю тщетность его надежд.

— Хорошенькое дело! — возмутился Роберт Одли. — Обед наверняка давно остыл, а за столом ни души.

— Сэр, — обратился к нему хозяин гостиницы, — здесь для вас и вашего друга приготовили пару чудесных гусей, но они малость подгорели, пока мы их держали на углях, чтобы подать к столу горячими.

— К черту гусей! — с раздражением отозвался Роберт Одли. — Где мистер Толбойз?

— А его тут не было, сэр, с той поры, как вы отправились с ним утром на рыбалку.

— Что? — воскликнул Роберт. — Куда же тогда, черт побери, он мог запропасться?

Он отодвинул занавеску и выглянул из окна. По широкому шоссе

медленно ползла телега, доверху нагруженная сеном; сонные лошади и сонный возница, разморенные послеполуденным солнцем, клевали носом, поминутно роняя головы на грудь, словно их плечи не могли выдержать непомерной тяжести. Запылило стадо овец; возбужденно забегали псы, не давая овцам разбрестись по краям дороги. Вот прошли каменщики, возвращаясь с работы. Лудильщик, пристроившись на обочине, чинил кухонную утварь. Промчался псарь с охотничьей сворой сэра Майкла: баронет назначил обед на семь часов и велел, чтобы собак доставили в поместье именно к этому времени. Много чего можно было увидеть в эту пору из гостиничного окна — не было видно только Джорджа Толбойза.

— Немало чудес перевидал я на своем веку, — сказал Роберт Одли, — но такое... Это уж чересчур!

Хозяин гостиницы пожал плечами. Джентльмен опоздал к обеду; что тут особенного?

— Пойду, поищу его, — сказал Роберт и, взяв шляпу, вышел из комнаты.

Где, однако, его искать? У ручья, где они удии форель, его, конечно, нет. Куда же прикажете идти?

— Извините, забыл вам сообщить, мистер Одли, — сказал хозяин, обращаясь к Роберту, который с растерянным видом топтался у входа в гостиницу, — через пять минут после того, как вы с вашим другом ушли на рыбалку, сюда явился сэр Майкл. Он оставил записку, где просит вас и другого джентльмена пожаловать на обед в Одли-Корт.

— Тогда я не удивлюсь, если выяснится, что Джордж отправился в Одли-Корт с визитом к моему дядюшке. Правда, на Джорджа это не похоже, но вполне возможно, что он поступил именно так.

Было шесть часов, когда Роберт постучал в двери дядюшкиного дома. Он не стал спрашивать ни о ком из домашних, а сразу, без обиняков, спросил слугу о своем друге.

— Мистер Толбойз, — ответил слуга, — был здесь в два часа дня или чуть позже.

— А после этого был?

— Нет, больше он сюда не приходил.

— Вы уверены, что он был здесь именно в два часа?

— Совершенно уверен, сэр. В два часа мы, слуги, садимся обедать, и мне пришлось встать из-за стола, чтобы открыть дверь этому джентльмену.

Поблагодарив слугу, Одли отправился в деревню.

— Куда он мог подеваться? — бормотал Роберт, возвращаясь в гостиницу. — С двух до шести, целых четыре часа — ни слуху, ни духу!

Если бы кто-нибудь сказал мистеру Роберту Одли, что он способен испытать чувство глубокой привязанности к какому бы то ни было живому существу, сей джентльмен, склонный к иронии, граничащей с цинизмом, лишь вскинул бы брови в знак величайшего презрения к столь нелепому суждению. Но пропал друг, и Роберт Одли преобразился так, словно лень никогда не была основополагающей чертой его характера.

— Никогда с той поры, как закончил Итон, не ходил я так быстро, — бормотал он, торопливо направляясь в деревню. Он шагал, не выбирая дороги, шагал напрямик, шагал через один из лугов сэра Майкла, досадуя на то, что не имеет даже отдаленного представления, куда ему, собственно, надо идти.

Он пересек еще один луг и затем, сев на ступеньки у стены, схватился за голову и крепко задумался над тем, что же все-таки должно было бы стать конечной целью этого маршрута.

Осенило его через минуту.

— Железнодорожная станция! — воскликнул он и, взбежав по ступенькам, направился к небольшому зданию, сложенному из красного кирпича.

— Вы помните джентльмена, который несколько дней назад прибыл со мной в Одли, Смитерс? — обратился Роберт к знакомому клерку, не дав ему дожевать кусок хлеба с маслом и бесцеремонно отодвинув табличку с надписью «Перерыв на обед».

— По правде сказать, нет, мистер Одли, — ответил клерк. — В Одли вы прибыли четырехчасовым поездом, но кроме вас тем же поездом приехала тьма народу, так что не обессудьте...

— Словом, того человека вы не помните?

— Увы, сэр!

— Обидно! Я хочу знать, Смитерс, брал ли он сегодня билет до Лондона после двух часов дня. Молодой, высокий, широкая грудь, большая коричневая борода. Такого ни с кем не спутаешь.

— На поезд, отходящий в половине четвертого, взяли билет не то четверо, не то пятеро джентльменов, — неуверенно промолвил клерк.

— Четверо, пятеро! Хоть один из них соответствует моему описанию?

— Не знаю, но, во всяком случае, у одного из них была борода.

— Темно-коричневая?

— За это, сэр, поручиться не могу.

— Одет в серое?

— Вроде бы да: сейчас многие джентльмены предпочитают серое. Он брал билет в страшном возбуждении и бросился на платформу, как только

раздался первый свисток.

— Это Джордж! — воскликнул Роберт Одли. — Спасибо, Смитерс; больше я вас беспокоить не буду.

Роберт направился к дверям и, выйдя из здания вокзала, сказал, обращаясь к самому себе:

— Ясно как день, это Джордж. Ему, видимо, в очередной раз стукнуло в голову, и он укатил в Лондон, не перемолвившись со мной ни словечком. Ну что ж, завтра утром я сам уеду отсюда, а сегодня вечером... А сегодня вечером я отправлюсь в Одли-Корт познакомиться с дядюшкиной молодой женой. Раньше семи там обедать не садятся. Если я пойду через поля напрямик, успею вовремя. Боб, то бишь Роберт Одли, с тобой творится черт знает что: ты влюбился в собственную тетушку!

СИНЯКИ НА ЗАПЯСТЬЕ

Роберт нашел сэра Майкла и леди Одли в столовой. Миледи сидела за роялем на стуле с винтовым сиденьем и перелистывала ноты новейших музыкальных пьес. Когда дворецкий объявил о прибытии мистера Роберта Одли, миледи, шурша шелковыми оборками, повернулась на месте, а затем, выйдя из-за рояля, присела перед племянником и состроила ему очаровательную гримаску.

— Благодарю за соболей, — промолвила она, поигрывая тонкими пальчиками, сверкавшими от множества колец, усыпанных бриллиантами. — Благодарю за прекрасных соболей. С вашей стороны было чрезвычайно любезно не отказать мне в моей просьбе!

Роберт почти забыл о том, что во время поездки в Россию он купил партию соболей для леди Одли, к тому же мысль о внезапном исчезновении Джорджа Толбойза настолько занимала его ум, что до него даже не сразу дошло, о какой такой «чрезвычайной любезности» толкует эта потрясающая красавица.

— Представляете, — сказал он, обращаясь к сэру Майклу, — этот болван — я имею в виду моего друга, — не предупредив меня, укатил в Лондон!

— Мистер Джордж Толбойз вернулся в Лондон! — взметнув брови, воскликнула миледи.

— Ужасная катастрофа! — язвительно заметила Алисия. — Пифии в лице мистера Роберта Одли и получаса не могут просуществовать без Дамона, известного миру под именем Джорджа Толбойза.

— Он славный человек, — сказал Роберт, пропуская колкость мимо ушей. — Он славный человек, и сейчас, когда я думаю о нем, у меня... У меня душа не на месте!

— Душа не на месте? — удивилась миледи. — Это еще почему?

— Видите ли, год назад у Джорджа умерла жена, и он до сих пор не может примириться с утратой. Он человек мужественный, но это горе оказалось сильнее его. В последнее время он стал часто заговариваться, и я боюсь, как бы он не покончил жизнь самоубийством.

— Вот уж не думала, что мужчины способны на столь глубокие и долгие переживания! — заметила леди Одли. — Мне всегда казалось, что

им по большому счету все равно, что та хорошенькая мордашка, что эта, и, если умирает «номер один» — голубоглазая блондинка, они тут же, разнообразия ради, находят себе «номер два» — черноглазую брюнетку.

— Джордж Толбойз не из таких. Я твердо уверен, я знаю: смерть жены разбила его сердце.

— Что и говорить, со стороны миссис Толбойз было в высшей степени жестоко умереть, заставив бедного мужа страдать от неизбывной печали, — усмехнувшись, заметила леди Одли.

«Алисия права, — подумал Роберт, разглядывая прекрасное лицо тетушки, — ребячливости моей удивительной родственнице не занимать».

Сели обедать. За столом миледи болтала о милых пустяках и была необыкновенно оживлена, и сэр Майкл, видя, какое впечатление произвела его супруга на молодого племянника, горделиво улыбнулся и сказал:

— Очень рад, что моя малышка снова воспряла духом. Видел бы ты, в каком унынии она была после нашей вчерашней поездки в Лондон!

— Была... в унынии?

— Да, мистер Одли, в ужасном унынии, — ответила леди Одли. — Утром я получила телеграфное послание от своего доброго старого друга — содержательницы частной школы, которая написала мне, что умирает и, если я хочу повидаться с ней, мне следует поторопиться. Обратный адрес не был указан, и я решила, что она и ныне проживает там, где жила три года назад. Мы с сэром Майклом выехали в Лондон немедленно и, приехав, отправились по старому адресу. Увы, там, куда мы пришли, ее не оказалось, более того, никто из жильцов не знал, кто она такая и куда переехала. Сэр Майкл опросил всех лавочников в округе. Результат был столь же плачевен. Как он ни старался, раздобыть новый адрес бедной учительницы ему так и не удалось.

— Но ведь это глупо — посылать весточку, не указав места своего жительства, — сказал Роберт.

— Когда человек при смерти, ему трудно предусмотреть такие мелочи, — с упреком отозвалась леди Одли.

Ах, как ни была прекрасна леди Одли и как ни был влюблен в нее молодой адвокат, но в этот тихий сентябрьский вечер его по-прежнему не покидало неясное чувство тревоги.

Он сидел у окна, болтая с миледи о том о сем, но мыслями был не здесь, а на Фигтри-Корт, рядом с Джорджем Толбойзом. Он все думал, думал, думал, как, должно быть, бедняге Джорджу сейчас одиноко среди неизменных сигар, собак и канареек. Чего бы он, Роберт, сейчас ни отдал за то, чтобы вернуть другу покойную жену, за то, чтобы с нею, живой, он смог

прожить остаток дней в покое и счастье!

Между тем пальчики миледи легко, словно бабочки, порхали над клавишами, и величественный рояль откликался дивной мелодией, напоминавшей о хрустальных ручьях и мириадах пузырьков, что днем и ночью нескончаемой чередой лопаются на водной поверхности...

Роберт Одли вздрогнул: ему вдруг представилось, что друг его, холодный и окоченевший, лежит на дне неглубокого потока и его мертвое лицо обращено к небу, меркнувшему в вечерних сумерках.

Отсутствующий взгляд Роберта не ускользнул от внимания леди Одли.

— Вас что-то беспокоит? — спросила она.

— Не что-то, а кто-то: Джордж Толбойз.

Миледи зябко пожала плечами.

— Честное слово, всякий раз, когда вы упоминаете об этом джентльмене, мне становится не по себе. Можно подумать, с ним и вправду случилось нечто чрезвычайное.

— Не дай бог! Но когда я думаю о нем, тоска заполняет мою душу до самых тайных ее уголков!

Так за разговорами прошел вечер, а когда стало еще темнее, сэра Майкл снова попросил леди Одли поиграть им на рояле. Роберт Одли хотел было сесть с нею рядом и помочь, переворачивая нотные листы, но миледи играла по памяти, и галантность молодого джентльмена осталась не востребованной.

Он принес два зажженных канделябра и расставил их так, чтобы было удобно восхитительной музыкантше. Миледи ударила по клавишам, и комнату наполнили звуки печальной бетховенской сонаты. Странный характер был у этой женщины: веселая, живая и жизнерадостная, она любила совсем иные мелодии — тоскливые, унылые, меланхолические.

Роберт Одли, прислонившись к роялю, разглядывал ее пальчики. На одном сверкает рубиновое сердечко, на другом — изумрудная змейка, на тех — бриллианты. Затем взгляд его скользнул по ее округлым запястьям, и его внимание привлек широкий плоский золотой браслет, надетый на правую руку. Во время быстрого пассажа он чуть сдвинулся, и миледи прервала игру, чтобы поправить украшение, но еще до того, как она сделала это, Роберт Одли заметил, что браслет скрывал синяк, выступивший на нежной коже.

— Вы, кажется, повредили руку, миледи, — сказал Роберт.

Женщина торопливо поправила браслет.

— Повредила? Ну, это уж слишком сильно сказано! Просто у меня такая кожа, синяки появляются на ней от малейшего прикосновения.

Она продолжила игру, но сэр Майкл, встревоженный, поднялся из кресла и, пройдя через всю комнату, подошел к жене.

— В чем дело, Люси? — спросил он. — Как это случилось?

— Господи, ну какие же вы оба глупые! — засмеялась леди Одли. — Устраиваете шум из-за пустяка! Понимаете, я ужасно рассеянная, и несколько дней назад, играя лентой, я обвязала ею руку так туго, что, когда я ее дернула, здесь, на запястье, остался синяк.

«Миледи сущее дитя, — подумал Роберт Одли. — Выдумывает всякие истории, нимало не заботясь о правдоподобии. Кожа только-только начала менять цвет, значит, синяк появился не несколько дней назад, а намного позже».

Сэр Майкл могучей рукой приподнял тонкое запястье.

— Ну-ка поднеси свечи, Роберт, — попросил он.

Нет, здесь был не один синяк, а четыре слабых красных отметины, какие могли оставить четыре пальца сильной руки, которая слишком грубо дотронулась до изящного запястья. Впрочем, узкая лента, затянута чересчур туго, тоже могла оставить подобный след, и миледи продолжала настаивать на своем, пеняя на собственную рассеянность.

Но Роберт заметил: поперек одной из слабых отметин пролегло чуть более темное пятно, тоже красное: было похоже, что на один из сильных пальцев, так безжалостно погрузившихся в нежную плоть, было надето кольцо.

«Миледи лжет, — подумал Роберт. — Не верю я в историю с лентой».

Он пожелал родственникам доброй ночи и простился с ними в половине одиннадцатого вечера.

— Я уеду отсюда первым же утренним поездом, — сказал он в дверях. — Если Джорджа нет на Фигтри-Корт, поеду в Саутгемптон, а если его нет и там...

— Что тогда? — спросила миледи.

— Тогда, надо полагать, с ним действительно случилось нечто необъяснимое!

В гостиницу Роберт пришел совершенно подавленный.

— Сколько волнений из-за этого дураля! — проворчал он, запираясь у себя в номере. — Но, как бы там ни было, если завтра его не окажется дома, я перерою весь мир, чтобы найти его!

Для Роберта Одли, человека по природе флегматичного, решительность была скорее исключением, чем правилом, но уж если он на что решался, то шел к намеченной цели с бульдожьим упрямством.

Ум у него был ленивым, и лень мешала ему думать о нескольких

вещах одновременно, не останавливаясь ни на чем по существу (манера людей куда более энергичных, чем наш герой), но этот же ум делал его удивительно проницательным в тех случаях, когда что-то привлекало его внимание всерьез, и уж тогда ничто, даже самая малая деталь, не ускользала от Роберта Одли.

Чопорные судьи могли вышучивать его, а преуспевающие адвокаты, упоминая о нем, пожимать плечами, однако несомненно одно: возьми он хотя бы раз вести в суде какое-нибудь дело, он бы порядком удивил вельмож от юриспруденции, недооценивших его способности.

ПО-ПРЕЖНЕМУ НИКАКИХ ИЗВЕСТИЙ

Роберт Одли вернулся на Фигтри-Корт ранним утром следующего дня. Канарейки по-прежнему безмятежно заливались в комнатке, служившей спальней Джорджу Толбойзу. В апартаментах царил идеальный порядок — его наводила миссис Мэлони, уборщица Юридических корпораций. Ни сдвинутое кресло, ни откинута крышка ящика для сигар — ничто не говорило здесь о присутствии Джорджа Толбойза.

Роберт внимательно осмотрел каминные доски и столы. Надежда уже стала покидать его. Быть может, Джордж где-нибудь оставил письмо или записку?

«Он вполне мог приехать сюда вчера вечером, а уехать в Саутгемптон сегодня рано утром, — подумал Роберт. — Миссис Мэлони прибралась здесь, вероятно, уже после его отъезда».

— Миссис Мэлони!

— Слушаю, сэр, — отозвалась женщина, появляясь в дверях.

— Мистер Толбойз ночевал здесь минувшей ночью?

— Нет, сэр. Я пришла в шесть утра; здесь никого не было. А что, с бедным джентльменом что-то случилось?

— Да как сказать, миссис Мэлони... Мы расстались с ним вчера в два часа дня, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

Миссис Мэлони начала было рассказывать Роберту жалостную историю о том, как ее покойный муж, машинист, будучи в отличном настроении после отличного обеда, окончил путь земной под колесами паровоза, но Роберт, не дослушав историю честной ирландки, торопливо надел шляпу и вышел из дому.

В Саутгемптон он приехал вечером и быстро нашел бедный квартал, где проживал тесть Джорджа. Подходя к дому, он еще с улицы заметил маленького Джорджи, игравшего у открытого окна гостиной.

Тихо. Ни суматохи, ни возбуждения, которые должен был вызвать приезд отца. Роберт почувствовал, что и здесь его скорее всего ждет разочарование.

Старик сам открыл дверь Роберту, а малыш выглянул из гостиной — что это за чужой дядя пожаловал к ним в гости?

Увидев Роберта, старик просиял и рассыпался в светских любезностях.

Да-да, он уже имел удовольствие встречаться с джентльменом в Вентноре по весьма печальному поводу (здесь старик, не закончив фразы, вытер слезящиеся слабые глаза). Не соизволит ли мистер Одли войти?

Роберт прошел в маленькую гостиную. Убогая мебель, стойкий запах дешевого табака и разведенного бренди, сломанные детские игрушки, сломанные глиняные трубки старика, разорванные, залитые бренди газетные листы, грязный ковер на полу.

Маленький Джорджи исподлобья взглянул на гостя. Сев в предложенное кресло, Роберт подозвал мальчика и, посадив его себе на колено, дал поиграть своей цепочкой от часов.

— Я приехал в Саутгемптон, — сказал Роберт, обращаясь к старику, — надеюсь встретиться с вашим зятем. Он здесь?

— Сейчас нет. Но он был здесь.

— Давно?

— Нынешней ночью. Он прибыл сюда почтовым поездом.

— А когда уехал? Сразу?

— Он пробыл с нами чуть более часа.

— Черт побери! — в сердцах воскликнул Роберт. — Сколько мороки из-за этого парня! Что, в конце концов, все это значит?

— Разве вы ничего не знаете о его намерении?

— О каком намерении?

— О его желании уехать в Австралию.

— Я знаю, ему всегда хотелось этого, но почему дорожная лихорадка охватила его так внезапно и именно сейчас — вот вопрос!

— Он отплывает сегодня вечером из Ливерпуля. Пришел сюда в час ночи, чтобы, как он сказал, взглянуть на сына перед тем, как покинуть Англию, — покинуть, быть может, навсегда. Он пробыл здесь час, а потом поцеловал спящего мальчика и уехал из Саутгемптона почтовым поездом, что отправляется в четверть третьего.

— Что бы все это значило? Почему он покидает Англию в такой спешке? Почему не сказал ни слова мне, своему лучшему другу? Почему не захватил с собой никаких вещей, никакой одежды? Почему все оставил у меня? Тысяча почему и ни одного ответа!

— Мне кажется, мистер Одли, смерть Элен пагубно повлияла на его рассудок.

— Чепуха! Мозги у него варят не хуже наших с вами.

— Может быть, он напишет вам из Ливерпуля?

— Пусть только попробует не написать! Мы с ним всегда были добрыми друзьями — еще с той поры, как оба учились в Итоне. Не думал я,

что Джордж Толбойз поступит со мной так некрасиво!

Едва эти слова сорвались у него с языка, как он уже пожалел о них и, едва преодолев охватившее его смущение, добавил:

— Понимаете, не похоже это на него. Не похоже все это на Джорджа Толбойза!

Услышав знакомые имя и фамилию, мальчик поднял голову.

— Так зовут меня, — сказал он. — Так зовут меня и моего папу, большого джентльмена.

— Да, маленький, твой папа приходил минувшей ночью. Он поцеловал тебя, когда ты лежал в кровати, помнишь?

— Нет, — ответил мальчуган, покачав кудрявой головкой.

— Должно быть, ты очень крепко спал, дружок, и потому не видел своего бедного папочку.

Ребенок ничего не ответил, но, взглянув на Роберта в упор, внезапно спросил:

— А где та красивая леди?

— Какая красивая леди, малыш?

— Красивая леди, которая раньше часто у нас бывала.

— Это он вспомнил мамочку, — пояснил старик.

— И вовсе не мамочку! — решительно заявил мальчуган. — Мамочка всегда плакала. Я не любил мамочку...

— Замолчи, Джорджи!

— Не замолчу. Я не любил мамочку, а мамочка не любила меня. Она всегда плакала. Я спрашиваю о красивой леди, о той, на которой было красивое платье и которая подарила мне золотые часы.

— Он говорит о жене моего старого капитана. Прекрасная женщина! Она души не чаяла в Джорджи и частенько делала ему щедрые подарки.

— Где мои золотые часы? Я хочу показать джентльмену мои золотые часы.

— Я отдал их почистить, — сказал дед.

— Вечно они у тебя в чистке! — захныкал внук.

— Часы в полном порядке, уверяю вас, мистер Одли, — извиняющимся тоном пробормотал старик и, вынув копию закладной, выданной в ломбарде, протянул ее Роберту.

Закладная была выписана на имя и по поручению капитана Мортимера: «Часы, украшенные бриллиантами, 11 фунтов стерлингов».

— Мне часто не хватает нескольких шиллингов, мистер Одли, — развел руками старик. — Зять был ко мне великодушен, а другие... другие... С другими мне приходилось не сладко.

Старый лицемер произнес эти слова жалобным, плачущим голосом, но слеза, которую он смахнул на этот раз, была вполне искренней.

— Джорджи, голубчик, — обратился он к внуку, — пора баиньки. Пойдем дедушка проводит тебя. Извините, мистер Одли, я отлучусь всего на каких-нибудь четверть часа.

Мальчик охотно последовал за дедом. В дверях старик обернулся и ворчливо сказал:

— Не думал я, что на склоне лет поселюсь в таких трущобах, мистер Одли. Многим пожертвовал я на своем веку, но крест свой нес безропотно, и вот награда за все!

Дед и внук вышли. Одли остался один. Смеркалось. Сидя в кресле, Роберт скрестил руки на груди и уставился в пол отсутствующим взором.

Итак, Джорджа здесь нет. Уехал в Ливерпуль. Когда он, Роберт, вернется в Лондон, его, возможно, будет ждать объяснительное письмо. А может, никакого письма не будет, и они вообще никогда больше не встретятся.

— Подумать только, сколько переживаний из-за этого дуралея! — нахмурившись, пробормотал Роберт.

Прошло несколько минут.

— Табачищем, однако, тут воняет, как в пивной, — чуть слышно промолвил Роберт, обведя комнату глазами. — Покурю и я, хуже не станет.

Он полез в карман и достал коробочку с сигарами. За каминной решеткой еще теплился огонь. Чем разжечь сигару?

Роберт снова обвел комнату глазами.

На коврик перед камином валялся скомканный полуобгоревший клочок бумаги. Роберт поднял его и, разгладив, начал было сворачивать в жгут, но внезапно его взгляд, до этой минуты безразличный и рассеянный, скользнул по исписанному клочку, отметив на нем имя — точнее, часть имени — имени того, кем были заняты все его мысли.

Он поднес бумажку к окну и начал внимательно рассматривать ее при свете гаснущего дня.

Это был обрывок телеграфного сообщения. Верхняя его часть обгорела, но остальная, содержащая самое главное, сохранилась.

...олбойз появился в прошлой ночью,
затем почтовым поездом уехал в Лондон, откуда намерен отправиться
в Ливерпуль, а из Ливерпуля — в Сидней.

Дата, имя и адрес того, кто отсылал сообщение, сгорели в верхней

части.

Роберт Одли стал бледным, как смерть.

Тщательно сложив драгоценную бумажку, он бережно положил ее между страницами записной книжки.

— Час от часу не легче! — воскликнул он. — Еще одна загадка! А разгадка — в Ливерпуле.

ПОТРЕВОЖЕННЫЙ СОН

Роберт Одли уехал из Саутгемптона почтовым поездом и появился на Фигтри-Корт рано утром, когда рассвет, холодный и серый, уже прокрался в его холостяцкие апартаменты и канарейки зашуршали перышками, чувствуя наступление нового дня.

В почтовом ящике лежало несколько писем. От Джорджа Толбойза — ни одного.

За минувшие сутки молодой адвокат порядком устал. Ленивая монотонность его жизни была нарушена впервые за двадцать восемь лет безмятежного существования. Он потерял счет времени: всего лишь сорок восемь часов прошло с тех пор, как исчез Толбойз, но ему казалось, что минуло уже несколько месяцев.

Спать хотелось невероятно, и все же Роберт заставил себя пройти по комнатам и осмотреть все возможные и невозможные места, где могло лежать письмо от Джорджа, а потом в изнеможении повалился на кровать друга, стоявшую в комнате с канарейками и геранью.

«Дождусь завтрашней утренней почты, — думал Роберт, засыпая, — и если Джордж к тому времени не даст о себе знать, выезжаю в Ливерпуль, и немедленно».

Роберт уснул.

Ему приснились незнакомые люди, стучащие в незнакомые дома: не за их ли стенами разгадка тайны полуобгоревшей депеши? Ему приснилось кладбище в Вентноре. Он подошел к знакомой могиле и не обнаружил надгробия, а когда указал каменотесу на неслыханное кощунство, тот ответил, что у него есть причина, побуждающая его сбить первоначальную надпись, а что это за причина, когда-нибудь, в один прекрасный день, Роберт узнает сам.

— Тук! — стучит молоток. — Тук! Тук! — стучит молоток. — Тук! Тук! Тук! — стучит молоток, тревожа тяжелую дрему.

Было унылое сырое утро. Дождь беспрестанно барабанил по стеклам, а канарейки время от времени перекликались печальным щебетом, должно быть, жалуясь друг другу на дурную погоду.

Роберт проснулся. Как долго продолжался этот стук? Неизвестно. И все же Роберт знал: стук был. Стучали со стороны лестничной площадки.

Проснувшись, но все еще пребывая в забытьи, Роберт едва понимал то, что происходит вокруг.

— Должно быть, это миссис Мэлони, — пробормотал он. — Глупая женщина! Ведь у нее же есть второй ключ...

Человек, кто бы он ни был, снова застучал. Затем стук прекратился: тот, кто стоял снаружи, по-видимому, разуверился в том, что ему откроют. Прошла еще минута, и в замочной скважине заскрежетал ключ.

Дверь между спальней и гостиной была полуоткрыта, и Роберт увидел, как уборщица, войдя в помещение, занялась своими обычными делами.

— Это вы, миссис Мэлони?

— Да, сэр.

— Ради бога, зачем вы устроили шум у дверей, когда все это время ключ был у вас в кармане?

— Шум у дверей, сэр?

— Да; дьявольский шум.

— Но я не стучала, мистер Одли. Я сразу открыла дверь ключом.

— Кто же тогда стучал? Стучали по меньшей мере минут пятнадцать. Вы должны были столкнуться с этим человеком на лестнице внизу.

— Дело том, сэр, что до вас я убирала у мистера Мартина и, окончив работу, пришла к вам, спустившись с верхнего этажа.

— Значит, вы не видели никого ни у дверей, ни на лестнице?

— Ни единой живой души, сэр.

— Какая досада! Человек ушел, а я так и не узнал, что ему было нужно. А может быть, он принес письмо от Джорджа Толбойза?

— Если это так, сэр, он придет снова, — заверила миссис Мэлони, пытаясь успокоить Роберта.

— Да, конечно, если он от Джорджа, он непременно вернется, — пробормотал Роберт, и в этот момент в его душе угасла последняя надежда узнать хоть что-нибудь о Джордже Толбойзе. Он знал, он чувствовал: исчезновение друга не случайно, оно связано с предательством, с вероломством — то ли по отношению к нему, Роберту, то ли по отношению к Джорджу. Может быть, жадный тесть Джорджа разлучил их, чтобы прибрать к рукам денежки, предназначенные для маленького Джорджи? Может быть, с той же целью старый тесть заманил Джорджа в Саутгемптон и там нашел способ разделаться с ним?

Увы, ни одно из этих предположений не объясняло содержания найденной депеши.

Роберт Одли ждал возвращения незнакомца до девяти часов утра, а в девять покинул Фигтри-Корт и, наняв кеб, велел ехать в Юстон. Через

двадцать минут он подъезжал к железнодорожному вокзалу.

Ливерпульский экспресс отошел полчаса назад, и Роберту пришлось ждать еще час с четвертью, пока в Ливерпуль не отправился обычный поезд, идущий со всеми остановками.

Одли был вне себя от нетерпения: за то время, пока он ходил взад-вперед по длинной платформе, натываясь на носильщиков и на чужие чемоданы и кляня их последними словами, полдюжины судов могли отчалить от берега и уйти в сторону Австралии.

Он купил «Таймс» и заглянул во вторую колонку: там публиковались объявления о тех, кто ушел из дома и не вернулся.

Вот сообщение об утонувшем молодом человеке, тело которого нашли на берегу в Ламбете.

Может быть, та же злая участь постигла и его друга? Нет: обгоревшая депеша извещала именно о его, Джорджа, исчезновении, и это должно стать отправной точкой для всех размышлений и умозаключений.

В Ливерпуль Роберт прибыл лишь в восемь часов вечера. Ничего существенного в эту пору предпринять уже было нельзя, оставалось только навести справки обо всех судах, отправившихся к антиподам за последние два дня.

Корабль с эмигрантами вышел в море в четыре часа пополудни. «Виктория-Регия», порт назначения — Мельбурн.

Кто отплыл на этом корабле? Сведения можно было получить только на следующее утро.

Утром, в девять часов, Роберт Одли пришел в портовую контору.

Молодой клерк, просмотрев регистрационную книгу, отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр, человек по фамилии Толбойз в списках не значится.

— А есть ли здесь те, кто внес свои данные незадолго до отплытия судна?

На этот вопрос, оторвавшись от работы, ответил сослуживец молодого клерка.

— Да, сэр, я помню такого человека, — сказал он. — Тот человек оплатил проезд за полчаса до отплытия. Его фамилия в списке последняя: Томас Браун.

Роберт Одли пожал плечами: какой смысл Джорджу указывать вымышленное имя?

— Простите, а вы не помните, как выглядел этот Томас Браун?

— Ах, нет, что вы, сэр! К тому времени здесь столпилось столько народу... Где уж тут запомнить!

Роберт поблагодарил клерков и, попрощавшись, направился к выходу.

— Погодите, сэр! — услышал он за спиной. Роберт оглянулся.

— вспомнил, сэр, — сказал клерк. — У мистера Томаса Брауна рука была на перевязи.

Больше в Ливерпуле делать было нечего. Роберт вернулся домой в шесть вечера, порядком устав от бесполезных поисков.

Миссис Мэлони принесла ему обед и пинту вина. Вечер был холодный. Миссис Мэлони разожгла в гостиной камин.

Съев половину бараньей котлеты, Роберт, не пригубив вина, закурил сигару и, прищурившись, взглянул на огонь, плясавший в камине.

— Джордж Толбойз не отплывал в Австралию, — промолвил он после долгого и мучительного размышления. — Если он жив, он по-прежнему в Англии, а если мертв, тело его покоится здесь же, в английской земле.

Так он просидел несколько часов, куря и размышляя. Когда наступил поздний вечер, Одли поднялся из кресла, оттолкнул стол, подкатил конторку поближе к камину и, вынув лист бумаги, обмакнул перо в чернила.

Подперев голову рукой, он снова глубоко задумался.

«ПЕРЕЧЕНЬ ФАКТОВ,
СВЯЗАННЫХ С ИСЧЕЗНОВЕНИЕМ
ДЖОРДЖА ТОЛБОЙЗА,
ВКЛЮЧАЯ ТАКЖЕ И ФАКТЫ,
НЕ ИМЕЮЩИЕ ЯВНОГО ОТНОШЕНИЯ
К ЭТОМУ ОБСТОЯТЕЛЬСТВУ», —

написал он. Несмотря на пережитые волнения, у него достало душевных сил испытать тайную гордость за то, как ловко удалось выдержать официальный стиль в вышеприведенном заглавии.

— Честное слово, — сказал он себе, — я начинаю думать, что мне и вправду следовало бы заняться своей профессией, вместо того чтобы проводить время в праздности.

Он выкурил полсигары, сосредоточился и начал писать:

«1. Я пишу Алисии, сообщая ей о том, что собираюсь приехать в Одли-Корт не один, а с Джорджем.

2. Алисия пишет, что визит не может состояться из-за противодействия леди Одли.

3. Мы отправляемся в Одли-Корт, несмотря на возражения леди

Одли. Я нанову визит миледи. В этот же вечер миледи отказывается быть представленной Джорджу, сославшись на усталость.

4. Сэр Майкл приглашает Джорджа и меня пожаловать на званый обед на следующий день.

5. На следующее утро миледи получает телеграфное сообщение, которое требует ее присутствия в Лондоне.

6. Алисия показывает мне письмо миледи, где та просит сообщить ей, когда мы, я и мой друг мистер Толбойз, намереваемся покинуть Эссекс. В этом письме имеется приписка, где повторяется вышеупомянутая просьба.

7. Мы отправляемся в Одли-Корт с просьбой предоставить нам возможность осмотреть дом. Апартаменты миледи заперты.

8. Мы проникаем в апартаменты миледи через тайный проход, о существовании которого миледи ничего не знает. В одной из комнат мы находим ее портрет.

9. Буря пугает Джорджа. Весь остальной вечер он ведет себя в высшей степени странно.

10. К утру следующего дня Джордж восстанавливает душевное равновесие. Я предлагаю вернуться домой немедленно, но Джордж предпочитает остаться в Одли до вечера.

11. Мы идем на рыбалку. Джордж, покинув меня, отправляется в Одли-Корт.

12. Последние достоверные сведения, которые я смог собрать в Эссексе, я получаю в Одли-Корт. Слуга утверждает, что, насколько он помнит, мистер Толбойз сказал ему, что поищет миледи в саду.

13. Я получаю сведения о Джордже на железнодорожной станции. Эти сведения могут быть верными, а могут быть и неверными.

14. Вновь, опять-таки совершенно определенно, я слышу о Джордже в Саутгемптоне: его тесть сообщает, что Джордж пробыл у него минувшей ночью в течение получаса.

15. Полуобгоревшая телеграфная депеша».

Закончив, Роберт еще раз внимательно перечитал написанное, уделив особое внимание нескольким параграфам и пометив их крестиками. Затем он сложил лист бумаги, подошел к бюро, стоявшему в противоположном конце комнаты, открыл его и положил лист в тот самый ящик с надписью «Важное», где уже хранилось письмо от Алисии.

Сделав это, он повернул кресло к огню и зажег сигару.

— Темное это дело, — сказал он, — темное с начала и до конца. Ключ

к тайне — в Саутгемптоне или в Эссексе. Как бы там ни было, решение я принял: еду в Одли-Корт и начинаю поиски Джорджа Толбойза в ближайших окрестностях.

ФИБИ СОБИРАЕТСЯ ЗАМУЖ

«Мистер Джордж Толбойз. Всякий, кто видел этого джентльмена после 7 сентября сего года, а также располагающий сведениями относительно его нынешнего местопребывания, получит щедрое вознаграждение, явившись по адресу Ченсери-Лейн, 14»

Сэр Майкл прочел это объявление во второй колонке «Таймс» во время завтрака три дня спустя после возвращения Роберта Одли в Лондон.

— А о друге Роберта до сих пор ничего не слышно, — сказал он, прочтя объявление вслух жене и дочери.

— По-моему, давать это объявление в газете было вообще глупо, — заметила миледи. — Друг Роберта никуда не пропадавал: просто он из тех людей, кому ничто не мило на земле и кого беспокойная, неуемная натура вечно гонит с места на место!

И хотя после этого объявление публиковалось в газете еще три раза, никто в Одли-Корт не придавал особого значения исчезновению мистера Толбойза, и никто — ни сэр Майкл, ни миледи, ни Алисия — не вспомнил о нем даже в случайном разговоре.

С мачехой Алисия по-прежнему не ладила.

— Тщеславная, бессердечная кокетка! — говорила она, обращаясь к Цезарю — здоровенному ньюфаундленду, единственному живому существу под родимым кровом, которому могла излить свою досаду. — Мало ей того, что в Эссексе половина мужчин сходит с ума от ее желтеньких кудряшек и глупого хихиканья, так она еще и кузену моему голову вскружила. Честное слово, просто зла не хватает!

Враждебность мисс Алисии Одли по отношению к мачехе была столь очевидной, что сэр Майкл, наконец, счел необходимым вмешаться в конфликт.

— Бедная женщина так чувствительна, — с упреком обратился он к дочери. — Знала бы ты, как она страдает от твоей язвительности!

— Не верю я в ее чувствительность, папочка! Думаешь, если у нее мягкие ручки, больше голубые глаза с длинными ресницами и взбалмошные манеры с претензией на оригинальность, так она и впрямь чувствительна? Как же! Видела я однажды, с какой жестокостью ударила она своей белой ручкой моего Цезаря, ударила прямо по голове. Если бы я

не подросла вовремя, бедный пес разорвал бы ее на месте. Она может затуманить мозги любому мужчине в Эссексе, но моего пса ей вокруг пальца не обвести!

— Если еще хотя бы один раз твой пес бросится на Люси, я прикажу его пристрелить! — багровея от гнева, промолвил сэр Майкл.

Пес посмотрел вслед уходящему хозяину с таким видом, словно понял каждое слово, и, когда спустя несколько минут в комнату вошла леди Одли, он с ворчанием спрятался за спиной у мисс Алисии, чувствуя, что присутствие первой красавицы графства грозит ему смертельной опасностью.

— Вряд ли ты сможешь полюбить меня, Алисия, — сказала леди Одли, решив объясниться с падчерицей начистоту, — но я хочу, коль скоро нам не дано быть друзьями, чтобы мы не стали врагами. Ты же не будешь вредить мне, правда?

— Вредить? Вам? Каким это образом, позвольте спросить?

— Ну, например, ты не станешь лишать меня привязанности своего отца.

— Я, может быть, и не раздариваю обворожительные улыбки каждому встречному-поперечному подобно вам, миледи, но на такую низость я не способна. Но даже будь я на это способна, отец слишком любит вас, чтобы я смогла испортить вам жизнь. Испортить ее сможете только вы — собственными руками.

— Какая ты жестокая, Алисия! То, что ты приписываешь моей хитрости, дано мне от природы. Такой уж у меня характер, я не могу не улыбаться людям, не могу не говорить им приятные вещи. Я знаю, что я, по сути, ничем не лучше всех прочих смертных, но я знаю и то, что я приятнее многих, и от моей воли это никак не зависит: это у меня врожденное.

Разумеется, после такого объяснения мачехи с падчерицей ни о каком сближении между ними речи быть уже не могло.

Сэр Майкл интересовался земледелием и охотой, его постоянно не было дома, и неудивительно, что потребность миледи в человеческом общении сблизила ее с Фиби Маркс.

Фиби Маркс получила повышение, перейдя из горничных в компаньонки, и, надо отдать ей должное, она соответствовала вполне своей новой должности, ибо была достаточно образованна, чтобы разобраться в глупостях, которые слетали с языка ее госпожи, когда той приходила охота поговорить на возвышенные темы. Внешнее сходство женщин также способствовало возникновению симпатии между ними — сходство, впрочем, относительное, но, когда Фиби Маркс легкой походкой шла по

тенистым аллеям Одли-Корт, ее вполне можно было принять за миледи.

Наступил октябрь.

Черное чрево старого колодца завалило увядшими листьями, в великом множестве кружившимися вокруг разбитого сруба.

— Ненавижу этот месяц! — промолвила миледи, зябко поводя плечами под собольей накидкой, когда они с Фиби гуляли по осеннему саду. — Вокруг распад и гниение, а холодное солнце подчеркивает уродство и безобразие земли, подобно тому как свет газовых рожков подчеркивает морщины старухи. Неужели и я когда-нибудь состарюсь, Фиби? Неужели и мои волосы когда-нибудь опадут, как листья этих деревьев?

Миледи вздрогнула от собственных слов и прибавила шагу. Фиби шла рядом, едва поспевая за ней.

— Ты помнишь, Фиби, — сказала миледи, успокаиваясь и вновь переходя на обычный шаг, — ты помнишь французский роман, что мы с тобой читали? Роман о прекрасной женщине, совершившей преступление — я забыла какое, и как раз тогда, когда весь Париж по вечерам пил за ее здоровье и когда люди бежали прочь от кареты короля, если на улице появлялась ее карета, — бежали ради того, чтобы хоть одним глазком взглянуть на ее прекрасное лицо? Ты помнишь, как ей удалось сохранить свою тайну, и почти полвека никто ничего не знал, а она доживала свои годы в фамильном замке, окруженная любовью и восхищением целой провинции, почитаемая как покровительница и благодетельница бедных, почти святая? А когда волосы ее стали совсем белыми, а глаза почти ослепли от старости, тайна открылась — открылась из-за одной из тех странных случайностей, какими полны подобные романы, и вот эту женщину судят, признают виновной и приговаривают к сожжению заживо — помнишь? Короля, который когда-то носил ее цвета, давно уже нет в живых; могущественные придворные — когда-то они поклонялись ей, как божеству, — спят в своих могилах; храбрые молодые кавалеры — они готовы были умереть за нее — полегли на полях былых сражений; она пережила их всех, чтобы увидеть, как поколение, к которому принадлежала она сама, отошло в небытие, растаяло, как туман, как сновидение. Она пережила их всех и встретила свой последний час, окруженная грубыми невежественными простолюдинами, которые, забыв о ее прежних благодеяниях, бежали следом за ее повозкой, насмехаясь над ней и понося ее последними словами.

— Не стала бы я, миледи, забивать себе голову мрачными историями,

живя в столь унылом месте, — сказала Фиби Маркс.

— Место, в самом деле, унылое, хотя моему доброму старому супругу так не кажется. Впрочем, все это не важно, ибо я — жена одного из самых влиятельных людей целого графства, а те соболя, что сейчас покрывают мои плечи, стоят шестьдесят гиней.

При всех преимуществах, что давало Фиби Маркс ее новое положение, она помышляла не о том, чтобы укрепить его, а как раз наоборот, готова была поступиться им ради того, чтобы стать женой своего троюродного брата Люка, хотя в этом качестве будущее ее представлялось весьма малообещающим.

Молодой человек, напротив, не замедлил воспользоваться тем, что дела его возлюбленной пошли в гору, и не успокоился до тех пор, пока Фиби, действуя через миледи, не добилась для него места младшего конюха Одли-Корт.

Он никогда не сопровождал сэра Майкла или Алисию — только леди Одли. Как-то, подведя ей серую лошадку, выезженную специально для нее, он напросился в провожатые и в первые же полчаса их совместной прогулки понял, что наездница леди Одли никудышная.

Леди Одли очень сожалела о том, что Фиби решила выйти замуж за неотесанного конюха.

Как-то в серый октябрьский день женщины сидели у камина в гардеробной миледи. Плющ чуть покачивался на ветру, затемняя оконные проемы.

— Неужели ты в самом деле любишь это грубое животное, Фиби? — внезапно спросила миледи.

Девушка сидела на низкой табуретке, стоявшей у ног госпожи, глядя отсутствующим взором на затухающий огонь, и на вопрос миледи ответила не сразу.

— Нет; пожалуй, нет. Но мы с детских лет росли вместе, а когда мне было чуть более пятнадцати, я обещала, что стану его женой, и сейчас у меня не хватит духу взять свои слова обратно. Сколько раз я хотела ему отказать, но всякий раз, когда, обдумав каждое слово, решалась на это, слова сами собой застревали у меня в горле. Нет, я боюсь ему отказать. Когда я вижу, как он тешет кол своим огромным складным ножом, я содрогаюсь: я знаю, я чувствую, он не остановится перед тем, чтобы убить меня за нарушенное обещание. Он мстительный, когда еще был мальчишкой, не знал никакого удержу. Как-то, помню, поссорившись с матерью, замахнулся на нее этим самым ножом. Нет, миледи, я должна выйти за него.

— Зачем, глупенькая? Боишься, что он убьет тебя за отказ? А разве в женах тебе будет безопаснее? Ты можешь начать спорить с ним, можешь дать повод для ревности, или он вздумает жениться на другой, или, забрав твои сбережения, захочет избавиться от тебя — да мало ли поводов для убийства? Говорю тебе, Фиби: не выходи за него. Не выходи — мне будет слишком недоставать тебя. В конце концов, мы, я и мой супруг, можем дать парню несколько фунтов отступных, и пусть на эти деньги он заведет себе какое-нибудь дело.

— Боже, как вы добры, миледи! — воскликнула Фиби Маркс, схватив миледи за руки в порыве благодарности. — И все же, прошу вас, не отговаривайте меня. Я должна, должна выйти за него. Вы его просто не знаете. Если я нарушу слово, это будет погибелью и для меня, и для других. Я должна стать его женой!

— Хорошо, Фиби, — сказала миледи. — Не стану больше тебя уговаривать. И все же за всем этим кроется какая-то тайна.

— Да, миледи, так оно и есть, — чуть слышно промолвила девушка, отводя глаза в сторону.

— Мне будет очень жаль потерять тебя. Но я дала слово быть тебе другом, что бы ни случилось. На какие средства твой родственник собирается содержать семью, когда вы поженитесь?

— Ему хотелось бы открыть пивную.

— Значит, он получит свою пивную, и чем раньше сопьется в ней до смерти, тем лучше. Нынче вечером сэр Майкл обедает у майора Мэргрейва, а падчерица с приятельницами отправляется в Грейндж. Приводи своего жениха после обеда в гардеробную, я сообщу ему о том, что собираюсь для него сделать.

— Вы очень добры, миледи, — вздохнув, повторила Фиби.

Леди Одли сидела в роскошной гардеробной, освещаемой восковыми свечами и огнем, игравшим в камине. Желтые, янтарного оттенка подушки из камчатной ткани, лежавшие на софе, темно-фиолетовое платье миледи, ее волосы, вьющиеся золотистой дымкой вокруг шеи, — все вокруг свидетельствовало о богатстве и блеске, и, когда неуклюжий конюх, явившись на зов миледи, ввалился в ее апартаменты, весь его облик явил на этом фоне более чем странный контраст.

Леди Люси Одли самым дружелюбным тоном пообещала ему свою помощь и ожидала, что посетитель, каким бы невеждой он ни был, хотя бы на свой грубый манер, но все же поблагодарит ее. Однако он стоял, уставившись в пол, не говоря ни слова, а Фиби стояла рядом, сгорая от стыда.

— Поблагодари миледи, Люк, — робко попросила она.

— Не за что мне ее благодарить! Подумаешь, пятьдесят фунтов! Пивную на них не откроешь. Дайте мне сто фунтов, миледи.

— И не подумаю, — сказала леди Одли, и ее глаза засверкали от негодования. — И у вас еще хватает дерзости просить сверх обещанного!

— Еще как хватает, — отозвался Люк, и в тоне его прозвучала скрытая угроза. — Сто фунтов выложите как миленькая.

Леди Одли, встав с кресла, взглянула на него в упор и не отводила взгляд, пока Люк, смутившись, не опустил глаза, а затем, обращаясь к девушке, промолвила высоким пронзительным голосом, как всегда в минуты наивысшего душевного напряжения:

— Фиби Маркс, ты все рассказала ему!

Девушка упала на колени.

— Простите, простите меня! — закричала она. — Он заставил меня силой! Если бы не это... Если бы не это...

И Фиби Маркс горько зарыдала.

ВЕСЕЛОЕ РОЖДЕСТВО

В последних числах ноября, хмурым утром, когда желтый туман стелился по ровным лугам, а быки и коровы, не видя ничего вокруг, опасливо пробирались вперед и бестолково топтались у живых изгородей, спотыкаясь и падая в придорожные канавы; когда деревенская церковь маячила в неверном свете тусклым коричневым пятном; когда каждая извилистая тропинка, каждая дверь деревенского дома, каждая труба с остроконечным навершием, каждый ребенок и каждая собачонка, отставшая от хозяина, выглядели странно и таинственно в окутывавшей их полумгле, — в это самое время Фиби Маркс и Люк, пройдя через кладбище Одли, предстали перед священником, дрожавшим от холода (утренний туман напитал сыростью каждую складку его стихаря) и сердитым из-за того, что жених и невеста опоздали на целых пять минут.

Люк Маркс, облаченный в воскресный костюм, сработанный неумелой рукой деревенского портного, смотрелся в нем, безусловно, солиднее, чем в своем повседневном наряде, меж тем как Фиби в ее шелковом платье нежного серого оттенка — миледи, подарившая его, надевала его всего лишь пять-шесть раз — выглядела, по признанию немногочисленных зрителей, присутствовавших на бракосочетании, настоящей леди.

Странной была эта леди. Природа и без того пожалела для нее красок, а в смутном свете туманного ноябрьского утра она превратилась в бледную тень с размытыми очертаниями, и какой-нибудь суеверный чудаки, проходя мимо, мог бы принять эту невесту за призрак другой невесты — усопшей и похороненной в церковном склепе.

Мистер Люк Маркс, герой торжества, не обременял свой ум подобными впечатлениями. Главное — он получил руку той, которую выбрал, а вместе с нею то, о чем мечтал всю жизнь, — пивную.

Миледи дала ему семьдесят пять фунтов на то, чтобы перекупить право на владение имуществом — движимостью, соединенной с недвижимостью и изрядным запасом горячительных напитков, — одним словом, на владение маленьким постоялым двором посреди тоскливой деревушки, построенной на вершине холма, именуемого Маунт-Станнинг.

Это было ветхое, полуразрушенное строение, поврежденное бурями и открытое всем ветрам, окруженное пятью тополями, выросшими слишком

быстро, чтобы войти в настоящую силу: жиденькие их кроны не только не прикрывали стен убогого заведения, носившего гордое название «Касл-Инн» («Дворец»), но, наоборот, подчеркивали их беззащитность перед любым ударом стихии.

Ветер, часто гостивший на голом холме, буянил здесь не стесняясь.

Это ветер помял, побил и разворошил низкие соломенные крыши надворных построек и конюшни, накренив их и сделав похожими на шляпы с опущенными полями, съехавшими на низкие лбы каких-нибудь деревенских дебоширов.

Это ветер колотил деревянными ставнями об узкие створчатые оконные переплеты — до тех пор, пока они, вконец разбитые, не повисли на ржавых петлях.

Это ветер повалил голубятню и сломал флюгер, который дерзостно водрузили здесь жалкие людишки, чтобы ему, ветру, указывать, в каком направлении расходовать свою безмерную силу.

Это ветер, наткнувшись на деревянную решетку, ползучее растение, крохотный балкон и вообще любое скромное украшение, с ходу сбивал, сметал, разрывал их в клочки и разносил на мелкие кусочки с яростью и презрением.

Это ветер опушил мхом бесцветные оштукатуренные стены.

Это ветер сотрясал, крушил, разорял скопление шатких построек, возведенных рукой человека, а потом уносился прочь, пронзительным свистом возвещая миру о своей разрушительной мощи.

Люк Маркс, вступив во владение постоялым двором, вымотался в неравной борьбе и вскоре упал духом и махнул на все рукой, предоставил ветру делать все, что ему заблагорассудится.

И все-таки заведение процветало. Здоровенные гуртовщики останавливались здесь, чтобы пропустить за маленькой стойкой стаканчик-другой. Зажиточные фермеры собирались здесь по вечерам и толковали о политике, сидя в гостиной с низкими потолками, обитой деревянными панелями, меж тем как их кони, фыркая в покосившихся стойлах, жевали подозрительную смесь гнилого сена и вполне сносных бобов. Даже обитатели Одли-Корт во время охоты иногда останавливались в заведении Люка Маркса. Короче говоря, несмотря на вечные передряги, Люк Маркс, обосновавшись на холме Маунт-Станнинг, был вполне доволен своим новым положением.

Фаэтон, стоявший в тумане, поджидал молодых, чтобы доставить их в новый дом. Несколько деревенских жителей, знавших Фиби с детства, толпились у церковных ворот, чтобы пожелать ей счастья. Бледные глаза

девушки стали еще бледнее от слез, и жених, раздраженный таким проявлением чувств, проворчал:

— Ну чего разнюнилась? Не хотела идти за меня, так и не шла бы. Ведь не убил бы я тебя!

При этих словах Фиби вздрогнула и еще сильнее закуталась в шелковую накидку.

— Схватишь ты простуду в таком наряде, — по-своему истолковав ее состояние, заметил Люк, и, взглянув на ее дорогое платье без тени восхищения, добавил: — Не по чину расфуфырилась. Тоже мне барыня! Вышла за меня — так на шелковые тряпки не рассчитывай; мне такая роскошь не по карману.

Он поднял дрожащую девушку на руки, отнес в фаэтон, закутал в грубое мужское пальто и, причмокивая, погнал лошадей сквозь густой туман, сопровождаемый улюлюканьем деревенских мальчишек.

На место Фиби Маркс из Лондона выписали новую горничную, девицу с большим самомнением, которая ходила по дому в черном бархатном платье и чепчике, украшенном розовыми ленточками, и беспрестанно жаловалась на судьбу, забросившую ее в такую глухомань.

Под Рождество в Одли-Корт съехалось множество гостей.

Деревенский сквайр и его жена-толстуха заняли комнату с гобеленами.

Веселые девушки бегали вверх и вниз по длинным коридорам.

Молодые люди, подняв оконные решетки, наблюдали за тем, как южный ветер гонит по небу рваные облака.

В старых просторных конюшнях не было ни одного свободного стойла.

Во дворе устроили импровизированную кузницу для перековки гунтеров — охотничьих лошадей.

Беспрестанно тявкали собаки.

Чужие слуги толпились на верхнем этаже.

В каждом окне стояла свечка, мерцавшая в зимней ночи, и запоздалый путник, привлеченный мельканием огней и веселой неразберихой, царившей в доме, мог легко впасть в ошибку молодого Марло, принявшего гостеприимный особняк за добрую старую гостиницу, какие исчезли с лица земли с той поры, как последняя почтовая карета, влекомая отслужившими свой век лошаденками, совершила печальное путешествие на живодерню.

Среди гостей, прибывших в Эссекс на время охотничьего сезона, был и наш старый знакомый — мистер Роберт Одли. Он приехал, привезя с собой полдюжины французских романов, коробку сигар и три фунта

турецкого табаку.

Простодушные молодые сквайры толковали за завтраком о потомстве Летучего Голландца и Вольтижера, о грандиозных семичасовых скачках, проходивших на территории трех графств, о том, что назад пришлось возвращаться полночь-за полночь, проделав тридцать миль и пересев на наемных лошадей. Время от времени, отхлынув от стола и не дожидаясь холодного говяжьего филе, все бросались поглазеть то на лошадиные бабки, то на чью-нибудь растянутую руку, то на жеребенка, которого только что привели от ветеринара.

Что бы ни происходило, Роберт Одли держался особняком и, жуя хлеб с мармеладом, всем своим видом являл воплощенную скромность, не признающую за собой права принять участие в общей беседе.

Отправляясь в Эссекс, Роберт Одли прихватил с собою двух собак. Некий здешний джентльмен, отваливший в свое время полсотни фунтов за пойнтера и не посчитавший за труд съездить за двести миль только ради того, чтобы посмотреть на свору сеттеров, прежде чем совершить сделку, поднял на смех несчастных шавок, из коих первая, прежде чем обосноваться в адвокатских апартаментах, проследовала за Робертом через всю Ченсери-Лейн и прошла половину Хольборна, пока молодой адвокат не решился уделить ей некоторую толику от щедрот своего милосердия, а вторую, едва живую, вырвал из рук уличного торговца, который бил ее за то, что в его жизни желаемое никогда не совпадало с действительным. Роберт, однако, не отказал бедным тварям в дальнейшем своем покровительстве и настоял на том, чтобы они неотлучно оставались при нем, и они лежали под его мягким креслом в гостиной, к вящему негодованию миледи, которая, как мы знаем, не терпела вообще никаких собак, и потому все, кто гостил в те дни в Одли-Корт, смотрели на племянника баронета как на безобидный вариант закоренелого маньяка.

Участие Роберта в веселой рождественской возне ограничивалась, как правило, лишь несколькими слабыми попытками. Отправившись как-то вместе со всеми травить лисицу, он свернул с дороги у первого же фермерского дома и, воспользовавшись гостеприимством хозяев, не высовывал носа на улицу до самого конца охоты. В дальнейшем он зашел так далеко, что однажды хотя и с огромным усилием, но все же стал на коньки — однако, выйдя на лед, тут же шлепнулся на спину и лежал до тех пор, пока очевидцы, потрясенные увиденным, не увели его подальше от замерзшего пруда, дабы не изводить себя лицезрением повторного эксперимента.

В этом году Роберт решил не осложнять свою жизнь и прочно

обосновался в гостиной Одли-Корт. Он взял на себя роль дамского угодника, не выходя при этом за пределы, установленные для него собственной его природной ленью.

Леди Одли приняла знаки его внимания с той полудетской легкостью, какую ее поклонники находили очаровательной, между тем как Алисию поведение Роберта просто вывело из себя.

— Ты всегда был вялой, бесцветной личностью, Боб, но в этом году превзошел самого себя. Держать моток шелковой пряжи леди Одли и читать ей Теннисона — единственное, на что ты способен.

— Не делай поспешных выводов, Алисия. Истина не Аталанта, не надо дергать ее за узду. Все дело в том, что леди Одли меня интересует, а деревенские друзья дядюшки — нет. Такой ответ тебя устраивает?

— Устраивает или нет, какое это имеет значение? Иного ответа я от тебя и не ожидала. Впрочем, веди себя, как хочешь. Сиди, развалившись, в своем кресле, ласкай своих дурацких собачонок, обкуривай занавески вонючей сигарой и действуй всем на нервы своей глупой безжизненной физиономией!

Роберт Одли взглянул на мисс Алисию с растерянным видом.

Молодая леди ходила взад-вперед по комнате, нервно похлопывая себя по юбке хлыстом для верховой езды. Глаза ее метали гневное пламя.

— Да-да, глупой, безжизненной физиономией! — повторила она. — Ты — тщеславная и высокомерная личность. Ты с презрением смотришь на наши развлечения, ты поводишь бровями, пожимаешь плечами и откидываешься в кресле с такой отрешенностью, словно сделан не из того же теста, что и прочие смертные. Ты эгоистичный, черствый сибарит...

— Алисия! Ради бога!

Утренняя газета выпала из рук молодого человека.

— Да-да, ты эгоист, Роберт Одли! Ты приводишь домой полуголодных собак, потому что тебе по душе полуголодные собаки; ты не можешь пройти по деревенской улице, чтобы не погладить какую-нибудь никчемную дворняжку, потому что никчемные дворняжки — твоя слабость. Мимо тебя не пройдет ни один ребенок, чтобы ты не подарил ему мелкой монетки, потому что тебе нравится поступать именно так. Но ты поднимаешь брови на четверть ярда, когда бедный сэръ Гарри Тауэре рассказывает какую-нибудь глупую историю; ты готов пригвоздить его взглядом, в котором нет ничего, кроме ленивого пренебрежения, а что до твоего дружелюбия, то ты скорее позволишь ударить себя и еще поблагодаришь за оплеуху, чем обеспокоишься отомстить обидчику. Ты на полмили не свернешь с дороги ради того, чтобы прийти на помощь

близкому другу. Сэр Гарри в двадцать раз достойнее тебя, хотя и пишет «кабыла» вместо «кобыла», осведомляясь в письме о здравии моей Аталанты, растянувшей сухожилие. Да, он не силен в правописании и не умеет вскидывать брови на твой манер, но ради той, которую любит, пойдет в огонь и в воду, меж тем как ты...

Роберт напряг все свое внимание, почувствовав, что сейчас последует самый мощный удар по его самолюбию, но здесь Алисия умолкла и внезапно разразилась бурными рыданиями.

Роберт вскочил с кресла, смахнув на ковер собачонок.

— Алисия, что с тобой?

— Ничего; перышко от шляпы попало в глаз — и только, — всхлипывая, пояснила кузина и выбежала из комнаты.

Роберт Одли хотел было последовать за ней, но через несколько мгновений голосок ее уже зазвенел внизу, во внутреннем дворе, среди людского гама и лошадиного ржания, и Роберт, выглянув из окна, увидел, как сэр Гарри, лучший спортсмен среди местной аристократической молодежи, подставив руку под ее маленькую ножку, помог ей взлететь в седло.

— Силы небесные! — воскликнул адвокат, провожая взглядом веселую кавалькаду, пока последний всадник не скрылся под сводами арки. — Что все это значит? Как она прекрасно сидит на лошади! Как хороша! Фигурка, личико — да что там говорить! Но нападать на мужчину без малейшего повода с его стороны?.. Вот что значит позволять молодой девушке участвовать в псовой охоте! Она идет по жизни, словно скачет верхом — напролом, очертя голову. Из нее вышла бы конфетка, получи она воспитание на Фигтри-Корт! Нет уж, если я когда женюсь и пойдут дети, девочки, — я стану держать их в ежовых рукавицах и не выпущу за ворота до тех пор, пока они не достигнут брачного возраста, а когда придет время, повезу их по Флит-стрит прямо в церковь Святого Дунстана и передам будущим мужьям — из рук в руки.

В это время в гостиную вошла миледи. Она только что приняла ванну. Свежая и элегантная в своем утреннем платье, леди Одли принесла с собой альбом для эскизов в бархатном переплете. Установив маленький мольберт на столе у окна, она села перед ним и начала смешивать краски на палитре.

Роберт наблюдал за происходящим, глядя на миледи из-под полуприкрытых век.

— Не возражаете, если я покурю, миледи?

— Ради бога, я привыкла к запаху табака. Мистер Доусон, военный врач — до замужества я жила в его семье, — курил все вечера напролет.

— А хороший он человек, этот Доусон? — спросил Роберт.

— Еще бы! — рассмеялась миледи. — Он платил мне двадцать пять фунтов в год — подумать только! — что составляло шесть фунтов пять шиллингов каждые три месяца. Как сейчас помню: шесть грязных потертых соверенов и жалкая кучка серебряных монет, доставленных прямо из больничной кассы! Господи, как я им тогда радовалась! А сейчас... сейчас я не могу удержаться от смеха, когда подумаю, что каждый тюбик этой краски стоит гинеею, а вон те, кармин и ультрамарин, — по тридцать шиллингов за штуку. На другой день после свадьбы я подарила миссис Доусон одно из своих шелковых платьев. Видели бы вы, как она растрогалась и с какой осторожностью мистер Доусон унес это добро, завернув его в плащ!

С этими словами она осчастливила Роберта одной из своих очаровательных гримасок, и на устах ее вновь зазвенели серебряные колокольчики.

Этюд был почти готов. Оставалось нанести самой тонкой собольей кисточкой несколько завершающих мазков. Готовясь к этому, миледи оцениваяще взглянула на свою работу.

Роберт пристально наблюдал за миледи.

— Великая перемена, — промолвил он после долгой паузы, такой долгой, что миледи вполне могла забыть, о чем шла речь. — Великая! Тысячи женщин отдали бы все на свете ради такой перемены.

Лукаво сверкнув глазками, миледи потянулась за нужной кисточкой.

Роберт Одли вынул из кармана коробочку с сигарами; несколько табачных крошек упало ему на костюм.

— Люблю манильские сигары; предпочитаю их всем остальным. Покупаю их на углу Ченсери-Лейн, где давно знают и меня, и мои вкусы. Однако на этот раз, похоже, мне подсунули черт знает что: посмотрите, как крошится табачный лист. Если вы курите, дорогая тетушка — многие женщины напоминают розы, таящие под лепестками обычную сорную траву, — очень вам советую: будьте предельно внимательны, выбирая сигары.

Миледи звонко рассмеялась.

— Станный вы человек, мистер Одли! Иногда вы задаете мне такие трудные загадки...

— Они не труднее тех, что задаете мне вы, дорогая тетушка.

Миледи сидела от Роберта достаточно далеко, на другом конце комнаты, и все же Роберт заметил, как по лицу женщины пробежала внезапная тень.

— Скажите, а этот мистер Джордж... Джордж...

— Толбойз, — подсказал Роберт.

— Да, конечно, Джордж Толбойз — фамилия, кстати, довольно странная, да и владелец ей под стать — так вот, хочу спросить: давно вы с ним виделись в последний раз?

— После седьмого сентября — ни разу. Именно в этот день он покинул меня, когда я спал на лугу на другом конце деревни.

— Боже! — воскликнула миледи. — Значит, я не ошиблась: с вашим молодым другом действительно не соскучишься. Но вы наверняка бросились на его поиски, не так ли? Что вы предприняли?

Роберт встал с кресла, прошел через всю комнату и, сев у окна напротив миледи, коротко рассказал ей о том, как съездил в Саутгемптон и Ливерпуль и что из этого получилось.

Миледи выслушала его весьма внимательно.

— И к какому же выводу вы пришли? — спросила она.

— Трудно сказать что-то определенное — слишком запутанная история, — но в одном я уверен совершенно.

— В чем же?

— Джордж Толбойз не приезжал в Саутгемптон.

— Однако тесть утверждает, что виделся с ним.

— У меня есть основания сомневаться в искренности старика.

— Господи, что все это значит?

— Леди Одли, вам известно, что такое косвенные улики?

— Как только у вас язык повернулся спрашивать бедную женщину о подобных мерзостях?

— Косвенные улики, — промолвил молодой человек таким тоном, словно возмущение миледи относится не к нему, а к кому-то другому, — это множество тончайших ниточек, из которых вьется веревка для преступника. Вы себе не представляете, какие ничтожные предпосылки могут привести к раскрытию самой страшной тайны! Клочок бумаги; лоскут порванной одежды; слово, ненароком сорвавшееся с губ обвиняемого; фрагмент письма; дверь, которую отпирают, и дверь, которую запирают на ваших глазах; тень, мелькнувшая за окном; тот факт, что конкретное событие произошло не раньше и не позже, а именно в данный момент; тысячи обстоятельств столь незначительных, что преступник и думать о них забыл; однако эти обстоятельства — стальные звенья чудесной цепи, выкованной руками детектива. Но чу! Виселица построена; печальный колокол звонит ранним пасмурным утром; люк скрипит под ногами преступника; правосудие свершается...

Прекрасное лицо миледи стало пепельно-серым, голова откинулась на подушки, изящные ручки бессильно скользнули вниз, и сознание покинуло ее.

— Радиус поисков все уже день ото дня, — сказал Роберт Одли. — Джордж Толбойз не был в Саутгемптоне.

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Рождественская неделя закончилась. Гости один за другим покидали Одли-Корт.

Толстый сквайр и его дородная супруга освободили комнату с гобеленами, и чернобровые воины остались в одиночестве, бросая со стен суровые взгляды в ожидании новых гостей.

Веселые девушки запаковали — их заставили запаковать — чемоданы, сундуки и коробки, и газовые бальные платья, прибывшие сюда в идеальном состоянии, мятыми грудами разъехали по домам.

Видавшие виды неуклюжие семейные экипажи, запряженные лошадьми, которые потрудились так, что предстоявшая езда по деревенским дорогам казалась им детской забавой (об этом красноречиво свидетельствовали неподстриженные щетки над копытами), вывезли на широкую площадь перед дубовой парадной дверью и как попало загрузили доверху всевозможным скарбом, отвечавшим желаниям, нуждам и прихотям прекрасной половины человечества.

Милые розовые личики, выглядывая из окон карет, одаривали хозяев прощальными улыбками, и кареты, дребезжа и грохоча, уносились под своды арки, увитой плющом.

Сэр Майкл пожимал руки молодым любителям скачек, целовал девушек, иногда даже пытаясь обнять тучных матрон, спешил из комнаты в комнату, из гостиной в конюшню, из конюшни на внутренний двор, со двора к арке — радушный, щедрый, желанный везде и повсюду, всем и каждому.

Золотистые кудряшки миледи тоже мелькали там и сям, и хотя ее прощальные речи отличались некоторым однообразием, уставшие гости, пресыщенные рождественскими праздниками, покидали поместье, не привередничая.

Один-единственный гость не выказывал ни малейшего желания избавиться хозяев от своего присутствия — Роберт Одли.

— В Лондоне у меня нет никаких дел, — объяснил он, — на Фигтри-Корт хорошо прохладиться в жаркую погоду, но жить там зимой... Грипп и ревматизм — брр!

— Оставайся, дорогой Боб, — сказал сэр Майкл. — Сына у меня нет,

вот и будешь мне вместо сына. Постарайся понравиться Люси, и можешь жить тут до конца своих дней.

Роберт молча обнял дядюшку.

Перед отъездом сэра Гарри Тауэре встретился с мисс Алисией Одли в библиотеке, обшитой дубовыми панелями. Здоровенный охотник за лисицами, отважившись на бурное признание, получил столь же бурный отказ. Он стремительно вышел из дома с именем любимой на устах и надеждой в сердце и скрылся под липами, свернув на ту самую дорожку для прогулок, которую Джордж Толбойз некогда сравнил с кладбищенской аллеей.

— Только бы она не влюбилась в подлого адвокатишку. Этого я не перенесу! — промолвил Гарри Тауэре, тяжело ступая по мерзлой земле и сокрушенно качая головой. Его храброе молодое сердце громко стучало под голыми деревьями.

А подлый адвокатишка тем временем стоял в гостиной, устремив близорукие глаза на висевшую на стене карту.

Когда Алисия вошла в комнату, глаза ее были красны после объяснения с сэром Гарри.

— Так я и знал, — сказал Роберт, держа нос в полудюйме от карты, — Норвич находится в графстве Норфолк, а не в Херефордшире, как утверждал этот болван, молодой Винсент. А, это ты, Алисия?

— Я, — коротко ответила девушка, проходя мимо.

— Ты плакала, Алисия?

Молодая леди не удостоила Роберта ответом.

— Да, конечно, ты плакала. Сэр Гарри Тауэре из Тауэрс-Парка предложил тебе руку и сердце, не так ли?

— Ты что, подслушивал за дверьми?

— Господь с тобой! Я в принципе против подслушивания, тем более что на практике это весьма хлопотное занятие. Но я адвокат, мисс Алисия, и могу сделать заключение посредством индукции. Ты знаешь, что такое доказательство методом индукции?

— Понятия не имею, — сказала Алисия, с ненавистью и обожанием глядя на своего мучителя.

— Я так и думал. А теперь следи за моей мыслью. Во-первых, я видел, как сэр Гарри, бледный, как смерть, сбежал вниз по лестнице, и волосы у него были зачесаны не на ту сторону. Во-вторых, во время завтрака кусок явно не лез ему в горло, и, когда ему не налили кофе, он даже не заметил этого. В-третьих, прежде чем покинуть Одли-Корт, он попросил тебя о

свидании. Ну так как, Алисия? Выходим замуж за баронета? Ей-богу, лучшего шафера, чем бедный кузен Боб, ты не найдешь!

— Сэр Гарри Тауэро благородный и храбрый молодой человек. Не чета некоторым.

— Ага, значит, он нам все-таки нравится, да или нет? Значит, нам хочется стать леди Тауэре, хозяйкой крупнейшего поместья в Хартфордшире? Так или нет?

— Так или не так, с каких это пор тебя стали интересоваться мои дела? С каких пор тебя стало заботить, за кого я выйду замуж? Выйди я замуж даже за печную трубу, тебя все равно не проймешь. Ты лишь надменно поднимешь брови и скажешь: «М-да! Она всегда была девицей со странностями!» Я отказала сэру Гарри Тауэрсу, но сейчас, когда я думаю о его великодушии и бескорыстии, когда я сравниваю его с некоторыми ленивыми, эгоистичными типами, холодными, как рыба, мне хочется бежать за ним вслед, хочется сказать ему...

— ...что ты передумала и решила стать миледи Тауэре?

— Да.

— Ах, нет, не делай этого, Алисия! — воскликнул Роберт, беря кузину за руку и ведя ее вверх по лестнице. — Пойдем, сядем у окна и поговорим серьезно. И пожалуйста, давай не будем больше ссориться, ладно?

— Ладно, постараюсь.

— Ну, вот и хорошо. А теперь послушай, — сказал Роберт, обращаясь к девушке как к капризному избалованному ребенку. — Ты что же думаешь, если люди ходят с кислыми физиономиями, не зачесывают волосы Бог знает на какую сторону, не бегают по аллеям с безумным видом, доказывая этим истинность своих чувств, — неужели ты думаешь, что так они поступают потому, что достоинств у них меньше, чем у других? Ах, малышка, жизнь такая трудная штука, что за все доброе, что нам в ней выпадает, нужно горячо благодарить судьбу и не рассчитывать на большее. Возьмем, к примеру, меня. Все мое богатство — это табачная лавка на углу Ченсери-Лейн да ты, моя девочка, моя маленькая добрая кузина. Но разве я чувствую себя бедным? Разве ропщу на судьбу? Отнюдь. Я смело смотрю вперед и благодарю Провидение за все, что имею.

Алисия взглянула на него, широко раскрыв прекрасные серые глаза. Нравоучения Роберта совершенно сбили ее с толку. Между тем Роберт, поманив одну из своих собачонок — ту, что побезобразнее, — поднял ее к себе на колени и нежно погладил по голове.

— И это все, что ты хотел мне сказать, Роберт? — кротко спросила Алисия.

— Да; пожалуй, да, — ответил Роберт после долгой паузы. — Не выходи замуж за этого охотника на лисиц, если тебе по сердцу кто-то другой. Однако если сможешь прожить век, не размышляя о высоких материях, если удовлетворишься беседами о конюшнях, скачках и лошадиных родословных — видит бог, лучшего мужа, чем сэр Гарри, тебе не найти.

— Спасибо, родственник, — сказала Алисия, густо краснея до корней своих каштановых волос. — Но ты ведь не знаешь, кто мне нравится, а потому не бери на себя смелость держать за него ответ.

Роберт ласково почесал собачонку.

— Пожалуй, ты права, — задумчиво сказал он. — Конечно, если я его не знаю... Но мне показалось, что я все-таки его знаю.

— Ты?! — возмущенно воскликнула Алисия и выбежала из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью.

— Я ведь всего лишь сказал: мне кажется, что я его знаю, — растерянно промолвил Роберт, глядя вслед рассерженной девушке.

Оставшись один, он махнул рукой, снова погрузился в кресло и пробормотал:

— Славная девушка, однако... слишком уж сильно хлопает дверью!

Обескуражен в эту минуту был не только он. Бедный сэр Гарри Тауэре покидал Одли-Корт удрученный, мрачный и угрюмый. Возвращение в родовое поместье, обсаженное вековыми дубами и почтенными буками, не радовало его: Алисия никогда не станет хозяйкой этого дома.

Какие планы пошли прахом!

Джим, старший конюх, объездил охотничью лошадь — специально для нее.

Двух щенков пойнтера — их рассчитывали вырастить к следующему охотничьему сезону — также купили для нее.

Купили здорового черного дога — он должен был носить зонтик Алисии.

В саду пустовал павильон, туда никто не ходил после кончины матушки, — его хотели отремонтировать для мисс Одли.

Да только ли это!..

Впрочем, теперь все блага мира потеряли и смысл, и цену: Алисия никогда не станет хозяйкой этого дома.

— Зачем быть богатым, если богатство не с кем разделить? — бормотал молодой баронет, возвращаясь домой. — Что теперь остается? Сидеть взаперти да хлестать портвейн? Жаль, ей-богу, жаль, что такая

девушка отказалась от честного сердца и прекрасных конюшен, которые мои предки возвели в старинном парке!

Сэр Гарри влюбился в Алисию во время прошлогоднего охотничьего сезона, когда встретил ее на балу, где собралась вся аристократия графства. Целое лето он лелеял в себе нежную страсть, и зимой она расцвела пышным цветом. Он решил сделать предложение, не откладывая. Матушки, имевшие дочерей на выданье, осаждали его со всех сторон, так что Тауэрсу и в голову не могло прийти, что ему откажут.

— Не нужна мне слишком глупая, — говаривал он, перебирая в уме возможных невест, — и умная, которая пишет книги и носит зеленые очки, мне тоже не нужна. А нужна мне та, которая знает, о чем говорит.

Но Алисия сказала «нет», и полотно грядущей счастливой жизни, которое все это время он ткал с таким восторженным трепетом, мгновенно превратилось в бесформенную кучу грязного тряпья.

Сэр Майкл — они встретились во дворе, когда сэр Гарри, отбывая восвояси, уже ставил ногу в стремя, — тепло пожал руку неудачливому воздыхателю.

— Поверьте, дорогой сэр Гарри, говорю со всей откровенностью: лучшей партии для Алисии, чем вы, я бы не желал. Но у меня есть племянник, и я думаю, он...

— Ах, не говорите мне о нем! — перебил сэр Гарри. — Слышать о нем не хочу! Адвокатишка, который толком не умеет взять лошадь под уздцы и который не ест ничего, кроме хлеба с мармеладом, — как можно полюбить такого! Конечно, наш странный мир давно уже стоит на голове, но ведь мисс Алисия не такая, как все. Нет, сэр Майкл, здесь дело не в вашем племяннике, а в ком-то другом.

Сэр Майкл молча развел руками, Гарри Тауэре ударил пятками своего скакуна и скрылся под сводами арки.

— Есть там кто-то другой или нет, не знаю, — промолвил сэр Майкл, оставшись один, — но племянника своего я понять не могу, это точно. Девушка души в нем не чаёт, а он никакого внимания: то ли делает вид, то ли вправду ни о чем не догадывается... Темная это история, право слово, темная!

Впрочем, этот монолог старый баронет произнес тем полубезразличным тоном, каким мы обсуждаем дела посторонних людей. Тени ранних зимних сумерек сгустились над его крупной красивой головой, но свет его угасающей жизни — его молодая жена была рядом с ним, а когда она бывала с ним рядом» он не видел вокруг себя никаких теней.

Когда он возвращался в дом, она вышла навстречу и, подойдя к нему, положила головку ему на грудь.

— Наконец-то все разъехались, и мы снова остались одни, — сказала она. — Как хорошо, дорогой, не правда ли?

— Да, дорогая, — ответил он, нежно гладя золото ее волос.

— Уехали все, кроме Роберта Одли. Как долго он собирается пробыть здесь?

— Ровно столько, сколько захочет, моя крошка. Ему я всегда рад. — Сэр Майкл поцеловал жену и добавил: — Конечно, все будет зависеть от тебя: если его ленивые замашки, его сигары, его собаки или еще что-то начнет тебе досаждать, тогда...

Леди Одли потупила глазки.

— Все это вполне терпимо, — промолвила она не без некоторого колебания. — Мистер Одли весьма достойный молодой человек, но сама я слишком молодая тетушка для такого племянника, и...

— Что ты этим хочешь сказать, Люси? — спросил баронет, и в голосе его зазвучали отдаленные раскаты грома.

— Бедняжка Алисия весьма ревниво относится ко всякому вниманию, которое мистер Одли оказывает мне, и... и... Словом, для счастья Алисии будет лучше, если визит твоего племянника побыстрее закончится.

— Он съедет отсюда сегодня же вечером! — загремел сэр Майкл. — Ах я слепой глупец! Упустить из виду такое обстоятельство! Малый он действительно хороший, однако... Он съедет сегодня же!

— Постарайся не быть с ним грубым, дорогой.

— При чем тут грубость, Люси? Не беспокойся, все будет пристойно. Сейчас он отправится покурить в липовую аллею, я пойду и скажу ему, чтобы через час его не было в нашем доме.

И в той самой аллее, под сенью которой Джордж Толбойз бродил в грозовую ночь накануне своего исчезновения, сэр Майкл Одли объявил Роберту, что тот должен покинуть Одли-Корт, ибо миледи слишком молода и хороша собой, чтобы принимать знаки внимания от красивого племянника двадцати восьми лет от роду.

Разумеется, сэр Майкл объяснил ему все это в достаточно деликатной форме, но, какова бы ни была форма, гостеприимный некогда кров следовало покинуть в кратчайшие сроки.

Роберт, узнав о решении дядюшки, с недоумением пожал плечами и как всегда взметнул вверх свои густые черные брови.

— Я действительно был внимателен к миледи, — промолвил он. — Я испытываю к ней интерес, сильный и странный интерес. — Внезапно голос

его изменился, он схватил сэра Майкла за руку и со страстью, ему не свойственной, сказал: — Упаси бог, дорогой дядюшка, если я внес тревогу в столь благородное сердце, как ваше! Упаси бог, чтобы хотя бы тень бесчестья пала когда-нибудь на ваше честное имя! Упаси бог, чтобы причиной вашего горя стал именно я!

Никогда сэр Майкл не слышал подобных слов от своего племянника, никогда еще голос молодого человека не дрожал и не срывался в присутствии дядюшки — и никогда еще эти близкие друг другу люди не прощались с такой торопливой поспешностью.

Роберт Одли немедленно покинул поместье. Однако он не отправился на железнодорожную станцию, не стал дожидаться вечернего лондонского поезда, не стал вообще уезжать отсюда слишком далеко. Нет, он отправился прямо в деревню, взшел на холм Маунт-Станнинг, постучался в двери маленького постоялого двора, и, когда на стук вышла Фиби Маркс, попросил ее сдать ему комнату на неопределенное время.

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Маленькая гостиная, куда Фиби Маркс провела племянника баронета, располагалась на первом этаже, и от крохотного помещения, где посетители выпивали и закусывали и где хозяин с супругой укладывались на ночь, ее отделяла лишь тонкая перегородка, обитая рейками и обмазанная штукатуркой.

Похоже было, что мудрый архитектор, задумавший это сооружение, особое внимание обратил на то, чтобы его идея была воплощена в самом хрупком и ненадежном материале и чтобы ветер, облюбовавший это открытое со всех сторон место, получил все возможности для удовлетворения своих буйных капризов.

В стенах сего заведения не было ни единого кирпича; вместо них — сплошное дерево, да и то пригнанное кое-как, на скорую руку. Шаткие потолки ходили ходуном, подпираемые непрочными стропилами, и в штормовую ночь балки угрожали обрушиться на головы тех, кто имел несчастье оказаться под ними. Двери сколотили и навесили так, что они никогда не запирались. Окна сконструировали так, что, когда их запирали, в помещении становилось слишком жарко, а когда открывали — слишком холодно. Казалось, что каждая балка и каждое перекрытие вопиют миру о своей уязвимости.

Роберт, осмотревшись вокруг, не смог сдержать улыбки: слишком уж нынешнее его обиталище отличалось от тех покоев, что он покинул всего час назад.

Об унынии не могло быть и речи: во-первых, он знал, на что шел, во-вторых, едва ступив под своды жалкого заведения, он тут же расположился в нем на свой обычный манер. При нем была его немецкая трубка, полный кисет табаку, полдюжины французских романов и пара беспородных любимцев, которые, усевшись у небольшого дымного камина, коротким отрывистым твяканьем намекнули хозяину, что пора бы чего-нибудь перекусить.

Пока Роберт Одли устраивался на новом месте, Фиби Маркс позвала деревенского мальчишку — он был у нее на побегушках — и, отведя его на кухню, вручила ему тщательно сложенный и запечатанный листочек бумаги.

— Ты знаешь, где находится поместье Одли-Корт?

— Да, мэм.

— Если сбегашь туда прямо сейчас и вручишь вот это лично леди Одли, получишь от меня шиллинг.

— Да, мэм.

— Ты все понял? Потребуй, чтобы вызвали именно миледи. Скажи, что у тебя есть для нее сообщение. Не записка, а именно сообщение — от Фиби Маркс. Когда миледи выйдет, передашь ей это из рук в руки.

— Да, мэм.

— Ничего не забудешь?

— Нет, мэм.

— Тогда одна нога здесь — другая там.

Мальчик убежал.

«Если появление здесь такого постояльца — к худу, — думала Фиби Маркс, — миледи узнает об этом вовремя».

Она молча приготовила для Роберта яичницу с ветчиной, подала ее на стол и, не сказав ни слова, удалилась.

«Вот женщина, которая умеет хранить тайны», — подумал Роберт, глядя ей вслед.

— Не нальете ли еще чашечку чая, миссис Маркс? — обратился он к хозяйке, решив наконец нарушить тишину. Он с удовольствием развалился в кресле, набитом конским волосом — оно настолько пришлось ему впору, словно столяр делал его специально для Роберта и, принимаясь за работу, обмерил нашего героя со всех сторон.

— Вы прибыли прямо из Одли-Корт, сэр? — спросила Фиби, подавая чай.

— Да; я был там всего лишь час назад.

— Надеюсь, миледи в добром здравии, сэр?

— Да, вполне.

— Все такая же веселая, сэр?

— Да, все такая же веселая.

Фиби направилась к выходу, но, когда она уже была в дверях, постоялец окликнул ее.

— Вы знали леди Одли еще в ту пору, когда она была мисс Люси Грэхем, не так ли? — спросил он.

— Да, сэр. Я жила у мистера Доусона, когда миледи служила там гувернанткой.

— Вот как! И долго она прожила в семье врача?

— Полтора года, сэр.

— Она приехала из Лондона?

— Да, сэр.

— Кажется, она сирота?

— Да, сэр.

— И она всегда была такой веселой, как теперь?

— Всегда, сэр.

Роберт допил чай и передал чашку миссис Маркс. Их взгляды — его, небрежный и ленивый, и ее, пытливый и чуткий, — встретились.

«Эта женщина пригодится для дачи свидетельских показаний, — подумал Роберт Одли. — Надо только нанять опытного адвоката, чтобы он расшевелил ее во время перекрестного допроса».

Он выпил еще одну чашку чая, отодвинул блюдце и покормил собак. Фиби Маркс убрала со стола.

Зимний ветер, заывая на дворе, громко стучал по оконным рамам.

Роберт подвинул старый диван поближе к огню, укутал ноги старым дорожным плащом и закурил, пустив несколько серо-голубых колечек дыма, медленно растаявших под сводами грязного потолка.

— Нет, — пробормотал Роберт. — Такая женщина умеет держать язык за зубами. Угрозами от нее немногого добьешься.

Я уже упомянула о том, что между гостиной, занятой Робертом, и помещением, где подавали выпивку, была лишь тонкая перегородка, обитая рейками и обмазанная штукатуркой. Молодой адвокат слышал, как двое-трое деревенских торговцев, а также двое фермеров, сгрудившись у стойки, громко смеялись, обсуждая текущие дела, а Люк Маркс, подливая им вино, грубым хриплым голосом вставлял реплики и смеялся громче всех.

«Надо бы поговорить с этим болваном», — подумал Роберт, откладывая трубку в сторону.

Он дождался, когда поздние гости разошлись, наконец, по домам и Люк запер двери, а затем тихо вошел в комнату, где сидели хозяин заведения и его жена.

Фиби, склонившись над столиком, вязала мужу носки. Замужество несколько не изменило ее: здесь, на постоялом дворе, она осталась такой же бледной, какой была, проживая в барских покоях Одли-Корт.

Когда Роберт вошел в комнату, она вздрогнула, взглянув на него не без некоторого раздражения, и в глазах ее мелькнула тревога, сменившаяся выражением ужаса, когда она поняла, что Роберт пришел поговорить не с ней, а с супругом.

— Я всего лишь на несколько минут, — сказал Роберт, присаживаясь поближе к огню. — Хочется немного поболтать перед сном. Не возражаете,

если я закурю, миссис Маркс?

— Пожалуйста, сэр.

— Какие там, к черту, возражения, — проворчал Люк Маркс, — когда я тут с клиентами смолю целыми днями.

— Расскажите мне все, что вы знаете о Маунт-Станнинге, мистер Маркс, — попросил Роберт.

— Рассказ получится очень коротким, сэр, — отозвался Люк и хрипло расхохотался. — Из всех скучных мест, какие только есть на земле, это самое скучное. Дела, впрочем, потихоньку идут, жаловаться не приходится. Однако я бы предпочел обосноваться в Челмсфорде, в Брентвуде или Ромфорде, и я бы непременно обосновался там, — добавил он с явным неудовольствием, — не будь люди так скупы.

При этих словах Фиби украдкой взглянула на мужа и отложила вязанье.

— Мы забыли закрыть пивоварню, Люк, — сказала она. — Пойдем, поможешь мне поднять засов.

— Пивоварня подождет, — отозвался Люк Маркс. — Мне и тут хорошо, хочется посидеть да покурить. Никуда не пойду.

Он взял длинную глиняную трубку, лежавшую у каминной решетки, и начал медленно набивать ее табаком.

— Неспокойно у меня на душе, Люк, — с упреком обратилась к нему Фиби. — Дверь в пивоварню осталась открытой. Много там всякого народу толчется. Неровен час, залезет кто-нибудь чужой.

— Иди и подними засов сама; чего пристала? — пробурчал Люк.

— Засов тяжелый. Одна я не подниму.

— Ну тогда черт с ним. Сиди и не рыпайся, ежели такая нежная. Далась тебе пивоварня! Сдается мне, ты просто хочешь заткнуть мне рот, не желаешь, чтобы я поговорил с джентльменом. И не хмурься, когда муж с тобой говорит! Я и слова не успею сказать, как ты уж лезешь со своим языком, будто я у тебя вовсе дурак. Я этого не потерплю. Слышишь? Не потерплю!

Фиби Маркс пожала плечами, сложила вязанье, отодвинула в сторону ящик для рукоделия и, скрестив руки на коленях, устремила внимательный взор на бычью физиономию своего благоверного.

— Итак, жизнь здесь, на Маунт-Станнинг, вам не по душе? — обращаясь к Люку, вежливо осведомился Роберт Одли.

— Не то чтобы совсем уж не по душе, — ответил Люк, — но, как я уже сказал, не будь люди так скупы, я мог бы устроиться и получше, в каком-нибудь городе, где бывают базары, а не в этом богом забытом месте.

Разве сотня фунтов...

— Люк! Люк!

— Что «Люк! Люк!» Опять ты мне рот затыкаешь! Так вот, я и хочу спросить, сэр: разве сотня фунтов имеет значение, ежели речь идет о добром деле?

— Нет, конечно же, нет, — заверил Роберт, обращаясь к Люку, но при этом глядя на встревоженное лицо Фиби. — Тем более если вы или ваша жена сможете повлиять на того, у кого есть эти деньги.

Фиби, и без того бледная, стала белой, как смерть.

— Однако уже четверть двенадцатого, — сказал Роберт, взглянув на часы. — Доброй ночи, уважаемый хозяин. Доброй ночи, миссис Маркс. Воду для бритья приготовьте, пожалуйста, к девяти часам утра.

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ

Утром следующего дня, когда часы пробили одиннадцать, Роберт Одли сидел за обеденным столом, нехотя просматривая местную газету. Собачонки вертелись рядом, ожидая подачи.

Роберт взглянул в окно. Снег валил, не переставая — погода для прогулок весьма неподходящая, и потому Роберт очень удивился, заметив невдалеке одноконную карету, которая медленно поднималась в гору.

— И одолела же кого-то страсть к путешествиям в такую пору! — усмехнулся Роберт и сел в кресло у камина.

Через несколько минут Фиби Маркс, войдя к нему в комнату, объявила, что приехала леди Одли.

— Леди Одли! Ну конечно, конечно, весьма рад, — сказал Роберт, а затем, когда Фиби вышла, процедил сквозь зубы: — Глупый ход, миледи. Уж от вас-то я такого не ожидал.

Дурная погода несколько не подействовала на прекрасную гостью. Она вошла, кутаясь в те самые соболя, что Роберт Одли купил ей в России, — свежая, задорная, излучающая свет и очарование.

Роберт Одли взглянул на гостью с тайным сожалением.

— Фу, какое утро, мистер Одли! — воскликнула миледи, смахивая снег с роскошной муфты.

— Да, хорошего мало. Почему же вы приехали сюда в самый снегопад?

— Потому, что хотела повидаться с вами.

— Вот как?

— Да, мистер Одли. С вами обошлись не слишком дружелюбно, и я приехала извиниться.

— Не нужно мне никаких извинений, леди Одли.

— Но с вами поступили несправедливо. Вам так славно жилось в Одли-Корт, но мой дорогой, мой глупый супруг вбил себе в голову, что восемь-девять-двенадцать сигар, выкуренных его племянником в моем будуаре, могут нарушить мое душевное равновесие. И вот результат: наш маленький милый семейный круг распался!

— Леди Одли, — твердо сказал Роберт, — я не хочу, чтобы горе и бесчестье моего дядюшки были связаны с моим именем. И потому лучше

мне быть вне вашего дома. И потому лучше бы я вообще не переступал его порог!

Миледи недоуменно пожала плечами.

— Вы говорите загадками, мистер Одли. Не взъщитесь, если бедная женщина не сможет их разгадать.

Роберт промолчал.

— Вы можете поступать, как вам угодно, — сказала леди Одли, — но ответьте: что привело вас в это мрачное место?

— Любопытство.

— Любопытство?

— Да, миледи, меня заинтересовал хозяин постоянного двора — здоровяк с бычьей шеей, рыжими патлами и хитрыми серыми глазами. Опасный он человек, миледи. Не дай бог попасть к такому в зависимость!

По лицу миледи пробежала внезапная тень.

— Что я вам такого сделала, Роберт Одли? — воскликнула она. — За что вы меня ненавидите?

— У меня был друг, леди Одли, — печально сказал Роберт. — С тех пор как он пропал, я обозлился на весь белый свет.

— Вы имеете в виду мистера Толбойза, который отправился в Австралию?

— Да, того самого Джорджа Толбойза, который, как мне сообщили, уехал в Ливерпуль, чтобы оттуда плыть в Австралию. Якобы в Австралию.

— Вы сказали «якобы». Значит, вы не верите, что он отбыл в Австралию?

— Не верю.

— Почему?

— Извините, миледи, я не стану отвечать на этот вопрос.

— Как хотите.

— Через неделю после того, как мой друг исчез, — продолжил Роберт Одли, — я поместил объявление в газетах Сиднея и Мельбурна, где просил Джорджа известить меня о своем местопребывании, а также просил всех, кто его знает, сообщить мне о нем любые сведения. Джордж Толбойз покинул Эссекс, или исчез из Эссекса, 7 сентября. По моим расчетам, к концу этого месяца я уже должен получить хоть какой-нибудь ответ на свое объявление. Сегодня 27 декабря; времени осталось совсем мало.

— А если вы не получите ответа?

— Это будет означать, что мои страхи небезосновательны, и тогда я начну действовать.

— И что же вы намерены предпринять?

— Ах, леди Одли, вы лишний раз напоминаете мне о том, какими ничтожными средствами я располагаю, приступая к этому делу. Моего друга могли убить здесь, на постоялом дворе, и закопать под этим полом — вот под этим самым, на котором я сейчас стою; и я, прожив здесь целый год, могу уехать ни с чем, так ничего и, не узнав, словно никогда не переступал порога этого дома. Много ли мы знаем о тайнах, витающих в домах, которые мы посещаем? Грязные дела совершаются под самым гостеприимным кровом, а самые страшные преступления — среди такого благолепия, что не найти ни единого пятнышка, ни единой царапины, которые поведали бы о том, что здесь произошло на самом деле. Я не верю в магию и в кровавые пятна, которые якобы не может стереть никакое время. Но я верю в то, что мы можем дышать воздухом тех мест, где было совершено преступление, и спазмы не стиснут нам горло, ибо нас хранит спасительное незнание. Я верю в то, что мы можем, глядя на улыбочивое лицо убийцы, восхищаться покоем, что исходит от его красоты.

— С каким вкусом вы рассуждаете о подобных мерзостях! — с язвительной усмешкой заметила леди Одли. — Честное слово, вам следовало стать полицейским детективом.

— Я и сам иногда думаю, что из меня вышел бы неплохой сыщик.

— Почему?

— Потому что у меня есть выдержка и терпение.

— Однако вернемся к Джорджу Толбойзу. Допустим, вы не получили ответа на свои объявления, допустим, вы сочли, что его нет в живых. Что дальше?

— Дальше? Я внимательно осмотрю все вещи, что остались после него у меня в квартире.

— Понятно! — засмеялась леди Одли. — Пальто, жилетки, стоптанные башмаки, пенковые трубки и тому подобное.

— Нет, миледи, — письма, письма от его друзей, от старых школьных товарищей, от его отца и сослуживцев.

— Вот как?

— Да; а также письма от его жены.

Несколько минут миледи молчала, задумчиво глядя на огонь, трепетавший в камине.

— А вы когда-нибудь видели письма покойной миссис Толбойз? — наконец спросила она.

— Нет. Боюсь, это обычные женские каракули, проку от которых будет мало. Иное дело — вы: не многие обладают столь прелестным и необычным почерком.

— Вы что же, знаете мой почерк?

— Знаю, и очень хорошо.

Миледи взяла свою муфту, которую в начале разговора положила на спинку кресла, и встала, собираясь уходить.

— Вы отклонили мои извинения, мистер Одли, — сказала она, — но, надеюсь, вы не сомневаетесь в искренности моих чувств.

— Нисколько не сомневаюсь, миледи.

— Тогда до свиданья, и, пожалуйста, не задерживайтесь тут надолго, если не хотите вернуться на Фигтри-Корт, заполучив простуду и прострел в поясницу.

— В Лондон я возвращаюсь завтра утром, завтра же и займусь письмами Джорджа.

— Счастливого пути. И еще раз до свиданья.

Женщина протянула ему руку для поцелуя. Роберт вдруг заметил, какими крохотными кажутся эти пальчики на его ладони, и подумал, что, если бы жестокость продиктовала ему сейчас свою злую волю, он мог бы сломать их — легко, походя, как бы ненароком.

Он проводил миледи до кареты. Карета тронулась с места, но отправилась она не по направлению к Одли-Корт, а в сторону Brentвуда, что располагался в шести милях от холма Маунт-Станнинг.

Часа через полтора Роберт вышел на порог дома и, закулив сигару, взглянул на окрестные поля, побелевшие от нескончаемого снегопада. Вдруг, к немалому своему изумлению, он заметил знакомую одноконную карету. Она приближалась к постоялому двору, на этот раз — пустая.

— Разве вы не отвезли миледи в Одли-Корт? — спросил он кучера, когда тот, остановившись у ворот, потребовал у хозяев кружку горячего эля, сдобренного специями.

— Я только что из Brentвуда, с железнодорожной станции, — ответил кучер. — Миледи уехала поездом, что отходит в 12.40.

— Уехала? В Лондон?

— В Лондон, сэра.

— Час от часу не легче! — промолвил Роберт, возвращаясь к себе. — Значит, и мне нужно отправляться, следующим же поездом. Кажется, я знаю, где искать миледи.

Он запаковал чемодан, заплатил по счету — Фиби Маркс составила его со всей скрупулезностью, на какую была способна, — привязал собачонок на одну цепь, застегнув ее раздвоенный конец на кожаных ошейниках, и, взяв экипаж здесь же, на постоялом дворе, двинулся в Brentвуд. Он поспел на трехчасовой экспресс, занял место в углу пустого вагона первого класса,

с удовольствием развалился в огромном кресле и закурил, отмахнувшись от сделанных ему замечаний.

— Пусть железнодорожная компания устанавливает столько правил, сколько ей нравится, — пробормотал он, — но я буду дымить манильской сигарой до тех пор, пока у меня в кармане есть лишние полкроны, чтобы заплатить проводнику!

ОШИБКА СЛЕСАРЯ

Роберт Одли сошел на платформе в Шордитче ровно в четыре часа пять минут пополудни. Проводник выгрузил его чемоданы и вывел собак из вагона. Он хотел заказать кеб, но внезапно Роберта Одли осенила идея, и он, попросив проводника постеречь имущество, отправился на другой конец вокзала.

Рядом ударили в колокол: вот-вот должен был отойти поезд на Колчестер. Пассажиры, торопясь, занимали свои места.

Роберт направился к поезду, и в этот момент на него едва не налетела какая-то женщина, только что прибывшая на вокзал — в страшной спешке и возбуждении.

— Пожалуйста, извините... — промолвила она, и тут же, подняв глаза, воскликнула: — Роберт! Вы уже в Лондоне?

— Да, леди Одли. Вы были совершенно правы: Маунт-Станнинг действительно ужасное место, и...

— ...и вам там наскучило. Я знала, что этим кончится. А теперь, будьте добры, откройте мне дверь вагона: поезд отправляется через две минуты.

Роберт Одли с удивлением взглянул на нее.

«Какая она была робкая всего четыре часа назад, — подумал он. — И как решительна и уверена в себе сейчас! Что изменилось? Что все это значит?»

Он открыл ей дверь, помог устроиться, обернув полы меховой шубки вокруг ее колен и укутав огромной бархатной накидкой, в которой почти утонула ее изящная фигурка.

— Спасибо, вы очень добры, — сказала леди Одли. — Вы, должно быть, сочтете меня в высшей степени взбалмошной, оттого что я прибыла в Лондон в такую пору, не известив об этом своего дорогого супруга. Я приехала, чтобы уладить дела с модисткой: она предъявила мне такой огромный счет, что даже сэр Майкл, терпимый ко всем моим чудачествам, на этот раз возмутился бы, а я не хочу, чтобы он страдал из-за меня — пусть даже в мыслях!

— Не дай вам Бог допустить такое, леди Одли, — с волнением промолвил Роберт.

— Была бы на то ваша воля, — с вызовом отпарировала миледи, — а Бог, разумеется, не допустит.

Раздался второй удар колокола. Поезд тронулся. Последнее, что увидел Роберт в окне уходящего вагона, была яркая, вызывающая улыбка леди Одли.

«Что все это значит? — снова подумал Роберт. — Может, она просто сбила меня с толку своими штучками? Может, это всего лишь пустые подозрения? Может, я вообще никогда не доберусь до истины, и смутные догадки будут терзать меня до тех пор, пока я не превращусь в маньяка? Ясно одно: что бы ни привело леди Одли в Лондон, она — это чувствуется по всему — добилась чего хотела».

Так, задавая себе вопросы и не находя на них ответа, держа под мышкой одну из собак, а другой рукой поддерживая стоявший на плече чемодан, он дошел до заветных дверей своей квартиры на Фигтри-Корт.

Войдя, он окинул комнаты беглым взглядом. Повсюду царил идеальный порядок: миссис Мэлони похозяйничала здесь на славу. Оставив собак на коврике у камина, Роберт Одли направился прямо в маленькую комнату, служившую ему гардеробной.

Здесь он хранил старые, повидавшие виды чемоданы, поношенные сумки и прочее в том же роде. Здесь Джордж Толбойз оставил свой багаж. Спустив один из его чемоданов с большого дорожного сундука, Роберт опустился на колени и, посветив себе свечой, внимательно осмотрел замок.

Битый-перебитый чемодан внешне ничем не изменился с тех пор, как Джордж, сняв с себя траурные одежды, положил его сюда вместе с другими вещами, напоминая ему о покойной ясене.

Роберт провел рукавом по кожаной крышке с инициалами «Д. Т.», составленными из забитых латунных гвоздей с большими шляпками. Однако миссис Мэлони, самая добросовестная из всех уборщиц на свете, добралась и до этой комнаты: ни на этом чемодане, ни на всех прочих не было ни пылинки.

Роберт отправил за ирландкой посыльного, а сам, перейдя в гостиную, начал беспокойно ходить взад-вперед по широкой комнате, нетерпеливо дожидаясь уборщицы.

Минут через десять миссис Мэлони появилась в его холостяцких апартаментах.

— Что случилось, сэр?

— Ничего. Я послал за вами, чтобы узнать, не просил ли кто сегодня у вас ключи от моих комнат — скажем, какая-нибудь леди?

— Леди? Да что вы, ваша честь, никакой леди тут и в помине не было!

А вот слесарь, тот точно был.

— Слесарь?

— Да, слесарь, которого вы, ваша честь, вызывали нынче в первой половине дня.

— Не вызывал я никакого слесаря! — воскликнул Роберт Одли, а сам подумал: «Я оставил в шкафу бутылку французского бренди, и миссис Мэлони, должно быть, порядком хлебнула».

— Как же так, ваша честь? Вы же сами приказали слесарю осмотреть дверные замки. Этот парень живет на одной из тех маленьких улиц, что около моста, — сказала уборщица и подробно описала, где можно найти именно этого слесаря, засвидетельствовав, сама того не подозревая, свою абсолютную трезвость.

Роберт сокрушенно развел руками.

— Пожалуйста, присядьте и соберитесь с мыслями, миссис М., — попросил он. (Роберт специально сократил фамилию женщины, чтобы не затруднять себя произнесением всего слова.) — Может быть, мы мало-помалу пойдем друг друга. Итак, вы утверждаете, что здесь был слесарь?

— Да, сэр.

— Именно сегодня?

— Именно, сэр.

Так, задавая вопрос за вопросом, Роберт Одли выяснил следующее.

Слесарь, зайдя к миссис Мэлони в три часа пополудни, попросил у нее ключи от апартаментов Роберта, чтобы осмотреть дверные замки, которые, как утверждал мистер Одли, все вышли из строя. Слесарь заявил также, что действует по распоряжению самого мистера Одли, который написал ему письмо из сельской местности, куда джентльмен уехал на время рождественских праздников. Миссис Мэлони, поверив слесарю на слово, пустила его в комнаты, где он и оставался в течение получаса.

— Вы были рядом, пока он осматривал замки? — спросил Роберт Одли.

— Разумеется, сэр. Я постоянно входила и выходила, потому что после полудня убирала лестницу. Все это время парень работал у меня на глазах.

— Итак, вы постоянно входили и выходили. Миссис М., вы меня весьма обяжете, если прямо ответите на вопрос: пока слесарь работал в моих комнатах, на сколько самое долгое вы выходили из квартиры?

Миссис Мэлони пожала плечами.

— Возможно, минут на десять. Возможно, на четверть часа. Но не больше. Мистер Одли, поймите, лестницы были такие грязные...

Роберт Одли устало вздохнул.

— Миссис М., поймите и вы, — с упреком сказал он, — слесарь оставался здесь без присмотра достаточно долго и, пока вас не было, мог сделать все что угодно.

Миссис Мэлони взглянула на Роберта Одли с удивлением и тревогой.

— Да ведь тут и красть-то нечего, ваша честь. Кому нужны ваши канарейки и герань?

— Не будем спорить, миссис М. Я схожу к слесарю домой.

— Может, сначала пообедаете, сэр?

— Нет: сначала слесарь, потом обед.

И, надев шляпу, он отправился к церкви Сент-Брайд, где проживал незванный слесарь.

Придя по указанному адресу, Роберт Одли протиснулся в узкие двери с низкой притолокой и, смяв туюлю шляпы, очутился в маленькой мастерской.

Рядом с незастекленным окном горел тусклый газовый рожок.

— Привет! — сказал Роберт, входя в комнату.

Ему не ответили: веселая компания, собравшаяся в комнате, не обратила на гостя никакого внимания.

За столом сидели слесарь, его жена, дети, две-три особы женского пола, а украшали стол две бутылки, наполненные отнюдь не той бурдой неопределенного цвета, которую гонят из можжевельника и которой за неимением лучшего пробавляется простонародье, — о нет, то были портвейн и шерри многолетней выдержки и лучшей марки, какие только можно купить за деньги.

— И после этого, — сказал слесарь, не заметив Роберта, — она ушла — такая милашечка, каких я сроду не видывал!

Появление неожиданного гостя смутило собравшихся, но слесарь смутился больше всех. Он склонился над стаканом так поспешно, что расплескал несколько драгоценных капель и, шумно засопев, вытер губы дрожащей грязной рукой.

— Вы сегодня заходили ко мне, — мягко сказал Роберт, и, обращаясь к женщинам, произнес: — Извините за беспокойство, леди.

Снова перевел взгляд на хозяина и повторил:

— Сегодня вы заходили ко мне, мистер Уайт, и...

— Надеюсь, сэр, — заикаясь от волнения, перебил его слесарь, — вы не станете пенять мне за эту ошибку. Ей-богу, сэр, мне очень жаль, что все так получилось. Мне прислали заказ от другого джентльмена, мистера Олвина, что проживает на Гарден-Корт, но имя выскользнуло у меня из памяти, и вместо мистера Олвина я отправился к вам, решив, что вызвали

меня именно вы. Осмотрев замки, я, однако, сказал себе: «Замки у джентльмена в порядке. Зачем ему нужен ремонт?»

— Но вы пробыли у меня целых полчаса!

— Да, сэръ; один из ваших замков — от той двери, что ближе всех к лестничной площадке — действительно малость барахлил, я вынул и почистил его, а потом отправил на прежнее место. За работу я с вас ничего не возьму, и вы, надеюсь, не будете в претензии за беспокойство. В июле исполнилось тринадцать лет, как я занимаюсь своим ремеслом, и...

— И ничего подобного за все время с вами не случилось, вы это хотели сказать? — сурово промолвил Роберт Одли, и слесарь взглянул на него с таким раскаянием, что у молодого адвоката тут же пропала охота устраивать допрос с пристрастием в жалкой мастерской.

— Бог с вами, — примирительно сказал он. — Веселитесь себе на здоровье. Доброй ночи, мистер Уайт, доброй ночи, леди.

Роберт вышел на улицу, но последние слова слесаря все не выходили у него из головы: «Она ушла, такая милашечка, каких я сроду не видывал!»

— Интересно, кто это ушел и каких милашечек он не видывал? — бормотал Роберт по дороге домой. — Что за историю рассказывал этот парень, когда я прервал его? Ах, Джордж Толбойз, Джордж Толбойз, когда же наконец я проникну в тайну твоей судьбы? Приближаюсь ли я к разгадке? На верном ли я пути? Чем-то закончится этот путь?

Когда Роберт вернулся домой, его ждал прекрасный ужин, приготовленный миссис Мэлони. Увы, ни один даже самый сочный кусок не полез ему в горло.

— С тех пор, как пропал Джордж, — промолвил Роберт Одли, ткнув несколько раз вилкой в говяжью котлету и со вздохом отодвинув тарелку, — понятие «вкусная еда» перестало для меня существовать. В комнатах у меня мрачно, словно бедняга Джордж скончался рядом, за стеной, и его останки никак не могут предать земле. А вспомнишь, так кажется, что тот сентябрьский полдень был целую вечность тому назад — тот злополучный полдень, когда я расстался с Джорджем, живым и здоровым, потерял его так внезапно и так загадочно, словно земная твердь, подобно волчьей яме, разверзлась у него под ногами и он отправился прямо к антиподам!

СТАРЫЙ СУНДУК

Роберт Одли вышел из-за обеденного стола и отправился в кабинет. Выдвинув ящик с надписью «Важное», он достал лист бумаги, где все события, имевшие прямое или косвенное отношение к исчезновению Джорджа Толбойза, были кратко изложены в пятнадцати параграфах и, поработав с полчаса, добавил к ним новые данные, пронумеровав их с той же тщательностью, что и предыдущие.

— Дай бог, — чуть слышно сказал он, кладя документ на прежнее место, — чтобы все это легло в основу первого в моей жизни судебного разбирательства.

Выйдя из кабинета, он запер дверь, взял свечу и направился в гардеробную, где хранились его собственные чемоданы и дорожный сундучок Джорджа Толбойза.

Он вынул из кармана связку ключей и стал пробовать открыть ими сундучок. Замок оказался простым, и с пятой попытки ключ легко повернулся в немудреном механизме.

— Случись что, нет никакой нужды ломать такой замок, — пробормотал Роберт и откинул потертую крышку.

Он медленно вынул содержимое сундучка, внимательно рассматривая каждую вещь, и бережно разложил все около себя. Старые пенковые трубки, ношенные перчатки, колода замызганных карт, бутылки из-под духов, театральные программки с именами актеров, многих из которых давно уже не было в живых, пожелтевшие газетные вырезки — много всякого, но не того, что искал Роберт Одли: писем покойной Элен Толбойз.

О существовании этих писем Джордж говорил ему не однажды. Как-то он застал Джорджа, когда тот перечитывал их, благоговейно переворачивая хрупкие странички.

Куда же подевались письма?

Джордж ли переложил их в другое место или чужая рука похитила их после его исчезновения — кто мог сейчас ответить на этот вопрос? Очевидно было только одно: писем на месте нет, и где они — неизвестно.

Роберт устало вздохнул и начал заполнять опустевший сундук вынутыми из него вещами, бережно, одну за другой складывая их обратно.

Маленькую стопку потрепанных книг он решил не прятать.

«Отложу-ка я их в сторону, — подумал он. — Может быть, они чем-нибудь мне помогут».

Библиотека у Джорджа была весьма скромной: Евангелие, латинская грамматика, французский учебник фехтования для кавалеристов, «Том Джонс» Филдинга, байроновский «Дон Жуан», напечатанный таким убористым шрифтом, что впору было читать его с микроскопом, а также объемистый том в темно-красном переплете, украшенный поблекшим золотым тиснением.

Роберт Одли закрыл сундук и, взяв книги под мышку, вышел из гардеробной. Когда он вошел в гостиную, миссис Мэлони убирала со стола остатки трапезы. Он положил книги на столик у камина и стал терпеливо ждать, когда женщина, закончив работу, оставит его одного.

Время шло, но миссис Мэлони все не уходила.

Он открыл «Шагреновую кожу» Бальзака, и вдруг золотые локоны дядюшкиной супруги заплясали у него перед глазами, и он, не в силах сосредоточиться, выронил книгу из рук, сел в кресло и устремил усталый взор на миссис Мэлони.

Женщина пошевелила угли в камине, задернула тяжелые оконные занавеси, подсыпала канарейкам зерна, надела шляпку и, пожелав Роберту доброй ночи, вышла и закрыла за собой дверь.

«Зачем продолжать начатое, — подумал Роберт, оставшись наедине с самим собой, — когда я знаю, что то, что я делаю, подводит меня — шаг за шагом, день за днем, час за часом — все ближе подводит к тому выводу, против которого восстает все мое существо?»

Неужели я привязан к этому колесу, неужели должен, подчиняясь каждому его обороту, следовать за ним повсюду, куда бы оно ни покатилося?

Не проще ли сказать себе: да, мой друг исчез, пропал, а я, исполняя свой долг, искал его упорно и терпеливо, и моя ли в том вина, что труды мои оказались напрасными?

Правильно ли будет выпустить из рук цепь, которую так медленно, звено за звеном, я собирал все это время, выпустить именно теперь и именно в этом звене? А может, я обязан удлинить ее, присоединяя к ней все новые и новые звенья, пока последнее, встав на свое место, не замкнет ее роковое кольцо?

Однако я уже поверил в то, что друга моего нет в живых и что никакие мои усилия не вернут мне его. Так есть ли смысл задаваться вопросом, где и как он отошел в мир иной?

Ступая по стезе, ведущей к открытию, не оскорблю ли я память

Джорджа Толбойза, сев на обочине и не помышляя о дальнейшем движении вперед?

Что делать? Что мне делать?

Роберт уперся локтями в колени, опустил голову и обхватил ее руками. Замысел, единственный и путеводный, зрел в его беззаботной душе, зрел до поры, пока он не стал тем, кем не был никогда, — христианином, то есть человеком, сознающим собственную слабость, но пекущимся о том, чтобы не сойти с пути, ведущего к истине.

Никогда еще, обращенный помыслами к Джорджу Толбойзу, не молился он так искренне и так глубоко, и, когда, подняв голову, устремил взор в открывшуюся ему даль, у него было лицо преображенного человека.

— Да воздастся по справедливости мертвым, — промолвил он, — и да обретут милосердие живые!

Он подвинул к столу свое легкое кресло, подрезал фитиль лампы и начал просматривать книги.

Он брал их одну за другой и, медленно перелистывая, прежде всего, обращал внимание на ту страницу, где владелец книги обычно пишет свою фамилию, а также заглядывал между страницами, надеясь обнаружить там какую-нибудь записку или обрывок бумаги. На титуле латинской грамматики имя Джорджа Толбойза было написано четким школьным почерком. На французском учебнике фехтования Джордж подмахнул свои инициалы крупными неряшливыми буквами. «Том Джонс» был явно куплен в книжной лавке, пройдя перед этим через десятки рук, ибо надпись, датированная 14 марта 1788 года, гласила, что Джеймс Андерли, покорный слуга Томаса Скроутона, дарит последнему сию книгу в знак великого уважения. Титульные листы «Дон Жуана» и Евангелия были чистыми.

Роберт Одли с облегчением вздохнул: на столе остался единственный том в темно-красной обложке с тусклыми позолоченными виньетками, который следовало просмотреть, чтобы с чистой совестью завершить столь скучную, но важную работу.

Это был ежегодник за 1845 год. Образы милых дам, украшавших мир в ту пору, когда книга вышла из-под печатного станка, пожелтели и покрылись плесенью вместе с гравюрами. Увяли жеманные женские улыбки, а платья — последний крик отшумевшей моды — казались нелепыми и странными. Стихи, время от времени сдабривавшие вялую прозу, безнадежно устарели и звучали так, словно струны, их породившие, отсырели в тумане столетий.

Впрочем, Роберта Одли не заинтересовали ни стихи, ни гравюры. Он

торопливо перевернул книгу, не обнаружив в ней ничего, кроме пряди золотистых волос. Они вились — естественно, словно усик виноградной лозы, и если не цветом, то строением своим значительно отличались от того гладкого локона, что передала Джорджу Толбойзу хозяйка вентнорской гостиницы после смерти его жены.

Роберт Одли закрыл книгу, вложил находку в конверт, капнул на него сургучом, прижал к сургучу кольцо с печаткой и положил конверт в ящик с надписью «Важное».

Он хотел было отправить ежегодник туда, где уже лежали остальные книги, как вдруг ему бросилось в глаза, что два листа в самом начале книги, оба совершенно чистые, склеены между собой. Роберт не счел за труд разъединить их ножом, и его усердие было вознаграждено: на одной из страниц он увидел три надписи, сделанные тремя разными почерками.

Первая была датирована годом, когда книга вышла в свет. Она извещала о том, что книга является собственностью некоей мисс Элизабет Энн Бинс, получившей ее в награду за послушание и прилежание, обнаруженные ею в семинарии Кэмфорд-Хаус.

Вторая надпись, оставленная пятью годами позже самой мисс Бинс, гласила о том, что сия книга преподносится в знак искреннего восхищения и неувядаемой дружбы — мисс Бинс, судя по всему, была романтической особой — дорогой подруге Элен Молдон.

Третья запись, сделанная рукой Элен Молдон и датированная сентябрем 1854 года, сообщала, что ежегодник передается в дар Джорджу Толбойзу.

Едва взглянув на эти последние строки, Роберт Одли вздрогнул и побледнел.

— Так я и знал, — пробормотал молодой адвокат. — Господь свидетель, я был готов к самому худшему, и то, к чему я готовился, не заставило себя долго ждать. Теперь мне понятно все. Следующий мой визит — в Саутгемптон. Я должен передать мальчика в более достойные руки.

Среди писем, обнаруженных Робертом Одли в сундуке Толбойза, нашлось одно, на котором остался адрес отца Джорджа. Мистер Харкурт Толбойз — так звали этого человека. Джордж никогда не рассказывал о нем подробно, но и того немногого, что он поведал, было достаточно, чтобы понять: мистер Харкурт Толбойз — джентльмен с весьма трудным характером.

Тщательно выбирая слова, Роберт Одли написал мистеру Харкурту Толбойзу об исчезновении его сына, особо указав на то, что произошло это при весьма таинственных обстоятельствах. Не скрыл он и своих опасений относительно того, что за всем этим, по его мнению, стоит чья-то злая воля и чья-то грязная игра.

Все это Роберт написал сразу же после исчезновения Джорджа, и прошло несколько недель, прежде чем он получил бесстрастное послание, в котором Харкурт Толбойз извещал, что, после того, как Джордж, пойдя против родительской воли, женился на бесприданнице, он, Харкурт Толбойз, умыл руки, сняв с себя всякую ответственность за дальнейшую судьбу сына. В постскриптуме мистер Харкурт Толбойз написал, что если Джордж устроил свое мнимое исчезновение, дабы, играя на чувствах друзей, поправить денежные дела, то в отношении тех, кто знает его с детства, он обманулся самым жестоким образом.

Поняв, что помощи от Харкурта Толбойза ждать не приходится, Роберт Одли ответил ему несколькими негодующими строчками, где указал родителю на то, что, во-первых, его сын не был столь низким негодяем, чтобы вынашивать подобные планы, а во-вторых, странно подозревать в корыстолюбии человека, у которого на банковском счету двадцать тысяч фунтов стерлингов.

— Сначала съезжу в Саутгемптон, — решил Роберт Одли, — а потом, несмотря ни на что, в Дорсетшир, к отцу Джорджа. Если уж ему безразлична судьба сына, то почему я один должен нести ношу, которую, по логике вещей, он обязан разделить со мной? Приеду к нему и поговорю начистоту, а уж он пусть сам решает, вести мне дальнейшее расследование или нет.

Рано утром Роберт Одли сел в экспресс, следовавший до

Саутгемптона. Снег, белый и пушистый, толстым слоем лежал по обеим сторонам дороги. Погода была великолепная, но Роберт, кутаясь в шерстяной дорожный плед, угрюмо взирал на прелестные сельские пейзажи, не в силах победить сомнения, одолевавшие его благородную душу.

— Кто бы мог подумать, что я так привяжусь к этому парню и мне будет так одиноко без него? У меня есть небольшое состояние и три процента годовых, я могу унаследовать титул своего дядюшки, у меня есть девушка, которая — я знаю это — с радостью отдаст все, чтобы сделать меня счастливым, но, честное слово, я готов отказаться от всего, готов хоть завтра остаться без пенни в кармане только ради одного — чтобы раскрылась ужасная тайна и чтобы передо мной предстал Джордж Толбойз, целый и невредимый!

Экспресс прибыл в Саутгемптон в половине двенадцатого утра, и, когда Роберт добрался до знакомой гостиницы, часы церкви Святого Михаила пробили полдень.

Дверь открыла неряшливо одетая девочка-служанка. Роберт объяснил ей, кто он, откуда и к кому приехал, а затем, не церемонясь, прошел в гостиную. Девочка, с подозрением взглянув на гостя, помчалась в ближайшую пивную: она приняла Роберта за нового сборщика налогов и поспешила к мистеру Молдону, чтобы предупредить того о приближении врага.

Когда Роберт появился на пороге гостиной, он увидел, что рядом с маленьким Джорджи сидит незнакомая белокурая женщина лет пятидесяти, одетая в поношенное вдовье платье. В молодости, судя по всему, она была замечательной красавицей, но бедность и годы отняли у нее то, чем когда-то щедро одарила природа.

— Мистера Молдона нет дома, сэра, — смиренно поклонившись Роберту, сказала она. — Если вы насчет платы за воду, то мистер Молдон велел мне сказать, что...

— А я тебя знаю! — воскликнул Джорджи и, спустившись с высокого кресла, подбежал к Роберту. — Ты приходил к нам в Вентноре с большим джентльменом, и еще один раз ты приходил к нам здесь, и ты мне дал тогда денег, а деньги я передал дедушке, а дедушка, как всегда, их припрятал.

Роберт взял малыша на руки и усадил его на столик у окна.

— Посиди, угомонись на минутку, — сказал он, — хочу посмотреть, каким ты стал.

Он повернул детское личико к окну и раздвинул каштановые кудри на лбу мальчика.

— Как быстро ты растешь! Скоро станешь совсем взрослым. Хочешь в школу, Джорджи?

— Да, конечно, — с жаром отозвался мальчик. — Я как-то сходил в школу мисс Певинс — это недалеко, за углом, — но заболел корью, и дедушка не позволил мне больше ходить туда, потому что побоялся, что я заболею снова. Он не позволяет мне играть с уличными мальчишками, он говорит про них, что они негодяи и мерзавцы, а мне такие слова говорить не велит, потому что это неприлично. А еще он говорит «черт побери», и мне говорит, что ему это можно, потому что он старенький, и что когда я тоже стану стареньким, мне тоже можно будет говорить «черт побери». А вообще-то я бы хотел ходить в школу, я бы пошел туда прямо сейчас, если вам угодно; пусть только миссис Плаусон почистит мой сюртук. Ладно, миссис Плаусон?

— Конечно, конечно, мастер Джорджи. Если ваш дедушка велит, непременно почищу, — ответила женщина, беспокойно взглянув на Роберта Одли.

«Кто она такая и чем тут занимается? — подумал Роберт, взглянув на женщину, когда она медленно направилась к столу, на котором сидел Джорджи. — В самом ли деле она принимает меня за сборщика налогов, который посягает на это нищенское добро, или нервничает потому, что на то есть иные, более глубокие причины? Впрочем, последнее навряд ли: сколько бы секретов ни было у лейтенанта Молдона, маловероятно, чтобы он поделился ими с этой женщиной».

Между тем миссис Плаусон подошла к столу и, подхватив мальчика, осторожно опустила его на пол.

— Зачем вы это сделали? — спросил Роберт Одли.

— Затем, чтобы отмыть ему мордашку и причесать волосики, — ответила миссис Плаусон тем же боязливым тоном, каким упомянула о налоге на воду. — Он такой грязнущий, что трудно разглядеть, какой он на самом деле хорошенький. Да мы ненадолго: через пять минут я приведу вам его назад.

Она обняла мальчика длинной худой рукой, собираясь увести его, но Роберт ее остановил.

— Полноте, дайте мне полюбоваться на него таким, каков он есть. Времени у меня совсем мало, и я хочу услышать все, что скажет мне этот маленький человечек.

А маленький человечек взобрался Роберту на колени и, доверчиво заглянув в глаза, сказал:

— Ты мне очень нравишься. В прошлый раз я тебя боялся, а теперь не

боюсь — ведь мне уже почти шесть лет.

Роберт поцеловал детскую головку и увидел, как белокурая вдова, подойди к окну, бросила взгляд на пустынный двор.

— Кажется, вас что-то беспокоит, сударыня? — сказал молодой адвокат.

— Я ожидаю мистера Молдона, сэр, — смущенно пояснила женщина. — Он очень огорчится, не повидавшись с вами.

— Вот как! А вы разве знаете, кто я такой?

— Нет, сэр, но...

Она не закончила фразу: мальчик снова перебил ее.

— Посмотрите-ка, что у меня есть, — сказал он Роберту, вытаскивая из-за пазухи золотые часы. — Мне их подарила красивая леди. Их долго не было дома: их чистили. Дедушка говорит, что часовщик очень ленив и чистит медленно, и что когда нужно будет платить налоги, он, дедушка то есть, снова отдаст их почистить. Всякий раз, когда дедушка говорит про налоги, он говорит, что часы нужно будет снова отдать почистить. А еще он повторяет, что, если он их потеряет, красивая леди непременно подарит мне новые. Ты знаешь красивую леди?

— Нет, Джорджи. Расскажи мне о ней все, что знаешь.

Миссис Плаусон снова спустила мальчика на пол и, вынув из кармана платок, начала усердно вытирать им нос Джорджи.

— С мальчиком все в порядке, сударыня, — сказал Роберт. — Пожалуйста, будьте добры, оставьте нас одних на пять минут. А ну-ка, малыш, полезай ко мне на колени!

Мальчик с радостью воспользовался приглашением.

— Я расскажу тебе о красивой леди, потому что ты мне нравишься. Дедушка сказал мне, чтобы я про нее никому не рассказывал, но тебе я расскажу потому, что ты мне нравишься, и потому, что ты хочешь отвести меня в школу. Красивая леди пришла сюда однажды вечером. Это было давным-давно, когда я был совсем-совсем маленький. Так вот, она пришла сюда вечером, когда я уже лег спать, и она вошла ко мне в комнату, и села около моей кровати, и стала плакать, и... Ну что вы все гримасничаете, миссис Плаусон? Мне хочется поговорить с дяденькой, — сказал мальчик, обращаясь к женщине, стоявшей за спиной Роберта Одли.

Миссис Плаусон невнятно пробормотала что-то насчет того, что Джорджи, должно быть, изрядно утомил гостя.

— Когда утомит, я сам скажу вам об этом, сударыня, — резким тоном промолвил Роберт. — А пока убедительно вас прошу: не затыкайте мальчишке рот, иначе я подумаю, что вы с мистером Молдоном составили

какой-то заговор и боитесь, что ребенок сболтнет лишнее.

Бедная женщина побледнела, как смерть. Губы ее мгновенно пересохли, и, прежде чем промолвить хоть слово, она вынуждена была облизнуть их.

Мальчик, заметив, что происходит, вступился за нее.

— Не обижай миссис Плаусон. Миссис Плаусон хорошая. Миссис Плаусон меня любит. Миссис Плаусон — Матильдина мама. Ты не знаешь Матильду. Матильда всегда плакала; она болела, она...

Монолог мальчика прервало внезапное появление мистера Молдона. Он стоял на пороге гостиной, вытаращив на Роберта Одли испуганные пьяные глаза. Девочка-служанка — она все еще не могла отдышаться после беготни — выглядывала у него из-за спины.

— И вы еще называете себя разумной женщиной! — воскликнул отставной лейтенант, обращаясь к миссис Плаусон. — Почему вы не увели отсюда ребенка? Почему не отмыли ему рожицу? Вы что, хотите меня с ума свести? Вы этого хотите? А ну марш отсюда! Мистер Одли, весьма рад приветствовать вас в своем убогом жилище, — обратился он к Роберту с пьяной галантностью. С этими словами он рухнул в кресло и, повернувшись к незваному гостю, попытался сосредоточить на нем блуждающий взгляд.

«Сколько бы секретов ни было у него за душой, — снова подумал Роберт, когда миссис Плаусон, взяв Джорджа Толбойза-младшего за руку, вывела его из комнаты, — эта женщина не знает ничего. Какова бы ни была тайна, с каждым разом она становится все глубже, все темнее; но напрасно я пытаюсь повернуть вспять или сделать короткий привал на избранном пути, ибо всемогущая длань указывает мне туда, где могила, пока что мне неведомая, хранит останки моего дорогого друга!».

— Я собираюсь забрать вашего внука с собой, мистер Молдон, — твердо сказал Роберт, когда миссис Плаусон покинула гостиную, держа за руку юного питомца.

— Да-да, — отозвался старый пьяница, едва ворочая мозгами и языком. — Забираете мальчика у старого бедного дедушки. Я всегда был уверен: рано или поздно все равно так и случится.

— Вы всегда были уверены, что я заберу у вас мальчика? — спросил Роберт, пристально взглянув на отставного лейтенанта. — Откуда такая уверенность, хотелось бы знать?

— Откуда? Да все оттуда же, — туманно пояснил пьяница.

Молодой адвокат сурово нахмурился.

— Потому что я думал, что либо вы, либо его отец — но кто-то из вас непременно заберет его у меня, — боязливо ответил отставной лейтенант, не выказывая особой фантазии.

— Однако в прошлый раз, мистер Молдон, вы сообщили мне, что Джордж Толбойз отправился в Австралию. Как же тогда он может забрать у вас сына?

— Да-да, конечно... Но... кто его знает? Он ведь такой неугомонный... Вечно не сидит на месте... Он вполне может вернуться.

Он трижды повторил последнюю фразу. Его грязные, перепачканные табаком пальцы мелко задрожали.

— Мистер Молдон, — медленно проговорил Роберт Одли, чеканя каждый слог, — Джордж Толбойз никогда не уезжал в Австралию. Более того, он никогда не приезжал в Саутгемптон. То, что вы сообщили мне 8 сентября, — ложь, продиктованная вам в телеграфной депеше, полученной незадолго до моего визита.

Старик выронил глиняную трубку и жалобно взглянул на Роберта.

— Эту ложь вам продиктовали. 7 сентября Джорджа Толбойза у вас не было. Вы были уверены, что сожгли депешу, однако сгорела только ее часть. То, что уцелело, сейчас находится у меня.

При этих словах отставной лейтенант мгновенно протрезвел.

— Что я наделал! — воскликнул он, беспомощно разводя руки. — Господи, что я наделал!

— 7 сентября в два часа дня Джорджа Толбойза, живого и здорового, видели в поместье Одли-Корт в Эссексе.

Старик сидел, не шелохнувшись: ужас сковал его по рукам и ногам.

— 7 сентября в два часа дня, — повторил Роберт Одли, — моего друга, живого и здорового, видели в вышеупомянутом поместье. Но с того дня и часа, я выяснил это, его уже не видел никто. Я опросил всех, кого мог. Увы, никаких надежд. Теперь я знаю: Джордж Толбойз мертв.

— Нет! Нет! Нет! Нет! — внезапно завопил старик. — Ради бога, не говорите таких вещей! Все, что угодно, только не это. Его могли похитить, ему могли дать отступные, чтобы он ушел с чьей-нибудь дороги, но только не это. Он жив! Жив! Жив!

— Я уверен, — неумолимо повторил Роберт Одли, — мой друг не покидал Эссекса. Я уверен: 7 сентября он ушел из жизни.

— Нет! Нет! Ради бога! Вы сами не знаете, что говорите!

— Не беспокойтесь: я отдаю себе отчет в каждом сказанном слове.

— Ах, что же мне делать? Что делать? — запричитал старик, чуть не плача.

Но затем, с трудом приподнявшись и выпрямившись во весь рост, он вдруг не без достоинства — и это было что-то новое в его поведении — сказал:

— Вы не имеете права приходить сюда и вгонять в страх человека, который выпил рюмку и потому не в себе. Не имеете вы на это права, мистер Одли. Полицейский, когда арестовывает вора или, хуже того, убийцу, честно предупреждает — обязан предупредить арестованного о том, что тот не должен утверждать ничего, что можно было бы использовать против него. Закон, сэр, милосерден к подозреваемому. Вы же, сэр, выбрав как раз такое время — такое время, сэр, когда я, против обыкновения, выпил, меж тем как я утверждаю, а люди могут подтвердить, что я по большей части бываю трезв, — так вот, выбрав столь неудобное для меня время, вы являетесь в мой дом — в мой дом, сэр! — и запугиваете меня, на что вы, сэр, не имеете права, никакого права, сэр, так что...

Спазмы сжали горло мистера Молдона, он рухнул в кресло и горько зарыдал.

Нищая, жалкая гостиница, нищий, жалкий старик, сотрясаемый рыданиями... Роберт Одли взглянул на отставного лейтенанта с нескрываемым сочувствием.

«Предвидь я такое заранее, — подумал он, — я бы пощадил старика».

Но едва эта мысль мелькнула в его голове, как он вспомнил о другом человеке — человеке того же возраста, но совсем иного круга, который,

знай он сейчас то, что знал Роберт, залился бы куда более горькими слезами. Этот человек — его дядюшка, сэр Майкл.

«Как я безжалостен! — подумал Роберт Одли. — Но нет, это не я, это могучая десница, влекущая меня все далее и далее по темной стезе, о конце которой я не смею и мечтать!»

— Мистер Молдон, — мягко сказал он, — я не прошу у вас прощения за те страдания, что причинил вам мой визит, потому что...

Здесь Роберт умолк: старик плакал, не переставая, и молодой адвокат вынужден был собрать все свои душевные силы, чтобы возобновить свой суровый монолог.

— Есть такая пословица, мистер Молдон: шила в мешке не утаишь. В ней, в этой пословице, заключена старая житейская мудрость, которую люди черпают из собственного опыта, а не из книг. Если я, махнув на все рукой, оставлю своего друга гнить в неведомой могиле, настанет день, и какой-нибудь совершенно чужой человек, слыхом не слыхавший имени Джорджа Толбойза, в силу совершенно невероятного стечения обстоятельств откроет тайну его смерти. Может быть, это случится уже завтра. Может, десять лет спустя. Может быть, тогда, когда на смену нам придет иное поколение, когда рука того, кто совершил преступление, истлеет так же, как тлеет сейчас тот, кого она сразила. Ах, если бы я мог оставить все как есть! Если бы я мог навсегда оставить Англию, чтобы потерять любую, даже самую малую возможность подобрать ключ к этой тайне — я бы оставил ее, оставил с великой радостью! Но в том-то и дело, что я не могу этого: всемогущая десница увлекает меня вперед. Поверьте ради дела, которому я отдал себя без остатка: менее всего я хотел бы вторгаться в вашу жизнь, мистер Молдон. Но я должен это сделать, должен! Если хотите предупредить об этом кого-то, кого это касается, — предупредите. Если тайна, к которой день за днем и час за часом я подбираюсь все ближе, задевает интересы того, кто вам близок, пусть, пока я не настиг этого человека, он исчезнет, заметя за собой все следы! Пусть уезжает из Англии, пусть отправляется, куда глаза глядят — я не стану преследовать его. Но если он не послушает меня — горе ему! Пробьет его час, и, клянусь, я его не пощажу!

Впервые за все время старик осмелился поднять глаза на Роберта Одли. Он поднес к сморщенному лицу рваный носовой платок и сказал:

— Заявляю вам: я не в силах понять, что вы имеете в виду. Заявляю со всей серьезностью: я вас не понимаю, я не верю в то, что Джорджа Толбойза нет в живых!

— Десять лет своей жизни отдал бы я за то, чтобы увидеть его

живым, — печально отозвался Роберт. — И потому я скорблю о вас, мистер Молдон, скорблю обо всех нас.

— Я не верю в смерть моего зятя, — упрямо повторил отставной лейтенант. — Я не верю в то, что бедный парень превратился в тлен и прах.

Он снова попытался изобразить неизбывное горе, но получилось это так неловко, что Роберт, глядя на его вымученное фиглярство, смущенно отвел взгляд.

В эту минуту в гостиную вошла миссис Плаусон. Она вела за собой Джорджа Толбойза-младшего. Отмытая рожица мальчугана сияла, как новая монетка.

— Что здесь происходит? — спросила женщина. — Мы все время слышали, как плачет бедный старый джентльмен.

Джорджи вскарабкался к деду на колени и розовой ручонкой вытер слезы на его морщинистом лице.

— Не плачь, дедушка, — сказал мальчик. — Добрый дядя — ювелир заберет мои часы в чистку, и, пока будет их чистить, он даст тебе денег, чтобы заплатить сборщику налогов. Не плачь, дедушка. Пойдем к ювелиру на Хай-стрит, у которого на дверях нарисованы золотые кружочки — в знак того, что он приехал из Ломбар... из Ломбардшира. Пойдем, дедушка.

Мальш вынул из-за пазухи золотые часы, гордый тем, что его талисман так часто выручал его и дедушку в самые трудные минуты жизни. Соскочив с колен деда, он схватил его за руку и потянул к дверям.

— Часы дедушке сегодня не понадобятся, Джорджи, — сказал Роберт Одли.

— Тогда отчего же он такой печальный? — спросил мальчик. — Когда ему нужны часы, он всегда печален и всегда бьет себя по лбу. — Мальчик сжал крохотные кулачки и показал, как ведет себя дед в минуты отчаяния. — При этом он говорит, что она — я думаю, это он говорит про красивую леди, — что она плохо к нему относится. Я тогда говорю ему: «Дедушка, возьми часы», а он берет меня на руки и говорит: «Ах, мой чистый ангел! Разве смогу я ограбить моего ангела?» А потом он плачет, но совсем не так, как сегодня — не так громко, что его слышно даже в коридоре.

С чувством огромной душевной боли слушал Роберт Одли сбивчивый монолог мальчугана, меж тем как старик, судя по всему, несколько успокоился. Он не стал вслушиваться в детский лепет и лишь два-три раза прошелся по маленькой гостиной, поглаживая всклокоченные волосы и теребя шейный платок, который повязала ему миссис Плаусон.

— Бедный старый джентльмен, — промолвила женщина, обращаясь к

Роберту, — на нем лица нет. Что случилось?

— Ушел из жизни его зять, — ответил Роберт. — Его не стало спустя полтора года после смерти Элен Толбойз, похороненной в Вентноре.

Миссис Плаусон облизнула побелевшие губы.

— Бедный мистер Толбойз умер? — воскликнула она. — Дурные новости, сэр, хуже не бывает.

Маленький Джорджи, вскинув головку, внимательно посмотрел на миссис Плаусон.

— Кто это там умер? — спросил он. — Ведь Джордж Толбойз — так зовут меня. Кто же умер?

— Другой человек с такой же фамилией — Толбойз, Джорджи, — ответила миссис Плаусон.

— Бедняга! — промолвил мальчик и по-взрослому тяжело вздохнул.

— Вы не будете возражать, мистер Молдон, если я заберу Джорджи с собой? — спросил Роберт Одли.

Старик к этому времени совершенно успокоился. Взяв со стола трубку, он попытался разжечь ее бумажным жгутом, свернутым из газетного обрывка.

— Ну, так как, мистер Молдон?

— Нет, конечно же, не возражаю, сэр. Вы его опекун и имеете право увести его с собой, куда вам заблагорассудится. Все эти годы он был моим единственным утешением, но я всегда был готов к тому, что рано или поздно расстанусь с ним. Я исполнил свой долг. Пусть иногда, когда мы сидели без денег, ему приходилось бегать в рваных башмаках — вы, сэр, человек молодой, неопытный, и потому представить себе не можете, сколько ботинок приходится покупать такому вот сорванцу, тем более что растет он не по дням, а по часам; пусть он сходил в школу всего лишь два-три раза — но поверьте, сэр, за всю свою короткую жизнь мальчик ни разу — ни разу! — не услышал от меня грубого слова.

Ребенок, уразумев, что происходит, громко заплакал.

— Я не уйду от тебя, дедушка! — закричал он, бросаясь к старику.

— Я не хочу причинять вам лишние страдания, мистер Молдон, — сказал Роберт Одли. — Помилуй всех нас Господи — вот все, что я могу сказать. Я знаю: забрать от вас мальчика — мой долг. Я определю его в самую лучшую школу Саутгемптона и, клянусь честью, никогда не воспользуюсь его невинной простотой, чтобы... — Роберт Одли на мгновение умолк, не зная, как поточнее выразить то, что тяжким бременем лежало у него на душе. — ...чтобы хотя бы на шаг продвинуться вперед, распутывая тайну гибели его отца. Я, как вы знаете, детектив не по

профессии, а по необходимости, но будь на моем месте самый настоящий детектив, и он, я уверен, не опустил бы до того, чтобы выпытывать сведения у ребенка.

Старик молчал, глубоко опустившись в кресло, одной рукой прикрыв лицо, а в другой держа длинную трубку.

— Уведите мальчика, миссис Плаусон, — сказал он, наконец. — Уведите и соберите его вещи. Мистер Одли забирает его с собой.

— Как вы жестоки, мистер Одли! — неожиданно воскликнула миссис Плаусон.

— Полноте, миссис Плаусон, — скорбно промолвил старик. — Мистер Одли знает, что делает. А я... Жить мне осталось недолго, и я никому не хочу доставлять беспокойство.

Слезы, брызнув из покрасневших глаз, упали на его грязные руки.

— Господь свидетель, сэр, я не причинил вреда вашему другу, — сказал отставной лейтенант, когда миссис Плаусон и Джорджи вышли из комнаты, — и зла я ему тоже никогда не желал. Он был мне добрым зятем и относился ко мне куда лучше, чем иные сыновья к своим отцам. Да, я транжирил его деньги, и сейчас мне стыдно за это, очень стыдно, сэр. Но в то, что он мертв, я не верю — не верю, сэр! Разве такое возможно, сэр?

Роберт ничего не ответил, лишь печально покачал головой и взглянул в окно, за которым расстился мрачный пустырь и играли бедно одетые дети.

В комнату вошла миссис Плаусон с Джорджи. На мальчике были пальто, шапка и теплый шерстяной шарф.

Роберт взял мальчика за руку.

— Попрощайся с дедушкой, Джорджи.

Маленький человечек живо подбежал к старику, порывисто обнял его и расцеловал в обе впалые щеки.

— Не плачь, дедушка. Вот пойду в школу, стану умным-преумным, а потом приеду и навещу тебя с миссис Плаусон. Я правильно говорю? — спросил он, обращаясь к Роберту.

— Правильно, малыш. Скажи дедушке «до свиданья».

— Уведите его, сэр, уведите, — взмолился старик. — Вы разбиваете мне сердце!

Мальчик быстро семеня ножками, стараясь не отставать от Роберта Одли. Он очень обрадовался, что скоро пойдет в школу, хотя, сказать по правде, с пьяницей дедом ему жилось не так уж плохо. Старик в нем души не чаял и позволял делать все, что вздумается, чем и разбаловал малыша, приучив его к поздним холодным ужинам и к рому пополам с водой,

который мальчик нет-нет да и потягивал из дедушкиного стакана.

Роберт Одли привел мальчика в гостиницу и, оставив его на попечение добродушного буфетчика, отправился на Хай-стрит в заведение мистера Марчмонта, гордо именовавшееся «Академией для молодых джентльменов».

В школе — то бишь в академии — Одли объяснил мистеру Марчмонту, кем ему приходится Джорджи и кто его отец, обратив внимание на то, что он, Роберт Одли, запрещает кому бы то ни было видеться с мальчиком и что на всякую встречу мистер Марчмонт должен будет испрашивать его письменное разрешение. Обговорив прочие условия обучения и содержания мальчика, Роберт направился в гостиницу за Джорджи.

Придя туда, он увидел следующую картину: Джорджи, стоя на подоконнике, болтает с буфетчиком о всякой всячине, а тот, ничем в эту минуту не занятый, тычет пальцем в окно, демонстрируя маленькому собеседнику чудеса Хай-стрит.

Бедняга Роберт, став опекуном Джорджа Толбойза-младшего, с таким же успехом мог опекать белого слона. Он знал, чем кормят шелковичных червей, морских свинок, кошек, собак, канареек и прочую живность, и мог в любое время прочесть лекцию на эту тему, но рацион юного человеческого существа пяти лет от роду являл для него тайну за семью печатями.

Вычтя из своего нынешнего возраста минувшие четверть века, Роберт попытался восстановить в памяти, чем же пичкали его самого на шестом году жизни.

«Смутно помню, это были хлеб, молоко и вареная баранина. Помню, опять-таки смутно, я их терпеть не мог. Интересно, придутся ли мальчику по вкусу хлеб, молоко и вареная баранина?»

Задумчиво глядя на ребенка, Роберт нервно теребил густые усы.

— По-моему, ты проголодался, Джорджи, — сказал он наконец.

Мальчик кивнул головой, и буфетчик, смахнув со стола несколько невидимых пылинок, приготовился принять заказ.

— Позавтракаем? — предложил Роберт, по-прежнему теребя усы.

Мальчик звонко рассмеялся.

— Позавтракаем! Полдень уж миновал, сэр: самое время пообедать.

Роберт Одли смутился.

«Вот ведь поросенок! — подумал он. — Такому палец в рот не клади», — и, постаравшись придать себе строгий вид, добавил вслух: — Я закажу тебе хлеб и молоко. Буфетчик! Хлеба, молока и пинту рейнвейна!

Джордж Толбойз-младший недовольно поморщился.

— Фу! Хлеб с молоком! Этого я не люблю. Я люблю то, что дедушка называет острой закуской. Он мне рассказывал, что обедал тут один раз, и что телячья отбивная была отменной. Хочу отбивную с яйцами и сухариками — ага? — и еще хочу лимонного сока — ага? Дедушка знаком с местным поваром. Повар — ужасно добрый джентльмен. Один раз, когда дедушка привел меня сюда, повар дал мне шиллинг. Повар одевается лучше дедушки и даже лучше вас.

И Джорджи презрительно кивнул Роберту, показав пальцем на его грубое пальто.

Роберт ошеломленно взглянул на своего юного питомца: пятилетний эпикуреец привел его в замешательство.

— То, что сейчас подадут на стол, — промолвил Роберт, стараясь придать голосу как можно больше твердости, — именуется обедом. А закажу я следующее: суп-жульен, тушеных угрей, тарелку котлет, жаркое из птицы и пудинг. Ну, что скажешь, Джорджи?

— Полагаю, юный джентльмен не станет возражать, когда увидит все это, сэр, — вмешался в разговор буфетчик. — К какому времени прикажете подавать?

— Скажем так, к шести. А потом мы с Джорджи отправимся в его новую школу. Пожалуйста, займите пока ребенка чем-нибудь. Мне нужно уладить кое-какие дела, и времени на мальчика у меня не будет. Переночую я здесь же, у вас. До свиданья. Я пойду, а ты постарайся нагулять до шести часов хороший аппетит.

Роберт отправился на вокзал и выяснил расписание поездов, идущих в Дорсетшир.

«Завтра утром, — решил он, — я повидаюсь с отцом Джорджа. Расскажу ему все, что знаю, и пусть мистер Харкурт Толбойз решает, что мне делать дальше».

С обедом, заказанным Робертом, маленький Джорджи управился повзрослому. Жареный фазан и светлое пиво привели его в восторг. В восемь вечера к парадному входу был подан одноконный экипаж, и Джорджи, бодрый и жизнерадостный, сел в него, имея в кармане золотой соверен и письмо Роберта Одли мистеру Марчмонту, а также чек на приличную сумму, обеспечивавшую юному джентльмену должное содержание.

— Хорошо, что у меня теперь будет новая одежда, — сказал Джорджи на прощание. — Миссис Плаусон только и делала, что чинила мне ее да перешивала изо всякого старья. Пусть теперь перешивает для Билли.

— Кто такой Билли? — спросил Роберт, смеясь над ребячьей болтовней.

— Билли — маленький братик бедной Матильды. А Матильда...

В этот момент возница взмахнул хлыстом, экипаж тронулся, и Роберт Одли так ничего и не узнал о Матильде.

МИСТЕР ХАРКУРТ ТОЛБОЙЗ

Харкурт Толбойз проживал в чопорном квадратном особняке в миле от деревушки Грейндж-Хит, что в графстве Дорсетшир. Чопорный квадратный особняк стоял в центре чопорного квадратного участка земли, не слишком большого, чтобы называть его парком, но слишком большого, чтобы назвать его как-то по-другому, потому окрестности, не получившие иного названия, именовали просто: «Сквайр-Толбойз».

Мистеру Харкурту Толбойзу менее всего был к лицу добрый славный домашний сердечный сельский староанглийский титул сквайра. Он не занимался фермерством и охотой. Он ни разу в жизни не надел высоких сапог с отворотами. Южный ветер и облачное небо интересовали его лишь постольку, поскольку движение этих стихий могло внести сумятицу в его размеренную жизнь. Урожай его заботил только тогда, когда его размер мог пагубным образом сказаться на ренте, взимаемой с арендаторов.

Мистеру Харкурту Толбойзу было лет пятьдесят. Высокий, прямой, костлявый, угловатый, с бледным квадратным лицом, светло-серыми глазами и редкими темными волосами, которые он зачесывал от ушей на лысую макушку, что придавало ему некоторое сходство с терьером — злым, непослушным и упрямым, на которого не посягнул бы ни один вор, специализирующийся на кражах собак.

Не было случая, чтобы кто-нибудь сыграл на слабых струнах Харкурта Толбойза, ибо никому не дано было их нащупать. Он был похож на собственный дом — беспринутный, построенный в форме квадрата и обращенный фасадом на север. Не было в его характере ни единого тенистого уголка, где можно было бы укрыться от слепящего дневного света. Дневной свет, резкий и всепроникающий, составлял суть его природы; свет этот, изливаясь широким потоком, не оставлял места для смягчающих полутонов и снисхождения ко всему, что было и есть несовершенного на грешной земле. Не знаю, сумею ли я точно выразить то, что хотелось бы, но в характере мистера Харкурта Толбойза не было кривых линий, ибо разум его, действуя прямолинейно и безжалостно, не признавал ни малейших отклонений от заданного угла. Белое для Харкурта Толбойза было только белым, черное — только черным, и множество оттенков между ними, порождаемые силою обстоятельств, он не различал и не признавал.

Он отрекся от единственного сына, потому что сын не подчинился ему, и, если бы его единственная дочь вышла из повиновения, он бы и с нею поступил точно так же.

Если этому несговорчивому и упрямому человеку и была свойственна какая-то слабость, то имя ей гордыня. Он гордился своим упрямством, делавшим его присутствие совершенно невыносимым для ближних. Он гордился своей неподатливостью, убившей в нем любовь и жалость к окружающим.

Если он и сожалел о женитьбе своего сына и последовавшем за этим разрыве с ним, инициатором которого был он, Харкерт Толбойз, то гордыня, возобладав над сожалением, заставила его умолкнуть навсегда.

Если бы кто-нибудь осмелился заговорить с ним о Джордже, он бы сказал:

«Мой сын совершил непростительную глупость, женившись на дочери нищего пьяницы, потому он мне больше не сын. Я не желаю ему зла: для меня он попросту умер. Я скорблю о нем, я скорблю о его матери, что ушла из жизни девятнадцать лет назад. Если вы заговорите о нем как о покойном, я выслушаю вас. Если вы заговорите о нем как о живом, я зажму уши, чтобы не осквернять свой слух его именем».

Зная характер отца, Джордж ни разу не обратился к нему за помощью. Как ни уговаривала его молодая жена, он лишь горько усмехался и пожимал плечами, и она, бедняжка, считавшая когда-то, что все драгуны богачи, не однажды впадала в отчаяние при мысли о том, что ей теперь до конца дней придется расплачиваться за эту неосведомленность.

Роберт Одли приехал в Грейндж-Хит ранним январским утром. Окна усадьбы сверкали так, словно их только что вымыла усердная горничная. Надо сказать, что к числу суровых римских добродетелей Харкурта Толбойза относилась и его чрезмерная любовь к порядку, приводившая в трепет всех, кого недобрая судьба собрала под кровом Сквайр-Толбойз.

В конце аллеи, обсаженной редкими елями, экипаж свернул под прямым углом (в другой усадьбе дорогу здесь непременно проложили бы в виде плавной кривой) и остановился перед окнами нижнего этажа. Возница спустился на землю и позвонил в латунный колокольчик. Колокольчик отозвался сердитым металлическим звоном, словно его оскорбило прикосновение простолюдина.

На крыльцо вышел лакей — черные штаны, полосатый полотняный жакет, чистый, только что от прачки.

— Да, мистер Толбойз дома, — сказал он. — Не соизволите ли передать ему свою визитную карточку?

Роберт передал карточку и вошел в прихожую — просторный зал, обшитый полированными дубовыми панелями. На полировке — ни царапинки, ни пятнышка, как, впрочем, на всем, что находилось внутри и вне дома, сложенного из красного кирпича.

Люди легкомысленные украшают прихожие картинами и статуями. Мистер Харкурт Толбойз, человек слишком практичный, чтобы отдавать дань глупым фантазиям, ограничился тем, что украсил стену барометром, а в углу приказал поставить стойку для зонтиков.

Слуга в полотняном жакете вернулся тотчас же.

— Мистер Толбойз примет вас, сэр, несмотря на то, что сейчас он завтракает. Он велел передать, что его удивляет время, выбранное вами для визита, потому что ему казалось, что всему Дорсетширу известно, когда он завтракает.

Молодой адвокат нисколько не смутился.

— Я не из Дорсетшира. Мистер Толбойз и сам мог бы догадаться об этом, если бы распространил свою страсть к умозаключениям на мою скромную персону.

Выражение ужаса мелькнуло на лице слуги, и лишь профессиональное бесстрашие, выработанное за долгие годы службы в этом доме, не позволило чувству проявиться в полной мере.

Он открыл тяжелые створки дубовых дверей и ввел Роберта Одли в большую столовую, обставленную со строгой простотой, которая со всей очевидностью говорила о том, что данное помещение предназначено исключительно для приема пищи, но жить здесь ни в коем случае нельзя. Во главе стола — за него можно было усадить разом восемнадцать человек — Роберт увидел мистера Харкурта Толбойза.

Мистер Толбойз сидел, облаченный в серый домашний халат, подпоясанный кушаком. Его суровое одеяние более всего напоминало римскую тогу. Мистер Толбойз был облачен также в жилет из толстой буйволово́й кожи; на шее — жестко накрахмаленный батистовый платок. От домашнего серого халата веяло холодом, холод излучали и серые глаза хозяина, а тускло-желтый цвет жилета ничем не отличался от цвета его лица.

Роберт Одли вовсе не предполагал, что Харкурт Толбойз окажется полным подобием Джорджа Толбойза, но он вправе был ожидать, что на их близкое родство укажет хоть какое-то фамильное сходство. Здесь не было никакого сходства. Харкурта Толбойза можно было назвать отцом кого угодно, но только не отцом Джорджа. Роберт, получивший в свое время ответ от Харкурта Толбойза, глазам своим не верил, читая жестокие строки

письма. Сейчас, глядя на хозяина поместья, он воочию убедился, что такой человек иного ответа дать не мог.

В огромной столовой мистер Харкурт Толбойз был не один. В дальнем углу, у последнего из четырех больших окон, сидела девушка, занятая шитьем, и хотя ее и Роберта разделяла целая комната, молодой адвокат успел отметить и молодость девушки, и ее безусловное сходство с Джорджем Толбойзом.

«Сестра, — подумал Одли. — Он так ее любил. Неужели и ей безразлична его судьба?»

Девушка чуть приподнялась в кресле и кивнула, приветствуя Роберта. Моток ниток, выскользнув из ее рук, выкатился за край турецкого ковра.

— Садись, Клара, — раздался резкий голос Харкурта Толбойза.

Джентльмен промолвил эти слова, не повернув головы.

— Садись, Клара, — повторил он. — И убери нитки в шкатулку для рукоделий.

Девушка покраснела, почувствовав в замечании отца скрытый упрек, но Роберт Одли — в эту минуту в нем разыгрался дух озорства — прошел через всю комнату, склонился над ковром, поднял оброненный клубок и вручил его владелице. Изумлению Харкурта Толбойза не было предела.

— Однако, мистер... — на мгновение он даже забыл, как зовут гостя, — ...мистер Роберт Одли! Быть может, закончив ползать по ковру, вы все же соизволите сообщить мне, какая причина побудила вас оказать мне честь своим визитом?

С величественным видом он поднял холеную руку, и слуга, повинувшись хозяйскому жесту, пододвинул массивное кресло красного дерева.

Все было сделано с такой медлительной торжественностью, что Роберту вначале показалось, что сейчас последует нечто из ряда вон выходящее, но когда до него дошло, что ничего особенного здесь не происходит, он подошел к креслу и плюхнулся в него с легкомысленной поспешностью. Слуга направился к выходу.

— Оставайтесь, Уилсон, — обратился к нему Харкурт Толбойз. — Возможно, мистеру Одли захочется выпить чашку кофе.

Роберт Одли, по правде сказать, ничего не ел с самого утра, но, увидев, какой величественной скукой веет от серебряного кофейного прибора, тут же отклонил это предложение.

— Мистер Одли не будет пить кофе, Уилсон, — промолвил Харкурт Толбойз. — Можете идти, Уилсон.

Слуга поклонился, отошел, затем, подойдя к дверям, открыл их и закрыл за собой с такой осторожностью, словно, проделывая все это, он

каждое мгновение переступал границы дозволенного, тогда как уважение к мистери Толбойзу требовало, чтобы он очутился по другую сторону дубовых дверей, не прикасаясь к ним, но растворившись в воздухе, подобно призраку из немецкой легенды.

Мистер Харкурт Толбойз сидел, положив локти на подлокотники и устремив на гостя суровый взгляд. В эту минуту он был похож на Юния Брута, осудившего на смерть собственных сыновей. Будь Роберт Одли из тех, кого легко сбить с толку, вид хозяина поместья сказал бы ему следующее: уж если вы, сударь, не моргнув глазом, сели на пороховую бочку с сигарой в зубах, вас не должно волновать ближайшее будущее. К счастью, Роберт Одли был не из робкого десятка, и суровость дорсетширского помещика не произвела на него никакого впечатления.

— Я писал вам, мистер Толбойз, — начал он.

Харкурт Толбойз кивнул: он знал, что разговор пойдет о его пропавшем сыне. Слава богу, его ледяной стоицизм объяснялся всего лишь самодурством тщеславного человека, а не крайним бессердечием, в котором заподозрил его Роберт.

Итак, суд начался, и Харкурт Толбойз с наслаждением перевоплотился в Юния Брута.

— Я получил письмо, мистер Одли, и ответил на него должным образом.

— Письмо касалось вашего сына.

Со стороны окна раздался чуть слышный шелест шелкового платья. Роберт Одли взглянул на девушку. Она сидела, не шевелясь, и не похоже было, чтобы упоминание о брате произвело на нее какое-нибудь впечатление.

«Она бессердечна, как отец, хотя и похожа на Джорджа», — подумал Роберт Одли.

— Ваше письмо касалось человека, который некогда был моим сыном, сэръ, — сказал Харкурт Толбойз. — Прошу вас запомнить: у меня более нет сына.

— Вам нет нужды говорить об этом: я все прекрасно помню. Тем более что мне и самому кажется — сына у вас действительно больше нет. У меня есть причина полагать, что он мертв.

Харкурт Толбойз заметно побледнел.

— Не может быть, — сказал он. — Вы ошибаетесь, уверяю вас.

— Я предполагаю, что Джорджа Толбойза не стало в сентябре прошлого года.

Девушка по-прежнему сидела не шевелясь.

— Нет-нет, уверяю вас, — повторил Харкерт Толбойз, — вы впали в печальное заблуждение.

— Вы считаете, я заблуждаюсь, утверждая, что вашего сына нет в живых?

— Вот именно, — с многозначительной улыбкой отозвался Харкерт Толбойз. — Его исчезновение — всего лишь хитрая уловка, в этом нет сомнения, но не настолько хитрая, чтобы обвести меня вокруг пальца. Позвольте заметить, мистер Одли, что истинное положение вещей я знаю лучше вас. Во-первых, ваш друг вовсе не умер. Во-вторых, все это он проделал нарочно, чтобы лишний раз поволновать меня и, поиграв на моих отцовских чувствах, добиться прощения. В-третьих, не получит он никакого прощения, как бы ни старался, и лучше всего для него незамедлительно вернуться домой, к тому образу жизни, который соответствует его происхождению.

— Значит, вы всерьез полагаете, что он намеренно скрылся ото всех, кто его знает, чтобы...

— ...чтобы повлиять на меня. Зная мою непреклонность, он прекрасно понимает, что обычные меры воздействия не заставят меня изменить моим принципам, и потому придумал нечто необычное. Но сколь бы долго ни просидел он в своем убежище, рано или поздно он все равно поймет, что меня этими фокусами не растрогаешь, и, когда это произойдет, он вернется, непременно вернется. И тогда... Тогда я его прощу. Да, сэр, я прощу его.

Я скажу ему: ты пытался обмануть меня, но я показал тебе, что меня не обманешь; ты пытался напугать меня, но я убедил тебя в том, что меня не напугаешь; ты не верил в мое великодушие, но я покажу тебе, что способен быть великодушным!

Выслушав торжественный монолог почтенного сквайра, Роберт Одли тяжело вздохнул.

— Дай-то бог, чтобы вам представилась возможность высказать все это вашему сыну, — печально промолвил он. — Радуюсь вашему желанию простить его, но, боюсь, вы никогда его не увидите. Мне нужно многое сказать вам на этот счет, мистер Толбойз, но я предпочел бы сделать это с глазу на глаз, — прибавил он, кивнув в сторону девушки.

— Дочери известно мое мнение на сей счет, и потому нет смысла скрывать от нее что-либо.

«Что ж, пусть узнает правду. Если она столь бесстрашна, что упоминание о брате вызывает в ней чувств не больше, чем в мраморной статуе, — пусть услышит самое худшее», — подумал Роберт Одли.

Он достал из кармана несколько бумаг, и среди них — документ,

который он составил сразу после исчезновения Джорджа.

— Ваш сын был для меня самым дорогим человеком: я знал его долгие годы, и мы долгие годы шли рука об руку. Кто у него был, кроме меня? Вы его отвергли, жена — единственная женщина, которую он страстно любил, — умерла.

— Дочь нищего пьяницы, — презрительно поморщившись, обронил Харкурт Толбойз.

— Умри он в своей постели, сломленный постигшим его горем, — продолжал Роберт Одли, — я бы оплакал его и, собственными руками закрыв ему глаза, проводил бы его в последний путь. Увы, этого было не дано: чем дальше, тем больше я убеждался в том, что его убили.

— Убили!

Отец и дочь одновременно повторили это ужасное слово. Отец побледнел, как смерть, а дочь спрятала лицо в ладони и сидела, не поднимая головы, до конца разговора.

— Мистер Одли, вы с ума сошли! — воскликнул Харкурт Толбойз. — Вы либо сошли с ума, либо ваш друг прислал вас сюда играть на моих чувствах. Это заговор! Да-да, заговор! А потому я... Я беру назад свои слова о прощении — прощении того, кто когда-то был моим сыном.

— Поверьте, я не стал бы вас тревожить без нужды, сэр. Молю небо, чтобы вы оказались правы, а я — нет. Молю, не смея надеяться на это. Я приехал к вам за советом. Я изложу вам, откровенно и бесстрастно, обстоятельства, вызвавшие у меня определенные подозрения. Если вы скажете, что подозрения мои глупы и безосновательны, я готов, подчинившись вашему суду, прекратить всякие поиски; но если вы велите мне продолжить их — я продолжу.

Тщеславие мистера Харкурта Толбойза получило наконец пищу, которой алкало. Страстный монолог Роберта Одли польстил мистеру Толбойзу до крайности.

— Хорошо, — сказал он, — я готов выслушать все, что вы скажете, и помочь вам всем, что будет в моих силах.

Роберт, подвинув кресло поближе к собеседнику, подробно рассказал мистеру Толбойзу об исчезновении его сына и о том, что так или иначе имело отношение к этому трагическому событию. Харкурт Толбойз слушал Роберта Одли с подчеркнутым вниманием. Клара Толбойз сидела все в той же позе, сгорбившись и не отрывая ладони от лица.

Когда Роберт начал свой рассказ, на часах было четверть двенадцатого. Когда он его закончил, часы пробили ровно двенадцать.

Излагая свою версию событий, он постарался не упоминать о сэре

Майкле и леди Одли.

— Итак, сэръ, — сказал он, заканчивая беседу, — жду вашего решения. Я пришел к ужасному выводу, но на это, как видите, у меня есть свои резоны. Убеждают ли они вас?

— Нет, не убеждают, — ответил мистер Харкерт Толбойз, втайне гордясь своим упрямством. — Я считаю, как и прежде, что мой сын жив, а его исчезновение — это заговор против меня. Быть жертвой этого заговора я не желаю.

— Значит ли это, что я должен прекратить расследование?

— Я вам вот что скажу: хотите продолжить поиск — продолжайте. Но помните: будущие ваши действия — это ваше личное дело, я к ним не имею никакого касательства.

— Что ж, будь по-вашему, — воскликнул Роберт, резко поднимаясь с места. — С этого дня и часа дело, которому я хотел посвятить всего себя, без остатка, для меня не существует. До свиданья.

Роберт Одли взял шляпу и направился к выходу, мельком взглянув на Клару Толбойз. Девушка по-прежнему сидела в своем углу, закрыв лицо руками.

— Боюсь, вы еще не раз пожалеете о том, что проявили сегодня такое поразительное равнодушие, — сказал Роберт, останавливаясь на пороге.

Он поклонился Харкурту Толбойзу и снова взглянул на Клару, надеясь, что хотя бы сейчас, в последнюю минуту, она попытается задержать его. Увы, она сидела неподвижная, как изваяние.

Харкерт Толбойз позвонил в колокольчик. В дверях появился знакомый слуга. Он проводил Роберта к двери с той бесстрастной торжественностью, с какой осужденных ведут на казнь.

«Как похожа Клара Толбойз на своего отца! — подумал Роберт Одли. — Бедный Джордж, тебе нужен был в этом мире хотя бы единственный друг, потому что мало в нем было тех, кто любил тебя!»

Дремал на козлах кучер, дремала лошадь, древняя и облезлая, как и сам экипаж. Поставив ногу на его ступеньку, Роберт Одли окинул взглядом деревья, подстриженные так, словно здесь поработал не садовник, а парикмахер. Он глядел на них, удивляясь, что среди этой самодовольной скуки мог вырасти такой человек, как Джордж, — щедрый, открытый, великодушный, полная противоположность своему отцу. Как мог он выжить здесь и не задохнуться? Может, в том и заключается промысел того, кто превыше наших родителей, того, кто дарует нам души, возвышающие нас до него или ввергающие в бездну ничтожества? Фамильные носы и фамильные подбородки переходят от отца к сыну и от внука к правнуку, подобно цветам, которые вянут осенью, чтобы возродиться весной, но дух, куда более нежный и тонкий, чем ветер, овевающий эти цветы, неподвластен никаким земным законам и послушен лишь той гармонии, в которой проявляет себя Господь.

«Слава богу! — подумал Роберт Одли. — Слава богу, что все кончилось. Пусть бедный мой друг почил в неведомой могиле: я не навлеку позора на тех, кого люблю. Когда-нибудь этот черный день придет, но мне не за что будет корить себя, потому что не я открою страшную истину. Кризис миновал. Я свободен».

Он с облегчением вздохнул и сел в экипаж. Кучер взмахнул хлыстом, и карета нехотя двинулась по аллее, обсаженной редкими соснами. Роберт Одли бросил последний взгляд на особняк из красного кирпича и внезапно увидел, что наперерез экипажу торопится, почти бежит, махая носовым платком, какая-то женщина.

— Неужели она бежит ко мне? — удивился Роберт Одли. — Остановите, — обратился он к кучеру.

Роберт вышел из экипажа и медленно направился к бегущей женщине. Он был несколько близорук и не смог разглядеть, кто перед ним, пока женщина не подбежала достаточно близко.

— Силы небесные, да ведь это мисс Толбойз!

Да, то была мисс Толбойз: на голове — шерстяная шаль; от бега девушка покраснелась и запыхалась.

Только сейчас Роберт Одли впервые разглядел ее. Довольно

миловидная, карие, как у Джорджа, глаза, бледное лицо, правильные черты, подвижно и чутко отражающие всякое новое чувство. От бега она покраснела, но когда приблизилась к Роберту, кровь отхлынула от ее щек, вернув лицу естественный цвет. В мгновение ока увидел он ее всю, какой она была, и подивился ее выдержке во время их беседы с Харкуртом Толбойзом. В глазах ее не были ни слезинки, но когда она заговорила, Роберт заметил, как дрожат ее губы.

— Мисс Толбойз, что случилось? Почему...

Она схватила его за руку.

— Ах, пожалуйста, дайте мне высказаться первой, иначе я с ума сойду. Я слышала все. Я верю каждому вашему слову. Я не успокоюсь до тех пор, пока не отомщу за смерть брата.

Несколько мгновений Роберт Одли стоял молча, не зная, что ей ответить. То, что он услышал, потрясло его. Он готов был ко всему, но только не к этому.

— Мисс Толбойз, дорогая, возьмите себя в руки. Давайте немного пройдемся, я провожу вас к дому, и спокойно поговорим. Поверьте, я вел бы себя иначе, если бы знал...

— ...если бы знали, что я люблю брата? Но откуда вам было это знать? Кто мог знать это, если я ни разу не смогла сделать так, чтобы ему стало тепло под нашим кровом, если я не добилась для него от отца ни единого доброго слова? Я молчала, боясь обнаружить свою любовь к нему, потому что я знала, что даже сестринская привязанность может обернуться ему во вред. Вы не знаете моего отца, мистер Одли. Я понимала, что, если заступлюсь за Джорджа, начну просить за него, я навсегда отрежу ему путь к дому. Пусть будет так, как хочет отец, решила я, пусть время рассудит всех нас, а я, полагаясь на время и отцовскую волю, быть может, когда-нибудь увижу своего дорогого брата. Я ждала, ждала терпеливо, ждала, надеясь на лучшее будущее, потому что знала, что отец любит своего единственного сына. Вижу вашу презрительную улыбку, мистер Одли, и понимаю: вам, человеку со стороны, трудно поверить, что его подчеркнутая суровость скрывает от чужих глаз искреннюю любовь к собственным детям, и ведет он себя так потому, что всю свою жизнь подчинил строгим установлениям долга. Однако я увлеклась, — внезапно сказала мисс Толбойз и, взяв Роберта за руку, обернулась и бросила взгляд в глубь сосновой аллеи. — Я выбежала из дому через черный ход. Отец не должен видеть, как я беседую с вами, мистер Одли. Он не должен заметить, что у ворот стоит экипаж. Скажите кучеру, чтобы он выехал на дорогу и немного отъехал от дома. А я тем временем пройду через сад и выйду к дороге через

калитку.

— Но ведь вы простудитесь, — запротестовал Роберт Одли, с тревогой глядя на мисс Толбойз. — Вы вся дрожите.

— Я дрожу не от холода, — сказала девушка, — а при мыслях о брате. Если в вас есть хоть капля жалости к единственной сестре вашего покойного друга, мистер Одли, вы сделаете то, что я прошу. Я должна поговорить с вами, должна, вот только соберусь с мыслями.

Она прижала руку ко лбу, а затем указала на ворота. Роберт кивнул, и они разошлись в разные стороны. Одли велел кучеру медленно ехать по направлению к железнодорожной станции, а сам двинулся вдоль изгороди, окружавшей владения Харкурта Толбойза. В сотне ярдов от главного входа он обнаружил деревянную калитку и остановился, поджидая мисс Толбойз.

Она не заставила себя долго ждать. Когда девушка вышла к нему, шерстяная шаль по-прежнему была накинута на ее головку, а в блестящих глазах, как и раньше, не было ни слезинки.

— Не хотите ли пройти в сад? — предложила она. — На дороге нас могут увидеть.

Роберт кивнул в знак согласия, вошел в калитку и закрыл ее за собой.

Он взял мисс Толбойз под руку и почувствовал, что ей все еще не удалось унять дрожь.

— Прошу вас, успокойтесь, мисс Толбойз, — сказал он. — Быть может, я ошибся в своих выводах, быть может...

— Нет, — перебила девушка, — вы не ошиблись. Судя по всему, моего брата действительно убили. Прошу вас, назовите имя женщины, которую вы подозреваете в убийстве.

— Я не сделаю этого до тех пор, пока...

— Пока что?

— Пока не добуду веские доказательства ее вины.

— Вы заверили моего отца, что выбросите из головы всякую мысль о том, чтобы довести дело до конца. Но вы не предадите память своего друга, и кара не минет тех, кто пресек его земной путь — так ли я вас поняла?

Тень упала на мужественное лицо Роберта Одли, словно темное покрывало.

— Могучая десница ведет меня сквозь туман и тьму, и нет у меня сил отойти в сторону, нет сил уступить своей человеческой слабости, — ответил он.

Еще четверть часа назад он считал, что для него все кончено, что тяжкое бремя, рухнув с его плеч, освободило его от долга перед покойным другом. Но появилась эта девушка, возвысила голос в защиту брата и,

воззвав к совести Роберта Одли, побудила его, отбросив последние сомнения, встать и пойти навстречу судьбе.

— Если бы вы знали, мисс Толбойз, как горько будет мне в ту минуту, когда я открою завесу тайны, вы не стали бы просить меня об этом.

— И все-таки я прошу — прошу потому, что только так можно отомстить за безвременную кончину брата. Вы сделаете это? Да или нет?

— А что, если я скажу нет?

— Тогда я сделаю это сама! — воскликнула девушка. — Я сама подберу ключ к этой тайне. Я сама найду ту женщину, хоть вы не ответили на мой вопрос, где, в каком уголке Англии не стало моего брата. Я буду колесить по всему свету, из конца в конец, пока судьба его не станет для меня ясна, как на ладони. Я сделаю это, мистер Одли, если вы откажете мне. Я совершеннолетняя, я сама себе хозяйка, я богата — одна из моих тетушек завещала мне все свое состояние. Я смогу нанять тех, кто поможет мне в поисках, я щедро заплачу им, чтобы они потрудились на совесть. Итак, скажите, мистер Одли, кто будет искать убийцу — вы или я?

Роберт взглянул на нее и увидел лицо женщины, остановить которую могла только смерть.

— Я не знала в родном доме ничего, кроме угнетения, — тихо промолвила мисс Толбойз. — Меня вынуждали подавлять свои чувства, и я загоняла их внутрь, прилагая сверхъестественные усилия, чтобы не дать им вырваться наружу. Мне не позволяли иметь друзей и поклонников. Матушка моя умерла, когда я была совсем юная. А отец — отец всегда вел себя так же, как сегодня. У меня не было никого, кроме брата. Всю любовь своего сердца я отдала ему. Стоит ли удивляться, что с той минуты, как я услышала о его убийстве, я не могу думать ни о чем, кроме возмездия!

Роберт Одли смотрел на нее с благоговейным восхищением. Сила страсти и гнева сделала величественной ее красоту. Она не была похожа ни на одну из женщин, что он повидал на своем веку. Кузина его была хорошенькой, супруга дядюшки — обворожительной, но Клара Толбойз была прекрасна. Ее лицо отличала классическая чистота, и чистота эта была несравненной. Даже ее серое платье, при всей его пуританской простоте, с необычайной выразительностью подчеркивало ее красоту.

— Мисс Толбойз, — промолвил Роберт Одли, — ваш брат не останется неотомщенным. Если вы наберетесь терпения и доверитесь мне, лучшего помощника — профессионала! — вы не найдете нигде.

— Я вам верю, — отозвалась Клара Толбойз, — потому что вижу: вы действительно хотите помочь мне.

— Я знаю: продолжая поиски, я совершу то, что предназначено мне

судьбой. Скажите, мисс Толбойз, есть ли у вас письма брата?

— Да, два письма. Одно он написал вскоре после женитьбы, второе отправил из Ливерпуля накануне отъезда в Австралию.

— Вы позволите на них взглянуть?

— Да, конечно. Я вышлю их вам, если вы оставите мне свой адрес. Время от времени вы будете мне писать, не так ли? Должна же я знать, как продвигается дело. Пока я живу здесь, мне придется действовать втайне, но через два-три месяца я уеду из дома и смогу поступать как мне заблагорассудится.

— Но ведь вы не собираетесь покинуть Англию?

— Разумеется, нет. Я хочу навестить своих друзей в Эссексе.

Роберт Одли вздрогнул, и это не ускользнуло от внимания Клары Толбойз. Она пристально взглянула на молодого адвоката и поняла все.

— Джордж погиб в Эссексе, — медленно проговорила она, не сводя глаз с Роберта.

Роберт кивнул.

— Жаль, что вы угадали, — сказал он. — Теперь вы знаете много, слишком много, и от этого мое положение становится с каждым днем все сложнее, все мучительнее. До свиданья.

Он пожал девушке руку, и рука ее была холодна, как мрамор.

— Пожалуйста, возвращайтесь домой, не теряя ни минуты, — участливо сказал Роберт. — Иначе вы простудитесь.

Клара горько усмехнулась и сбросила шаль со своей прекрасной головки. Холодный ветер тут же растрепал ей волосы.

— Простужусь! Экая беда! Ради брата я готова дойти до Лондона по снегу босиком, если только это вернет его к жизни!

И она разрыдалась — впервые за этот день.

Роберт с состраданием смотрел на нее. Она была так похожа на Джорджа, что он, Роберт, уже не мог думать о ней как о чужом человеке. Сейчас ему просто не верилось, что они познакомились только сегодня утром.

— И все же нужно надеяться, — чуть слышно промолвил он. — Надеяться, несмотря ни на что. Надеяться на лучшее.

— Нет, — сказала, Клара, взглянув на него сквозь слезы. — Я надеюсь только, что смогу отомстить. До свиданья, мистер Одли. Впрочем, погодите. Вы забыли дать мне свой адрес.

Роберт положил в карман ее платья свою визитную карточку.

— Я вышлю вам письма Джорджа, — сказала девушка. — Они помогут вам в поисках. До свиданья.

Роберт долго смотрел ей вслед, пока она не скрылась за прямыми стволами елей. Благородная красота ее лица навсегда запечатлелась в его душе.

«Да поможет небо тем, кто стоит между мною и этой тайной, — подумал Роберт Одли, — ибо они будут принесены в жертву памяти Джорджа Толбойза!».

ПИСЬМА ДЖОРДЖА

Роберт Одли вернулся в Лондон за два часа до наступления темноты. Снег, в Дорсетшире чистый и рассыпчатый, здесь падал тяжелыми, грязными хлопьями. В питейных заведениях тускло горели газовые рожки.

«Странная штука жизнь, — думал Роберт Одли, сонно покачиваясь в экипаже. — Попробуй подсчитать, как долго был счастлив, — и окажется, что на тридцать лет приходится от силы десять счастливых дней, и как ни хотелось бы, чтобы их было больше, — увы, счастье слишком своенравная птица, чтобы слишком часто залетать под один и тот же кров. А попробуй найти подругу — не мимолетную, как эта птица, а единственную и неповторимую, попробуй найти ее и не ошибиться! Вот на перекрестке стоит девушка; она хочет перейти на другую сторону улицы и ждет, когда мой экипаж проедет мимо. Может, она и есть моя счастливая судьба, но я в слепом своем неведении уезжаю прочь, и колеса экипажа обдают ее грязью с головы до ног. Если бы мы разминулись с Кларой Толбойз на каких-нибудь пять минут, я бы покинул Дорсетшир, совершенно убежденный в ее холодности и черствости, и прожил бы с этой мыслью целую жизнь, унеся ее с собой в могилу. Но теперь-то я знаю, как она благородна и как хороша! Если бы не она, я бы оставил всякую мысль о дальнейшем расследовании, но теперь...»

Экипаж остановился на углу Ченсери-Лейн, рядом с рестораном «Лондон». Усталый и опустошенный, Роберт расплатился с кебменом и, зайдя в ресторан, занял столик и заказал ужин.

Поужинав и выпив пинту мозельского, он, однако, не отправился на Фигтри-Корт, а остался сидеть за убранном столом, перебирая в памяти впечатления прожитого дня.

«Кой черт занес меня на эту галеру? — подумал он. — Но я уже занял место на веслах, и теперь мне остается одно: верой и правдой служить этой девушке с карими глазами и делать все, что она мне велит.

Жизнь — загадка, но женщины каким-то образом всегда находят правильный ответ.

Мужчина может, полеживая на солнышке, предаваться праздным грезам и, отгоняя мысль о несделанном, утешать себя тем, что «еще не вечер», — но позволяет себе это лишь постольку, поскольку это позволит

ему его жена. А она — да благословит Господь ее нетерпеливое сердце и беспокойный ум! — она ему этого не позволит никогда. Чего бы ни хотел муж, жена точно знает, что он должен хотеть.

Слыханное ли дело для женщины воспринимать жизнь такой, какова она есть! Вместо того, чтобы смириться с ней, как с неизбежным злом, которое терпишь только из-за его кратковременности, она смотрит на жизнь, как на спектакль, и ради этого спектакля охорашивается, придевается, улыбается, ухмыляется и принимает разные позы.

Она рано встает и поздно ложится; она криклива, неугомонна и безжалостна; она бьет локтями ближних и сама корчится от боли; она то идет по земле, впечатывая в нее каждый шаг, то взмывает над ней легкой бабочкой; она пускается во все тяжкие — и все ради того, чтобы возвеличить какое-нибудь ничтожество.

Она втаскивает мужа на мешок с шерстью, добиваясь для него поста вице-канцлера, либо на худой конец отвоевывает для него место на депутатской скамье. Она загоняет его в правительственный механизм, не обходя вниманием ни одну кнопку, ни одно колесо, ни один болт, шкив и шестеренку, пока кто-нибудь из великих мира сего спокойствия ради не сделает для ее мужа того, чего хочет его жена.

Вот почему среди высокопоставленной братии так много невежд. Да будь любой из них круглым невеждой, тупым, как пробка, — будьте уверены, этой круглой пробкой жена заткнет любую квадратную дырку.

Вот почему женщины никогда не пребывают в покое: им вообще неведомо подобное состояние!

Все они — Семирамиды, Клеопатры, Жанны д'Арк, королевы Елизаветы, Екатерины Вторые.

Если, решив устроить бурю, они не получают в свое распоряжение океан, то устраивают ее где угодно, даже в стакане воды.

Лишите их возможности читать моральные проповеди человечеству — и они начнут читать их безответным горничным.

Это они, женщины, слабый пол? Полноте, господа! Они-то как раз и есть сила и воля общества!

Им нужна свобода слова? Да ради бога!

Они хотят сами выбирать себе профессию? Пожалуйста! Пусть делают что хотят. Пусть будут адвокатами, докторами, проповедниками, учителями, солдатами, законодателями, пусть будут кем угодно, лишь бы успокоились!»

Роберт опустил голову, закрыл лицо руками и запустил пальцы в густую каштановую шевелюру.

«О, женщины, женщины! Как много у них возможностей губить тех, кто поставлен над ними самой природой!

Взять хотя бы Джорджа. Он связывает себя с женщиной, и родной отец выгоняет его из дома — без профессии, без гроша в кармане. Он узнает о смерти женщины, и это разрывает его сердце на куски. Он приходит в дом к женщине, и с тех пор никто его уже больше не видит.

А теперь другая женщина, о существовании которой до сегодняшнего дня я даже не подозревал, загоняет в угол меня.

А ведь есть и Алисия — еще одна моя головная боль. Я знаю, она хотела бы выйти за меня замуж, и боюсь, что когда-нибудь она добьется своего, но, признаться, при всех ее добрых качествах у меня к ней не лежит душа. Не лежит, и все тут. Что я могу с собой поделать?»

Он громко вздохнул, поднялся из-за стола и отправился домой.

В уютных, тщательно прибранных комнатах на Фигтри-Корт он почувствовал себя в этот вечер как-то особенно одиноко. Французские романы — а у него была целая куча неразрезанных французских романов — читать не хотелось. Комические и сентиментальные, выписанные месяц назад, они лежали на столе, не вызывая в нем и тени любопытства. Он взял любимую пенковую трубку и опустился в любимое кресло у камина.

— Будь рядом со мною Джордж, — пробормотал он, — или хотя бы его сестра — ведь она так похожа на него! — мое существование стало бы чуть более терпимым. Впрочем, я уж лет десять как живу сам по себе, и девушке было бы скучно в моей компании.

Выкурив первую трубку, он рассмеялся.

— Что это вдруг сестра Джорджа пришла мне на ум? Ну не идиот ли я после этого?

На следующий день он получил по почте небольшой пакет, подписанный твердым, но явно женским почерком. Судя по печати, пакет послали из Грейндж-Хит.

— От Клары Толбойз, — с удовлетворением отметил Роберт.

Он вскрыл пакет. В нем были два письма Джорджа и — на отдельном листочке — короткая записка:

«Посылаю письма. Пожалуйста, сохраните их и верните.
К. Т.».

Письмо, посланное Джорджем из Ливерпуля, ничего нового о его жизни не говорило. Джордж сообщал о своем решении ехать на другой конец земли, надеясь там поправить свои незавидные дела.

В другом письме, написанном почти сразу же после свадьбы, Джордж, на седьмом небе от счастья, подробнейшим образом описал существо, которое осмелился назвать своей женой.

Это письмо Роберт Одли перечитал трижды.

«Знай, Джордж, каким целям послужат впоследствии его восторженные излияния, — думал молодой адвокат, — его руку свело бы от ужаса и ни одно нежное слово не соскользнуло бы с его пера!».

РАССКАЗ ДОКТОРА ДОУСОНА

Унылый лондонский январь, отбыв на Земле положенный срок, медленно канул в Лету. Последние слабые воспоминания о Рождестве изгладились из памяти, а Роберт Одли все сидел в тихой квартире на Фигтри-Корт, все бродил с равнодушным видом по тенистым аллеям Темпл-Парка, щурясь под лучами утреннего солнца и от нечего делать наблюдая за ребятишками, играющими на лужайках.

Здесь, среди жителей старинных вычурных домов, у него было множество друзей. В сельской местности тоже были знакомцы и доброжелатели, готовые предоставить к его услугам пустующие спальни и удобные кресла у славных камельков, но после исчезновения Джорджа Толбойза в нем угас дух компанейства и пропал вкус к развлечениям. Старые судьи, заметив, как он бледен и сумрачен, приписали это тайной неразделенной любви и, зазывая его на вечеринки, поднимали тост «за здоровье хорошенькой женщины, благослови ее Господь со всеми ее недостатками» и лили слезы по поводу радостей, ставших для них недоступными. Но и эти шумные сборища не могли расшевелить Роберта; он знал, какая темная туча собирается над домом его дядюшки, знал, какая буря должна в нем разразиться, губя покой и счастье благородного гнезда.

— Почему она не хочет внять моему предупреждению? Почему не уезжает? Видит бог, я дал ей шанс — прекрасный шанс. Почему она им не воспользовалась? — спрашивал он себя и не находил ответа.

Иногда он получал весточки от сэра Майкла, иногда — от Алисии. Молодая леди, как правило, одаривала его лишь несколькими короткими строчками, сообщая о том, что с папочкой все в порядке и что леди Одли по-прежнему весела, игрива и живет, как и раньше, не считаясь с тем, что думают о ней окружающие.

Мистер Марчмонт, директор школы из Саутгемптона, известил Роберта о том, что маленький Джорджи пребывает в добром здравии, но образование мальчика крайне запущено, и он никак не может перейти интеллектуальный Рубикон слов, состоящих по крайней мере из двух слогов. Приезжал мистер Молдон — он хотел навестить внука, но, согласно инструкциям мистера Одли, ему было в этом отказано. Через некоторое время старик прислал мальчику пакет с пастилой и конфетами, но дары

отправили обратно, сославшись на то, что их качество может пагубным образом сказаться на состоянии «молодого растущего организма».

В конце февраля Роберт получил письмо от кузины Алисии, побудившее его сделать новый шаг навстречу судьбе и вернуться в дом, из которого он был почти изгнан.

Алисия писала:

«Папочка болен. Жизни его, слава богу, ничто не угрожает, однако он сильно простудился и сейчас у него жар. Приезжай, Роберт, если в тебе осталась хоть капля сочувствия к твоим ближайшим родственникам. Папочка уже несколько раз говорил о тебе, и я знаю, он будет очень тебе рад. Выезжай немедленно, но прошу тебя, об этом письме — ни слова.

Искренне твоя Алисия».

От этого письма Роберту стало не по себе.

«Прав ли я был, — подумал он, уняв волнение, — прав ли я был, играя в кошки-мышки с правосудием, храня в тайне свои сомнения и загоня боль внутрь? Прав ли я был, надеясь, что таким образом ограждаю тех, кого люблю, от горя и бесчестья? Что я стану делать, если увижу, что сэр Майкл болен, очень болен, может быть, уже умирает — умирает на ее груди? Что я стану делать тогда?»

Пока ясно было одно: в Одли-Корт нужно ехать, не откладывая дела ни на минуту.

Роберт Одли запаковал чемодан.

Роберт Одли вскочил в первый же кеб.

Не прошло и часа после того, как письмо Алисии попало к нему в руки — оно пришло с послеполуденной почтой, — а он уже был на железнодорожном вокзале.

Тусклые огоньки чуть поблескивали в густеющей мгле, когда Роберт приехал в Одли. Оставив чемодан у начальника станции, он торопливо двинулся по укромной тропинке, ведущей в Одли-Корт.

В сумеречном свете деревья простирали над ним свои голые ветви, а ветер, проносясь по равнине, раскачивал их с глухими стонами. В холодных зимних сумерках деревья напоминали привидения, грозившие нашему герою самыми страшными карами, если на пути к дому он остановится хотя бы на миг. В длинной липовой аллее было пустынно и зябко: природа спала, ожидая сигнала свыше, знаменующего приближение весны.

Чем ближе подходил Роберт Одли к старинному дому, тем тревожнее

становилось у него на душе. Все тут было ему знакомо: каждый изгиб дерева, каждая причудливая ветка, каждая неровность живой изгороди из карликовых конских каштанов и низкорослых ив, кустов боярышника, ежевики и орешника.

Сэр Майкл был для молодого человека вторым отцом, щедрым и благородным другом, суровым и беспристрастным советчиком, — но таков уж был характер Роберта Одли, что огромная его любовь к дядюшке редко находила выражение в словах: она была похожа на могучее течение, о котором трудно судить, потому что от людских глаз его скрывает столь же могучая толща льда.

«Что станет с поместьем, если дядюшка умрет? — думал Роберт, приближаясь к усадьбе. — Поселятся ли здесь другие люди, соберутся ли они под низкими дубовыми потолками старинного дома?»

Одно-единственное окно светилось в наступившей мгле, — окно дядюшкиной комнаты.

Слуга, открывший дверь на стук Роберта, поднес фонарь к лицу нежданного гостя.

— Ах, это вы, сэр, — узнал он Роберта. — Теперь сэр Майкл непременно воспрянет духом.

Он проводил Роберта в библиотеку.

Дрова весело трещали в камине. Багровые отблески пламени трепетали на резных панелях. В углу пустовало кресло хозяина дома.

— Может, поужинаете, прежде чем подняться наверх, сэр? — спросил слуга. — Я могу принести сюда.

— В рот ничего не возьму, пока не увижу дядюшку.

— Как угодно, сэр.

Слуга повел Роберта в ту самую восьмиугольную комнату, где пять месяцев назад Джордж Толбойз, застыв, как изваяние, остекленевшим взором глядел на портрет миледи. Картина была закончена и висела на почетном месте напротив окна, подавляя бьющим в глаза многоцветием всех этих Клодов, Пуссенов и Воуверманов. Когда Роберт, проходя мимо, взглянул на сие творение современного художника, ему показалось, что миледи ему лукаво подмигнула.

Пройдя через будуар и гардеробную миледи, Роберт замер на пороге комнаты сэра Майкла.

Дядюшка спал. Рядом с ним сидели Алисия и миледи. Боясь разбудить сэра Майкла, Роберт встал в дверях, не решаясь войти.

— Мистер Одли! — приглушенным дрожащим голосом воскликнула

Люси Одли.

— Тс! — прошептала Алисия. — Разбудите папочку. Хорошо, что ты приехал, Роберт, — прибавила она и указала на пустое кресло рядом с постелью больного.

Молодой человек сел в ногах кровати и посмотрел на спящего долгим суровым взором, затем взглянул на миледи, и взгляд его стал еще более долгим и еще более суровым. Леди Одли медленно покраснела.

— Он очень болен? — шепотом спросил Роберт.

— Нет, — ответила миледи, не отводя глаз от супруга, — но состояние тревожное, очень тревожное.

«Я все-таки заставлю ее взглянуть на меня, — подумал Роберт. — Мы встретимся глазами, и я прочту все, что творится в ее душе, прочту так, как читал прежде. Пусть знает: со мной уловки бесполезны».

Прошло несколько минут.

— Нисколько не сомневаюсь в том, — чуть слышно промолвил Роберт, — что вам, миледи, сейчас действительно тревожно. Вы прекрасно понимаете: ваше счастье, ваше процветание, ваша безопасность — все это зависит от того, будет сэр Майкл жить или нет.

— Я все понимаю, — хладнокровно отозвалась миледи. — И потому всякий удар мне — это удар ему.

И она, указав на спящего, улыбнулась Роберту той вызывающей, роковой улыбкой, которую так верно изобразил художник на ее портрете.

Роберт, не выдержав ее взгляда, опустил глаза. Мало того: он прикрыл лицо рукой, чтобы она не поняла, наблюдает ли он за ней по-прежнему и что у него сейчас на уме.

Прошло около часа. Внезапно сэр Майкл проснулся.

— Молодец, что приехал, Боб, — радостно проговорил он. — Я, пока болел, вспоминал о тебе не однажды. Право слово, вы с Люси должны стать добрыми друзьями. Тебе надо привыкнуть к тому, что она твоя тетушка, хотя, признаться, она слишком молода и хороша собой, чтобы носить подобное звание, и... и... ну, словом, ты понимаешь?

— Понимаю, дядюшка. Даю вам честное слово, чары миледи на меня нисколько не действуют. Ей это известно так же хорошо, как и мне.

— Фи, Роберт. — Миледи соорудила милую гримаску. — Вы все воспринимаете чересчур серьезно. Если я и подумала о том, что вы слишком взрослый, чтобы считаться моим племянником, то только из боязни, что глупые сплетни окружающих...

Она не закончила фразу. В комнату вошел доктор, мистер Доусон.

Он пощупал пульс пациента, задал два-три вопроса, объявил, что

баронет идет на поправку, обменялся несколькими малозначащими фразами с Алисией и леди Одли и уже направился к выходу, но Роберт, поднявшись из кресла, вызвался его проводить.

— Я посвечу вам на лестнице, — сказал он.

— Ну что вы, право, не стоит беспокоиться, — мягко запротестовал доктор, но Роберт настоял на своем, и они вместе вышли из комнаты.

Войдя в восьмиугольную комнату, молодой адвокат плотно закрыл за собой дверь.

— Будьте добры, закройте, пожалуйста, дверь на лестницу, — попросил он доктора. — Мне хотелось бы переговорить с вами сугубо конфиденциально.

— Рад услужить вам, — отозвался доктор, сделав то, о чем просил Роберт, — однако, если речь пойдет о здоровье вашего дядюшки, смею заверить, оснований для беспокойства нет. Случись что-нибудь серьезное, я бы немедленно телеграфировал семейному доктору сэра Майкла.

— Безусловно, вы сделали бы все, что велит вам долг, — в этом нет сомнения. Но речь пойдет не о дядюшке. Я хотел бы задать вам несколько вопросов, касающихся другого человека.

— Пожалуйста.

— Я хочу спросить вас о женщине, проживавшей в вашей семье в качестве мисс Люси Грэхем. О леди Одли.

Мистер Доусон с удивлением взглянул на молодого адвоката.

— Извините, мистер Одли, — сказал он, — но вы вряд ли можете ожидать от меня ответа на вопросы, касающиеся супруги вашего дядюшки, пока я не получу на то разрешение самого сэра Майкла. Не понимаю, какие мотивы побудили вас обратиться именно ко мне. Веских причин я тут не усматриваю.

Он сурово взглянул на Роберта Одли, как бы желая сказать: «Вы по уши влюбились в собственную тетушку и хотите, чтобы я был посредником в ваших амурных делах. Ничего не выйдет, сэр. Эта роль не для меня».

— Я всегда уважал леди, когда она звалась мисс Грэхем, сэр, — сказал он вслух, — и теперь, когда она стала леди Одли, я уважаю ее вдвойне, но не потому, что изменилось ее положение, а потому, что она стала супругой одного из самых благородных людей в мире.

— Вы не сможете уважать моего дядюшку и его честь более, чем я, — сказал Роберт. — В том, о чем я хочу вас спросить, нет никаких недостойных мотивов. Вы должны ответить на мои вопросы.

— Должен? — удивился мистер Доусон.

— Именно должны, если считаете себя другом сэра Майкла. Женщину,

ставшую ныне его женой, он впервые встретил в вашем доме. Рассказав ему, что она сирота, девушка, как я теперь понимаю, снискала и его жалость, и его восхищение. Она сказала, что на белом свете у нее не осталось никого, ни друзей, ни родственников, — не так ли? Вот все, что я знаю о ее прошлой жизни.

— Зачем вам знать что-то еще? — спросил доктор.

— На то есть причина, — страшная причина, сэр. Несколько месяцев подряд меня мучили подозрения, совершенно отравившие мне жизнь. Я пытался убедить себя в том, что ошибаюсь, но никакие увертки, никакие отговорки мне не помогли. Чем дальше, тем сильнее я уверяюсь в своей правоте. Женщина, носящая фамилию сэра Майкла, недостойна быть его женой. Так я считаю. Может быть, я ошибаюсь. Если это так, то роковая цепь косвенных улик еще никогда не опутывала невинного человека так тесно, как на этот раз. И потому я хочу либо опровергнуть свои подозрения, либо подтвердить их. Сделать это можно единственным способом: проследить жизнь супруги моего дядюшки в течение последних шести лет. Сегодня 24 февраля 1859 года. Я хочу в мельчайших подробностях знать все, что случилось с этой женщиной между нынешним днем и февралем 1853 года.

— Значит, вы утверждаете, что руководствуетесь вполне достойной целью?

— Да, сэр, я хочу отвести от этой женщины ужасные подозрения.

— Которые существуют только в вашем мозгу?

— Нет, сэр. Есть человек, который их разделяет.

— Кто это?

— Не скажу, мистер Доусон, — решительно отозвался Роберт Одли. — Я не скажу вам более того, что уже сказал. Я часто колеблюсь, постоянно иду на компромиссы, но на этот раз я буду непреклонен. Повторяю: я должен знать историю жизни Люси Грэхем. Если вы откажетесь помочь мне, я обращусь к другим людям и, как ни больно мне будет сделать это, к самому дядюшке, я узнаю от него то, что вы хотите утаить от меня сегодня. Лучше добыть сведения таким жестоким образом, чем потерпеть жестокое поражение, сделав в своем расследовании всего лишь несколько первых шагов.

Прошло несколько томительных мгновений.

— У меня нет слов, чтобы выразить свое удивление и тревогу, мистер Одли, — промолвил наконец доктор, — но поверьте, что о прошлой жизни леди Одли я знаю не так уж много.

— Расскажите то, что знаете.

— Она вышла замуж за вашего дядюшку в июне 1857 года. В моем доме прожила чуть более тринадцати месяцев. На работу ко мне поступила 14 мая пятьдесят шестого года.

— И она пришла к вам...

— Из школы, что находится в Бромптоне. Школу содержала (возможно, содержит и сейчас) некая леди по фамилии Винсент. Именно миссис Винсент горячо порекомендовала мне взять в семью мисс Грэхем, не слишком интересуясь ее прошлым.

— Вы встречались с миссис Винсент?

— Нет, никогда. Я поместил в газете объявление о том, что мне нужна гувернантка, и мисс Грэхем ответила на мое объявление. В письме она сослалась на миссис Винсент, содержательницу школы, где она, то есть мисс Грэхем, работала младшей учительницей. Вы знаете, я человек занятой, ни минуты свободной, потому был страшно рад, что мне не придется терять день на поездку из Одли в Лондон и обратно. Найдя имя и данные миссис Винсент в адресной книге, я решил, что имею дело с человеком ответственным и в своем деле кое-что значащим, и написал ей. Ответ пришел очень скоро. Миссис Винсент дала мисс Люси Грэхем блестящую рекомендацию, и я, приняв ее на работу, ни разу не пожалел об этом. Вот и все, мистер Одли. Больше мне рассказать нечего.

— Вы случайно не помните адрес миссис Винсент? — спросил Роберт, вынимая из кармана записную книжку.

— Слава богу, помню. Бромптон, Креснт-Виллас, 9.

— Да-да, — пробормотал Роберт, — Креснт-Виллас, мне уже доводилось слышать это название от самой леди Одли. В первых числах сентября прошлого года эта самая миссис Винсент прислала ей телеграфное сообщение. Если мне не изменяет память, миссис Винсент была больна, при смерти, и пожелала напоследок повидаться с миледи. Однако она переехала в другое место, и по указанному адресу сэр Майкл с миледи найти ее не смогли.

— Вот как! Однако леди Одли никогда не упоминала об этом.

— Вполне возможно. Это выяснилось, когда я гостил в Одли-Корт. Как бы там ни было, я благодарю вас, мистер Доусон, за честную, откровенную информацию. Теперь два с половиной года жизни миледи передо мной как на ладони. Остается разузнать, что она делала в течение предыдущих трех лет, и я сниму с нее бремя подозрений. До свиданья.

Роберт Одли и доктор пожали друг другу руки, и Роберт вернулся в комнату дядюшки. К этому времени сэр Майкл снова уснул, и миледи, опустив тяжелые шторы и прикрыв абажуром лампу в изголовье кровати,

ушла с падчерицей пить чай в свой будуар — комнату, смежную с прихожей, где только что беседовали Роберт Одли и мистер Доусон.

Разливая чай, миледи с тревогой наблюдала за тем, как Роберт, стараясь не шуметь, прошел в комнату дядюшки, а потом вернулся в будуар. Здесь, среди тонкого опалового фарфора и мерцающего столового серебра, миледи была особенно прелестна, ибо хорошенькая женщина более всего хороша именно тогда, когда заваривает и разливает чай. Это самое женское и самое домашнее из всех занятий придает волшебную гармонию каждому ее движению и делает колдовским каждый ее взгляд, и кажется, что секреты кипящего напитка, окутывающего ее клубами пара, известны только ей одной.

— Не выпьете ли чашечку чая, мистер Одли? — спросила она.

— Пожалуй.

— Вы не обедали, не так ли? Я позвоню и велю, чтобы вам принесли что-нибудь посущественнее, чем бисквиты и бутерброды.

— Нет, спасибо, леди Одли. Перед отъездом я позавтракал в Лондоне, и чашки чая мне будет вполне достаточно.

Роберт сел за маленький столик и взглянул на Алисию. Держа в руках книгу, она пыталась читать. Всегда здоровая и цветущая, сейчас она была бледна: болезнь отца изрядно взволновала ее.

— Ты плохо выглядишь, Алисия, — нарушил тишину молодой человек.

Мисс Одли пожала плечами, не отводя глаз от раскрытой книги.

— Очень может быть, — отозвалась она. — Но какое это имеет значение? Кого вообще может заботить, здорова я или больна?

— Это заботит меня, — сказал Роберт Одли. И, помолчав, добавил: — Это заботит сэра Гарри Тауэрса.

Алисия нахмурилась и вновь углубилась в чтение.

— Что ты читаешь? Роман?

— Да.

— Интересный?

— Не очень.

— Тогда со своим двоюродным братом ты могла бы поговорить и повежливей. Тем более что завтра утром я уезжаю.

— Завтра утром! — воскликнула миледи, и радость, мгновенная, как вспышка молнии, прозвучала в ее голосе. Это не укрылось от внимания Роберта Одли.

— Да, — ответил молодой адвокат, — завтра утром я должен отлучиться в Лондон по своим делам, но через день, если позволите, я

вернусь и останусь здесь до тех пор, пока дядюшка не выздоровеет.

— Здоровье дядюшки действительно внушает вам серьезные опасения? — спросила миледи.

— Нет, слава богу, нет. Для тревоги нет оснований.

— Однако вы довольно долго беседовали с доктором, и меня это не на шутку обеспокоило: ведь вы все время говорили о сэре Майкле, не так ли?

— Говорили, но не все время.

— Тогда о чем же можно было говорить так долго? С доктором Доусоном вы почти незнакомы.

— Доктор Доусон пожелал проконсультироваться у меня по правовым вопросам.

— По каким же это вопросам, если не секрет?

— В том-то и дело, что секрет. Какой из меня адвокат, если я не сумею держать язык за зубами?

Миледи прикусила губку и замолчала. Алисия подняла глаза и отложила книгу в сторону.

— Честное слово, Роберт Одли, ты очень занятный собеседник и с тобой можно недурно скоротать время, — язвительно заметила она. — Но сегодня ты невыносим. По-моему, ты просто влюбился!

Алисия была недалеко от истины.

В эту минуту перед внутренним взором Роберта Одли предстало лицо Клары Толбойз, возвышенное и прекрасное в своей скорби. Он вновь увидел перед собой ее ясные карие глаза и услышал ее слова: «Кто отомстит убийце брата, вы или я?» И вот он в Эссексе, в той самой деревушке, которую Джордж Толбойз — он, Роберт Одли, твердо в этом уверен — никогда не покидал. Он снова был в том самом месте, где жизнь его друга оборвалась так же внезапно, как обрывается история или рассказ, когда читатель захлопывает книгу. Так мог ли он отказаться от расследования, которое сам же когда-то вменил себе в обязанность? Мог ли свернуть с предначертанного пути? Мог ли найти для этого убедительные резоны? Нет, тысячу раз нет! Лицо Клары Толбойз, искаженное горем, навсегда запечатлелось в его мозгу, а ее голос все звучал и звучал в его ушах, взывая к его совести, подавлял то, что было в нем от лукавого, и возрождал все лучшее, заветное и непреходящее.

НАКЛЕЙКИ НА ШЛЯПНОЙ КОРОБКЕ

Роберт уехал из Одли ранним поездом на следующее утро и прибыл в Лондон чуть позже девяти. Он не стал заезжать на Фигтри-Корт, а нанял кеб и поехал прямо на Креснт-Виллас, в Западный Бромптон. Он отдавал себе отчет в том, что по адресу, который был у него в руках, он не найдет почтенной леди — так же, как несколько месяцев назад не нашел ее сэр Майкл, но надеялся, что ему повезет больше дядюшки и все же удастся разузнать, куда переехала миссис Винсент.

«Судя по всему, отправляя телеграмму, миссис Винсент находилась при смерти, — подумал Роберт. — Если окажется, что классной дамы нет в живых, я, по крайней мере, выясню, что телеграмма была подлинной».

Креснт-Виллас он нашел не без труда. Среди многочисленных куч извести и кирпича поднимались большие недостроенные дома. Здесь, среди песка и брусчатки, рождались новые террасы, новые улицы и новые скверы. Лошади едва тащили кеб, погружая копыта в глиняное месиво. Все здесь было перекопано вдоль и поперек, и Роберту понадобилось целых сорок минут, прежде чем он нашел то, что искал.

«Как знать, — с иронией подумал Роберт Одли, — может, мне еще предстоит стать светилом британской адвокатуры, каждая минута времени которого будет стоить гинею, но пока... Пока придется, не жалуясь и не ропща, терпеливо нести свой крест».

Разыскав дом № 9, Роберт постучал в дверь. Открывшая ему горничная заявила, что знать не знает никакой «миссус» Винсент. Затем, на пару минут оставив Роберта одного, она сходила к хозяйке и, справившись у нее, вернулась в прихожую.

Старая леди когда-то действительно жила здесь, сказала девушка, но съехала за два месяца до того, как сюда вселились новые жильцы.

— Всего же, — добавила девушка, — миссус прожила здесь пятнадцать месяцев.

— А вы не знаете, куда она переселилась? — теряя надежду, уныло спросил Роберт Одли.

— Нет, сэр. Миссус, моя хозяйка, говорит, что у той миссус, должно быть, кончились денежки, потому что съехала она внезапно, не оставив никому из соседей своего нового адреса.

Роберт Одли понял, что дело зашло в тупик. Если миссис Винсент съехала, наделав долгов, она, безусловно, позаботилась о том, чтобы на новом месте ее никто не нашел.

«Однако, — подумал Роберт, — она же покупала хлеб, и не где-нибудь, а в самом удобном для нее месте. Загляну-ка я к местному булочнику. Может быть, ему что-то известно».

Когда Роберт Одли зашел в булочную, хозяин не удосужился даже повернуться в его сторону. Оживленно жестикулируя, он спорил с молодой женщиной, одетой бедно, но с претензией на респектабельность.

— Что вам нужно? — наконец спросил он Роберта, приняв от женщины бумажную банкноту.

— Мне нужен новый адрес миссис Винсент, проживавшей здесь неподалеку, в доме № 9, что на Креснт-Виллас, — ответил Роберт, стараясь говорить как можно мягче и убедительнее. — Не знаете ли, куда она могла переехать?

— Не знаю, — сказал булочник, затем густо покраснел и вдруг заговорил неестественно громким голосом: — Не знаю и очень жалею об этом. Леди задолжала мне одиннадцать фунтов, а я не настолько богат, чтобы позволить себе такие убытки. Если бы кто-нибудь подсказал мне, где сейчас обретается эта особа, я был бы ему весьма признателен.

Роберт Одли, пожав плечами, попрощался и вышел из лавки.

«Если уж булочник, — а он, судя по манерам и внешнему виду, решительный, подвижный и предприимчивый человек, — если уж он не знает, куда подевалась его должница, смогу ли я, при моей природной лени и вялости, выяснить, куда переехала бывшая классная дама? Где бессилён простой булочник, там ученый джентльмен обречен на неудачу».

Погрузившись в мрачные раздумья, Роберт Одли медленно двинулся по улице, где за углом его поджидал нанятый кеб. Внезапно до его слуха донеслись чьи-то быстрые шаги, а потом его окликнул женский голос. Обернувшись, Роберт увидел ту самую женщину, которая только что спорила с булочником по поводу предъявленного ей счета.

— В чем дело, сударыня? — с недоумением спросил Роберт Одли. — Неужели миссис Винсент задолжала и вам?

— Да, сэр, — без тени юмора ответила женщина. — Миссис Винсент мне кое-что должна, но дело не в этом. Мне бы... Мне бы хотелось узнать, зачем миссис Винсент вам понадобилась, потому что... потому что...

— Вы могли бы дать ее адрес, однако все зависит от моих разъяснений, не так ли?

Женщина заколебалась и взглянула на молодого адвоката с некоторым

подозрением.

— Простите, сэр, вы случайно не торгуете по образцам с рассрочкой платежа? — покраснев, спросила она.

— Что?!

Удивление Роберта Одли столь явно отразилось на его лице, что женщина мгновенно поняла, какую оплошность допустила.

— Извините, сэр, — виновато сказала она, — но продавцы из магазинов, где торгуют в кредит, одеваются очень прилично — так, как вы, сэр. Между тем я знаю, что миссис Винсент оставила после себя кучу долгов, и... словом, я надеюсь, вы поняли, что я имею в виду?

— Сударыня, — проникновенно сказал Роберт Одли, беря собеседницу за руку, — о том, что такое «торговля по образцам с рассрочкой платежей», я не имею ни малейшего понятия. Это что, новый вид налогов? Или, — усмехнулся Роберт, — вы приняли меня за политического заговорщика и обратились ко мне с тайным паролем? Лично мне миссис Винсент не задолжала ни пенни, но мне нужно задать ей несколько вопросов относительно одной молодой леди, некогда работавшей у нее. Если вы действительно знаете, где сейчас проживает миссис Винсент и дадите мне ее адрес, поверьте, вы окажете мне великую услугу.

С этими словами молодой адвокат передал женщине свою визитную карточку. Женщина долго и внимательно изучала ее, прежде чем заговорить вновь.

— Поймите меня правильно, сэр, — сказала она, — бедная миссис Винсент оказалась в отчаянном положении, и я единственная, кому она доверила свой новый адрес. Я, видите ли, модистка, сэр, я обшиваю ее уже шесть лет. Платит она мне совсем немного, да и то кое-как, и все же она мне не чужой человек, и я не желаю ей зла. Если я дам ее адрес, вы не причините ей вреда?

— Нет, клянусь честью.

— Тогда слушайте: Пекем-Гроув, улица Акаций. Я была там только вчера, относила готовое платье миссис Винсент.

— Спасибо, — сказал Роберт, занеся адрес в записную книжку. — Уверяю вас, встреча со мной не скажется пагубным образом на судьбе миссис Винсент.

Он приподнял шляпу и, раскланявшись с модисткой, направился к кебу.

«Булочника я, кажется, обставил», — мелькнула у него озорная мысль.

Ехать пришлось долго. Поколесив по городу и добравшись, наконец, до улицы Акаций, Роберт Одли увидел перед собой грязные стены ветхих

строений. Лишь пара высоких чахоточных тополей кое-как оживляла нищенский пейзаж.

Креснт-Виллас, откуда только что приехал молодой адвокат, был далеко не аристократическим районом Лондона, но улица Акаций была еще беднее.

Роберт Одли постучал в низкие деревянные двери. Юная горничная, появившись на пороге, недружелюбно осмотрела гостя — она явно приняла его за кредитора — и спросила:

— Чего надо?

Вместо ответа Роберт вынул визитную карточку и, написав на ней: «По делу, касающемуся покойной мисс Грэхем», — сказал:

— Пожалуйста, передайте это вашей хозяйке.

Девушка вернулась минут через пять.

— Входите.

Она провела Роберта в маленькую квадратную гостиную. То, что увидел там молодой адвокат, вполне можно было назвать «остатками роскоши». Небольшое пианино, тонконогий ломберный стол, поставленный на самое почетное место, и шифоньер, слишком большой для этой комнаты и производивший гнетущее впечатление своим былым великолепием и выщербленными, поцарапанными, поломанными, позолоченными украшениями, составляли обстановку скромной гостиной. На полу посреди комнаты красовался потертый брюссельский ковер. Трикотажные занавеси прикрывали окна, с которых свисали проволочные корзинки с кактусами. За стеной раздавался гул полудюжины голосов и треньканье расстроенного пианино.

На ломберном столе, покрытом зеленым сукном, лежали ежегодники в цветастых переплетах и журналы мод, сложенные в аккуратные стопки. Роберт Одли не стал тратить время на это развлекательное чтение: он сел в одно из неустойчивых кресел и начал терпеливо ждать прихода классной дамы.

Ждать пришлось около четверти часа. Наконец дверь отворилась, и в комнату вошла аккуратно одетая пожилая леди с миловидным лицом, сохранившим остатки былой красоты.

— Извините, мистер Одли, что заставила вас ждать так долго, — обратилась она к гостю, — однако мои обязанности...

— Это мне нужно извиниться за внезапное вторжение, — любезно возразил молодой адвокат, — однако причина, что привела меня сюда, весьма серьезна, и я надеюсь, вы не станете пенять мне за то, что я нарушил ваш покой. Помните ли вы леди, имя которой я написал на

визитной карточке?

— Конечно, помню.

— Не могли бы вы рассказать мне о ней все, что вам известно, с той поры, когда она уволилась от вас?

— Могу, но, по правде сказать, знаю я о ней мало, почти ничего. Мисс Грэхем, насколько я помню, устроилась гувернанткой в семью врача, проживающего в Эссексе. Именно я порекомендовала ее тому джентльмену, и с той поры, как она покинула меня, я о ней ничего не слышала.

— Но ведь вы с ней как-то поддерживали связь? — спросил Роберт, устремив на миссис Винсент внимательный взор.

— Нет, мы не встречались и не переписывались.

Роберт Одли некоторое время молчал, угрюмо насупив брови, затем спросил:

— Не отправляли ли вы в прошлом году, в первых числах сентября, телеграфную депешу мисс Грэхем с сообщением о том, что вы опасно больны и хотели бы с ней повидаться?

Миссис Винсент улыбнулась.

— У меня не было причин посылать такую депешу. Я, слава богу, ни разу в жизни серьезно не болела.

Роберт Одли вынул записную книжку и нацарапал в ней несколько слов.

— Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов, касающихся мисс Люси Грэхем. Вы очень помогли бы мне, если бы, ответив на них, не стали интересоваться, зачем мне понадобились эти сведения.

Миссис Винсент оказалась на редкость покладистой особой.

— Пожалуйста, почему бы и нет? — сказала она. — Я не знаю ничего такого, что порочило бы мисс Грэхем, и не понимаю, почему я должна делать секрет из того немногого, что мне о ней известно.

— Тогда прошу вас, назовите мне дату, когда молодая леди впервые появилась в вашем заведении.

Миссис Винсент покачала головой и улыбнулась. То была очаровательная улыбка, искренняя улыбка женщины, которая некогда пользовалась большим успехом в обществе и слишком долго была уверена в своей способности вызывать всеобщее восхищение, чтобы нынешние невзгоды смогли ее всерьез обескуражить.

— Задавать мне такие вопросы бесполезно, мистер Одли, — сказала она, — ибо я на редкость невнимательна и беспечна. Я никогда не могла запомнить ни одной мало-мальски важной даты, хотя, видит бог, положила немало сил на то, чтобы внушить своим воспитанницам, сколь важно для

них знать, когда начал править Вильгельм Завоеватель и прочее в том же духе, ибо от этого зависит их будущее благополучие. Увы, я не имею даже отдаленного понятия о том, когда мисс Грэхем впервые пришла ко мне. Помню, однако, что было это целую вечность тому назад, в то самое лето, когда я пошла себе платье персикового цвета. Впрочем... Нам с вами наверняка поможет Тонкс.

«Тонкс? Что это — дневник или записная книжка?» — мелькнуло в голове у Роберта Одли.

Между тем миссис Винсент позвонила в колокольчик. В комнату вошла та самая горничная, которая привела сюда молодого адвоката.

— Пожалуйста, пригласите ко мне мисс Тонкс, — сказала миссис Винсент, — она нужна мне по срочному делу.

Не прошло и пяти минут, как на пороге гостиной появилась мисс Тонкс.

Каждая складка ее мрачного шерстяного платья, казалось, источала пронзительный зимний холод. Это была особа неопределенного возраста, и казалось, она никогда не была моложе и никогда не станет старше, но, пестуя и наставляя девиц, изо дня в день будет двигаться взад-вперед в отведенном ей узком пространстве, подобно поршню, заключенному в цилиндр.

— Тонкс, дорогая, — промолвила миссис Винсент, без излишних предисловий приступая к делу, — этот джентльмен — родственник мисс Грэхем. Вы не помните, когда она впервые появилась у нас на Креснт-Виллас?

— В августе 1854 года, — отчеканила мисс Тонкс. — Кажется, это было 18 августа, однако я не уверена, что это было не 17. Но я помню точно: это было во вторник.

— Благодарю вас, Тонкс. Вам просто нет цены! — воскликнула миссис Винсент, одарив мисс Тонкс сладчайшей из своих улыбок.

То была святая правда: услуги мисс Тонкс действительно не имели цены, ибо за последние три-четыре года она не получила за них ни единого пенни. Как знать, быть может, оценив достоинства мисс Тонкс в полной мере, миссис Винсент засомневалась в том, что их вообще можно оплатить, и это сомнение укоренилось в ней столь глубоко, что она оставила все как есть, так и не придя ни к какому решению.

— Может, вам хотелось бы узнать от Тонкс или меня что-нибудь еще? — спросила миссис Винсент, обращаясь к молодому адвокату. — Память у Тонкс блестящая, куда лучше моей.

— Когда мисс Грэхем пришла к вам наниматься на работу, она должна

была сообщить вам, откуда она родом. Вы помните, что она вам сказала на этот счет?

— Весьма смутно, — ответила миссис Винсент. — Мисс Грэхем вскользь упомянула о том, что проживала на морском побережье, но где именно... То ли она не сказала, то ли я не запомнила. Тонкс, мисс Грэхем рассказывала вам, откуда она?

— Вот уж нет! — отозвалась мисс Тонкс, сурово поджав губы и многозначительно покачав маленькой головкой. — Мисс Грэхем ничего мне не рассказывала: для этого она была слишком умна. — И, недобро блеснув глазами, мисс Тонкс добавила: — По виду-то она ангел с рождественской открытки, но что-что, а язык за зубами держать умела.

— Вы полагаете, у нее были какие-то тайны? — с волнением спросил Роберт Одли.

— Наверняка. Будь моя воля, я бы никогда не взяла подобную особу в уважаемую школу на должность младшей учительницы. Явилась неизвестно откуда, без всяких рекомендаций...

— Значит, у мисс Грэхем не было при себе никаких документов? — спросил молодой адвокат, обращаясь к миссис Винсент.

— Никаких, — в некотором замешательстве ответила миссис Винсент. — Я не стала заострять на этом внимание. Мисс Грэхем не спросила меня о будущем жалованье, и я не сочла приличным спрашивать ее о каких-то документах. Она сказала, что поссорилась с отцом и хотела бы найти покой и пристанище подальше от тех, кого она знала в своей прошлой жизни. Она сказала, что ей пришлось уже немало перестрадать. Могла ли я после этого требовать от нее какие-то документы, тем более что с первого взгляда было ясно: передо мной настоящая леди? Да-да, Тонкс, мисс Люси Грэхем была настоящей леди, и вы совершенно несправедливы, осуждая меня за то, что я приняла ее на работу без документов.

— Тот, кто заводит себе любимчиков, не должен удивляться, обнаружив, что его предали, — тоном, не допускающим возражений, заметила мисс Тонкс.

— Какая вы, однако, ревнивая, Тонкс! — с упреком отозвалась миссис Винсент. — Я никогда не делала из мисс Грэхем любимицу, я никогда не утверждала, что она — столь же полезный для дела работник, сколь и вы, дорогая. Вам это известно лучше, чем кому-либо.

— Еще бы! — горько усмехнулась мисс Тонкс. — О ее пользе речи действительно никогда не шло: вы ее держали в качестве украшения, показывая гостям и усаживая за пианино, дабы она услаждала слух посетителей своими музыкальными фантазиями.

Роберт Одли понял — особой проницательности тут не требовалось: если мисс Тонкс известно нечто такое, что может нанести ущерб мисс Грэхем, она выложит все начистоту с огромным удовольствием; ревнивое раздражение против пришедшей красавицы не утихло в мисс Тонкс до сего дня.

— Может, вам все же известны какие-нибудь случайные подробности, связанные с прошлым мисс Грэхем? — с надеждой спросил молодой адвокат.

— Увы, ничего определенного. Помню только, что время от времени мисс Грэхем жаловалась на то, что с ней обошлись несправедливо, что человеческая низость ввергла ее в бедственное состояние, что она — жертва незаслуженных страданий и все в таком духе. Вот, пожалуй, и все.

Сколь ни скудны были эти сведения, Роберту Одли они сказали о многом, очень многом.

— И еще один вопрос, последний, — сказал молодой адвокат, обращаясь к обеим женщинам. — Осталось ли у вас что-нибудь из вещей мисс Грэхем — книги, безделушки и прочее?

— Не знаю, — ответила миссис Винсент.

— А я знаю, — выступив вперед, резким голосом сказала мисс Тонкс. — Кое-что осталось. Коробка. Она наверху, в моей комнате. Я храню в ней свою старую шляпку. Не будет ли вам угодно взглянуть на коробку? — спросила она, обращаясь к Роберту Одли.

— Разумеется, был бы весьма признателен.

— Тогда я схожу за ней. Она не очень громоздкая.

И прежде чем Роберт успел рассыпаться в словах благодарности, мисс Тонкс повернулась и торопливо покинула гостиную.

«Как безжалостны женщины друг к другу, — подумал Роберт Одли. — Вот и эта интуитивно чувствует, что для той, другой, в моих вопросах кроется смертельная опасность, и радуется, и сама готова претерпеть любые муки, лишь бы, помогая мне, отравить жизнь той, которую возвела в ранг своей врагини!»

Мисс Тонкс вернулась очень скоро, прервав горестные размышления молодого адвоката о злобности прекрасной половины человечества, и поставила перед Робертом ветхую шляпную коробку.

Опустившись на колени, Роберт Одли начал внимательно изучать многочисленные железнодорожные наклейки и адреса, разбросанные там и сям по всей коробке. Видно было, что коробка изрядно поехала по белому свету. Одни наклейки были сорваны напрочь, от других остались лишь обрывки, и на одной, желтой, Роберт разобрал буквы «ТУРИ...».

«Коробка побывала в Италии, — решил про себя адвокат, — а это первые четыре буквы слова "Турин"».

Среди прочих ярлычков лучше всего сохранился тот, что, судя по всему, был наклеен последним. На нем было проставлено имя мисс Грэхем, пассажирки, следовавшей до Лондона. Приглядевшись, Роберт Одли заметил, что эта бумажка наклеена поверх другой.

— Мисс Тонкс, будьте добры, принесите, пожалуйста, воду и губку, — попросил он. — Я хочу аккуратно снять верхнюю наклейку. Поверьте, с моей стороны это не прихоть, не пустое любопытство, для меня это действительно важно.

Мисс Тонкс живо, как и в прошлый раз, вышла из комнаты и тут же вернулась, неся кувшин с водой и губку.

— Может быть, я сниму наклейку? — предложила она.

— Не надо, — сказал Роберт, — я сделаю это сам.

Он несколько раз смочил верхний ярлычок, а затем, приподняв бумажку за край, осторожно потянул ее. Бумажка подалась, приоткрыв наклейку с другим адресом.

Интересно, что там, на второй наклейке?

Мисс Тонкс, заглядывая через плечо Роберта, попыталась прочесть новый адрес, но, увы, тщетно.

Тем временем Роберт проделал над второй наклейкой те же манипуляции, что и над первой, и, отделив от коробки нижний кусочек бумаги, бережно спрятал добычу между страницами записной книжки.

— Большое вам спасибо, леди, — сказал он, обращаясь к обеим женщинам. — Мне более нет нужды обременять вас своим присутствием. Вашу помощь трудно переоценить. Желаю здравствовать, до свиданья.

Миссис Винсент улыбнулась и медленно склонилась в реверансе. Мисс Тонкс проделала то же самое. (Будучи наблюдательнее своей начальницы, она заметила, как побледнел молодой человек, когда одну за другой отделил от коробки две какие-то ничтожные наклейки.)

Кеб отъехал от дома.

«Если то, что я раздобыл сегодня, суд присяжных не сочтет весомой уликой, — подумал Роберт Одли, покидая улицу Акаций, — этого будет вполне достаточно, чтобы убедить дядюшку: он женился на расчетливой и бесчестной особе!».

РАССКАЗ МИССИС БАРКЕМБ

Роберт Одли медленно шел по безлюдной зимней аллее.

«То, что хранится в моей записной книжке, — размышлял он, — составляет связующее звено между женщиной, о смерти которой Джордж Толбойз прочел на странице «Таймс», и женщиной, которая воцарилась в доме моего дядюшки. История Люси Грэхем обрывается на пороге школы миссис Винсент. Мне удалось выяснить, что мисс Грэхем впервые появилась там в августе 1854 года, но откуда она пришла, не смогли сказать ни миссис Винсент, ни ее помощница. А это значит, что вся предыдущая жизнь миледи по-прежнему остается загадкой. Смогу ли я разгадать ее? Смогу ли сдержать обещание, которое дал Кларе Толбойз?»

Он сделал еще несколько шагов, снова и снова задавая себе этот вопрос, и на лицо его набежала тень — темнее зимних сумерек, густевших над его головой, — и скорбь, смешанная со страхом, тяжким бременем навалилась на его сердце.

«Я должен начать с другого конца и восстановить историю Элен Толбойз с того часа, когда исчез Джордж Толбойз, и до дня, когда состоялись похороны на скромном кладбище в Вентноре».

Окликнув кеб, Роберт Одли поехал на Фигтри-Корт.

Дома он написал несколько строк Кларе Толбойз и отправил письмо. На часах было без нескольких минут шесть.

«На этом я сэкономлю целый день», — подумал он, отправляя письмо с главного почтамта.

Он просил Клару Толбойз указать ему, в каком портовом городишке Джордж впервые встретился с отставным лейтенантом Молдоном и его дочерью. (Так уж получилось, что, хотя молодые люди были достаточно близки, Роберт Одли мало что знал о недолгой супружеской жизни своего друга, поскольку не желал бестактными вопросами беречь его душевные раны.)

Джордж отправил письмо сестре, мисс Толбойз, через месяц после своей женитьбы. Отправил из Хэрроугейта, что ясно указывает на то, что именно в Хэрроугейте молодожены провели свой медовый месяц.

Ответ Роберт Одли получил утром следующего дня.

Телеграфная депеша содержала название прибрежного городка:

«Уайльдернси, графство Йоркшир».

Одли немедленно отправился на вокзал и взял билет на экспресс, следовавший до Уайльдернси. Поезд отошел от столичной платформы без четверти два.

В Уайльдернси он прибыл, когда было уже совсем темно. Подозвав носильщика, Роберт показал на чемодан.

— Не смогли бы вы отнести это в ближайшую гостиницу? — спросил он. — Сейчас поздно, но, я надеюсь, мне нетрудно будет заказать номер, где я бы мог остановиться на ночлег.

Водрузив чемодан на плечо, носильщик засмеялся:

— Да хоть тридцать номеров, сэр! В это время года в местной гостинице шаром покати.

Они покинули вокзал.

— «Виктория-Отель», сэр, — промолвил носильщик минут через пять, указав на огромное здание, неясно вырисовывавшееся на фоне зимнего неба. Два окна, отстоявшие далеко друг от друга, мерцали в кромешной мгле, как сигнальные огни. — Вы не поверите, сэр, но летом сюда наезжает столько народу, что просто яблоку негде упасть.

Они зашли в вестибюль. Расплатившись с носильщиком, Роберт Одли вверил себя заботам владельца гостиницы. Тот провел его в небольшой уютный зал, где стояло несколько полированных столов красного дерева, — владелец гостиницы именовал этот зал «кофейней» — и, указав Роберту на одно из кресел, взял кочергу и пошевелил угли в камине. Роберт, сев поближе к огню, с удовольствием вытянул уставшие ноги.

— Если вам нужен отдельный номер, сэр... — сказал хозяин.

— Нет, спасибо, — перебил его Роберт, — мне и здесь хорошо. Если вы распорядитесь насчет бараньей отбивной и пинты хереса, буду вам весьма признателен.

— Будет исполнено, сэр.

— Буду вам тем более признателен, если вы уделите мне несколько лишних минут: мне бы хотелось кое о чем вас расспросить.

— С превеликим удовольствием, сэр, — радушно отозвался хозяин гостиницы. — В это время года здесь не с кем словом перемолвиться, и мы, можно сказать, души не чаем в своих клиентах, если Господь, в неизреченной благодати своей, их нам посылает. К вашим услугам любые сведения об окрестностях Уайльдернси и их достопримечательностях, — добавил он, невольно процитировав карманный курортный путеводитель, который продавал в баре.

— Окрестности Уайльдернси меня не интересуют, — сказал Роберт

Одли. — Я хотел бы задать несколько вопросов о людях, что некогда проживали в этих местах.

Владелец гостиницы любезно улыбнулся и чуть склонил голову.

— Сколько лет вы здесь живете? — задал Роберт свой первый вопрос, доставая записную книжку. — Кстати, вас не смутит, если по ходу дела я буду делать кое-какие пометки?

— Нисколько, сэр.

— Итак, вы проживаете здесь уже...

— Шесть лет, сэр.

— То есть с пятьдесят третьего года?

— Если быть точным, то с ноября пятьдесят второго, сэр. До этого у меня было свое дело в Гулле. Я купил этот дом, едва его успели построить, а строительство, сэр, завершили в октябре месяце.

— Не помните ли вы лейтенанта военно-морского флота, к тому времени уже отставного, по фамилии Молдон?

— Капитана Молдона, сэр?

— Да, его обычно называли капитаном Молдоном. Я вижу, вы его помните.

— Как не помнить, сэр. Он прожил здесь довольно долго и был, если так можно выразиться, одним из наших лучших постояльцев. По вечерам сидел в этой самой комнате, хотя в то время стены здесь были еще сырые, и у нас почти год не было возможности оклеить их обоями. Его дочь вышла замуж за молодого офицера, полк которого расквартировали здесь в пятьдесят втором году во время Рождества. Здесь они поженились, сэр, потом отправились в свадебное путешествие на континент на целых полгода, а затем вернулись в наши места. Казалось, все у них складывается как нельзя лучше, но, увы, через неделю-другую после того, как молодая женщина родила, супруг оставил ее и уехал в Австралию. Дело это наделало много шуму в Уайльдернси, сэр, и миссис... миссис... забыл, как ее звали...

— Миссис Толбойз, — подсказал Роберт.

— Точно, миссис Толбойз. Так вот, я и говорю, сэр, миссис Толбойз у нас тут все очень жалели, потому что, должен вам сказать, сэр, у нас ее очень любили: уж такая была хорошенькая и такая приветливая, что и не передать.

— Как долго мистер Молдон с дочерью оставались в Уайльдернси после того, как мистер Толбойз их покинул?

— Точно не помню, сэр. Помню только, что мистер Молдон, сидя здесь, рассказывал всем, кто готов был его слушать, как дурно обошлись с

его дочь и как подло предал ее молодой шалопай, которому она доверилась. А сколько они тут еще пробыли... Нет, этого я не помню, сэр. Впрочем, на ваш вопрос могла бы ответить миссис Баркемб.

— Миссис Баркемб?

— Да, сэр. Миссис Баркемб, владелица дома № 17, что в районе Норт-Коттеджиз. Мистер Молдон с дочерью проживал там некоторое время. Это добрая, приветливая женщина, и я уверен, она не откажется рассказать вам все, что ей известно.

— Благодарю вас. Миссис Баркемб я навещу завтра. А сейчас еще один вопрос, последний. Вы бы узнал и миссис Толбойз, если бы вам довелось встретиться с ней?

— Конечно, сэр. Я узнал бы ее наверняка, как если бы она была моей родной дочерью.

Роберт Одли записал адрес миссис Баркемб, поел, выпил два стакана хереса, выкурил сигару и отправился спать.

Два последних дня он только и делал, что переезжал с места на место. Это изрядно вымотало его, и потому уснул он быстро, однако спал чутко и сквозь сон слышал, как шумит ветер в песчаных дюнах и как однообразно рокочут волны, растекаясь по ровному пологому берегу.

Печальные звуки, накладываясь на печальные мысли, рождали в дремлющем мозгу фантастические картины, и при всей их причудливости в них проглядывалась тонкая, зыбкая, едва различимая связь с реальным миром.

В тревожном своем сне он увидел, как вдруг исчезли изумрудные пастбища, окружающие Одли-Корт. Он увидел, как неведомая сила с корнем вырвала и разметала живые изгороди Эссекса и как та же сила перенесла на этот пустынный холодный берег старинное поместье и отдала его на расправу северным ветрам.

И вот уже бурное море, бросая упругие волны на древние стены, обещает стереть их с лица земли, и из этих волн, из серебряной пены, возникает прекрасное лицо — лицо миледи, что превратилась в русалку и сулит благородному дому сэра Майкла позор и разрушение.

Над серым, клокочущим морем нависла громадная гряда облаков, что чернее самой непроглядной ночи; он, Роберт, пристально вглядывается в мрачный горизонт, и штормовые облака медленно раздвигаются, и узкая полоска света, брызнув из-за них, посылает старому строению привет и надежду на грядущее спасение.

Роберт проснулся. Картины сна по-прежнему стояли перед его внутренним взором, но он вдруг почувствовал физическое облегчение,

словно тяжкое бремя, стеснявшее его всю ночь, свалилось с его груди.

Он снова уснул и проснулся только на рассвете, когда горничная, постучав к нему в комнату, пронзительным голосом объявила, что уже половина девятого.

Без четверти десять Роберт вышел из гостиницы «Виктория» и отправился по указанному адресу к миссис Баркемб.

Дом № 17 он нашел быстро. В дверях его встретила строгая служанка и проводила в гостиную, производившую впечатление чего-то столь же строгого и столь же пожилого, как и она сама.

Миссис Баркемб, спокойная и явно довольная жизнью матрона лет шестидесяти, сидела в глубоком кресле перед жарко натопленным камином. На коленях у нее дремал старый черный с коричневыми пятнами терьер. Все в этой тихой гостиной напоминало о старине, бесхитростном уюте и упорядоченности бытия, неподвластных никаким внешним потрясениям.

«Хотел бы я жить здесь, — подумал Роберт, — каждый день наблюдая, как серое море под серым безмятежным небом медленно катит волны на серый песок. Хотел бы я жить здесь, читать молитвы, перебирая четки, нести покаяние и обрести покой».

Миссис Баркемб указала на кресло напротив себя. Роберт сел, положив шляпу на пол. Старый терьер залаял и, спрыгнув с колен хозяйки, начал обнюхивать шляпу.

— Видимо, вы подыскиваете, — тихо, Дэш! — подыскиваете себе квартиру, сэр? — осведомилась хозяйка, которая последние двадцать лет занималась исключительно сдачей жилья внаем, что стало для нее своего рода навязчивой идеей.

— Нет, сударыня, я пришел к вам не за этим, — сказал Роберт Одли. — Я пришел, чтобы узнать у вас точную дату, когда миссис Толбойз покинула Уайльдернси. Владелец гостиницы «Виктория» заверил меня, что вы единственная, кто может ответить на этот вопрос.

Миссис Баркемб задумалась.

— Когда уехал капитан Молдон, я вам скажу, потому что он исчез, задолжав мне кучу денег. (Дела свои я веду аккуратно, и в бухгалтерских книгах у меня все отмечено черным по белому.) А вот что касается миссис Толбойз... — Миссис Баркемб снова задумалась.

— Вам известно, что она съехала совершенно внезапно? — спросила миссис Баркемб.

— Нет, сударыня, в первый раз слышу.

— Между тем это было именно так. Именно внезапно. Ах, бедняжка!

После того, как муж ее бросил, она пыталась зарабатывать, давая уроки музыки. По-моему, она была прекрасная пианистка, просто превосходная, но отец, судя по всему, забирал у нее деньги и пропивал все до последнего пенни. Как бы там ни было, однажды вечером между ними произошла серьезная размолвка, и на следующее утро миссис Толбойз уехала из Уайльдернси, оставив сына на попечение няньки, проживавшей по соседству.

— Когда это произошло?

— Боюсь, не вспомню... Впрочем, погодите. В тот день, когда молодая женщина уехала, капитан Молдон написал мне письмо. Бедный джентльмен, он очень переживал, и, должна вам сказать, когда у него случались неурядицы, — а случались они у него довольно часто, — он всегда обращался ко мне. Если я найду письмо, мы, возможно, узнаем дату, и тогда... Вам понятно?

— Да, вполне.

Миссис Баркемб подошла к столу, что стоял у окна, — старинному, красного дерева, покрытому зеленой байковой скатертью — и принялась рыться в куче бумаг. Письма, рецепты, векселя, инвентарные описи, извещения налоговой инспекции лежали здесь в вопиющем беспорядке.

Роберт Одли терпеливо ждал, пока хозяйка извлечет из этого хаоса то, что нужно.

Ждать пришлось минут десять.

Миссис Баркемб вздыхала, сопела, хмыкала себе под нос, вынимала бумаги из конвертов, снова вкладывала их туда, сгибала и разгибала, перекладывала с места на место...

— Вот оно! — наконец радостно воскликнула она. — Здесь же у меня хранится письмецо, оставленное самой миссис Толбойз.

Роберт Одли вздрогнул и покраснел от негодования.

«Тот, кто, побывав у меня в комнатах, украл любовные письма Элен Молдон из сундука Джорджа, — подумал он, протягивая руку, чтобы принять бумаги от миссис Баркемб, — нажил себе кучу неприятностей».

Письмо отставного лейтенанта было коротким, множество слов подчеркнуто. (Замечу в скобках, что мистер Молдон, проживая у почтенной домовладелицы, подвергал ее великодушные слишком жестоким испытаниям, платя ей не регулярно, но лишь тогда, когда нежелание познакомиться с судебным исполнителем подавляло в нем желание наведаться в ближайшую пивную.)

Мистер Молдон писал:

«Мой великодушный друг!

Я в бездне отчаяния. Моя дочь оставила меня! Представьте только, каково мне сейчас! Накануне вечером мы повздорили из-за денег — в этом вопросе, как вам известно, между нами никогда не было согласия, — и, проснувшись нынче утром, я обнаружил, что меня покинули! Прилагаю письмо, которое Элен оставила для меня на столе в гостиной.

Ваш — в горе и несчастье —

Генри Молдон.

Норт-Коттеджиз,

16 августа 1854 г.».

Письмо миссис Толбойз было еще короче:

«Я устала жить здесь и хочу, если смогу, начать все заново где-нибудь в другом месте. Я уйду в тот мир, где порвутся все до одной мои связи с ненавистным прошлым. Я иду искать иной дом, иную судьбу. Прости, если была раздражительной, капризной, непостоянной. Я верю, ты простишь меня, потому что знаешь, почему я была такой. Ты знаешь тайну — ключ ко всей моей жизни.

Элен Толбойз».

Строки были написаны почерком, который Роберт Одли знал хорошо — слишком хорошо.

Обхватив голову руками, он склонился над письмом Элен Толбойз и глубоко задумался.

Что значат две последние фразы: «Я верю, ты простишь меня, потому что знаешь, почему я была такой. Ты знаешь тайну — ключ ко всей моей жизни»?

Что это значит?

Роберт Одли не мог представить себе ничего такого, что пролило бы свет на эти загадочные фразы. Судя по письму мистера Молдона, Элен покинула Уайльдернси 16 августа 1854 года. Мисс Тонкс утверждает, что Люси Грэхем предложила свои услуги частной школе на Креснт-Виллас 17 или 18 августа того же года. Между отъездом Элен Толбойз из курортного городишка в Йоркшире и появлением Люси Грэхем в школе в Бромптоне прошло не более сорока восьми часов. Слишком короткое звено в цепи косвенных улики? Что ж, может быть. Однако оно заняло свое вполне

определенное место, и тут уж ничего ни прибавить, ни убавить.

— Получал ли мистер Молдон письма от своей дочери после того, как она покинула Уайльдернси? — спросил Роберт.

— Кажется, да, — ответила миссис Баркемб. — Сказать по правде, с того августа виделись мы с ним нечасто. К ноябрю он задолжал мне уже за пятнадцать месяцев, и мне, увы, пришлось пустить его имущество с молотка. Не распродай я кое-что из его жалкой мебели, он квартировал бы у меня до сего дня. И все же, несмотря на то, что я прислала к нему оценщиков, описавших его имущество, мы расстались добрыми друзьями, и старый джентльмен уехал в Лондон с внуком, которому едва исполнился год.

Больше миссис Баркемб сказать было нечего, и Роберт не стал допытывать ее расспросами. Он лишь попросил у почтенной леди письма отставного лейтенанта и его дочери и, положив их в записную книжку, покинул старинный дом, попрощавшись с миссис Баркемб с подчеркнутой вежливостью.

Он вернулся в гостиницу. Лондонский экспресс отходил от платформы Уайльдернси в четверть второго. Роберт велел отнести чемодан на станцию, заплатил по счету, вышел на каменную террасу с видом на море и принялся прохаживаться по ней в ожидании поезда.

«Итак, — подумал он, — я почти что свел воедино истории Люси Грэхем и Элен Толбойз. Теперь я должен проследить судьбу женщины, похороненной на кладбище в Вентноре».

ВСТРЕЧА В ЦЕРКВИ

В Лондоне Роберта поджидало письмо от кузины Алисии. Молодая леди писала:

*«Папочке значительно лучше, и он очень хочет, чтобы ты приехал к нам в Одли-Корт. По какой-то совершенно необъяснимой причине моя мачеха вбила себе в голову, что твое присутствие здесь в высшей степени желательно. Она постоянно изводит задавая вопросы о том, куда и зачем ты едешь. Поэтому прошу: приезжай, не откладывая, иначе мои близкие не успокоятся. Искренне твоя,
А.О.»*

«Итак, миледи интересно, куда и зачем я едущу, — думал Роберт Одли, усаживаясь у одинокого холостяцкого камина и набивая трубку. — Ей это очень интересно. Бедная золотоволосая грешница! Похоже, наш поединок становится неравным. Весьма неравным. Почему она не уходит с моего пути, пока еще есть время? Ведь я же честно предупредил ее, раскрыл ей все свои карты. Почему? Бог весть».

Он выкурил уже несколько пенковых трубок и сидел, окруженный клубами сизого дыма, напоминая волшебника новейших времен, корпящего в своей лаборатории. Он снова и снова задавал себе этот вопрос, но, увы, волшебство его было бессильно: он не мог на него ответить.

«Господь свидетель, я не мечтаю о возмездии — это вообще не в моем характере. Я не желаю навлекать позор на этот дом, я всего лишь хочу исполнить свой долг по отношению к другу. Почему же миледи не уходит с моего пути? Я предупрежу ее еще раз, а затем...»

Мысли его перенесли в сумрачное будущее, где он не видел ни малейшего просвета. Он снова — в который раз! — подумал о счастье сэра Майкла, которое он, Роберт, должен будет разрушить собственными руками... Но среди мрачных призраков грядущего перед ним вновь возник образ Клары Толбойз, и вновь она властным жестом велела ему идти по избранному пути, воззвав к его совести и заклиная неведомой могилой пропавшего друга.

Что предпринять? Может, отправиться в Саутгемптон и попытаться

разузнать, кто была та женщина, что закончила свой земной путь в Вентноре? Может быть, действуя тайно, подкупить с десятков презренных агентов, чтобы они помогли мне докопаться до истины? Нет, я еще не все перепробовал, чтобы прибегать к этому последнему. Может, отправиться к тому несчастному старику и добиться от него признания, напомнив ему, какую позорную роль он сыграл в судьбе моего друга? Нет, я не стану мучить беднягу. Я отправлюсь прямо к ней, к главной заговорщице, я сорву у нее прекрасную завесу, за которой скрывается ее порочность, я вырву у нее тайну гибели друга и навсегда изгоню ее из дома, который она оскверняет своим присутствием!»

Ранним утром следующего дня он уехал в Эссекс и прибыл в Одли без четверти одиннадцать.

Миледи он дома не застал: в это утро она тоже встала рано и, взяв с собою падчерицу, уехала в Челмсфорд за покупками. В Челмсфорде, кроме того, она намеревалась нанести несколько визитов своим приятельницам, так что до обеда ее можно было не ждать.

— Сэру Майклу значительно лучше. Не угодно ли вам подняться к нему наверх? — спросил слуга.

— Нет, — сказал Роберт Одли, покачав головой.

Зачем ему идти к сэру Майклу? Что он ему скажет? Как смягчит жестокий удар?

— Пожалуй, я прогуляюсь в деревню и вернусь к обеду, — сказал Роберт и медленно вышел из дому.

«Нет, схожу на кладбище, — подумал он, подходя к деревне. — На душе так тяжело, что тяжелее уже не станет».

Он обогнул деревню. Церковь стояла чуть в стороне от центральной улицы Хай-стрит; грубые деревянные ворота кладбища выходили на широкий луг, где тек стремительный ручей. Луг, постепенно опускаясь, незаметно переходил в долину, на которой там и сям паслись многочисленные тучные стада.

Роберт медленно спустился с холма и направился к кладбищенским воротам. Вокруг ни души. Только дым, курившийся над крышами разбросанных вдалеке домов, говорил о том, что жизнь не совсем замерла в этих местах, да стрелки часов на старинной церковной башне указывали на то, что время худо-бедно движется по раз и навсегда заведенному кругу.

Роберт открыл ворота и, ступив за ограду, вдруг услышал торжественную музыку, что лилась через полуоткрытое окно башни.

Он остановился, прислушиваясь.

«Какое чудо! Когда я был здесь в последний раз, школьный учитель наигрывал ребятишкам простенькую мелодию. Кто бы мог подумать, что под этими сводами зазвучит великий Бах!»

Роберт снял шляпу и тихо вошел в церковь. Миновав узкий боковой придел, он подошел к алтарю и огляделся. Как раз напротив него была маленькая галерея, плотно занавешенная дешевыми зелеными шторами, и увидеть, кто сидит за органом, было невозможно.

Между тем органист заиграл Мендельсона. Мечтательная печальная мелодия тронула Роберта до глубины души. Он замер, не смея пошевелиться.

«Если бы Джордж Толбойз умер на моих руках, — подумал он, — я бы похоронил его здесь, у стен этой скромной сельской церкви».

Роберт взглянул на часы.

«Половина первого, — отметил он про себя. — Еще четыре-пять часов томительного ожидания, — пока миледи не вернется домой после утренних визитов. Утренние визиты! Светская жизнь! Актриса, да и только! Ну ничего: скоро этой комедии придет конец. Слишком долго я деликатничал».

Музыка прекратилась. С галереи раздался легкий стук: инструмент закрыли.

«Хотелось бы взглянуть на нового органиста, — подумал Роберт Одли. — Интересно посмотреть на чудака, который скрывает свой талант в сельской глуши, играя чудесные фуги Мендельсона за каких-нибудь шестнадцать фунтов в год».

Роберт прищурил глаза, ожидая, когда органист сойдет вниз по шаткой лесенке.

Первым из-за занавеса показался мальчик в плисовых штанах и темном полотняном рабочем халате. Он усердно надувал мехи старого органа, и кровь еще не схлынула с его лица. Его грубые башмаки гулко застучали под сводами церкви.

Следом за мальчиком появилась молодая леди. На ней было шелковое черное платье строгого покроя и большая серая шаль. Увидев Роберта, женщина вздрогнула и побледнела.

Это была Клара Толбойз.

Роберт ожидал встретить здесь кого угодно, только не ее.

— Вы? — только и смог произнести он.

— Я.

— Но...

— Хотела навестить своих друзей в Эссексе.

Действительно, в свое время она упоминала о том, что в Эссексе у нее

есть друзья, но графство такое обширное, а Одли — одно из самых отдаленных и наименее оживленных мест графства. И вот теперь... Появление девушки смешало все его карты.

— Вы удивлены, мистер Одли?

— Признаться, очень.

— Я уехала из дому позавчера, после того как получила вашу телеграфную депешу. Здесь остановилась со своей подругой, женой нового ректора Маунт-Станнинг. Сегодня утром решила осмотреть деревню и церковь. Миссис Мартин со священником и его супругой инспектируют сейчас местные школы, я же... вот... попробовала сыграть на старом органе. Только приехав сюда, я узнала, что название деревушки — Одли. Ведь это не случайно, ее так назвали по вашей фамилии, правда?

— По всей видимости, да, — ответил Роберт, удивляясь тому, как спокойна девушка и как смущен и взволнован он сам. — Насколько я помню, здесь со времен Эдуарда IV жил один из моих предков, которого звали Одли из Одли. Другой Одли похоронен за оградой вблизи алтаря, но я, признаться, до сих пор не знаю, чем прославился сей доблестный рыцарь. Вы решили подождать здесь своих друзей, мисс Толбойз?

— Да; мы условились, что они, закончив дела, придут сюда.

— А затем вы все вернетесь в Маунт-Станнинг?

Роберт стоял перед девушкой, держа шляпу в руках и глядя отсутствующим взором на гранитные надгробия и невысокую стену кладбища. Клара Толбойз заметила, что лицо у него бледное и худое, а под глазами залегли глубокие тени.

— Наверное, вы болели? — чуть слышно спросила она, и голос ее прозвучал с той же мелодичной печалью, какая только что звучала в музыке, извлеченной из недр старого органа.

— Нет, я вполне здоров, — промолвил Роберт Одли. — Но меня измучили сомнения и вопросы, на которые пока у меня нет ответа.

И он рассказал девушке, при каких обстоятельствах исчез ее брат, скрыв лишь имена тех, кто так или иначе соприкасался с этой тайной.

Девушка пытливо взглянула на него, словно пыталась прочесть в его лице то, что утаил от нее молодой адвокат.

Роберт перехватил ее взгляд и тут же отвел глаза в сторону, боясь, что одно случайное движение может открыть ей то, о чем он не осмелился сказать.

Он хотел было попрощаться о девушкой, но ее вопрос остановил его.

— Вы обещали написать мне, если удастся разузнать что-то новое. Писем от вас я не получала. Значит, ничего нового нет?

— Кое-что есть.

— Может, расскажете что?

— Только после того, как подкреплю свои выводы новыми доказательствами.

— Из вашего телеграфного запроса я поняла, что вы собираетесь в Уайльдернси.

— Я был там.

— Вот как! Значит, именно там вам удалось продвинуться в вашем расследовании?

— Да, именно там. Мое подозрение основывается на тождественности двух личностей, между которыми нет очевидной связи: одной из них предположительно нет в живых, а другая здравствует и поныне. Если между кончиной Элен Толбойз, супруги вашего брата, и датой, проставленной в соответствующих документах, нет противоречия и если на кладбище в Вентноре похоронена именно та, имя которой высечено на надгробном камне, — мне останется только развести руками: я не смогу разгадать этой тайны. Но, поверьте, для нас с вами не все потеряно. Победный финал — я чувствую это! — не за горами.

Он сдержанно и тихо промолвил каждое слово, но последнюю фразу, неожиданно для самого себя, произнес с таким торжественным подъемом, что уже не было смысла скрывать, какие чувства обуревают его в эту минуту.

Клара Толбойз прекрасно поняла его состояние.

— Я уверена, — сказала она, касаясь его руки, — свой долг перед другом вы исполните до конца. Тайна будет раскрыта, в этом я тоже не сомневаюсь.

На пороге церкви появилась жена ректора и священник с супругой. Роберт Одли поцеловал руку девушки, надел шляпу и быстро вышел.

— Какой симпатичный молодой человек! У тебя что, с ним было свидание? — смеясь, спросила миссис Мартин, подходя к девушке. — Кстати, как его зовут?

— Это мистер Одли, друг моего бедного брата.

— Вот как? Значит, он родственник сэра Майкла Одли?

— Сэра Майкла Одли?

— Да, милочка, родственник самого влиятельного человека в нашем приходе. Через день-два мы сходим в Одли-Корт, и ты повидаешься с баронетом и его очаровательной молодой женой.

— Молодой женой? — переспросила Клара Толбойз, взглянув на свою подружку с пристальным вниманием. — Так, значит, сэр Майкл женился?

— Да, милочка. Он вдовел шестнадцать лет, а полтора года назад женился на молодой гувернантке, бесприданнице без единого пенни в кармане. История получилась весьма романтическая, и сейчас леди Одли слывет первой красавицей графства. Пойдем, Клара, лошадка нас заждалась, а ехать нам еще долго.

Клара села в небольшую коляску, стоявшую у ворот кладбища. Лошадку пони держал под уздцы тот самый мальчик, что подкачивал мехи старого органа. Миссис Мартин, причмокнув, тряхнула поводьями, и лошадка, тронувшись с места, побежала в сторону холма Маунт-Станнинг.

— Пожалуйста, расскажи мне об этой леди Одли, Фани, — попросила Клара Толбойз после долгого молчания. — Как ее девичья фамилия?

— Грэхем.

— И она хорошенькая?

— Очень! Она прекрасна, как невинное дитя, у нее большие голубые глаза и светло-золотые локоны, ниспадающие на плечи.

Клара Толбойз погрузилась в молчание и за все время пути больше ни разу не спросила о миледи.

Она вспомнила отрывок из письма, которое Джордж написал ей во время своего медового месяца:

«Сейчас, когда я пишу тебе, моя женушка, шаловливая, как дитя, украдкой подсматривает за мной. Жаль, что ты не видела ее, Клара! Глаза у нее ясные и голубые, словно небо в сияющий летний день, а волосы образуют вокруг головы бледно-золотой ореол. Господи, как же она похожа на Мадонну с итальянской картины!».

В ЛИПОВОЙ АЛЛЕЕ

Роберт Одли неторопливо прохаживался по широкой лужайке перед особняком Одли-Корт, когда экипаж, в котором сидели миледи и Алисия, миновав арку, остановился у низких дверей той части здания, что была построена в виде башни.

Подойдя к экипажу, молодой адвокат протянул руку и помог женщинам сойти на землю. Миледи очень шли нежно-голубая шляпа и соболя, что он когда-то купил для нее в Санкт-Петербурге. Подав Роберту руку для поцелуя, она одарила его приветливой гримаской.

— Итак, вы все же приехали, ленивец вы этакий! — смеясь, промолвила она. — Теперь, когда вы здесь, мы превратим вас в узника. Мы не дадим ему сбежать, не так ли, Алисия?

Алисия Одли насмешливо склонила голову, и тяжелые локоны качнулись под изогнутыми полями ее шляпы.

— Мой кузен носится по белому свету, как сумасшедший, и я никак не могу повлиять на этого сумасброда, — сказала она. — Но коль скоро он решил вести себя подобно герою немецкой сказки, за которым гонятся привидения, я, по крайней мере, постараюсь понять, в чем тут причина.

«Милая девушка, — подумал Роберт Одли, — привлекательная, великодушная, из хорошей семьи, но... как действует на нервы!»

Все трое направились к дому.

— Где вы были последние два дня? — спросила миледи.

— Я был... в Йоркшире, — ответил Роберт. — В маленьком курортном городишке, где мой бедный друг Джордж Толбойз поселился после женитьбы.

Миледи побледнела, но тут же взяла себя в руки.

— Мне нужно переодеться к обеду, — улыбнувшись, сказала, она. — Пожалуйста, мистер Одли, пропустите меня вперед.

— Надеюсь, вы уделите мне полчаса, леди Одли, — посторонившись, вполголоса промолвил молодой человек. — Я приехал в Эссекс только ради того, чтобы поговорить с вами.

— О чем? — едва скрыв тревогу и напустив на себя вид озадаченного ребенка, спросила миледи. — О чем вы хотите поговорить со мной, мистер Одли?

— Я сообщу вам об этом с глазу на глаз, — сказал Роберт, посмотрев на Алисию, стоявшую позади мачехи.

«Влюбился в эту восковую куклу! — подумала та. — Отсюда и все его странности».

Резко повернувшись, Алисия отошла от кузена и мачехи и отправилась на лужайку.

«Влюбился в восковую куклу! Знай я, что у него такой дурной вкус, я бы давно выбросила его из головы!»

Алисия пересекла лужайку и, выйдя за ворота, пошла в конюшню — искать сочувствия у верного пса Цезаря и гнедой кобылы Аталанты.

— Не пойти ли нам в липовую аллею, леди Одли? — предложил Роберт, когда Алисия скрылась из виду.

— Пожалуйста, если вам угодно, — отозвалась миледи. Роберт заметил, что она, идя с ним рядом, дрожит и поглядывает по сторонам, словно загнанная мышка, готовая юркнуть в любую щелку, чтобы скрыться от своего преследователя.

— Вы вся дрожите, — сказал молодой адвокат.

— Да, мне холодно, меня знобит. Давайте поговорим как-нибудь в другой раз. Завтра, например. Мне нужно переодеться к обеду, и я хочу повидаться с сэром Майклом: мы не виделись с десяти часов утра. Пожалуйста, давайте поговорим завтра.

Как жалобно прозвучали в ее устах эти слова! Роберт Одли взглянул на ее прекрасное лицо, и ему стало бесконечно жаль эту женщину. И все-таки...

— Я должен поговорить с вами, леди Одли, — сказал Роберт, делая ударение на слове «должен». — Если я и жесток, то это вы сделали меня жестоким. Вы могли бы избежать этой пытки. Вы могли бы избежать этой встречи. Я честно предупредил вас обо всем. Но вы предпочли отмахнуться от меня, и сегодня вы расплачиваетесь за свое пренебрежение. Следуйте за мной. Я скажу вам все, что должен сказать.

В его тоне было столько холодной решимости, что миледи не посмела возражать и покорно пошла за ним. Они миновали железные ворота, что вели в сад, разбитый позади особняка, перешли грубо сколоченный деревянный мостик, перекинутый через тихий пруд, и вошли в липовую аллею.

Уже начали сгущаться ранние зимние сумерки, и голые ветви сомкнулись над головами наших героев: в неверном свете уходящего дня липовая аллея стала похожей на крытую аркаду.

— Зачем вы привели меня в это ужасное место? — нарушила

молчание леди Одли. — Зачем вы меня пугаете? Вы же знаете, как я нервничаю!

— Вы нервничаете, миледи?

— Да, ужасно нервничаю. Мистер Доусон заработал на мне уже целое состояние. Он постоянно шлет мне камфару, нюхательную соль, лаванду и множество всяких отвратительных микстур, но ничто не помогает.

— Если ум нездоров, тут уж ничем не поможешь.

— Кто говорит, что я не в здравом уме?

— Я говорю, миледи. И потому позвольте мне, став вашим врачом, искоренить вашу душевную болезнь. Хотите, я вам скажу, почему вы стали в этом доме такой нервной?

— Попробуйте, скажите, — усмехнувшись, отозвалась миледи.

— Потому что из-за вас в этом доме поселился призрак.

— Призрак?

— Да, миледи, призрак. Имя ему — Джордж Толбойз.

Роберт Одли увидел, как часто и прерывисто задыхалась миледи, и ему даже показалось, что он слышит, как стучит ее сердце.

— Что вам от меня нужно? — воскликнула женщина. — Что вы мучаете меня своим Джорджем Толбойзом, которому несколько месяцев назад взбрело в голову уйти, сбежать, исчезнуть из вашей жизни? Вы сами сходите с ума, мистер Одли! Сходите с ума и делаете меня жертвой своего безумия. При чем тут я? Где связь между мною и Джорджем Толбойзом? Почему, желая досадить мне, вы постоянно твердите это имя?

— То есть вы хотите сказать, что Джордж Толбойз совершенно чужой для вас человек?

— Ну конечно! Разве может быть иначе?

— Еще как может! Сейчас я расскажу вам, как исчез мой друг...

— Не нужны мне ваши рассказы! — воскликнула леди Одли. — Знать ничего не желаю об этом человеке! Если он мертв, я скорблю о нем. Если жив — не желаю слышать о нем, не желаю видеть его. Я хочу видеть своего мужа, мистер Одли! Пожалуйста, не задерживайте меня здесь, в этом сумрачном месте, если не хотите, чтобы я замерзала до смерти!

— Выслушайте то, что я скажу, и ступайте с миром. Я не стану задерживать вас дольше необходимого. Выслушайте и поступайте, как знаете.

— Хорошо, не будем терять время. Обещаю выслушать, употребив на то все свое терпение.

— Когда мой друг Джордж Толбойз вернулся в Англию, — начал Роберт Одли, — всеми своими помыслами он был устремлен к своей жене.

— Которую сам же и бросил на произвол судьбы, — живо подхватила миледи, но тут же, опомнившись, добавила: — Вы уже как-то упоминали об этом, когда впервые рассказывали эту печальную историю в стенах Одли-Корт.

Роберт не стал обращать внимание на оговорку миледи.

— Всеми своими помыслами Джордж Толбойз был устремлен к своей жене, — повторил он. — Сделать ее счастливой — эту надежду он лелеял на золотых приисках Австралии, где собственными руками копал золото в самых нечеловеческих условиях. Так уж случилось, что мы встретились буквально через несколько часов после того, как он сошел на родную землю, и я был свидетелем, как он буквально светился от радости, предвкушая встречу с женой, как гордился тем, что его усилия увенчались победой. Могу засвидетельствовать также и то, что удар, который он получил в самое сердце, совершенно изменил его, сделал совсем другим человеком. Этот удар нанесло ему объявление о смерти его жены в газете «Таймс». Сегодня я уверен, что это объявление было лживым в каждой своей букве.

— Вот как! Но зачем было объявлять о кончине миссис Толбойз, если она жива?

— А вот этот вопрос следовало бы задать самой миссис Толбойз. У нее для мнимой кончины были весьма веские основания.

— Основания? Но какие?

— Что, если она воспользовалась отсутствием Джорджа, чтобы подыскать себе более состоятельного мужа? Что, если она, выйдя замуж вторично, поместила в газете фальшивое объявление, чтобы мой бедный друг не стал мешать ей в ее новой жизни?

Леди Одли пожала плечами.

— Ваши предположения весьма любопытны, мистер Одли, — сказала она, — и, надо надеяться, у вас для них имеются достаточные основания.

— Я просмотрел подшивку газет, что вышли в Челмсфорде и Колчестере приблизительно в это время, — продолжил Роберт, не обращая внимания на последнюю реплику миледи, — и в одном из номеров, датированном 2 июля 1857 года, нашел короткий абзац, где говорилось, что мистер Джордж Толбойз, английский джентльмен, прибыл в Сидней с золотых приисков, имея с собой самородки и золотой песок общей стоимостью двадцать тысяч фунтов стерлингов, и, реализовав добытое, отправился в Ливерпуль на быстроходном клипере «Аргус». Это, конечно, мелочь, леди Одли, но она доказывает, что всякий, кто проживал в июле 1857 года в графстве Эссекс, мог знать о возвращении Джорджа Толбойза

из Австралии. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Не совсем, — призналась миледи. — Какая связь между эссекской газетой и кончиной миссис Толбойз?

— К этому мы еще вернемся, леди Одли. Подчеркиваю: я уверен в том, что объявление в «Таймс» было фальшивым и что оно — часть заговора Элен Толбойз и ее отца, отставного лейтенанта флота Генри Молдона, против моего бедного друга.

— Заговора?

— Да, миледи, именно заговора. Женщина, продумавшая его до мелочей, надо отдать ей должное, проявила столько ума и ловкости, что ею нельзя не восхищаться. Это храбрая женщина, потому что она задумала сыграть всю комедию, от пролога до финала, не боясь разоблачения. Это порочная женщина, потому что она не подумала о том, что значило ее предательство для того, кто так страстно ее любил. Это глупая женщина, потому что жизнь для нее — это игра, в которой выигрывает тот, у кого лучше карты. Она забыла, что Провидение выше всех низменных расчетов, и нет такой преступной тайны, которой оно позволило бы слишком долго оставаться тайной.

— Но почему вы уверены, что объявление в газете было фальшивым? — спросила миледи. — В Одли-Корт вы рассказывали о том, что ездили с мистером Толбойзом на могилу его жены. Кто же тогда умер в Вентноре, если не миссис Толбойз?

— На этот вопрос могут ответить только два-три человека на всей земле, и один из них ответит на него скоро, очень скоро. Я сковал цепь косвенных улик — почти всю, недостает лишь нескольких звеньев, — и уж поверьте, миледи, у меня останется сил довести работу до конца. Я знаю, где искать недостающие звенья! В Саутгемптоне живет светловолосая женщина, ее фамилия Плаусон. Ей — в этом я не сомневаюсь — известно многое из того, о чем тесть моего друга предпочел бы умолчать. От нее я мог бы узнать, кто похоронен на кладбище в Вентноре, и непременно узнаю, если...

— Если что?

— Если женщина, которую я хочу спасти от позора и кары, не оценит мое милосердие и, пока не поздно, не внимет моему предупреждению.

Миледи пожала изящными плечами и взглянула на молодого адвоката с нескрываемым презрением.

— Она, эта женщина, проявит непростительную глупость, если подчинит свою судьбу влиянию глупостей, подобных этой. Вы ипохондрик, мистер Одли, и это вам нужны камфара, нюхательная соль, лаванда и

прочее в том же роде. Какая, извините, ересь бродит в вашей голове! Вы потеряли друга при таинственных обстоятельствах: джентльмен предпочел покинуть Англию, не известив об этом вас. И что с того? Вы утверждаете, что после смерти жены он стал совершенно иным человеком. А вам не кажется, что этот человек, устав от мерзостей так называемой цивилизованной жизни, попросту мог вернуться на золотые прииски, чтобы там, на лоне дикой природы, забыть о своем горе? Вся эта история весьма романтична, но такое в жизни случается, и, увы, довольно часто. Однако столь простое объяснение вас не устраивает, и в ваших воспаленных мозгах рождается история зловещего заговора. Элен Толбойз мертва. «Таймс» объявил о том, что она мертва. Ее собственный отец сказал вам, что она мертва. Надпись на могильном камне в Вентноре гласит, что она мертва. Так по какому праву, — миледи повысила голос почти до крика, — по какому праву, мистер Одли, вы приходите ко мне и изводите меня своими рассказами?

— По праву, которое дают мне косвенные улики, леди Одли, — сказал Роберт.

— Какие еще косвенные улики?

— Какие улики? Разные, миледи. Уликой могут послужить время и место события. Уликой может послужить и почерк. Когда Элен Толбойз покидала Уайльдернси, она оставила письмо, в котором заявила отцу, что устала от прежней жизни и желает обрести иной дом, иную судьбу. Это письмо у меня.

— Вот как?

— Да, миледи. И я узнаю, чей почерк напоминает почерк Элен Толбойз столь живо, что даже самый дотошный эксперт не заметит никакой разницы!

— Сходство двух женских почерков — не бог весть какая редкость в наши дни, — возразила миледи с подчеркнутым безразличием. — Я могу предъявить вам письма полудюжины своих корреспонденток, и вы убедитесь, что дамская каллиграфия не блещет разнообразием.

— А если сличение двух почерков обнаружит сходство даже в самых ничтожных деталях?

— Тогда можно будет говорить о редкостном и любопытном совпадении, — отозвалась миледи, — о совпадении — и только. Вы не сможете отрицать факт смерти Элен Толбойз на том единственном основании, что ее почерк совпадает с почерком другого человека, который, слава богу, пребывает пока что в добром здравии.

— Хорошо, оставим это и посмотрим на дело с другой стороны. Элен

Толбойз так и не вернулась в отчий дом. Покинув отца, бедного, беспомощного старика, она решила отряхнуть прах своей прежней жизни со своих ног. Что, прежде всего, делают люди, решившие начать жизнь заново, как говорится, с чистого листа? Они меняют имя, леди Одли! Женщина по имени Элен Толбойз исчезла 16 августа 1854 года, чтобы буквально на следующий день, 17 августа, воскреснуть в качестве Люси Грэхем. Там, куда она явилась, она предложила свои услуги почти даром, но зато на новом месте ей не стали задавать лишние вопросы относительно ее прошлого.

— Вы с ума сошли, мистер Одли! — воскликнула миледи. — Вы сошли с ума, но, будьте уверены, мой супруг сумеет защитить меня от ваших оскорблений. Элен Толбойз сбежала из дома в такой-то день, а я поступила на работу на следующий — и что же? Какое это имеет значение?

— Большого значения это само по себе не имеет, — усмехнулся Роберт Одли, — но у меня есть еще одна улика...

— Какая еще улика?

— Два ярлыка, наклеенных один на другой на шляпную коробку, что вы оставили у миссис Винсент. На верхнем указано имя мисс Грэхем, на нижнем — имя миссис Джордж Толбойз.

Миледи молчала. Роберт Одли не видел в сумерках ее лица, но он заметил, как судорожно взметнулись к сердцу ее маленькие изящные ручки, и он понял, что его стрела попала в цель.

«Господи, помоги ей, несчастной! — подумал Роберт. — Теперь она знает, что для нее все потеряно. Почувствуют ли ее судьи то, что чувствую теперь я, когда вынесут ей смертный приговор — ей, не сделавшей им ничего дурного?»

Они медленно двинулись в обратный путь. Молча шли по темной аллее, а рядом с ними тянулся кустарник, среди зарослей которого показался старый колодец.

К колодцу вела вьющаяся дорожка, по которой давно уже никто не ходил и которую давно уже не расчищали. Роберт, выйдя из аллеи, свернул на эту дорожку, потому что здесь было светлее, а ему в эти минуты очень хотелось взглянуть на лицо миледи.

Молодой адвокат не проронил ни единого слова, пока они не дошли до колодца.

Массивная кирпичная кладка уже давно была разрушена, и ее обломки валялись среди зарослей вереска и сорной травы. Столбы, на которых когда-то крепился деревянный вал, еще сохранились, но железную ось вытащили из отверстий, и она лежала в нескольких шагах от колодца —

забытая, заржавленная, никчемная.

Опершись на один из столбов, поросших мхом, Роберт Одли взглянул на миледи. Луна только что взошла над горизонтом, и в этот миг лик женщины напомнил молодому адвокату то лицо, что он когда-то увидел во сне среди пенных хлопьев, которые взбивали зеленые морские волны.

— У меня есть две эти этикетки, леди Одли, — возобновил Роберт начатый разговор. — Я снял их со шляпной коробки, что вы оставили в Креснт-Виллас. Я отклеил их в присутствии миссис Винсент и мисс Тонкс. Попробуйте после этого утверждать, что вы Люси Грэхем и ничего общего не имеете с Элен Толбойз. Где же в таком случае вы жили до того, как появились в квартале Креснт-Виллас? Где ваши друзья, родственники или просто знакомые, которые могли бы выступить в вашу пользу? Даже если вы самый одинокий человек на этом свете, вам все равно придется представить суду хотя бы одного свидетеля, который мог бы удостоверить, что вы — это именно вы, и двух мнений здесь быть не может.

— Да, да, да! — воскликнула леди Одли. — Если я окажусь на скамье подсудимых, мне действительно придется искать свидетелей, чтобы опровергнуть ваши абсурдные обвинения. Но я пока что не на скамье подсудимых, и потому я предпочитаю смеяться над вашей глупостью. Я утверждаю: вы сошли с ума! Если вам угодно твердить, что Элен Толбойз жива и что я и есть Элен Толбойз, — воля ваша. Если вам угодно путешествовать по тем местам, где когда-то довелось жить мне, и по тем местам, где когда-то жила миссис Толбойз, — воля ваша. Если при этом вы делаете какие-то выводы и умозаключения, в третий раз говорю вам — воля ваша. Но хочу предупредить вас, что от буйных фантазий до смиренной рубашки — один шаг!

При этих словах Роберт Одли выпрямился и отошел на несколько шагов от замшелого колодезного столба.

«Она готова совершить новое преступление, — подумал он, — чтобы замести следы старого. Все влияние, которое она имеет на сэра Майкла, она употребит на то, чтобы объявить меня невменяемым».

Роберт Одли не был трусом, но предательский холодок проник ему в сердце, и он вздрогнул, когда подумал, с каким отчаянным противником ему придется иметь дело.

«Я раскрыл перед ней все свои карты, — подумал он, — но свои карты она по-прежнему от меня прячет. Нелегко будет сорвать с нее маску. Дядюшка скорее упрячет меня в сумасшедший дом, чем поверит в ее виновность!»

В этот самый миг бледное лицо Клары Толбойз, суровое и строгое в

своей красоте, столь не похожей на хрупкую красоту леди Одли, возникло перед его внутренним взором.

«Какой же я негодяй, — подумал молодой адвокат, — если в такую минуту пекусь о своей безопасности. Чем дольше я гляжу на эту женщину, тем больше чувствую собственную правоту, которая велит мне изгнать эту женщину из дома сэра Майкла!»

Миледи, стоя у другого колодезного столба, игриво поддела ножкой клочок сорной травы и украдкой взглянула на своего врага.

— Наш поединок будет не на жизнь, а на смерть, — торжественно промолвил Роберт Одли. — Я предупреждал — вы не вняли моим советам; я хотел, чтобы вы скрылись где-нибудь за границей — вы остались в Англии; я думал, в вас есть хоть капля стыда, а у вас...

— Не осталось его ни капли, вы это хотели сказать? — перебила леди Одли, с вызовом взглянув на молодого адвоката.

— Чему бывать, того не миновать, миледи, — промолвил Роберт Одли. — Люди слышали, как Джордж Толбойз спрашивал о вас. Люди видели, как Джордж Толбойз вошел в этот сад. Никто не видел, как Джордж Толбойз вышел из этого сада. Я уверен, что он никогда и не покидал его. Я уверен, что он принял смерть где-то в его пределах. Я уверен, что его тело лежит где-нибудь в тихой заводи или в дальнем заброшенном углу. Я сровняю этот дом с землей, я вырву с корнем каждое дерево в саду, но найду место, которое стало последним пристанищем моего покойного друга!

Леди Одли внезапно издала вопль и в отчаянии заломила руки. Она хотела что-то сказать, но слова застряли у нее в горле, и она лишь с ненавистью взглянула на своего неумолимого обвинителя, не в силах выразить то, что клокотало сейчас в ее душе. Потом она медленно опустила руки и сказала:

— Пошевелите хоть пальцем — и вам конец. Когда женщина загнана в ловушку, она опасна втройне. Вы этого не знали? Странно — при вашей-то искушенности...

Не закончив фразу, миледи усмехнулась и неожиданно взглянула на Роберта Одли с тем выражением достоинства и благородства, которое когда-то, к своему удивлению, молодой адвокат заметил на лице ее старого полупьяного отца, Генри Молдона, когда тот, как теперь и его дочь, увидев перед собой бездну — бездну унижения, последним усилием воли удержался на ее краю.

— Уезжайте, мистер Одли, — сказала она. — Вы сумасшедший, говорю я вам. Вы сумасшедший.

— Я уеду, миледи. До сего дня я действовал, жалея живых. Отныне я буду помнить только о долге перед мертвыми.

Он пошел прочь от заброшенного колодца и скрылся среди лип. Миледи медленно последовала за ним. В тот момент, когда он, открыв железные ворота, вышел из сада, двери дома отворились, и на пороге показалась Алисия.

— Я тебя везде ищу, Роберт, — сказала она. — Папочка спустился в библиотеку, и он будет рад повидаться с тобой.

Тень миледи упала на дорогу рядом с Робертом Одли. Он отошел в сторону, давая женщине пройти.

— Не знаю, дорогая, какая муха укусила твоего кузена, — сказала леди Одли, — он стал таким рассеянным, что я просто не в состоянии угадать, какую шутку он выкинет в следующую минуту.

— Судя по тому, как долго вы пробыли наедине, — с иронией заметила Алисия, — вы все же пытались его понять, несмотря на все его странности.

— О да, — спокойно ответил Роберт, — мы с миледи поняли друг друга прекрасно. Однако уже стемнело. До свиданья, леди. Я отправляюсь в Маунт-Станнинг; там у меня есть кое-какие дела, там я и заночую. А с дядюшкой увижусь завтра.

— Как, Роберт, — возмутилась Алисия, — ты уедешь, не повидавшись с папочкой?

— Да, дорогая. Я несколько взволнован, потому что дело меня ждет не слишком приятное, так что с дядюшкой мне лучше не встречаться. Доброй ночи, Алисия. Утром я либо приду сам, либо пришлю вам записку.

С этими словами он пожал руку кузине, поклонился леди Одли и направился в сторону деревни.

Миледи и Алисия глядели ему вслед, пока он не скрылся из виду.

— Что это с ним случилось? Почему он так странно себя ведет? — растерянно спросила Алисия. — Его, видите ли, беспокоит какое-то неприятное дело! А, по-моему, этот несчастный решил-таки вести дело в суде, и его заранее мутит при мысли о том, что в своей профессии он полный профан!

— А ты никогда не пыталась изучить характер своего кузена, Алисия? — выдержав паузу, озабоченно спросила миледи.

— Изучить его характер? Нет, леди Одли. Да и зачем? С первого взгляда ясно, кто перед вами: ленивый, себялюбивый сибарит, которого не заботит ничто, кроме собственного покоя и благополучия.

— А тебе не приходило в голову, что он несколько странен?

— Странен? — повторила Алисия, вытянув алые губки и пожав

плечами. — Да... Пожалуй... Впрочем, это обычное оправдание для людей подобного сорта.

— Ты никогда не рассказывала мне о его родителях, — задумчиво промолвила миледи. — Ты их помнишь?

— Матушку его мне видеть не довелось. Девичья ее фамилия — Дальримпл. Она была весьма неумной особой: в один прекрасный день сбежала с моим дядюшкой, и они вдвоем пустили на ветер огромное состояние. Она умерла в Ницце, когда Бобу было всего пять лет.

— Скажи, а ты не слышала о каких-нибудь отклонениях в его поведении?

— Что вы понимаете под словом «отклонения»?

— Хорошо, я задам вопрос по-другому: не слышала ли ты о каких-нибудь его странностях, чудачествах, выходках, одним словом, о чем-нибудь таком, в связи с чем о человеке говорят, что у него не все дома?

— Ах, нет, — смеясь, ответила Алисия. — Тетушка моя была весьма рассудительной особой, хотя и вышла замуж по любви. Впрочем, она умерла, когда меня еще не было на свете, и потому, как вы понимаете, особого интереса у меня к ней не было и нет.

— Но дядюшку-то ты своего помнишь, я полагаю?

— Дядюшку Роберта? Еще бы! Его я помню очень хорошо.

— Может, за ним водились какие-нибудь странности, присущие теперь твоему кузену?

— О да, мой кузен унаследовал все, как вы их называете, «отклонения» своего родителя. Мой дядюшка относился к окружающим с тем же безразличием, что и мой кузен. Впрочем, он был добрым мужем, заботливым отцом и рачительным, строгим хозяином: он сумел поставить себя так, что никто из слуг и арендаторов не смел ему перечить.

— А за ним замечали какие-нибудь странности?

— Да, его всегда считали чудаковатым.

— Долго я думала, — озабоченно промолвила миледи, — и вот что я тебе скажу: известно ли тебе, что сумасшествие передается от отца к сыну чаще, чем от отца к дочери, и от матери к дочери чаще, чем от матери к сыну? Твой кузен Роберт Одли — молодой человек весьма привлекательной наружности и, как мне кажется, у него доброе сердце. И все-таки за ним нужно приглядывать, Алисия, он — сумасшедший!

— Сумасшедший? — с негодованием воскликнула Алисия. — И как у вас только язык... Вы либо бредите... либо... хотите меня напугать!

— Я хочу только одного, Алисия, чтобы ты была начеку. Возможно, как ты утверждаешь, мистер Одли всего лишь чудаковат. Однако

нынешним вечером он говорил со мной так, что у меня душа ушла в пятки от страха, и сейчас мне кажется, что молодой человек действительно сходит с ума. Как бы там ни было, я сегодня же поговорю об этом с сэром Майклом, и разговор у нас будет очень серьезным.

— Поговорите с папой! Но он так расстроится...

— Что поделаешь, дорогая, я должна предупредить его, чтобы он тоже был настороже.

— Но он никогда не поверит вам! Он просто высмеет вас с вашими домыслами.

— Не высмеет. Он поверит всему, что я ему скажу, — произнесла миледи, и едва заметная улыбка зазмеилась на ее устах.

МИЛЕДИ ПОДГОТАВЛИВАЕТ ПОЧВУ

Леди Одли вышла из сада и направилась в библиотеку — уютную комнату, обшитую дубовыми панелями, где сэра Майкл любил читать, писать и обсуждать дела с управляющим — здоровенным детиной, понаторевшим не только в сельском хозяйстве, но и в крючкотворстве, который арендовал небольшую ферму в нескольких милях от Одли-Корт.

Баронет сидел у камина в легком вместительном кресле. Яркое пламя трепетало за решеткой, отбрасывая малиновые отблески на полированные выступы книжного шкафа из мореного дуба и на переплеты фолиантов с золотыми буквами.

Настольную лампу еще не зажгли, и сэра Майкл сидел у огня, ожидая прихода молодой жены.

Невозможно выразить словами, сколь чиста была его щедрая любовь, невозможно описать это чувство — нежное, как любовь матери к своему первенцу, и прекрасное, как страсть рыцаря к даме своего сердца.

Дверь скрипнула, и на пороге библиотеки возникла изящная женская фигурка.

— Ах, это ты, дорогая! — воскликнул сэра Майкл, когда миледи, закрыв за собой дверь, направилась к нему. — Я жду тебя уже целый час и все думаю, думаю без конца о тебе одной. Где ты была все это время, что делала?

Миледи встала в тени и, выдержав долгую паузу, сказала:

— Я ездила в Челмсфорд... за покупками...

Здесь, изобразив легкое замешательство, она запнулась, и ее тонкие белые пальчики нервно затеребили ленточку на шляпе.

— А что, моя дорогая, — спросил баронет, — что ты делала после того, как вернулась из Челмсфорда? Я слышал, как экипаж остановился у дверей, это было еще час назад. Ведь то был твой экипаж, не правда ли?

— Да, я вернулась домой час назад, — ответила миледи с прежним замешательством.

— Чем же ты была так занята после возвращения?

В тоне сэра Майкла послышался легкий упрек: в присутствии молодой жены он буквально оживал, и ее неоправданная задержка обидела его.

— Чем ты занималась после того, как вернулась домой? — повторил

он свой вопрос. — Почему тебя так долго не было рядом со мной?

— Я беседовала... я беседовала... с мистером Робертом Одли.

Миледи все так же накручивала на пальчик тесемку от шляпы, и выражение замешательства по-прежнему не сходило с ее лица.

— Ты была с Робертом! — удивился сэр Майкл. — Так он, оказывается, здесь?

— Да, был здесь — совсем недавно.

— Но он еще здесь, я полагаю.

— Увы, нет, он ушел.

— Ушел! — разочарованно воскликнул сэр Майкл. — Что все это значит, дорогая?

— А то и значит, что твой племянник пожаловал к нам сегодня после полудня. Когда мы с Алисией вернулись, он гулял по саду. Потом мы — он и я — поговорили наедине, и тут он вдруг заторопился и покинул меня, ничего толком не объяснив и лишь заявив на прощание, что у него есть какое-то дело в Маунт-Станнинге.

— В Маунт-Станнинге... Но какое у него может быть дело в этом богом забытом месте? Он там заночует, не так ли?

— Да, он что-то такое обронил мимоходом.

Сэр Майкл растерянно развел руками.

— Честное слово, — сказал он, — я начинаю думать, что у моего племянника не все в порядке с головой.

Миледи по-прежнему держалась в тени, и сэр Майкл не заметил, как вспыхнуло вдруг ее бледное лицо и как улыбка, язвительная и торжествующая, тронула ее губы.

Что до сэра Майкла, то последней своей фразе он не придал никакого особого значения. Баронет действительно был невысокого мнения о практичности Роберта в чисто житейских делах, видел в нем человека доброго, но никчемного, одного из тех, чье сердце мать-природа щедро наделила всеми возможными добродетелями, но чей ум оставила в небрежении, не уделив ему и скромной доли своих даров.

Сэр Майкл совершил ошибку, свойственную людям благополучным и снисходительным, привыкшим судить обо всем поверхностно, ибо жизнь не дает им повода задуматься о глубинной сути вещей и явлений: он принял лень за бездарность, а ничегонеделанье — за глупость, решив, что коль скоро его племянник не совершил ничего выдающегося, то у него, стало быть, нет никаких талантов.

Оставим это на совести сэра Майкла, а себе, читатель, возьмем за правило не судить о том, что может сделать человек, по тому, что он сделал

на сегодняшний день. Жизнь подобна карточной игре, в которой — как знать? — лучшие карты еще, быть может, не легли на стол.

Миледи сняла шляпу и села на скамеечку у ног сэра Майкла. В этом не было ничего обдуманного и преднамеренного: леди Одли было свойственно вести себя по-детски, и никто не ждал от нее ничего иного. Могла ли эта сирена с волосами цвета янтаря вести себя, как подобает солидной женщине? Может ли из глотки баса вырваться трель жаворонка?

Она села, отвернув бледное лицо от камина и положив руки на подлокотник кресла сэра Майкла. О, как они были беспокойны, эти изящные руки! Не раз и не два миледи пошевелила пальчиками, унизанными перстнями, давая понять мужу, что хочет сказать нечто важное, но не знает, с чего начать.

— Я хотела прийти к тебе, дорогой, — промолвила она наконец, — хотела прийти к тебе сразу, как только приехала, но мистер Одли настоял на том, что я должна задержаться и побеседовать с ним наедине.

— Но о чем, любовь моя? Что Роберт тебе сказал?

Миледи ничего не ответила, лишь опустила головку на колено супруга, и вьющиеся янтарные волосы упали на ее лицо.

Сэр Майкл поднял головку миледи и взглянул ей прямо в глаза. Они были заплаканы.

— Ах, Люси, Люси! — воскликнул баронет. — Что все это значит?

Леди Одли попыталась заговорить, но слова замерли на ее дрожащих устах. Ужас, который она перенесла в липовой аллее, снова возобладал над ней, и она разразилась бурными рыданиями.

Нет, это не она собиралась противопоставить Роберту Одли. Вступая в борьбу, она и сама не знала, какое оружие изберет, но эти рыдания, столь искренне исторгнувшись из ее груди, сделали ее непобедимой. Сэр Майкл был потрясен до глубины души.

Дрожа от негодования, он резко поднялся из кресла, готовый уничтожить всякого, кто обидел его жену.

— Люси, что случилось? Скажи всю правду, я настаиваю на этом. Ты слышишь — настаиваю!

— Я знаю, я ужасно глупая, — всхлипывая, сказала миледи, все еще не в силах прийти в себя, — но... он меня совершенно выбил из колеи!

— Кто — он?

— Твой племянник, Роберт Одли.

— Роберт! — воскликнул баронет. — Но... каким образом?

— Я же тебе сказала, что он настоял на том, чтобы я пошла с ним в липовую аллею. А там... Там он мне наговорил таких гадостей, что я до

сих пор...

— Каких гадостей, Люси?

Леди Одли зябко поежилась и припала щечкой к мощной руке супруга, которая покоилась сейчас на ее плече.

— Что он тебе наговорил, Люси?

— Ах, дорогой, разве я смогу тебе это пересказать? Я же знаю, ты либо расстроишься, либо, хуже того, высмеешь меня, и тогда...

— Высмею тебя? Да что ты, милая?

Несколько минут леди Одли сидела, не проронив ни слова. Она смотрела прямо на огонь, положив пальчики на руку мужа.

— Дорогой, — медленно и неуверенно начала она, боюсь, мой вопрос будет тебе неприятен, и все-таки, будь добр, ответь мне... Ты никогда не думал, что твой племянник немного... немного...

— Немного — что, дорогая?

— Немного не в себе, — с трудом выговорила леди Одли.

— Не в себе? С чего ты взяла?

— Но ведь ты сам только что сказал, что тебе иногда кажется, что у Роберта не все в порядке с головой.

— Вот как? — засмеялся баронет. — Что-то не припомню. Но даже если и сказал, то, поверь, я не вкладывал в свои слова буквального смысла. Да, Роберт чудаковат, возможно, чуть туповат, но, поверь, для того, чтобы сойти с ума, нужны, как минимум, мозги, а их-то у него и нет. Скорее это с тобой не все в порядке, но, разумеется, не от недостатка ума, а от его переизбытка.

— Но сумасшествие иногда передается по наследству. Роберт Одли мог унаследовать...

— По отцовской линии он этого унаследовать не мог, — перебил сэра Майкл. — Никто в роду Одли не сидел в доме умалишенных и не обращался к психиатру.

— А по материнской?

— Не знаю.

— Люди предпочитают умалчивать об этом, — убежденно сказала леди Одли. — Жена твоего младшего брата, мать Роберта, в ее роду...

— Нет, не думаю. Однако, Люси, ради бога, что такого сказал тебе Роберт? Почему ты ставишь ему столь суровый диагноз?

— По-моему, он слишком долго жил один в своих холостяцких апартаментах на Фигтри-Корт, — как бы не слыша вопроса мужа, задумчиво промолвила леди Одли, глядя на огонь отсутствующим взором. — Слишком много читал, слишком много курил... Конечно, этого

мало, чтобы объявлять о его невменяемости, но ведь часто бывает, что проходят годы, прежде чем душевная болезнь обнаруживает себя в полной мере, человек, знающий о своем недуге, уже не в силах загнать его внутрь, и носит в себе свою страшную тайну. Приступ безумия может захватить его врасплох, и, если роковой случай вкладывает ему в руку нож, он должен призвать на помощь всю свою волю, чтобы победить в себе кровавого демона. Но если победит демон — пропал человек и пропала жертва, которой выпало на долю оказаться в эту минуту рядом с ним!

В голосе леди Одли послышалось истерическое возбуждение, но она тут же овладела собой и продолжила спокойно и уверенно:

— Роберт Одли сошел с ума. Когда человек сходит с ума, разум его цепенеет, а мысли становятся похожими на застоялый пруд. Человеку только кажется, что они находятся в постоянном движении, но это самообман. С ним происходит то, что медицина именуется мономанией, помешательством на каком-то одном предмете или идее. Роберт Одли — маньяк. Исчезновение его друга, Джорджа Толбойза, совершенно выбило его из колеи, и он, замкнувшись на этой идее, потерял способность думать о чем-то другом. Мысль об одном и том же исказила то, что снова и снова возникает перед его мысленным взором. Повторите какое-нибудь самое обыкновенное английское слово двадцать раз, и к тому времени, когда вы произнесете его в последний раз, вы уже и сами не будете уверены, что это именно то слово, которое вы избрали для своего утомительного опыта. Мысль об исчезновении друга преследует Роберта Одли, и то, что происходит вокруг, он давно уже видит как бы в искривленном зеркале. Если ты не хочешь, чтобы я сошла с ума вместе с ним, умоляю, сделай так, чтобы мы с ним никогда больше не встретились! Сегодня он заявил мне, что Джордж Толбойз был убит здесь, в нашем поместье, и что он вырвет с корнем каждое дерево в саду и снесет наш дом с лица земли, если...

Миледи остановилась, чтобы перевести дух. Странную энергию излучало каждое слово, покидавшее ее уста. Ребячливая баловница судьбы превратилась в сильную женщину, готовую стоять за себя до конца.

— Снести наш дом с лица земли! — воскликнул баронет. — Джордж Толбойз убит в Одли-Корт! Неужели Роберт действительно так сказал?

— Не буквально — за это не ручаюсь, но сказал он действительно нечто в этом роде. Я, во всяком случае, испугалась до смерти.

— Значит, он и вправду сошел с ума, — сурово промолвил сэр Майкл. — То, что ты рассказала, Люси, просто не укладывается у меня в голове. Послушай, а может, ты неправильно его поняла?

— Видел бы ты, как он меня напугал там, в липовой аллее! Не

наговори он мне всяких ужасов, разве проронила бы я здесь, перед тобой, хотя бы слезинку?

— Ты права, дорогая, ты совершенно права, — пробормотал сэр Майкл, не усмотрев в этой логике никакого изъяна, ибо нет смысла искать логику в том, что говорит женщина, и невозможно найти изъян в том, что говорит любимая женщина. — Что за дурные фантазии, право слово! Мистер Толбойз убит — и где? Здесь, в Одли-Корт! Но почему? С какой стати? Разве были у него здесь враги? Да здесь его практически никто не знал! Нет, я немедленно — немедленно! — отправляюсь в Маунт-Станнинг, я хочу повидаться с Робертом нынче же. Я знаю его с детства, я знаю его как свои пять пальцев. Если с ним и впрямь что-то не в порядке, это не укроется от моего внимания.

Миледи пожалала плечами.

— Укроется не укроется... Все это, как говорится, вопрос открытый. Как бы хорошо ты ни знал своего племянника, ты же не станешь отрицать, что в психиатрии ты, извини, полный невежда. К тому же, — продолжала миледи, — ехать в Маунт-Станнинг тебе никак нельзя, пока на улице не потеплеет и солнышко не согреет наше заиндевевшее графство.

— Твоя правда, Люси. Следует соблюдать предписания доктора Доусона. Кроме того, я полагаю, завтра Роберт и сам явится к нам в гости.

— Да, дорогой. Думаю, он навестит нас.

— Делать нечего. Подождем до утра, которое, как известно, вечера мудренее. Но я все-таки не могу поверить, Люси, что с бедным парнем стряслась такая беда. Не верю, и все тут.

— Тогда как ты объяснишь эту навязчивую идею насчет Джорджа Толбойза?

— Ума не приложу, Люси, — сказал сэр Майкл, растерянно покачав головой. — Просто ума не приложу. Как бы там ни было, я хочу взглянуть на Роберта собственными глазами. Повторяю, я слишком хорошо знаю племянника, чтобы ошибиться в нем. И еще: неужели тебя всерьез могли напугать глупые речи Роберта? На тебя это не похоже.

Миледи жалобно вздохнула.

— Ты меня явно переоцениваешь, дорогой. Я ведь всего лишь слабая женщина, и я до сих пор не могу прийти в себя от глупостей твоего племянника. Новая встреча с ним свыше моих сил.

— Не беспокойся, дорогая, больше ты с ним никогда не встретишься. Об этом я позабочусь.

— Но ведь ты только что сказал, что хочешь видеть его у нас, — чуть слышно промолвила леди Одли.

— Нет, моя девочка, если его присутствие угнетает тебя, этому не бывать. Боже, Люси, и ты могла хоть на минуту подумать о том, что у меня есть иные помыслы, кроме желания сделать тебя счастливой! Что касается Роберта... Проконсультируюсь с каким-нибудь лондонским врачом: хочу знать, так ли все плохо, как тебе кажется.

— Мне ничего не кажется, милый. Роберт считает, что я причастна к исчезновению мистера Толбойза. Как прикажешь это понимать?

— Час от часу не легче! Если это так, то, выражаясь языком простонародья, у него действительно не все дома.

— Боюсь, я тебя огорчила, дорогой, — тихо промолвила леди Одли.

— Да, очень. Но ты поступила совершенно правильно, рассказав мне все как есть. Сейчас мне нужно подумать и решить, что предпринять.

Миледи поднялась со скамеечки. Пламя в камине еле теплилось. Миледи поцеловала широкий лоб мужа.

— Ты так добр ко мне, — прошептала она. — Если кто-то вздумает настроить тебя против меня, ты ведь не станешь прислушиваться к чужим наветам, правда?

— Настроить меня против тебя?

— Да, милый. Ведь сумасшедших на свете и без твоего племянника хватает — а сколько таких, что спят и видят, как бы навредить мне...

— Пусть лучше не пытаются, иначе им придется иметь дело со мной!

Леди Одли засмеялась и громко захлопала в ладоши.

— Спасибо, дорогой, — нежно обняв мужа, сказала она. — Сегодня я лишней раз убедилась в том, как сильно ты меня любишь. Однако уже начало восьмого. Миссис Монтфорд пригласила меня к обеду, и нужно будет послать к ней кого-нибудь из слуг с запиской, извиниться и предупредить, что я не смогу к ней приехать. Увы, Роберт Одли совершенно выбил меня из колеи. Я останусь дома и поухаживаю за тобой. А ты сегодня ляжешь рано — очень рано, не так ли, милый? — и очень-очень постарайся выздороветь.

— Хорошо, дорогая.

Миледи выпорхнула из комнаты и побежала отдать распоряжения. Закрывая за собой двери библиотеки, она чуть задержалась на пороге и, положив руку на грудь, почувствовала, как часто и тревожно бьется ее сердце.

«Ну и напугали же вы меня, мистер Роберт Одли, — подумала она. — Погодите, придет время — а оно не за горами — и вы еще горько раскаетесь за сегодняшней разговор в липовой аллее!».

Прошло уже два месяца, как в Одли-Корт отпраздновали веселое Рождество, но пропасть, которая пролегла между леди Одли и ее падчерицей, не стала уже. То была не открытая война, но вооруженный нейтралитет, который то и дело нарушали мелкие стычки и короткие словесные перепалки, и, надо сказать, миледи была слишком сильным противником, чтобы Алисия могла всерьез рассчитывать на победу. Всякий раз, когда гроздя гнева наливались ядовитым соком, миледи, чарующе улыбаясь, уходила от ответа и на выходки падчерицы отвечала легким серебристым смехом. Будь миледи более уступчивой и займи она более жесткую позицию, взаимная неприязнь, излившись в одном грандиозном скандале, — как знать? — могла бы привести к примирению и согласию. Но Люси Одли не начинала военных действий. Храня нелюбовь к падчерице в тайниках души, она тратила ее постепенно, как будто снимала процент с отложенной суммы, пока трещина между ними, разрастаясь день ото дня, не превратилась в бездну, которую уже не смог бы перелететь ни один голубь, несущий оливковую ветвь.

Где нет откровенной войны, там нет и откровенного мира, и, прежде чем будет подписан мирный договор и начнутся энергичные рукопожатия, пушки с обеих сторон должны наговориться вволю. Я думаю, союз между Францией и Англией так крепок именно потому, что нас роднят победы, которые мы одержали, и поражения, которые мы потерпели в борьбе друг с другом. Мы наставили друг другу так много шишек и синяков, что вечный мир между нами — дело верное и обеспеченное.

В Одли-Корт было множество комнат, и мачеха с падчерицей, лелея взаимную неприязнь, располагали всеми удобствами, какие им мог предоставить старинный особняк. У миледи, как мы знаем, были собственные роскошные апартаменты; Алисия занимала несколько комнат на другой половине большого дома. У нее была любимая лошадь, любимая собака, рисовальные принадлежности, и она в общем и целом была счастлива. Впрочем, о полном счастье говорить не приходилось: натянутые отношения с мачехой сделали его невозможным. Отец изменился, — ее дорогой отец, которым она вертела, как хотела, пользуясь безграничной властью избалованного ребенка, изменился, найдя себе другую владычицу

и присягнув на верность новой династии. Алисия видела, как тянет его к иному берегу, и наступил день, когда он, пристав к нему, взглянул оттуда отчужденным взглядом на единственного своего ребенка.

Алисия поняла, что для нее все потеряно. Улыбки миледи, слова миледи, колдовская грация миледи сделали свое дело. Кому могла пожаловаться Алисия, кому могла поверить свою печаль? Кузену Роберту? Нет уж, скорее псу Цезарю, который не понимал ничегошеньки, но зато всякий раз, скаля зубы и махая хвостом, как мог изъяснял ей свое сочувствие!

В тот мрачный мартовский вечер, уступив настояниям очаровательной сиделки, сэр Майкл лег в постель чуть позже девяти. Упали темно-зеленые бархатные гардины, вокруг массивного ложа сомкнулись темно-зеленые занавеси. В огромном камине ярко вспыхнул огонь. Настольную лампу зажгли и поставили поближе к изголовью, и миледи собственноручно принесла больному солидную стопу журналов и газет.

Леди Одли посидела у постели супруга минут десять, затем, поправив абажур настольной лампы, встала и сказала:

— Я пойду, дорогой. Чем раньше ты уснешь, тем лучше. Двери между комнатами я оставлю открытыми, и, если я тебе понадобится, позови, я услышу.

С этими словами она покинула спальню сэра Майкла и, пройдя через гардеробную, вошла к себе в будуар.

В этой комнате все свидетельствовало о женской изысканности. Фортепиано было открыто; на нем в беспорядке лежали отдельные листы с нотами и нотные альбомы в роскошных переплетах. У окна стоял мольберт; акварельный этюд говорил о том, что художническим талантом миледи также не была обделена. Кружевные и кисейные вышивки миледи, ее шелка, переливавшиеся всеми цветами радуги, ее меха, игравшие самыми нежными оттенками, — все это кружило голову, наполняя комнату мерцающим блеском, а зеркала, расставленные по углам и противоположным сторонам комнаты, множили ее образ, отражая то, что составляло самое большое сокровище апартаментов.

Среди цвета, света и позолоты, среди богатства и красоты Люси Одли присела на низкую скамеечку у огня и задумалась.

Сколь ни прекрасна была она сама по себе, но роскошь, окружавшая ее, делала ее красоту просто ошеломляющей. Заздравные чаши из золота и слоновой кости — их ваял сам Бенвенуто Челлини; бюро с инкрустациями из бронзы и перламутра и монограммой Марии-Антуанетты, украшенной изображениями розовых бутонов и двойных узлов, символов преданности и

любви, птиц и бабочек, купидонов и пастушек, богинь, придворных кавалеров, поселян и молочниц; статуэтки из паросского мрамора и бисквита; корзинки с оранжерейными цветами; фантастические шкатулки филигранной индийской работы; хрупкие чайники из фарфора цвета бирюзы, украшенные миниатюрными портретами Людовика Великого и Людовика Желанного, Луизы де Лавальер и Жанны-Марии дю Барри, — все, что искусство могло создать, а золото купить, было собрано здесь, в тихой комнате, где миледи сидела, прислушиваясь к завываниям мартовского ветра и глядя на рубиновые трещины горящих углей.

Мне не миновать скучного морализаторства, задумай я, воспользовавшись случаем, выступить против искусства и красоты — выступить только потому, что миледи, окруженная роскошью, была намного несчастней какой-нибудь полуголодной портнихи, снимающей угол на мрачном чердаке. Несчастной потому, что ее душевная рана была слишком глубока, чтобы ее могли залечить богатство и роскошь. Несчастлива она была безмерно, но я не стану искать доводы в пользу бедности, противопоставляя ее достатку. Работы Бенвенуто Челлини и севрский фарфор не могли дать ей счастья, потому что в ней уже не было прежнего простодушия, с каким только и можно воспринимать искусство, и бесхитростное удовольствие от красоты стало для нее недоступным. Шесть-семь лет назад владение этим маленьким дворцом Аладдина еще могло принести ей радость, но она уже вышла из круга тех, кто ищет и находит счастье, не мудрствуя лукаво, она слишком далеко зашла в пустынный лабиринт вины и предательства, ужаса и преступления, и все богатство не могло принести ей никакой радости, кроме одной-единственной — бросить все это под ноги, бросить бесформенной кучей и топтать, топтать, топтать его, попирая, дробя и ломая в порыве жестокого отчаяния!

О, как бы она воспряла духом, если бы здесь, рядом, в соседней комнате, скончался Роберт Одли, ее неумолимый преследователь и безжалостный враг!

Как бы возликовала она над его гробом!

Не эти ли радости остались на долю Лукреции Борджиа и Екатерины Медичи, когда они преступили роковую грань между виной и невинностью? Не потому ли познали они радость мщенья, познали «божественность Ада» и самим своим падением вошли в историю, вошли в легенду?

Но, глядя на огонь широко раскрытыми глазами, миледи думала сейчас не об этом.

Быть может, она думала о своем далеком детстве, когда ее бескорыстие было естественным, как дыхание, а совесть, не обремененная горьким опытом, — чистой, как крыло ангела.

Быть может, взглядываясь в свое прошлое, она вспомнила день, когда, взглянув на себя в зеркало, впервые поняла, что она прекрасна, и, усмотрев в том божественный дар, решила, что этим отныне и навсегда будет оправданно любое ее желание и любой ее поступок.

Вспомнила ли она тот день, когда волшебное приданое впервые научило ее себялюбию и жестокости?

Припомнила ли каждый свой грех, проследив его историю от конца до начала?

Если да, то с какой горечью должна была она вспомнить и тот день, когда три демона — Тщеславие, Эгоизм и Честолюбие, подъяв над ней свои нечистые длани, промолвили: «Женщина эта — наша рабыня. Посмотрим, какой станет она под нашим верховенством!»

«Нет, тогда, в ранней молодости, я не была порочной, — думала миледи, мрачно взглядываясь в языки пламени. — Я была всего лишь легкомысленной. Я никому не делала зла — во всяком случае, намеренно. Да и порочна ли я на самом деле? Худшие из моих грехов породила моя несдержанность, а не хитрость, которая в глубокой тайне вынашивает свои планы. Разве похожа я на тех женщин, о которых читала в книгах, на тех злодеек, что шли на преступление, рассчитывая каждый свой шаг?..»

Здесь мысли ее смешались, а глаза блеснули недобрым огнем.

— Ты сумасшедший, Роберт Одли, — чуть слышно промолвила она. — Твои фантазии — бред сумасшедшего. Я знаю, что такое безумие, я знаю его признаки, его симптомы, и потому я говорю: ты — сумасшедший!

Она обхватила голову руками.

— Бросить ему вызов? Посмею ли? Может, теперь, зайдя так далеко, он остановится? Остановится, боясь меня? Но чем устроишь такого, если он, зная, какие страдания принесет сэру Майклу его разоблачение, все равно делает свое дело — делает, не поступаясь ничем? Что может остановить его, кроме... смерти?

Она с трудом произнесла последнее слово и взглянула на огонь остекленевшим взором.

— Нет, я не способна вынашивать столь ужасные планы. Нет у меня для этого ни сил, ни порочности. Если бы там, в безлюдном саду, я встретила Роберта Одли, как когда-то встретила...

В эту минуту кто-то тихо постучал в дверь.

Миледи вздргнула и резко поднялась с места. Она встала со

скамеечки и пересела в низкое кресло, стоявшее у камина, откинулась на спинку и взяла со стола первую попавшуюся книгу. Напустив на себя беззаботный вид — жизнь превратила ее в законченную актрису, — она принялась ждать, что будет дальше.

В дверь снова постучали.

— Войдите, — сказала миледи.

Дверь отворилась.

Миледи прищурила глаза.

На пороге стояла Фиби Маркс.

— Извините, миледи, что вошла без спросу, — сказала та, — но я подумала, что уж мне-то можно...

— Да-да, конечно, — перебила миледи. — Проходи, Фиби. Сними шляпу и садись поближе к огню: ты вся продрогла.

Леди Одли указала на скамеечку, на которой только что сидела сама, и бывшая горничная, как в прежние добрые времена, села у ног своей бывшей госпожи.

— Садись, Фиби, — повторила леди Одли. — Садись и давай поговорим. Ты не представляешь, как я рада, что ты пришла. Сегодня мне было одиноко, как никогда.

— Надеюсь, сэру Майклу стало лучше? — спросила Фиби.

— Да, Фиби, значительно лучше. Он уснул. Пожалуйста, закрой вон те створки.

Она кивнула в сторону дверей, которые оставила открытыми, чтобы слышать сэра Майкла, если тот ее позовет.

Фиби сделала то, что попросила миледи, и вернулась на место.

— Я очень несчастна, Фиби, — сказала миледи. — Очень. Меня преследует человек, которому я не причинила никакого зла. Он преследует меня, и я не чувствую себя в безопасности ни днем ни ночью.

— Мне кажется, я знаю, о ком вы говорите, миледи, — тихо промолвила Фиби Маркс.

— Увы, — с горечью отозвалась миледи, — мои секреты известны всем и каждому. И ты, конечно, тоже знаешь все.

— Этот человек — джентльмен, не так ли?

— Да.

— Джентльмен, который два месяца назад явился к нам на постоянный двор, и я предупредила вас...

— Да-да, тот самый.

— Я так и думала. Нынче вечером этот джентльмен снова остановился у нас, миледи.

Леди Одли вскочила, как ужаленная, но тут же с усталым вздохом села на место.

Что делать? Что делать?

Неужели он так и будет гнать ее перед собой, как несчастную лису, и не успокоится, пока не затравит до смерти?

— Так он у вас? Понятно: он решил выведать мою тайну у твоего мужа! Глупая! — гневно воскликнула миледи, обращаясь к Фиби. — Зачем ты оставила их наедине? Погубить меня хочешь?

— Нет, миледи, нет! Господь с вами! Я бы ни за что не ушла отсюда по своей воле, но... Меня сюда прислали.

— Кто прислал?

— Люк, миледи... Куда было деваться? Он просто бешеным делается, когда я ему перечу.

— Зачем он тебя прислал?

Не выдержав гневного взгляда миледи, Фиби опустила глаза.

— Поверьте, миледи, — сказала она, с трудом подбирая слова, — я не хотела идти сюда. Я пыталась объяснить Люку, как дурно мы поступаем, досаждая вам своими просьбами, просим деньги на то, на другое, на третье, и так постоянно, не оставляя вас в покое ни на месяц, но... но... Люк заорал на меня так, что...

— Да-да, я понимаю. Итак, зачем ты пришла сегодня?

— Видите ли... Люк редко бывает трезв. Он пьет с фермерами, пьет больше, чем они. Он вообще ни в чем не знает меры. Если бы не я, мы бы уже давно пошли по миру. Я делаю все, что могу, но, чувствую, разорения нам не миновать. Помните, вы давали мне деньги, чтобы заплатить пивовару?

— Еще бы не помнить, — язвительно усмехнулась миледи. — Это были те деньги, которыми я хотела расплатиться по собственным счетам.

— Знаю, миледи, все знаю; вы представить себе не можете, скольких усилий стоило мне подчиниться мужу, и идти и снова просить, и это после всего, что вы для нас сделали. Но это еще не самое худшее: Люк, посылая меня сюда, умолчал о том, что рождественская рента по-прежнему не выплачена; но я знаю, миледи, она не выплачена, и сегодня к нам должен нагрянуть судебный исполнитель, а завтра наше заведение пойдет с молотка, если...

— Если я не оплачу ренту! — с нетерпением воскликнула леди Одли. — Нечего ходить вокруг да около, и так все понятно.

— Ах, миледи, — захныкала Фиби Маркс, — заверяю снова и снова: я бы не посмела лишний раз ступить на ваш порог, но муж, заставил меня

прийти.

— Ну да, он заставил тебя прийти; он заставляет тебя всегда, когда этого хочет, всегда, когда ему нужны деньги для удовлетворения своих низменных пороков. Вы будете сидеть на моей шее, пока я жива и пока у меня есть что отдать. Когда же мой кошелек опустеет, а кредит иссякнет, твой муж продаст меня тому, кто предложит наибольшую цену. А знаешь ли ты, Фиби Маркс, что из-за вас моя шкатулка с драгоценностями уже наполовину пуста? Знаешь ли ты, что деньги, которые муж дал мне на булавки, я растратила за полгода, растратила именно из-за вас? Ну как, как вас умиловать? Продать бюро Марии-Антуанетты? Продать фарфор мадам де Помпадур? Распродать диваны и кресла? Что, что прикажешь делать?

— Ах, миледи, миледи, — жалобно запричитала Фиби, — не будьте так жестоки: вы же знаете, что я перед вами ни в чем не виновата!

— Я не знаю ничего, кроме того, что я — самая несчастная женщина на земле. Да замолчи ты! Дай собраться с мыслями...

Миледи обхватила голову руками.

— Роберт Одли сейчас в компании твоего мужа, — медленно промолвила она, обращаясь не столько к Фиби, сколько к себе самой. — Сейчас они вместе, там же судебные исполнители, твой скотина муж пьян до безобразия, а с пьяных глаз он упрям и буен сверх всякой меры. Если я откажусь дать денег, он станет раз в десять злее. Уговорить его — дело безнадежное. Значит, я должна погасить ваш долг.

— Тогда уж не откажите, миледи, внушите Люку, что он получает деньги в последний раз.

— Это еще зачем? — спросила леди Одли, с недоумением взглянув на Фиби.

— Я хочу, чтобы мы переехали куда-нибудь в другое место.

— Но зачем, зачем?

— Много причин, миледи, но главная в том, что Люк не способен содержать постоянный двор и пивную. Когда я выходила за него замуж, я этого не знала, иначе бы настояла на том, чтобы он нашел себе другое занятие — стал фермером, к примеру. Уедем в другое место, может, там он образумится, а пока что... Солнце на закат — Люк за бутылку; вечером его редко застанешь трезвым. А спяну он дуреет так, что не соображает, что делает. Два-три раза мы с ним были на волосок от гибели.

— На волосок от гибели? То есть?

— А то и есть, миледи, что из-за его беспечности мы чуть было не сгорели заживо прямо в постелях!

— Чуть не сгорели заживо? Как же это получилось? — безразлично спросила миледи потому, что была эгоистичной по природе, и потому, что в эту минуту ее слишком занимали собственные неурядицы, чтобы всерьез озаботиться бедами, которые пришлось пережить ее бывшей горничной.

— Вы ведь знаете, в каком месте мы живем и что представляет собой наш постоянный двор. Постройки — сплошное дерево, все старые, подпорки на честном слове, стропила сгнили... Да что там говорить! Челмсфордская страховая компания не хочет иметь с нами дело: они говорят, что в ветреную ночь наше хозяйство может сгореть дотла от одной-единственной искры. Люк об этом знает, помещик уже не раз предупреждал его. Он, помещик то есть, живет рядом с нами и все приглядывает, как бы чего не вышло, но неделю назад Люк оставил свечу рядом с одной из пристроек, крыша уже было занялась, и если бы не я... За полгода это уже третий случай, и стоит ли удивляться, миледи, что я вечно дрожу от страха?

Миледи слушала Фиби молча, не перебивая и почти не понимая, о чем та говорит, и, когда Фиби закончила, прошло несколько минут, прежде чем леди Одли, наконец, осознала, что так волнует ее бывшую горничную.

— Сгори твой драгоценный муженек нынешней же ночью, — процедила сквозь зубы леди Одли, — какое это было бы для меня счастье!

Картина эта ярко и отчетливо вспыхнула в ее сознании, и миледи, насладившись ею досыта, со вздохом простилась со столь прекрасным видением: другой враг, куда более опасный, стоял на ее пути, и никакие богатства мира не могли умиловить его или подкупить.

— Судебным исполнителям я заплачу сполна, — сказала леди Одли. — Ты знаешь, и я знаю: я не могу тебе отказать.

С этими словами леди Одли встала из кресла и взяла лампу с письменного стола.

— Деньги у меня в гардеробной, — сказала она. — Сейчас принесу.

— Ах, миледи, — внезапно воскликнула Фиби, — я так заморочила голову своими делами и себе, и вам, что забыла вам кое-что передать.

— Что там еще?

— Письмо, миледи. Мне его вручили перед тем, как я вышла из дому.

— От кого письмо?

— От мистера Одли. Он услышал от моего мужа, что я иду к вам, и попросил его вам передать.

Леди Одли поставила лампу на письменный стол, и Фиби увидела, как задрожала ее протянутая рука.

— Дай, дай мне письмо, — нетерпеливо промолвила миледи. — Посмотрим, что еще нужно от меня этому, с позволения сказать,

джентльмену.

Она почти вырвала письмо из рук Фиби.

Послание было коротким и выразительным:

«Если миссис Джордж Толбойз в действительности пережила дату своей предполагаемой смерти, каковая дата была отмечена в официальных документах и высечена на надгробии, установленном на кладбище в Вентноре, и если вышеупомянутая женщина является той самой леди, которую автор сего письма подозревает и обвиняет в совершении известного ему преступления, то подтвердить или опровергнуть утверждение автора может миссис Баркемб, домовладелица, проживающая по адресу: Норт-Коттеджиз, Уайльдернси, графство Йоркшир, знавшая эту особу в прошлом и способная опознать ее в настоящее время.

Роберт Одли,

3 марта 1859 г.,

Маунт-Станнинг, графство Эссекс».

Миледи в ярости скомкала письмо и швырнула его в огонь.

— Окажись он сейчас передо мной, — зловеще прошептала она, — у меня бы достало сил... Я бы убила его! И я его убью, убью!

Она схватила лампу и бросилась в соседнюю комнату, с шумом захлопнув за собою дверь. Сейчас она не могла, не хотела видеть никого и ничего; весь мир был для нее невыносим, казалось, она уже не могла вынести и самое себя!

Дверь между гардеробной и спальней сэра Майкла была открыта. Баронет спал мирно и безмятежно, и его благородное лицо было ясно видно в мягком свете лампы. Он дышал глубоко и ровно, а на его губах застыла улыбка тихого счастья, которая оживала всякий раз, когда он видел свою молодую жену, улыбка, похожая на ту, что играет на устах отца, когда он, глядя на любимое дитя, прощает ему все проказы и шалости.

Леди Одли взглянула на мужа, и на минуту ей стало жаль его, но и в этом ее чувстве была известная доля себялюбия, потому что жалела она его сейчас так, как жалела бы самое себя.

«Какое будет для него несчастье, если его убедят в моей виновности!» — вздохнула она.

И тут же подумала о том, какое у нее изумительное лицо, и какие пленительные манеры, и как прекрасен ее смех, напоминающий серебряные колокольчики, когда туманным летним вечером они звенят над широкой равниной пастбища и над поверхностью реки, подернутой мелкой рябью...

Она подумала обо всем этом, и душу ее переполнило торжество, возобладавшее даже над чувством страха.

Проживи сэр Майкл хоть до ста лет и поверь он всему, что расскажут о ней враги, — разве сможет он забыть о том, чем так щедро наделила ее природа?

Нет, тысячу раз нет!

Даже в последний час его жизни память об этом не оставит его, и он снова переживет тот божественный миг, когда впервые пересеклись их жизненные пути!

Леди Одли все ходила и ходила по гардеробной, и мысль о письме Роберта Одли не давала ей покоя.

— А ведь он сделает то, что задумал, — обращаясь к самой себе, чуть слышно промолвила она, — он сделает это, если я, опередив его, не упрячу его в сумасшедший дом или если...

Она умолкла на полуслове. Сердце ее забилося часто-часто в такт мыслям, которые лихорадочно застучали в ее голове.

«Он сделает это, если какое-нибудь странное обстоятельство не

заставит его умолкнуть навсегда!»

Леди Одли побледнела, и лишь это одно выдало бурю, что поднялась сейчас в ее душе. Губы ее похолодели и застыли, она попыталась улыбнуться, чтобы хоть как-то оживить их, но они ей не повиновались.

Она встала из-за письменного стола, достала из шкафа темный бархатный плащ и шляпу и стала одеваться, собираясь выйти из дому.

Маленькие часы в корпусе из золоченой бронзы, стоявшие на каминной доске, пробили четверть двенадцатого.

Через пять минут леди Одли вернулась в комнату, где незадолго до этого оставила Фиби Маркс.

Фиби по-прежнему сидела у камина, время от времени подкладывая в него дрова и стараясь не думать о том, что ей предстоит вернуться домой к пьянице мужу.

— Миледи, — с удивлением воскликнула она, увидев бывшую госпожу в дорожном костюме. — Куда это вы на ночь глядя?

— К вам, в Маунт-Станнинг, Фиби. Поговорю с судебными исполнителями лично, заплачу сколько нужно и отправлю их восвояси.

— Но ведь уже поздно, миледи. Посмотрите, который теперь час!

Миледи не ответила. Задумавшись, она чуть коснулась шнура, не зная, стоит ли звонить прислуге.

— Конюшни заперты, — сказала она, — а прислуга давно спит. Пока заложат экипаж, наделают столько шума, что разбудят весь дом!

— Но, миледи, к чему такая спешка? Дело можно уладить и завтра. Через неделю и то не будет поздно. В конце концов, вы могли бы написать нашему помещику, он под ваше обещание наверняка согласится подождать с возвратом долга.

Не обращая внимания на слова Фиби, леди Одли стремительно вышла из будуара, вошла в гардеробную, сбросила шляпу и плащ, затем снова появилась в комнате, на этот раз в простом платье, которое она надевала к обеду.

— Послушай, Фиби, — сказала миледи, крепко беря Фиби за руку. — Послушай, — сказала она тоном, не терпящим возражений, — рано сейчас или поздно, не имеет значения. Я хочу сходить к вам прямо сейчас, значит, будет так, как я хочу. Я самолично передам деньги кому следует, чтобышний раз убедиться в том, что они ушли по назначению. Что в этом необычного? Женщины моего круга так часто поступают. Должна же я, в конце концов, помочь своей верной служанке!

— Но ведь уже почти полночь, миледи! — с мольбой в голосе воскликнула Фиби.

Леди Одли сердито нахмурилась.

— Если кто-то узнает, что я отправилась к тебе, — промолвила она, по-прежнему не отпуская руку Фиби, — я знаю, что я скажу в оправдание. Но я предпочла бы уладить дело тихо, без лишних слов. Если сделаешь все, как я велю, я смогу уйти и вернуться совершенно незаметно.

— Сделаю все, как прикажете, миледи.

— Тогда слушай. Сейчас я позову горничную, и, когда она войдет, ты попрощаешься со мной и попросишь ее проводить тебя. Затем пройдешь через двор и подождешь меня в аллее по другую сторону арки. Ждать, возможно, придется целых полчаса, но ты наберись терпения, потому что я не смогу выйти из этой комнаты, пока в доме не угомонятся и слуги не лягут спать.

Лицо леди Одли уже не было бледным, как прежде. Наоборот: щеки ее покраснелись, а в больших голубых глазах появился необыкновенный блеск.

Фиби с испугом взглянула на миледи: у нее мелькнула мысль, что та сходит с ума.

Леди Одли дернула шнурок. Звякнул колокольчик, и на пороге появилась хорошенькая горничная. На ней был чепчик с розовыми ленточками и черная шелковая накидка.

— Извини, милая, я не обратила внимания, что уже так поздно, — промолвила миледи тем приветливым, доброжелательным тоном, который побуждал прислугу угождать ей не за страх, а за совесть. — Мы тут с миссис Маркс порядком заболтались, и я забыла лишний раз взглянуть на часы. Сегодня ты мне уже не понадобишься, так что можешь идти спать.

— Спасибо, миледи, — сонным голосом отозвалась девушка. Глаза ее слипались, и она стояла, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не зевнуть в присутствии госпожи: в Одли-Корт слуги ложились спать рано. — Миссис Маркс нужно проводить, миледи?

— Да-да, пожалуйста, будь добра. А что, другие слуги уже легли спать?

— Да, миледи.

— Припозднились мы с тобой, Фиби, — смеясь, промолвила леди Одли, взглянув на каминные часы. — Доброй тебе ночи. Иди и скажи мужу, что его ренту я оплачу.

— Благослови вас Бог, миледи, — тихо сказала Фиби и, опустив глаза, вышла вслед за горничной.

Оставшись одна, леди Одли подошла к дверям и замерла, прислушиваясь к звуку удаляющихся шагов. Через несколько секунд шаги

раздались в восьмиугольной комнате, потом — на лестнице, покрытой ковром.

«Горничная спит в комнате наверху, — подумала миледи. — Отсюда до нее достаточно далеко. Через десять минут я выйду из дому, и никто не заметит моего отсутствия».

Она прошла в гардеробную и снова надела шляпу и плащ. Лихорадочный багрянец по-прежнему не сходил с ее щек, глаза горели странным огнем; она была так возбуждена, что, казалось, ни ее ум, ни тело не ведают усталости.

Сколь подробно ни стараюсь я описать мысли и чувства своей героини, мне не пересказать и десятой доли того, что передумала и переживала она в эту ужасную ночь. Достань у меня сил на этот великий подвиг, я предложила бы своим читателям несколько убористо напечатанных томов — по тысяче страниц в каждом, — несколько томов боли, сомнений и отчаяния. К некоторым главам, преисполненным мук и страданий, мне пришлось бы возвращать читателей вновь и вновь, ибо, сохраняя верность своей героине, какой бы она ни была, я не могу поступить иначе. Другие тома, невзирая на их объем, я заставила бы прочесть в один присест, и пусть бы читатель, торопливо глотая страницу за страницей, задыхался от невыносимой гонки — тем лучше, ибо именно так леди Одли перелистывала в эту ночь страницы своей жизни.

«Десять минут, — думала леди Одли, пристально вглядываясь в стрелки каминных часов, — десять минут, и ни минуты больше, подожду я перед тем, как отправиться на новые пытки!»

Она прислушалась. За окном метался и выл неприкаянный мартовский ветер.

Стрелка медленно и неуклонно совершила свой короткий пробег: десять минут прошло.

Было ровно без четверти двенадцать, когда миледи, взяв со стола лампу, бесшумно выскользнула из комнаты.

Она двигалась легко, словно изящное дикое животное, и ни в застеленных коврами каменных коридорах, ни на лестнице ее воздушная стопа не разбудила предательское эхо. Она шла, не останавливаясь, до самого вестибюля, который, как и прихожая, тоже был восьмиугольным. В вестибюле было несколько дверей. Одна из них вела в библиотеку, и именно эту дверь мягко и осторожно открыла леди Одли.

Тайно пройти через основные входы-выходы старинного особняка, пройти, не наделав шума, — на такое мог решиться только безумец. Экономка самолично проверяла двери, ежедневно осматривая их изнутри и

снаружи. Секреты болтов, задвижек, цепей и звонков были известны только тем слугам, которые имели к ним непосредственное отношение.

Но при том, что главным подступам к этому подобию крепости уделялось повышенное внимание, обитатели дома сочли, что деревянная ставня и тонкая железная перекладина, которую мог бы поднять и ребенок, — достаточное препятствие для того, кто задумал бы выпрыгнуть из столовой через оконный проем — прямо на дорожку, покрытую гравием, или во внутренний двор, поросший дерном.

Леди Одли решила воспользоваться этим проемом. Она легко могла поднять перекладину и отомкнуть ставни. Пока ее не будет дома, окно должно оставаться открытым — вплоть до ее возвращения. Того, что сэр Майкл может проснуться, леди Одли почти не опасалась: в первой половине ночи он обычно спал крепко, а заболев, спал крепче обычного.

Леди Одли прошла через библиотеку и открыла дверь в соседнюю комнату. То была столовая — одна из новейших пристроек особняка Одли-Корт, уютная, без всяких вычур комната с веселыми яркими обоями и приятной кленовой мебелью. Алисия бывала здесь чаще отца и мачехи; там и сям валялись ее эскизы и рисовальные принадлежности. На картинке, висевшей прямо над камином, был изображен некий розовощекий сорванец в костюме для верховой езды. Взглянув на портрет, леди Одли без труда узнала себя, и глаза ее блеснули недобрым огнем.

«Пади бесчестье на мою голову, уж она-то порадуетя! — подумала женщина. — То-то будет счастлива, если меня выгонят из этого дома!»

Она поставила лампу на стол у камина и направилась к окну. Она приподняла железную перекладину, открыла деревянную ставню и распахнула окно. Холодный ветер, ворвавшись в комнату, погасил лампу.

— Не беда, — пробормотала миледи. — Когда вернусь, дорогу в доме найду и без нее: все нужные двери я оставила открытыми.

Она стояла у проема окна, и ветер все дул и дул ей в лицо, развевая шелковые складки ее платья. Она приподняла юбки, встала на низкий подоконник и, спрыгнув на дорожку, оглянулась назад. Там, за розовыми занавесками ее будуара, мерцал свет, отбрасываемый пламенем камина; там тускло поблескивал огонек лампы, оставленной в комнате, где спал сэр Майкл.

«То, что я делаю, похоже на побег, — подумала леди Одли. — Тайный побег под покровом ночи. Как знать, может, так и нужно поступить, вняв предупреждению этого человека. Сбежать, скрыться, исчезнуть, как исчез Джордж Толбойз. Но куда? Что со мною будет? Денег у меня нет: драгоценности мои, после того как я продала лучшие из них, не стоят и

двухсот фунтов. Что делать? Вернуться к прежней жизни — скудной, тяжелой, безрадостной, без надежд и просвета? Зачем? Чтобы изнурить себя долгой борьбой за существование и умереть, как когда-то умерла моя мать?»

Миледи стояла на мягком дерне на полпути между проемом и аркой, сомкнув руки на животе и опустив голову на грудь, и мысли одна за другой стремительно проносились в ее возбужденном сознании. Одинокая, стояла она на пустынном ночном дворе, не зная, что предпринять, недвижимая, словно статуя, в которой нерешительность получила такое прекрасное воплощение.

Внезапно она очнулась, резко подняла голову, и в этот миг в лице ее не было ничего, кроме презрения и решимости идти до конца.

— Нет, Роберт Одли, — отчетливо и громко промолвила она, — я не отступлю, не сдамся. Мы будем драться насмерть, и ты не выбьешь оружия из моей руки!

Твердым быстрым шагом она двинулась по направлению к арке, и та приняла ее под свои массивные своды, словно геенна, разинувшая свою бездонную пасть. Глупые часы — те самые, у которых была только одна часовая стрелка, — пробили двенадцать, и, когда леди Одли, выйдя по другую сторону арки, подошла к поджидавшей ее Фиби Маркс, ей показалось, будто кирпичная кладка, отзываясь на удары могучих курантов, вздрогнула у нее за спиной.

— Отсюда до холма Маунт-Станнинг три мили, да, Фиби?

— Да, миледи.

— Значит, мы будем там через час.

Все это леди Одли промолвила на ходу, не останавливаясь. Они пошли по аллее; Фиби еле попевала за бывшей госпожой. При всей своей внешней хрупкости леди Одли была прекрасным ходоком, ибо во время своей службы у мистера Доусона она привыкла к дальним прогулкам с его детьми. Трехмильный ночной переход ее не обескураживал.

— Твой драгоценный муж, должно быть, не спит, Фиби, все сидит и ждет тебя, не так ли?

— Да, миледи, наверняка ждет. И при этом пьет не переставая.

Женщины пересекли поле и вышли на шоссе. Дорога на Маунт-Станнинг была холмистой, и ночь, раскинув свой мрачный полог, сделала ее почти невидной, но леди Одли, не проронив более ни слова, шла и шла вперед, пока прямо перед ней не показалось громадное пятно с размытыми краями — холм Маунт-Станнинг. На самой его вершине за темно-красными занавесками мерцал одинокий огонек: похоже было, что Люк Маркс,

изрядно поднабравшись, и вправду поджидал свою жену, глядя осовелыми глазами на пустую бутылку.

— Люк еще не ложился, Фиби, — сказала леди Одли. — Но второго огонька я не вижу. Значит, мистер Одли уже спит.

— Да, миледи, полагаю, так оно и есть.

— А ты точно знаешь, что сегодня он собирался переночевать у вас?

— Как же иначе, миледи: перед тем, как отправиться к вам, я сама приготовила ему комнату.

Ветер бесчинствовал по всей округе, а взмывая на вершину холма, приходил в неистовство.

Он глумился над разрушенной голубятней и погнутым флюгером.

Он издевался над разметанной черепицей и покосившимися дымовыми трубами.

Он смеялся, он презирал эти шаткие постройки, — презирал от фундамента до кровли; он потешался над их убожеством и, попирая в дикой, необузданной пляске, приводил их в полнейшую негодность прямо на глазах.

Сев пить с помещиком, владельцем земли, на которой располагался постоянный двор, Люк Маркс не удосужился закрыть входную дверь.

Помещик — ленивое чувственное животное — предпочитал жить в полное свое удовольствие и видел смертельного врага во всяком, кто вставал между ним и его желаниями.

Фиби толкнула дверь и вошла в дом. Миледи последовала за ней. Газовая лампа отбрасывала тусклый неверный свет, коптя низкий оштукатуренный потолок. Дверь пивной была полуоткрыта, и леди Одли, переступив порог постоянного двора, услышала грубый смех Люка Маркса.

— Скажу ему, что вы пришли, миледи, — прошептала Фиби бывшей своей госпоже. — Но он уже наверняка пьян, так что... Не обижайтесь, если сболтнет лишнее. Видит бог, я отговаривала вас, как могла, но вы сами...

— Да-да, — нетерпеливо перебила ее леди Одли. — Я помню, что пришла сюда по своей воле. Грубость Люка меня не пугает: пусть мелет что хочет.

Женщины вошли в пивную.

Люк сидел, протянув к огню косолапые ноги. В одной руке он держал стакан джина, разбавленного водой, в другой — кочергу. Когда жена вошла в комнату, он пошевелил уголья, и они вспыхнули ярким голубым огнем.

— Явилась, не запылилась, — пробурчал он, взглянув на жену исподлобья. — Тебя только за смертью посылать.

Он говорил хриплым, испытанным голосом; чувствовалось, что вразумительная речь дается ему с большим трудом.

— Я не задержалась дольше того, что было нужно, — примирительно отозвалась Фиби. — Я повидалась с миледи; она была очень добра, и... Она пообещала уладить это дело.

— Была очень добра, говоришь? — пробормотал Люк и расхохотался. — Покорнейше благодарю! Знаю я цену ее доброте. Кабы она сама не была мне должна... Как же, держи карман пошире!

Помещик, сидевший у камина, был еще пьянее Люка и туго соображал, что происходит вокруг. Он с некоторым замешательством уставился на хозяина и хозяйку, затем сел к столу и, опершись об него локтями, чтобы не съехать вниз, попытался раскурить трубку от пламени оплившей сальной свечи, стоявшей рядом с ним.

— Миледи пообещала уладить это дело, — повторила Фиби, не вступая в пререкания с мужем. — И... она сама пришла к нам, Люк!

Кочерга, выскользнув из рук Люка, с грохотом упала на пол.

— Миледи сама пожаловала к нам?

— Да, Люк.

В этот момент на пороге появилась миледи.

— Да, Люк Маркс. Я пришла, чтобы уплатить долги вашему помещику. Я оплачу их, и пусть убирается на все четыре стороны!

Она произнесла эти слова странным механическим голосом, словно ее заставили выучить их наизусть, и сейчас она повторила их, не понимая того, что говорит.

— Можно было передать деньги с Фиби. Не такие уж мы важные персоны, чтобы из-за нас таскаться в такую ночь и в такую даль.

— Люк, Люк! — с упреком воскликнула Фиби. — Перестань! Миледи так добра к нам, а ты...

— Да пошла она... со своей добротой! От нее здесь не доброта нужна, а денежки. Не дождется она от меня благодарности! Кабы она не была нам должна...

— Молчать! — крикнула миледи, и в глазах ее вспыхнуло яростное зеленое пламя. В это мгновение она была похожа на разгневанную русалку. — Молчать! Я не для того пришла сюда, чтобы выслушивать твои поношения. Сколько ты должен?

— Девять фунтов.

Миледи положила на стол банкноту и четыре соверена.

— Пусть этот, — миледи кивнула в сторону пьяного помещика, — напишет расписку, и я уйду.

«Этого» пришлось долго тормозить и втолковывать, что от него требуется, пока он, наконец, взяв перо дрожащими пальцами, не поставил свою закорючку под распиской, которую Фиби Маркс написала под диктовку миледи. Едва чернила высохли, миледи со злостью схватила бумажку, положила ее в кошелек и вышла из комнаты. Фиби бросилась за ней.

— Я вас одну домой не отпущу, миледи. Я вас провожу.

— Да-да, проводи, сделай милость.

Фиби думала, что бывшая ее госпожа отправится домой, не теряя ни минуты, но леди Одли, выйдя на улицу, вдруг остановилась и прислонилась к двери, глядя остекленевшим взором в пустое темное пространство. Фиби снова показалось, что с леди Одли творится что-то неладное.

Часы в доме пробили час ночи.

Миледи вздрогнула и покачнулась. Ее трясло.

— Кажется, у меня закружилась голова, Фиби, — сказала она. — Есть тут у вас холодная вода?

— Есть, миледи. Там, наверху. Сейчас сбегаяю и принесу стакан.

— Нет! Нет! — закричала миледи, хватая Фиби за руку. — Я сама схожу. Хочу окунуть голову прямо в таз, иначе не справиться с головокружением. В какой комнате спит мистер Одли?

— В третьем номере, в той комнате, что рядом с нашей, — ответила Фиби, с недоумением взглянув на бывшую госпожу.

— Дай свечу, — сказала миледи. — Я пойду в вашу комнату и поищу воды. Стой, где стоишь! — властно прибавила она, когда Фиби Маркс попыталась было показать ей дорогу, — стой, где стоишь, и присмотри за своим муженьком, чтобы он не увязался за мной!

Она выхватила свечу из рук Фиби, вошла в дом и бросилась вверх по шаткой скрипучей лестнице, которая вела в узкий коридор второго этажа. В этот коридор с низкими потолками и спертым воздухом выходили двери пяти спален; номера комнат были наляпаны черной краской на верхних панелях.

Вот и комната номер три.

Ключ торчит в замке.

Миледи прикоснулась к нему, и ее снова затрясло.

Некоторое время она стояла, пытаясь справиться с охватившим ее ужасом, но внезапно ее лицо исказилось, и она заперла дверь, дважды повернув ключ в замке.

Изнутри не донеслось ни звука: судя по всему, постоялец не услышал, как ржавый ключ проскрежетал в ржавом замке.

Леди Одли бросилась в соседнюю комнату, где была спальня Фиби. Она поставила свечу на туалетный столик, сняла шляпу, нашла таз, наполнила его водой, опустила в нее свои золотые волосы, затем подняла голову и, стоя посреди комнаты, обвела ее внимательным взором, пристально вглядываясь в каждую деталь.

Кровать застелена дешевым ситцевым покрывалом. Занавес из того же дешевого ситца прикрывает узкое окно, не пуская в комнату дневной свет, но создавая суший рай для мух и пауков. Рядом с окном старый комод, украшенный многочисленными кружевными безделушками.

Глядя на этот нищенский уют, леди Одли усмехнулась, и не только потому, что в эту минуту вспомнила о роскоши своих апартаментов, — в ее улыбке был и другой, куда более глубокий смысл. Она подошла к туалетному столику и, стоя перед зеркалом, пригладила мокрые волосы и надела шляпу. Стараясь получше разглядеть собственное отражение — может быть, это было всего лишь неосознанное лицедейство, — леди Одли придвинула горящую сальную свечу поближе к зеркалу, поближе к кружевам, брошенным на его оправу. Она поставила свечу так близко, что накрахмаленный муслин, казалось, сам притянул к себе крохотный язычок пламени...

Стоя у дверей постоялого двора, Фиби с тревогой ожидала возвращения миледи. Она несколько раз вынула маленькие часики голландской работы, с досадой отметив про себя, что их минутная стрелка движется слишком медленно.

Наконец в десять минут второго леди Одли сошла вниз — на голове шляпа, волосы влажные — но свечи при ней не было.

— Миледи, вы забыли свечу! — напомнила Фиби.

— Ветер задул ее, когда я выходила из твоей комнаты, — ровным голосом промолвила миледи, — и я оставила ее на месте.

— То есть в моей комнате, миледи?

— Да.

— А вы уверены, что свеча потухла?

— Уверена, уверена... Далась тебе эта свеча! Уже начало второго.

Пошли.

С этими словами леди Одли увлекла Фиби за собой. Фиби показалось, будто на ее руке сомкнулись железные тиски. Пронзительный мартовский ветер с разбега ударил в двери дома, и они с шумом захлопнулись, как будто отрезая путь назад.

Дорога, мрачная и пустынная, уходила в даль, в крошечную тьму,

смутно виднеясь меж рядов живой изгороди.

Миледи шла вперед, не отпуская Фиби, не обращая внимания на ветер, который, казалось, дул со всех четырех сторон одновременно, обрушивая на бедных путниц всю свою ярость.

Сойдя с холма, женщины прошли полторы мили по ровной дороге и затем взошли на другой холм, к западу от которого, надежно укрывшись в долине, располагалось поместье Одли-Корт.

Взойдя на вершину этого холма, миледи остановилась, чтобы перевести дух. До поместья оставалось еще три четверти мили. Миледи и ее спутница были в дороге уже целый час.

Леди Одли взглянула в сторону Одли-Корт.

Фиби Маркс, стоя рядом с ней, обернулась назад, в сторону холма Маунт-Станнинг, и вскрикнула от ужаса.

Там, вдали, разрывая завесу густой мглы, трепетало зловещее пятнышко света.

— Миледи, миледи! — закричала Фиби, вцепившись в плащ леди Одли. — Вон там — видите?

— Вижу, — отозвалась леди Одли, пытаясь освободиться от Фиби. — Ну и что?

— Но ведь это огонь, — огонь, миледи!

— Боюсь, ты права. Горит, скорее всего, в Brentwude.

— Нет, не в Brentwude, а ближе, гораздо ближе. Горит Маунт-Станнинг!

Леди Одли не ответила. Она снова задрожала — возможно, от холода, потому что ветер, сорвав с нее тяжелый плащ, тут же заключил ее в свои студеные объятия.

— Горит Маунт-Станнинг, миледи, горит наш постоянный двор. Это горит у нас, у нас! Я знаю, знаю, это у нас! Но будь оно четырежды проклято, наше заведение, не о том печаль. Там человек, человек погибает! Люк пьян; сам он оттуда не выберется, а мистер Одли...

Едва это имя сорвалось с губ Фиби, как она упала на колени, взглянув на миледи безумными глазами.

— О Господи! — воскликнула она, в отчаянии заламывая руки. — Скажите, что это неправда, миледи! Скажите, что это неправда! Это так странно, слишком странно...

— Что странно? Что тебе взбрело на ум? — отозвалась миледи вне себя от гнева.

— Прости меня Господи, если я не права! Почему вы отправились к нам нынче ночью, миледи? Я ли вас не упрашивала, я ли не уговаривала —

вы все равно пошли, хотя ненавидите мистера Одли, хотя ненавидите Люка, хотя знали, что оба ваших врага собрались этой ночью под одной крышей! Но, может, вы пошли именно поэтому? Для того, чтобы сжечь их, того и другого? Скажите, что я не права! Скажите, что возвожу напраслину! Скажите, миледи!

— Не скажу я тебе ничего, кроме того, что ты совсем спятила, — холодно и твердо промолвила леди Одли. — Встань, идиотка, встань, трусливая тварь! Велика ли драгоценность твой муженек, чтобы так по нему убиваться? Какое тебе дело до Роберта Одли, этого полоумного? «Маунт-Станнинг горит!» Лондон горит, дуреха! Встань и убирайся к своим пожиткам, к своему муженьку и к своему постояльцу. Убирайся, ты мне больше не нужна!

— Простите, простите, миледи! — заплакала Фиби. — У меня и в мыслях не было...

— Ты мне больше не нужна! Пошла вон!

Леди Одли скрылась в темноте. Долго неслись ей вслед мольбы Фиби, которая все звала и звала ее, не вставая с колен. Леди Одли шла вперед, не оглядываясь. Она шла домой, а за спиной у нее, за черными холмами, все сильнее разгорался преступный огонь.

МУЧИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ

На следующее утро леди Одли встала очень поздно. Бледное лицо, темные круги под глазами. — Читала до самого утра, — объяснила она сэру Майклу, садясь завтракать.

Стол для них накрыли в библиотеке, придвинув его поближе к камину.

Алисия ни за что не хотела завтракать в обществе мачехи, но сэру Майкл настоял на своем, и она подчинилась, утешая себя тем, что потом до самого обеда будет предоставлена самой себе.

Мартовское утро было холодным и унылым, дождик все моросил и моросил, размывая очертания ближайших построек и линию далекого горизонта.

Утренняя почта была немногочисленной — ежедневные газеты приходили не раньше полудня. Обсуждать было нечего, и застольная беседа получилась довольно вялой.

Алисия посмотрела в окно.

— Ни пройти, ни проехать, — сказала она. — Навряд ли кто пожалует к нам в гости. Разве что Боб, он ведь человек непредсказуемый — махнет на все рукой и доберется до нас, несмотря на дождь и грязь.

Услышав имя того, кого наверняка уже нет на свете, леди Одли, измученная событиями минувшей ночи, побледнела как смерть.

— Такому любая распутица нипочем, — продолжала Алисия. — Ввалится сюда прямо со двора, и шляпа на нем будет лосниться и блестеть, словно ее только что вычистили и смазали, изведя на это целый кусок свежего масла. Явится в клубах испарений, похожий на джинна, которого только что выпустили из бутылки. Ввалится и наследит грязными сапогами по всему ковру, усядется на ваш гобелен, миледи, не сняв мокрого пальто. Выбранит вас, если вы сделаете ему замечание, и еще спросит, кому нужны кресла, в которые нельзя садиться, и почему вы не поселились на Фигтри-Корт, и...

Сэр Майкл взглянул на дочь долгим задумчивым взором. В последнее время она слишком часто вспоминала о своем кузене, и всякий раз она высмеивала его, как могла, выставляя в самом невыгодном свете. Но ведь некая синьора по имени Беатриче высмеивала некоего джентльмена по имени Бенедикт с такой же безжалостностью, а оказалось, что она

попросту в него влюблена. Не тот ли это случай?

— Вчера у меня был майор Мелвилл. Как ты думаешь, о чем у нас был разговор, Алисия?

— Понятия не имею, — сказала Алисия, состроив презрительную гримаску. — Должно быть, он сказал тебе, что нам давно пора начать новую войну — «Черт побери, сэр!» — и что нам давно пора сменить правительство — «Черт побери, сэр!» — потому что нынешние министры толкают страну в пропасть — «Черт побери, сэр!» — эти дурни так увлеклись реформами, что скоро мы вовсе останемся без армии — «Черт побери, сэр!».

— Тебя хлебом не корми, дай только подержать да позлословить, — с укоризной заметил сэр Майкл. — Нет, речь у нас была совсем не об этом. Майор Мелвилл сообщил мне, что один из твоих самых преданных поклонников, сэр Гарри Тауэре, отбыл на континент и вернется только через год.

Алисия покраснела.

— Отбыл на континент? — переспросила она с деланным безразличием. — Для меня это не новость: он давно говорил мне, что отправится путешествовать, если... если... если его жизнь не сложится так, как ему хочется. Бедняга! Человек он, конечно, недалекий, но при всем том так мил и так добросердечен, в тысячу раз лучше этого праздного бродяги, этой запатентованной морозильной камеры по имени Роберт Одли!

— Жаль, Алисия, что тебе так нравится вышучивать Боба, — сказал сэр Майкл, покачав головой. — Боб хороший парень, и я люблю его, как родного сына, но... но... — Сэр Майкл вздохнул. — Сказать по правде, с недавнего времени он стал очень и очень беспокоить меня. Он изменился буквально за последние несколько дней; у него появились какие-то завиральные идеи, и миледи считает...

— Оставим это, — перебила мужа леди Одли, — тем более что Алисии мое мнение известно.

— Да, — сказала Алисия, — миледи считает, что Боб сходит с ума. Полагаю, однако, что она слишком хорошо о нем думает. Такие, как он, с ума не сходят. Он чересчур медленно ворочает мозгами, меж тем как безумие — это буря, взрыв! Бобу, если так можно выразиться, более к лицу тихое помешательство.

Да, девушка была равнодушна к Роберту, и Роберт был равнодушен к ней. Чувство его медленно росло день ото дня и, как знать, быть может, когда-нибудь привело бы его к брачному алтарю. Увы, в тот ненастный февральский день, когда он впервые встретил Клару Толбойз,

этому чувству суждено было задержаться в росте, а затем и вовсе сойти на нет; и как ни сердился Роберт, как ни упрекал себя за черствость по отношению к кузине, душа его, увы, оставалась глухой к укорам совести, и чем больше пытался он думать об Алисии, тем больше думал о Кларе Толбойз.

После завтрака сэр Майкл остался в библиотеке — писать письма и читать газеты.

Алисия ушла к себе — дочитывать третий том французского романа.

Леди Одли заперла дверь восьмиугольной прихожей и, не находя себе места, принялась, как тень, бродить по своим апартаментам.

Она заперлась для того, чтобы кто-нибудь, случайно зайдя к ней, не застал ее врасплох. Сев за туалетный столик с зеркалом, она выдвинула ящичек с медицинскими снадобьями и стала перебирать крохотные бутылочки с красной лавандой, нюхательной солью, хлороформом, хлородином и эфиром. Она бесцельно перебирала их, глядя на них отсутствующим взором, пока на глаза ей не попала бутылочка с густой темной жидкостью и надписью «Опиум — Яд».

Эта бутылочка надолго привлекла ее внимание. Она несколько раз поднесла ее к свету, даже вынула пробку и понюхала содержимое, но вдруг, передернув плечами, с содроганием отставила в сторону.

— Ах, если бы я могла! — со стоном прошептала она. — Если б я только могла! А почему бы не решиться — прямо сейчас?

Она нервно сжала кулачки и подошла к окну, выходящему на арку, увитую плющом, под сводами которой должен был пройти всякий, кто приходил в Одли-Корт со стороны холма Маунт-Станнинг.

Миледи взглянула на часы, встроенные в арку: их единственная стрелка застыла между часом и двумя.

— Как медленно тянется время! — устало промолвила леди Одли. — Боже, как медленно! Неужто до самой моей старости оно будет тянуться так же медленно, и каждая минута жизни будет длиться для меня дольше часа?

Она постояла у окна еще несколько минут, наблюдая за аркой, но под ее сводами так никто и не появился, и миледи, раздраженная, отошла от окна и вновь принялась бродить по комнатам.

Весть о ночном пожаре еще не дошла до Одли-Корт. Было так ветрено и дороги так развезло, что даже самый отчаянный сплетник не рискнул высунуть нос дальше собственной двери. К тому же день был не базарный, и пассажиров, ехавших в экипажах по маршруту Brentwood — Челмсфорд, было немного. Нет, о пожаре в Маунт-Станнинг пока что, кроме миледи, не

знал никто.

Миледи дернула шнурок с колокольчиком. В прихожей появилась горничная в чепчике с розовыми ленточками.

— Голова просто раскалывается от боли, — сказала миледи. — Пойду прилягу до обеда, а ты приходи в пять, чтобы одеть меня.

Растворив несколько капель опиума в стакане с водой, миледи выпила снотворное и легла на софу, уткнувшись лицом в подушки.

Сон! За последние сорок восемь часов она, кажется, совсем забыла, что это такое, но благодетельная природа, снисходительная ко всем своим чадам, не оставила ее своей милостью.

Часы на каминной доске пробили без четверти четыре.

Миледи вздрогнула и проснулась. По ее лицу стекал холодный пот. На мгновение ей почудилось, будто все, кто есть в доме, с шумом столпились у ее дверей, и каждому не терпится рассказать ей, какое несчастье случилось на холме Маунт-Станнинг минувшей ночью.

Нет, слава богу, это ей только почудилось. В доме было тихо, и лишь плющ стучал по оконным стеклам, да уголь потрескивал в камине, да часы все тикали, тикали, тикали не переставая.

«Так и умереть недолго от страха!» — подумала миледи.

Дождь кончился, и холодное весеннее солнце показалось из-за туч.

Леди Одли оделась быстро, но с особой тщательностью. Она и в эти минуты позаботилась о своей красоте, потому что знала, что красота — ее оружие, и сейчас это оружие ей нужнее, чем когда-либо. Она надела свое лучшее шелковое платье с голубым и серебряным отливом, в котором представала как бы в сиянии лунных лучей, украсила волосы золотыми заколками и, набросив на плечи белую кашемировую шаль, сошла вниз.

Открыв дверь библиотеки, она увидела сэра Майкла, уснувшего в своем кресле.

Скрипнула лестница. Миледи оглянулась. Алисия, выйдя из своей комнаты, также спускалась вниз.

Дождь прекратился два часа назад, и дорожки, усыпанные гравием, почти высохли.

— Пойдем, погуляем, — предложила миледи, обращаясь к падчерице.

— Пожалуй, — кивнув головой, согласилась Алисия. — Роман попался на редкость глупый. Я зевала над ним целое утро, так что глоток свежего воздуха мне не повредит.

Женщины вышли из дому. Леди Одли по-прежнему была бледна, но ее изумительное платье и золотые локоны отвлекали внимание от ее лица.

Почему в этот холодный мартовский день она решила пройтись по

скучным, однообразным дорожкам с падчерицей, которую терпеть не могла?

Потому что сейчас ей невозможно было оставаться наедине со своим страданием.

Они неторопливо шли по садовым дорожкам, и она мечтала о том, чтобы земля заходила у них под ногами и, развершись, поглотила того, кто должен прийти сюда с дурными вестями.

Она мечтала о том, чтобы земля застыла на месте, чтобы застыло на ней все живое, время остановило свой ход и наступил Судный День, и чтобы она, представ пред судом небесным, избежала стыда и позора суда земного.

Она мечтала о том, чтобы между холмом Маунт-Станнинг и Одли-Корт заструился крохотный ручеек, который, вырастая на глазах, превратился бы в могучую реку, а река превратилась бы в океан, и деревушка, что раскинулась на злосчастном холме, скрылась бы из виду, чтобы на ее месте не осталось ничего, кроме ревущих морских валов.

Вот появился первый посыльный; вот он исчез, и вместо него появился другой.

Вот исчез и он, но появились третий, четвертый, пятый...

Нет им числа и нет от них спасения!

Этот — уродливый, угрюмый, жестокий; тот — кривляка, шут гороховый, корчится от смеха, так, что даже задыхается.

И нет им числа, ибо имя им — легион!

Женщины повернули к дому. В доме — тишина. Тревожная тишина. Нет, вести еще не дошли до этого порога. Господи, хоть бы какой-нибудь конец!

— Как долго тянется этот день! — воскликнула Алисия, словно почувствовав настроение миледи. — Вокруг изморось, туман, ветер — и ничего больше! Уже поздно, миледи. Сегодня к нам явно никто не придет, так что напрасно вы наряжались!

Леди Одли не стала отвечать на дерзость Алисии. Она снова взглянула на глупые часы с единственной стрелкой, снова заглянула вниз, под своды арки. Нет, там по-прежнему никого не было. А может, вестник дурных новостей уже прибыл, и она его попросту проглядела? Может, он уже в доме, но слуги помалкивают, чтобы не волновать сэра Майкла? Но даже если его нет, он появится, все равно появится. Кто принесет печальные вести? Ректор, что проживает на холме Маунт-Станнинг? Доктор Доусон? Кто-нибудь из местных чиновников?

Ей захотелось вернуться в аллею, под сень голых ветвей, и пройти

дальше по дороге; захотелось дойти до того холма, где совсем недавно она рассталась с Фиби Маркс. Пойти туда, пойти куда глаза глядят, пойти на любые муки — все лучше, чем томительное ожидание, чем эта неизбежная тревога, разъедающая душу и сердце!

Она попыталась заговорить. С трудом произнесла несколько малозначащих фраз, но Алисия, стоя рядом с ней, не ответила ей, не заметила, в каком она состоянии, потому что и сама сейчас была погружена в собственные мысли.

Скука угнетающе подействовала на Алисию, и она вдруг со странным удовольствием подумала, что, бродя по дорожкам, посыпанным гравием, может простудиться — сильно простудиться, и если это случится, во всем будет виноват кузен Роберт. Она представила себе, как болезнь проникает в ее легкие и в ее кровеносные сосуды, и, представив, испытала мрачное торжество.

«Будь у меня воспаление легких, — подумала она, — может быть, у Роберта появилось бы ко мне хоть какое-нибудь чувство. Хотя бы перестал за глаза дразнить меня чучелом: ведь у чучела воспаления легких не бывает!»

Тут ее возбужденное воображение нарисовало следующую картину: болезнь, охватившая ее, не оставила ей ни малейших надежд на выздоровление, и она, обложенная подушками, полулежит в кресле у окна и смотрит на послеполуденное солнце. Рядом, на столике, пузырьки с медицинскими снадобьями, тарелка с виноградными гроздьями, Библия; здесь же он, Роберт, которого она попросила прийти, чтобы на прощание отпустить ему все его грехи, — воплощение внимания и кротости.

Задумавшись над тем, что она скажет ему в эти минуты, — а сказать нужно многое, — она совершенно забыла о мачехе, и лишь тогда, когда единственная стрелка старинных часов уперлась наконец в цифру «шесть» и раздался бой курантов, воображаемый Роберт получил благословение и был отпущен с миром на все четыре стороны.

— О господи, — очнувшись от грез, воскликнула Алисия, — шесть часов, а я еще не одета! Я иду в дом; а вы, миледи?

— И я с тобой, милочка.

Алисия торопливо скрылась в дверях, а леди Одли, последовав было за ней, задержалась на лужайке у парадного входа. У нее уже не хватило сил войти в дом: она все ждала и ждала вестей, и в этот последний миг ожидание окончательно приковало ее к месту.

На дворе уже почти стемнело. Вечерний туман медленно поднимался от земли. Его серые клубы стелились над луговинами, и тому, кто взглянул

бы на особняк Одли-Корт со стороны, и впрямь могло показаться, что это — старинный замок, стоящий на морском берегу.

Под аркой было особенно темно, словно там собрались все ночные демоны, словно, затаившись там, они только и ждут сигнала, чтобы выползти на лужайку перед парадным входом.

Тусклым синим пятном маячило в проеме арки холодное небо, перечеркнутое зловещей темно-красной полосой, и там же, в проеме, напоминая о недавней зиме, поблескивала, словно сосулька, одинокая звезда.

Перед входом в старинный дом не было сейчас никого, кроме женщины, которая, преодолев охватившее ее оцепенение, но по-прежнему не находя себе места, снова двинулась по дорожке, чутко прислушиваясь к шагам, что вот-вот должны были прозвучать под сводами арки.

Вот и они! Или нет? Может, это стук лошадиных копыт? Нет, это шаги человека, шаги мужчины. Он идет твердо и уверенно, потому что хорошо знает дорогу.

Каждый — каждый — каждый звук вонзался в сердце женщины ледяным осколком, и уже свыше ее сил было ждать и сдерживаться, и она, теряя всякую власть над собой, побежала к арке.

Вбежав под своды, она остановилась, ибо незнакомец был уже недалеко от нее. Она увидела его — господи! — она разглядела его в неверном вечернем свете.

Земля вздрогнула у нее под ногами; сердце остановилось. Она не вскрикнула от удивления, не застонала от ужаса, она лишь отшатнулась назад, и, нащупав за спиной ветку плюща, судорожно вцепилась в нее, ища опоры. Хрупкая, она вжалась в угол и, как замороженная, глядела на мужчину. Когда он подошел к ней совсем близко, колени ее подогнулись, и она рухнула на землю, — рухнула, не потеряв сознания, но так, словно здесь же, под сенью грубой кирпичной кладки, разверзлась ее могила.

— Миледи!

Это был голос Роберта Одли.

— Миледи, что с вами?

Голос был холодный, приглушенный.

— Вставайте, я отведу вас в дом.

Молодой человек помог ей подняться. Он подхватил миледи сильной рукой; они вместе прошли через двор и вошли в прихожую, освещенную огнями свечей.

Миледи трясло, но, покорная воле Роберта Одли, она шла рядом с ним, не пытаясь оказать хотя бы малейшее сопротивление.

ИСТОРИЯ МИЛЕДИ, РАССКАЗАННАЯ ЕЙ САМОЙ

— Есть тут место, где мы могли бы поговорить наедине? — спросил Роберт Одли, окинув прихожую взглядом.

Миледи кивнула головой и толкнула полуоткрытую дверь библиотеки. Сэра Майкла здесь уже не было: он ушел к себе, чтобы переодеться к обеду. Огонь по-прежнему теплился и трепетал в камине.

Миледи вошла первой; Роберт, последовав за ней, закрыл за собой дверь.

Женщина, дрожа, опустилась на колени около камина, словно надеясь, что исходящее от него тепло победит неестественный холод, охвативший все ее существо.

Молодой человек встал рядом с ней и положил руку на каминную доску.

— Леди Одли, — промолвил он, и его ледяной голос возвестил о том, что час расплаты настал. — Вчера вечером я пытался поговорить с вами со всей откровенностью, но вы не стали меня слушать. Сегодня я должен поговорить с вами еще откровеннее, и уж на этот раз вам придется выслушать все до последнего слова.

Сидя перед огнем, миледи закрыла лицо ладонями и лишь тихо простонала в ответ.

— Прошлой ночью на Маунт-Станнинг был пожар. Дом, в котором я заночевал, сгорел дотла. И все же я жив. Знаете, как мне удалось спастись?

— Нет.

— По чистой случайности. Комнату мне дали сырую и холодную, и я все никак не мог уснуть. Я пытался разжечь огонь, но камин чадил так, что оставаться в номере стало невозможно, и я велел служанке постелить мне на диване в маленькой гостиной на первом этаже, где просидел целый вечер.

На мгновение он умолк и взглянул на женщину, желая убедиться в том, что она его слушает. Миледи сидела в прежней позе, и лишь голова, которую она опустила чуть ниже, указывала на то, что рассказ молодого человека ей небезразличен.

— Сказать вам, по чьей вине сгорел постоялый двор?

Молчание.

— Так сказать или нет?

Все то же упорное молчание.

— Миледи, это ваших рук дело. Задумав избавиться от меня, вашего врага и обличителя, вы решились на тройное убийство. Что вам было до двух невинных людей, имевших несчастье оказаться со мною в прошлую ночь под одной крышей? Если бы, ради того, чтобы погубить меня, вам пришлось устроить вторую Варфоломеевскую ночь, вы бы, не задумываясь, предали смерти тысячи и тысячи людей! Но пробил ваш час, миледи, и во мне не осталось для вас ни жалости, ни сочувствия. Я избавлю вас от позора лишь в той мере, в какой он может пасть на головы других, но не более того. Существой на свете тайный суд, перед которым вы смогли бы держать ответ за свои преступления, я, не колеблясь, выступил бы в нем обвинителем, но я пощажу великодушного и высокородного джентльмена, чье благородное имя может запятнать ваше бесчестье!

При упоминании о сэре Майкле голос его на мгновение потеплел, но он тут же взял себя в руки и продолжал:

— К счастью, во время пожара никто не погиб. Я спал чутко, миледи, и вовремя поднял тревогу. Мне удалось спасти служанку и хозяина, несчастного пьяницу, который, несмотря на мои старания, сильно пострадал и сейчас в крайне тяжелом состоянии лежит в доме своей матери. Это от него и его жены я узнал, что в прошлую ночь вы побывали на постоялом дворе. Рассказывая о том, как все это случилось, женщина была на грани помешательства. Бог знает какие ваши тайны она скрывает и как легко я мог бы добиться от нее признания, если бы мне нужна была ее помощь. Но я не стану этого делать, миледи. Я иду прямо, не сворачивая, ибо я поклялся, что призову к ответу убийцу Джорджа Толбойза, и будьте уверены, я исполню свою клятву. Я утверждаю: это при вашем посредничестве, миледи, его постигла безвременная кончина, и если прежде я гнал от себя эту мысль, потому что не мог представить, чтобы такая молодая и красивая женщина была способна на столь низкое и подлое убийство, то, пережив ужас минувшей ночи, я отбросил все сомнения. Больше вы для меня не женщина! Будь вы женщиной, как бы низко вы ни пали, вы не могли бы очерстветь совершенно, не могли бы разучиться сострадать. Но вы смогли. Вы смогли — и потому вам больше нет места в этом доме. В присутствии человека, которого вы так долго обманывали, вы назовете свое истинное имя, расскажете без утайки подлинную свою историю, и только после этого мы с ним простим вас — настолько, насколько сочтем нужным. В противном случае я призову в свидетели всех,

кто сможет вас опознать, и, рискуя опозорить себя и тех, кого я люблю, добьюсь того, чтобы суд воздал вам по делам вашим!

Женщина встала — резко, внезапно, вдруг. Она стояла прямая и решительная, глаза ее блеснули, волосы разметались по белоснежным плечам.

— Позовите сэра Майкла! — воскликнула она. — Позовите его сюда, и я расскажу все! Чего мне бояться? Господь свидетель, я сражалась против вас изо всех сил, и я стойко переносила тяготы этой битвы, но вы победили, мистер Роберт Одли. Великий триумф, не правда ли? Блистательная победа! Вся сила вашего холодного и расчетливого ума ушла на достижение, так сказать, благородной цели. Но вы победили ДУШЕВНОБОЛЬНУЮ!

— Душевнобольную! — воскликнул Роберт Одли.

— Да, душевнобольную. Когда вы утверждаете, что я убила Джорджа Толбойза, вы говорите правду. Но когда вы утверждаете, что я убила его из подлости, вы лжете. Я убила его потому, что я — душевнобольная, потому, что на узкой границе, отделяющей душевное здоровье от душевной болезни, бедный мой разум отклонился чуть в сторону, потому, что, когда Джордж Толбойз, как вы сейчас, начал осыпать меня упреками и стал угрожать мне, я, человек и без того неуравновешенный, потеряла над собой всякую власть, потеряла ее потому, что я — душевнобольная! Если кому-то суждено сегодня узнать правду, — пусть узнает тайну всей моей жизни!

Роберт Одли вышел из комнаты. Он ушел с тяжелым сердцем, потому что знал, какую утрату предстоит понести сэру Майклу. Но и скорбя о нем, он никак не мог забыть последние слова миледи: «Тайна моей жизни». Он вспомнил строки из письма Элен Толбойз накануне ее исчезновения из Уайльдернси, строки, которые привели его в недоумение и заставили крепко задуматься: «Я верю, ты простишь меня, потому что знаешь, почему я была такой. Ты знаешь тайну — ключ ко всей моей жизни».

Сэр Майкл он нашел в зале.

— Леди Одли хочет обратиться к вам с признанием, сэр, — тихо промолвил Роберт. — Она обманула, предала вас, и дай вам Бог перенести испытание, которое вам сейчас предстоит.

Сэр Майкл поднял было руку — он хотел заставить племянника замолчать, — но рука, взметнувшись в повелительном жесте, тут же бессильно упала вниз.

— Люси! — Голос сэра Майкла прозвучал, словно крик раненого животного. — Люси, скажи мне, что этот человек — сумасшедший! Скажи,

иначе я убью его!

Миледи вошла в комнату. Она упала на колени, охватив лицо руками.

— Он сказал правду, — промолвила она. — Это я послала его за тобой, чтобы рассказать тебе все. Я расскажу, и хотя мне бы хотелось пожалеть тебя, потому что ты был добр ко мне — добрее, чем я того стоила, — но, увы, сейчас я способна пожалеть только себя. Когда-то, очень давно, я сказала тебе, что я эгоистична. Знай, с той поры ничего не изменилось. Сочувствие — удел счастливых и богатых; для меня же это непомерная роскошь.

Сэр Майкл попытался поднять леди Одли с колен, но она не подчинилась ему, и тогда он, сев в кресло, около которого опустилась жена, скрестил пальцы и приготовился слушать ее с таким вниманием, словно от каждого ее слова зависело все его дальнейшее существование.

— Для того, чтобы ты понял, как я дошла до такой жизни, я должна рассказать тебе свою историю с самого начала. Не бойся, это не займет много времени: она была незавидной, моя жизнь, и я не стану утомлять тебя подробностями, хотя бы ради того, чтобы не причинять боль себе самой.

Матери своей я почти не помню. Помню только, что была она очень похожа на меня — такую, какой я стала теперь, и что однажды, отойдя от моей детской кровати, она не вернулась к ней никогда.

Мне сказали, что она уехала. Меня отдали на попечение чужой женщине, и то была в полном смысле чужая, неприветливая женщина. И место, где она проживала — приморская деревушка в Хэмпшире, в семи милях от Портсмута, тоже было скучным, уединенным и пустынным. Отец мой служил в военно-морском флоте и навещал меня лишь изредка. Кормилице он платил нерегулярно, и она срывала на мне всю свою злость. Я была совсем крошечной, но уже тогда понимала, что мне суждено жить в бедности.

Я часто спрашивала о своей матушке, но всякий раз получала один и тот же ответ: она уехала. Я спрашивала куда. Мне отвечали: это секрет. Когда я подросла и мне стало понятным значение слова «смерть», я спросила, не умерла ли моя мать. Нет, отвечали мне, она жива, но болеет, поэтому ее нет рядом со мной. Давно ли она болеет, спрашивала я. Уже несколько лет, отвечали мне, почти с той поры, как я появилась на свет.

Но настал день, когда тайна вышла наружу. В тот день кормилица была особенно не в духе, и, когда я задала ей свой обычный вопрос, она в ярости выложила мне всю правду. Она сказала, что матушка моя сошла с ума и ее содержат в сумасшедшем доме в сорока милях от нашей деревушки. Сказав

это, она тут же об этом пожалела и стала убеждать меня, что солгала, а впоследствии я узнала, что отец мой взял с нее слово никогда не рассказывать мне о том, какая ужасная участь постигла мою мать.

С той поры мысли о матери не давали мне покоя ни днем, ни ночью. В ту пору я еще не знала, что сумасшествие бывает разным, и изводила себя, представляя, как матушка моя, одетая в мерзкое рубище, мечется по комнате, похожей на тюремную камеру, и тело ее кровоточит от многочисленных пыток. Мысленно я тянулась к ней, но даже в мыслях боялась подойти к ней слишком близко: мне казалось, один лишний шаг навстречу — и она меня убьет. Не однажды я просыпалась глубокой ночью, крича от ужаса: рука, холодная, как лед, сжимала мне горло, а стенания матери, заключенной в каменный мешок, терзали мой слух.

Миледи остановилась, чтобы перевести дух. Она говорила быстро, словно стремясь как можно скорее избавиться от того, что мучило ее все эти годы.

— Когда мне исполнилось десять лет, мой отец, кое-как рассчитавшись с кормилицей, определил меня в интернат и снова уехал. На этот раз мы не виделись с ним дольше обычного, а когда он вернулся, я рассказала ему все, что мне стало известно о матери. При всяком упоминании о ней он приходил в необычайное волнение. Он очень любил ее, но должен был зарабатывать на хлеб насущный для нее и для ребенка, а профессия моряка не позволяла ему подолгу оставаться на берегу. Глядя на него, я снова и снова убеждалась в том, какая горькая участь ждет всякого, кто приходит в этот мир среди тлена и нищеты. Моя мать, за которой мог бы ухаживать преданный супруг, была вверена заботам наемных сиделок.

Перед тем как отправить меня в школу в Торки, отец отвел меня в больницу, где содержали матушку. Визит не доставил мне радости, но, по крайней мере, я выбросила из головы те ужасные картины, что потрясли мое детское воображение. Я не увидела буйнопомешанной, одетой в жалкое рубище, которую день и ночь стерегут неусыпные тюремщики. Передо мной было золотоволосое, голубоглазое существо, ребячливое, как дитя, и легкомысленное, как бабочка. Когда мы вошли к матушке, на голове у нее был венок из живых цветов. Приветствуя нас, она поднялась с места, и улыбка ее была лучезарной, а щебет веселым и нескончаемым.

Нет, она не узнала нас. Она беседовала с нами так, как беседовала бы со всяким, кто навестил ее в больничном заточении. Сумасшествие передалось ей по наследству от матери, которая скончалась, так и не обретя прежнего рассудка. Моя матушка была — или казалась — вполне здоровой, пока на свет не появилась я, но после моего рождения рассудок ее стал

угасать день ото дня, пока она не стала такой, какой я застала ее в тот памятный день.

Покидая больницу, я запомнила матушку такой, какой видела ее в последний раз. Отныне я знала, что единственное наследство, которое я могу получить от нее, — это безумие!

Покидая больницу, я запомнила не только это: мне было всего десять лет, но я догадалась, что об этом нужно молчать, иначе тайна, вырвавшись наружу, отравит все мое дальнейшее существование.

Я должна была помнить это, и я запомнила — и, как знать, быть может, именно это сделало меня себялюбивой и бессердечной.

Шли годы, и чем старше я становилась, тем чаще слышала о том, какая я миленькая, хорошенькая, очаровательная, просто изумительная. Поверьте, вначале я воспринимала эти похвалы с совершенным безразличием, но, прислушиваясь к ним, все более убеждалась, что, несмотря на мою тайну, в этой жизни я еще могу вытянуть свой лотерейный билет и оказаться куда счастливее своих ближних. Я поняла и то, что рано или поздно становится ясно каждой школьнице: судьба женщины зависит прежде и более всего от того, за кого она выходит замуж, и уж если я действительно краше своих школьных подруг, то и замуж должна выйти удачнее всех.

Мысль эта засела мне в голову, и с нею в неполные семнадцать лет я покинула школу.

Я поселилась с отцом на другом конце Англии. Отец, выйдя на пенсию — он получил содержание, равное половине жалованья, — обосновался в Уайльдернси, прельстившись главным образом тем, что жизнь здесь была недорогой.

Не прошло и месяца, как я поняла, что даже самой красивой девушке нужно набраться терпения и долго-долго ждать, пока судьба не пошлет ей богатого мужа. Вы — джентльмены, богачи от рождения, и вам меня не понять. Презирая меня, вы совершаете великую несправедливость, меж тем как я к тому времени уже сполна успела узнать, что такое бедность, и с ужасом думала о том, какое незавидное будущее меня ожидает.

И все же я дождалась своего прекрасного принца: настал день, и он вошел в мою жизнь.

На минуту леди Одли умолкла и судорожно повела плечами. Трудно было понять, что творилось сейчас в ее душе. Она сидела, низко наклонив голову, и за все время, пока говорила, ни разу не подняла ее, и голос ее ни разу не дрогнул. Каждое слово своего скорбного признания она произносила с таким бесстрашием, с каким закоренелый преступник воспринимает напущение священника перед казнью.

— Я дождалась своего прекрасного принца, — повторила леди Одли. — Его звали Джордж Толбойз.

Сэр Майкл вздрогнул. Он вспомнил тысячи слов, жестов и других мелочей, столь ничтожных, что их, казалось, не стоило удерживать в памяти, вспомнил так ясно и так живо, словно они и составляли главный смысл его жизни.

— Джордж Толбойз был корнетом драгунского полка, сыном богатого сельского помещика. Он влюбился в меня и женился на мне спустя три месяца после того, как я отпраздновала свое семнадцатилетие. Я любила его — настолько, насколько в моих силах было вообще любить кого-нибудь, — но так, как вас, сэр Майкл, я не любила его никогда, потому, что только вы, взяв меня в жены, подняли меня на такую высоту, на какую первый муж не сумел меня вознести.

Прекрасный сон кончился. Сэр Майкл вспомнил тот летний вечер, когда он впервые признался в любви гувернантке мистера Доусона. Он вспомнил и свою горечь, и свое разочарование, которые испытал в тот вечер, и воспоминания, нахлынув на него, заставили его на несколько кратких минут забыть о муках сегодняшнего дня.

(И все же я не верю, что то, что испытал сэр Майкл в этот вечер, было для него так уж неожиданно. Не верю я и в то, что сэр Майкл Одли в самом деле верил своей жене. Как ни любил он ее, разочарование, поселившись в его душе в тот летний вечер, не покидало его с той поры никогда. Существует добровольное доверие, но под ним таится недоверие, и уж его-то не победить никаким усилием воли.)

— Мы поженились, — продолжила миледи, — и счастье наше длилось до тех пор, пока у мужа были деньги. Путешествуя по Европе, мы останавливались в лучших гостиницах, мы жили, не отказывая себе ни в чем. Но к тому времени, когда мы вернулись в Уайльдернси и стали жить с отцом, деньги кончились. Мысль об этом всецело овладела Джорджем, он сделался злым и раздражительным. Я умоляла мужа обратиться к его отцу, но он наотрез отказался. Я упросила его найти себе работу, но и тут у него ничего не вышло. А тут еще родился ребенок, и на меня обрушилась болезнь, ставшая роковой для моей матери. Я слегла в постель, а когда выздоровела, стала еще возбужденней, чем до болезни, еще более склонной жаловаться на бедность и невнимание мужа.

Однажды — в тот день жалобы мои были горше и громче обычного — я упрекнула Джорджа за то, что он, вскружив голову беспомощной девушке, обрек ее на лишения и нищету. Джордж, вне себя от ярости, выбежал из дому. На следующее утро, когда я проснулась, я обнаружила на

столике у кровати письмо, где он сообщил, что уезжает попытать счастья в Австралии и не вернется, пока не разбогатеет.

Я расценила это как трусость, как побег, и возненавидела Джорджа за то, что он оставил меня с ребенком на руках, вверив заботам слабого, вечно пьяного отца. Тяжким трудом я вынуждена была зарабатывать себе на жизнь, и всякий час поминала недобрым словом Джорджа Толбойза. Его отец — богач, его сестра живет в роскоши, окруженная подобающим ей уважением, а я, его жена и мать его ребенка, влачу безотрадное, нищее существование. Люди жалели меня, но я ненавидела их за их жалость. Я не любила своего ребенка, потому что он связал мне руки.

Дурная наследственность, доставшаяся мне от матери, до поры до времени не обнаруживала себя. Но однажды мой разум впервые утратил равновесие, и я впервые переступила невидимую грань, отделяющую рассудок от сумасшествия. Я видела, с каким ужасом и тревогой глядит на меня мой отец. Я чувствовала, что он пытается меня успокоить — так успокаивают малых детей и умалишенных, — и меня бесили его мелкие хитрости, и даже его потворство моим настроениям не вызывало во мне ничего, кроме обиды и злости.

Отчаяние, поселившееся в моей душе, подсказало мне отчаянную мысль. Я решила бежать из этого проклятого дома, который я содержала своим рабским трудом. Я решила покинуть отца, который не столько любил меня, сколько боялся. Я решила уехать в Лондон и затеряться там в великом людском водовороте.

Еще в Уайльдернси мое внимание привлекло одно объявление в «Таймс», и я, приехав в столицу, ответила на него, явившись к миссис Винсент под вымышленным именем. Миссис Винсент дала мне работу, не спросив рекомендаций. Остальное вам известно. Когда я поселилась в здешних местах, вы, сэр Майкл, сделали мне предложение, и я разом получила то, о чем мечтала еще со школьной поры, когда впервые услышала о том, что я хороша собой.

Прошло три года. От мужа не было никаких вестей. Я подумала: вернись он в Англию, он непременно разыщет меня, где бы и под каким бы именем я ни скрывалась, — мне ли не знать, как он энергичен!

И я сказала себе: «У меня есть все основания считать, что он или мертв, или хочет, чтобы я считала его мертвым, и потому его тень никогда не ляжет между мною и моим будущим счастьем!» Так я сказала себе и стала вашей женой, сэр Майкл, стала ею с единственным желанием — быть вам доброй супругой, доброй настолько, насколько могла позволить мне моя природа. Страсти и соблазны, погубившие не одну женщину, были не

властны надо мной. Поверьте, длись наша совместная жизнь и далее так же безмятежно, как и прежде, я бы сохранила вам верность до конца своих дней, хотя в соблазнителях, как вы понимаете, недостатка не было и нет. Безумная глупость, которую люди называют любовью, не имела ни малейшего отношения к моему безумию, и поскольку крайности, как известно, сходятся, мое бессердечие стало со временем залогом моего постоянства.

Я была безмерно счастлива, ощутив триумф и величие своего положения; я была безмерно благодарна тому, кто дал мне все это. Впервые в жизни я испытала сочувствие к бедности ближних, находя удовольствие в благотворительности и самой обыкновенной доброте. Я высылала на адрес отца большие деньги, но делала это анонимно, чтобы он не узнал, какие перемены произошли в моей жизни. Щедростью вашей, сэр Майкл, я насладилась сполна и, уверена, осталась бы порядочной женщиной всю свою жизнь, если бы судьба... если бы судьба позволила мне это.

Думаю, в эту пору мой рассудок восстановил должное равновесие. Покинув Уайльдернси, я стала зорко следить за собой и научилась крепко держать себя в руках. Часто, сидя в тихом семейном кругу провинциального врача, я спрашивала себя, подозревает ли мистер Доусон о моей наследственной болезни. Как видите, он не догадался ни о чем.

Но судьбе не угодно было даровать мне счастье; она, как видно, уготовила мне совсем иную долю. Не прошло и месяца со дня моего второго замужества, как в одной эссекской газете я прочла сообщение о том, что в Англию из Австралии возвращается некий удачливый золотоискатель по фамилии Толбойз. В ту пору, когда заметка попала мне на глаза, корабль уже был в пути.

Мне нужно было срочно что-то предпринять. Но что?

Я понимала: человек, отправившийся на край света ради счастья своей жены, не пожалеет никаких усилий, чтобы разыскать ее. О том, чтобы скрыться от него, нечего было и думать.

Я понимала: пока он не уверится в том, что я умерла, он не прекратит поиски.

Равновесие между разумом и безумием снова нарушилось; я вновь переступила невидимую черту, снова стала душевнобольной.

Я отправилась в Саутгемптон и разыскала своего отца, проживавшего там вместе с моим ребенком. Вы, сэр Майкл, конечно, помните, как имя миссис Винсент послужило предлогом для этого поспешного путешествия и как я настояла на том, что меня будет сопровождать Фиби Маркс, и никто больше. Приехав в Саутгемптон, я велела ей оставаться в гостинице, а сама

отправилась к отцу.

Ему я рассказала все как есть. Мое вторичное замужество его не слишком обескуражило: честь и принципы — роскошь не для бедных. Повторяю, он был не слишком обескуражен, но события последних дней его испугали, и он пообещал сделать все, что в его силах, дабы помочь мне отвести от себя грозящую мне опасность.

Он получил письмо Джорджа, отправленное мне в Уайльдернси и переправленное оттуда в Саутгемптон. Письмо было послано за несколько дней до отплытия «Аргуса»; в нем сообщалось, когда примерно корабль придет в Ливерпуль. Из письма мы, таким образом, узнали, сколько времени нам отпущено, чтобы придумать нечто, что побудило бы Джорджа уйти с моего жизненного пути, — уйти, исчезнуть навсегда.

Мы решили следующее: в день возможного прибытия «Аргуса» или несколько дней спустя в «Таймс» будет опубликовано объявление о моей смерти.

Но, едва приняв это решение, мы тут же обнаружили, что осуществление столь простого плана сопряжено с величайшими трудностями. Объявив о моей мнимой кончине, следовало также указать, где я умерла, а там, где я якобы умерла, новость о моей смерти должна была стать достоянием всех, ибо Джордж, приехав туда немедленно, без труда раскрыл бы наш обман.

Отец не мог мне ничего посоветовать. Он совершенно пал духом, и, сколько я к нему ни обращалась, он лишь тяжело вздыхал и по-детски лил слезы, не находя выхода из отчаянного положения. Нет, отец был мне не помощник.

Что было делать? Что?

Я не знала. Я уже начала подумывать о том, чтобы положиться на волю случая. В конце концов, Одли-Корт — место малоизвестное, и, быть может, мой первый муж, при всей его неумности, не заглянет в этот медвежий угол.

Мы сидели за столом и пили чай, и я, слушая жалобные причитания отца, играла с сынишкой — я видела, как ему нравятся мое платье и мои драгоценности. Увы, он даже не знал, у кого сидит на коленях: для него я была совершенно чужим человеком.

В это время в комнате появилась незнакомая женщина. Она пришла за мальчиком и сказала, что его следует умыть и приодеть, чтобы он достойно выглядел в присутствии леди, то есть меня.

Мне захотелось узнать, как здесь обращаются с ребенком. Отец, напившись чаю, дремал, не выходя из-за стола, а я разговорилась с

женщиной.

Это была дама лет сорока пяти, с бледным лицом и рыжеватыми волосами. Мне показалось, что ее обрадовала возможность побеседовать со мной, и я позволила ей выговориться.

Вначале мы беседовали о мальчишке, но вскоре она оставила эту тему и заговорила о собственных тревогах и горестях, которых у нее было хоть отбавляй. Ее старшая дочь вынуждена была из-за болезни оставить работу; доктор заявил, что у нее заметный упадок сил. Бедной вдове, знавшей лучшие дни, было трудно содержать больную дочь и младших детей, которых у нее было несколько.

Она говорила долго, а я слушала ее, не прерывая. Женщина рассказывала мне о болезни дочери, о том, чем и как лечит ее доктор, о том, какая дочь набожная и как она страдает и прочее в том же духе. Я слушала ее, не вдумываясь в то, что она говорит, и слова ее, доносясь до моего слуха, значили для меня не больше, чем шум карет, пробегающих за окном. Какое мне было до нее дело? У меня и своих бед хватало — таких, какие, я уверена, ее грубая душа не перенесла бы никогда. Вечно у этих простолюдинов находятся больные мужья и больные дети, и вечно они ждут помощи от богатых. Эта женщина в моих глазах не была исключением, и я уже было собиралась прервать беседу и дать ей соверен на прощание, как вдруг некая мысль пронзила мое сознание, кровь ударила в голову, а сердце забилося часто-часто, как бывало всякий раз, когда начинался приступ безумия.

Я спросила у женщины, как ее зовут. Она сказала, что ее имя миссис Плаусон, что она содержит лавчонку, где продается всякая всячина, и что сюда заходит лишь время от времени, чтобы узнать, все ли в порядке с Джорджи, за которым присматривает маленькая девочка — единственная служанка в доме. Дочь зовут Матильдой, ей двадцать четыре года, и ее замучил туберкулез. По мнению доктора, жить ей осталось не более двух недель.

Корабль, на котором Джордж Толбойз прибывал из Австралии, должен был бросить якорь на Мерсее через три недели.

Раздумывать далее не было ни смысла, ни времени.

Я решилась.

Я посетила больную. Она была изящна и хороша собой, и мне пришло в голову, что если бы кто-нибудь описал ее в самых общих чертах, то некто, кому довелось бы услышать об этой девушке, вполне мог подумать, что речь идет обо мне, хотя, признаться, сходство между нами было весьма и весьма отдаленным.

Меня представили девушке в качестве богатой дамы, желающей помочь ей в ее несчастье. Я подкупила мать, бедную и жадную женщину, дав ей столько денег) сколько она не держала в руках ни разу в жизни, и она согласилась сделать все, что я ей прикажу.

На другой день мой отец отправился в Вентнор и снял там комнату якобы для своей больной дочери и ее маленького сына. Рано утром следующего дня он повез в Вентнор умирающую девушку и Джорджи, которого, как следует задобрив, убедили звать ее «мамочкой».

В Вентноре она поселилась под именем миссис Толбойз, и, когда она умерла, ее похоронили как миссис Толбойз, сделав соответствующую запись в церковной книге. Объявление о ее кончине поместили в «Таймс», и, когда несколько дней спустя Джордж Толбойз появился в тех краях, он заказал надгробный камень, на котором и доньне стоит имя его безвременно угасшей жены — Элен Толбойз!

Сэр Майкл медленно встал, и было видно, что каждое движение дается ему ценою острой физической боли.

— Довольно, не могу больше слышать этого, — промолвил он хриплым шепотом. — Что бы вы ни захотели добавить еще, я уже не в силах слушать вас. Как я понял, Роберт, расследование вел именно ты. Пожалуйста, позаботься об этой женщине, которую я до сего дня и часа считал своей женой. Пусть живет, как жила всегда: в безопасности и комфорте. В конце концов, речь идет о той, которую я любил всем сердцем. Я не скажу ей «прощай и будь счастлива». Я не скажу ей этого, пока не смогу думать о ней без горечи, пока не почувствую к ней жалости. А ныне — пусть ее пожалеет Господь!

С этими словами сэр Майкл медленно вышел из комнаты. Он вышел, не взглянув на жену даже мельком. Он не желал ее видеть. Он вошел в гардеробную, звонком вызвал камердинера и приказал сложить в чемодан все необходимое.

Сэр Майкл решил покинуть родной дом, уехав последним поездом, отправлявшимся в Лондон.

Последние слова сэра Майкла прозвучали как похоронный звон по его надежде, по его любви. Одному богу известно, как страшился Роберт Одли этого дня, но вот он наступил, и молодой человек не увидел на щеке сэра Майкла ни единой слезы, не услышал от него ни единого вздоха, но от этого Роберту не стало легче. Наоборот, он слишком хорошо знал дядюшку, чтобы не понять, какая буря поднялась сейчас в его душе; он знал, что когда напускное хладнокровие сэра Майкла мало-помалу отступит перед его истинными чувствами, боль, вырвавшись из-под спуда, еще обнаружит себя в горячих слезах и жалобных столах, идущих из самой глубины израненного сердца.

Глядя вслед сэру Майклу, он подумал, что сейчас, быть может, его обязанность состоит в том, чтобы постоянно быть рядом с дядюшкой, не отходя от него ни на шаг.

Подумал — и тут же отогнал эту мысль: сколь бы ни были благи его намерения, такая неотступная опека оскорбительна сама по себе.

«Я исполнил то, что счел своим священным долгом, и все же я не удивлюсь, если из-за этого сэр Майкл возненавидит меня на веки вечные... Сэр Майкл должен сам справиться со своим горем... Я не в состоянии смягчить удар. Сэр Майкл должен сам справиться со своим горем...»

Молодой человек стоял в дверях библиотеки, не зная, пойти ли ему следом за сэром Майклом или вернуться к миледи.

В это время Алисия, спустившись с лестницы, прошла мимо него и отворила столовую, и Роберт Одли увидел обширные апартаменты, обшитые старинными дубовыми панелями. Длинный стол покрывала белоснежная скатерть, и веселые зайчики, отраженные стеклом и серебром, бегали по стенам и потолку.

— Папочка собирается обедать? — спросила Алисия. — Я ужасно проголодалась. Бедняга Томлинс уже трижды присылал слугу, чтобы предупредить: рыба остывает. Еще немного, и нам не достанется ничего, кроме супа из рыбьего клея.

С этими словами Алисия взяла со стола номер «Таймс» и села у камина, ожидая прихода сэра Майкла.

— Роберт, ты, конечно, обедаешь с нами, — промолвила она и

перевернула газетный лист. — Пожалуйста, походи и найди папочку. Сейчас уже около семи, а мы обычно обедаем в шесть.

— На твоего отца, Алисия, только что обрушилось великое горе, — сказал Роберт сурово — может быть, чересчур, сурово, ибо, раздраженный легкомысленным щебетом Алисии, он совершенно забыл о том, что она еще ничего не знает.

Алисия с тревогой взглянула на него.

— Горе! — воскликнула она. — У папочки горе? Роберт, что случилось?

— Пока что я тебе ничего не могу сказать, — глухо отозвался Роберт Одли.

Он вошел в столовую и плотно закрыл за собой дверь.

— Могу я положиться на тебя? — спросил он Алисию все тем же суровым тоном.

— Положиться в чем?

— В том, что в эти печальные дни ты станешь для отца опорой и утешением.

— Да, конечно! — с чувством воскликнула Алисия. — И как только у тебя язык повернулся спрашивать об этом? Неужели...

Она не договорила: слезы потоком хлынули из ее глаз.

— Неужели ты думаешь, я смогла бы вести себя иначе? — сказала Алисия с горьким упреком.

— Нет, нет, что ты, дорогая, — сконфуженно отозвался молодой человек. — Я никогда не сомневался в твоей преданности, но... Хватит ли у тебя душевного такта?

— Да, хватит! — решительно ответила Алисия.

— Ну что ж, тогда я спокоен. Сэр Майкл решил покинуть Одли-Корт — на время. Горе сделало для него ненавистным даже родной дом. Он уезжает... Но он не должен ехать один. Ты понимаешь, Алисия?

— Да, конечно, но я думала, что миледи...

— Миледи с ним не поедет. Сэр Майкл хочет расстаться с ней.

— На время?

— Навсегда.

— Расстаться с ней! Значит, горе...

— Горе принесла ему именно миледи. Когда ты останешься с отцом наедине, сделай так, чтобы он поменьше думал о своих несчастьях. Ты не знаешь подробностей, но это к лучшему: пусть твое незнание станет залогом твоей осторожности в отношениях с отцом.

— Сделаю все, как ты сказал.

— Не упоминай при отце имени леди Одли. Будет молчать целыми днями — терпи. Будет хмуриться целыми днями — терпи. Ты — единственная женщина на земле, которая любит его искренне и беззаветно. Когда он это поймет, он исцелится.

— Я буду помнить об этом, Роберт.

Тут Роберт, впервые со школьной поры, обнял девушку и поцеловал ее в широкий лоб.

— Алисия, дорогая, сделай то, о чем я прошу, и я буду счастлив. Сделай это, и я стану любить тебя больше, чем брату дозволено любить свою сестру, хотя чувство мое навряд ли сравнится с любовью бедного сэра Гарри Тауэрса!

Пока он говорил, Алисия стояла перед ним, опустив голову. Он не видел ее лица, но, когда закончил говорить, она с улыбкой взглянула на него. В эту минуту глаза ее сверкали ярче обычного, ибо в них все еще стояли невысохшие слезы.

— Хороший ты человек, Боб, — сказала девушка. — А я-то все сердилась на тебя, потому что...

— Почему?

— Потому что глупая. Впрочем, что теперь об этом вспоминать? Пойду готовиться к отъезду. Папа отъезжает сегодня вечером?

— Да, дорогая.

— Почтовый поезд отправляется в двадцать минут десятого. Значит, чтобы попасть на него, мы должны выехать из дому через час. Надеюсь, до этого мы еще раз встретимся с тобой, Роберт.

— Да, дорогая, конечно.

Алисия вышла из столовой. Она отправилась на свою половину и привела горничную в совершенное замешательство, бросая шелковые платья в шляпные коробки, а бархатные туфельки — в дородный несессер. Она ходила по комнатам, собирая рисовальные принадлежности, нотные тетради, шитье, расчески, драгоценности, флакончики с духами и прочее, и прочее, словно ей предстояло не путешествие по цивилизованной стране, а поездка за тридевять морей к диким папуасам. При этом она все думала, думала, думала об отце, а также — иногда — о Роберте, которого, надо признаться, узнала сегодня с совершенно иной стороны.

Молодой адвокат вышел из столовой и поднялся вверх по лестнице следом за кузиной. Подойдя к гардеробной сэра Майкла, он постучался в двери и прислушался. Сердце его забилось громко и тревожно. Прошла минута, затем в комнате раздались шаги, дверь распахнулась, и на пороге появился сам сэр Майкл. В глубине комнаты Роберт заметил лакея,

пакующего чемоданы; готовясь к близкому отъезду. Сэр Майкл вышел в коридор.

— Ты еще что-то хотел сказать мне Роберт? — тихо спросил он.

— Я пришел узнать, не нужна ли вам моя помощь. Вы едете в Лондон почтовым поездом?

— Да.

— Где вы остановитесь?

— В отеле «Кларендон»; там меня знают. Это все, что ты хотел сказать?

— Да. Кстати, Алисия собирается ехать с вами.

— Алисия?

— Если она останется, ей вас будет очень не хватать. Так что ей лучше уехать с вами, пока...

— Да-да, понимаю, — перебил сэр Майкл. — Но неужели ей больше ехать некуда, обязательно со мной?

— Куда бы она ни уехала, ей всегда будет вас недоставать.

— Ну что ж, тогда пусть едет со мной, — сказал сэр Майкл, — пусть едет со мной.

Он говорил странным, приглушенным голосом, говорил с явным усилием, словно речь причиняла ему лишние страдания, увеличивая и без того великое бремя, выпавшее на его долю.

— Тогда все улажено, дорогой дядюшка. К девяти часам вечера Алисия будет готова к отъезду.

— Пусть бедная девочка поступает, как знает, — пробормотал сэр Майкл, и в голосе его послышались жалость и раскаяние: он вспомнил, как бывал порою равнодушен к ней, своему единственному ребенку, равнодушен ради той, которую оставил там, внизу, в комнате, освещенной отблесками пылающего камина.

— Перед отъездом мы с вами увидимся еще раз, — сказал Роберт. — А до той поры я вас покидаю.

— погоди! — внезапно воскликнул сэр Майкл. — Ты рассказал Алисии, что тут произошло?

— Нет. Сказал только, что вы покидаете Одли-Корт на некоторое время.

— Правильно поступил, мой мальчик, молодец, — промолвил сэр Майкл надтреснутым голосом и протянул руку.

Молодой человек схватил ее обеими руками и поднес к губам.

— Ах, сэр, простите ли вы меня? Прощу ли я себя сам за горе, что причинил вам?

— Оставь, Роберт, ты поступил правильно, совершенно правильно. Пусть Господь в милосердии своем отнимет у меня мою несчастную жизнь еще до того, как наступит ночь, но тебе не за что упрекнуть себя.

С этими словами сэр Майкл чуть кивнул головой и, повернувшись, скрылся за дверью гардеробной, а молодой адвокат медленно направился в библиотеку, где он оставил Люси, леди Одли, Элен Толбойз, жену своего утраченного друга. Она лежала на полу, на том самом месте, где присела у ног супруга, когда поведала ему свою преступную историю. Была ли она в обмороке, или теперь, когда она призналась во всем, силы оставили ее окончательно — Роберту было совершенно безразлично. Он позвал горничную, и та, зайдя в комнату, испуганно всплеснула руками, увидев, в каком бедственном состоянии пребывает ее госпожа.

— Леди Одли серьезно больна, — сказал молодой адвокат. — Отведите ее в спальню и проследите, чтобы она не покидала ее. Будет лучше, если вы пробудете около нее всю ночь. Не заговаривайте с ней и не позволяйте ей возбуждать себя разговорами.

Миледи была в сознании. Она не отказалась от помощи горничной и, опершись о ее руку, поднялась с пола. Золотые волосы упали вниз бесформенной копной. В глазах миледи вспыхнул странный огонь.

— Уведите меня отсюда, — простонала она. — Уведите и дайте уснуть. Дайте уснуть, потому что мозг мой пожирает пламя!

Покидая комнату, она спросила, обращаясь к Роберту:

— Сэр Майкл уехал?

— Уедет через полчаса.

— Погиб ли кто-нибудь во время пожара на Маунт-Станнинг?

— Нет, никто не погиб.

— Это хорошо.

— Хозяин постоялого двора, Люк Маркс, получил страшные ожоги. Сейчас он лежит в доме своей матери. Состояние его ненадежное, пятьдесят на пятьдесят, но, как знать, быть может, он еще выкарабкается.

— Я рада — рада, что ни одна жизнь не загублена. Спокойной ночи, мистер Одли.

— Завтра я хотел бы встретиться с вами и поговорить. Это займет не более получаса, миледи.

— В любое время, когда вам будет угодно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Миледи и горничная ушли.

Роберт Одли остался один.

Он сел у широкого камина, глядя на огонь отрешенным взглядом,

смертельно усталый и опустошенный, не зная, что предпринять теперь, когда наступил этот внезапный кризис.

К дому подъехала карета. Стук ее колес вывел его из оцепенения.

Часы в прихожей пробили девять.

Роберт распахнул двери библиотеки.

Алисия спускалась по лестнице вниз. Рядом с нею шла горничная, розовощекая деревенская девушка.

— До свиданья, Роберт, — сказала Алисия, протягивая руку молодому человеку. — До свиданья, и да благословит тебя Господь! Не беспокойся: об отце я позабочусь.

— Я уверен, так оно и будет. Благослови тебя Господь, дорогая!

Во второй раз за этот вечер он коснулся губами ее светлого чела, во второй раз он обнял ее, как брат обнимает сестру. Будь на его месте сэр Гарри Тауэре, он прикоснулся бы к ней с восторгом и страстью, но Роберт — это Роберт, а сэр Гарри — это сэр Гарри, и тут уж у каждого из них, как говорится, свои права и свои привилегии.

Сэр Майкл спустился вниз в пять минут десятого. За ним шел его камердинер — такой же суровый и такой же седовласый. Баронет был бледен, но спокоен. Он протянул племяннику руку, и рука его была холодной, как лед.

— Оставляю все на твое усмотрение; поступай, как знаешь, — сказал сэр Майкл, направляясь к выходу. — Но умоляю, не будь жестоким: ведь я любил эту женщину...

Голос его дрогнул, и он умолк, не окончив фразу.

— Помню, все помню, сэр, — заверил его молодой человек. — Помню и постараюсь завершить дело наилучшим образом.

Предательская слеза затуманила его взор.

Через минуту карета тронулась в путь.

Роберт Одли остался один в темной библиотеке. За каминной решеткой среди серого пепла мерцала малиновая искорка. Роберт Одли сидел один, пытаясь еще раз осознать то, что произошло, осмыслить меру своей ответственности за судьбу несчастной женщины.

«Теперь я знаю, — подумал он, — это был Божий суд над моей жизнью, никчемной и бесцельной, которой я жил до седьмого сентября минувшего года.

Я знаю: эта тяжкая ответственность легла на мои плечи, дабы я смирился пред оскорбленным Провидением и признал, что смертный не властен сам, по своей воле, избирать свой земной путь.

Не скажет он: «Безмятежен будь век мой, и да проживу его, сторонясь

порочных, заблудших и одержимых, сторонясь тех, чей удел — суета сует и ловля ветра».

Не скажет он: «Укроюсь я, и отсижусь я в жилище своем, и посмеюсь над глупцами, поверженными в тщетной распре».

Нет, не скажет он так, и не поступит он так, но, преисполненный смирения и страха, он сделает лишь то, что предназначал ему Создатель его.

Уготованный для битвы да посвятит ей себя без остатка, но горе тому, кто притворяется глухим, когда судьба читает имя его, начертанное на скрижалях ее, и горе тому, кто прячется в доме своем, когда набатный колокол призывает его на войну!»

В комнату вошел слуга. Он внес канделябр и зажег свечи. Роберт Одли не пошевелился. Он недвижно сидел в кресле у камина, как привык сидеть на Фигтри-Корт: положив локти на подлокотники кресла и подперев подбородок рукой.

Но когда слуга, закончив работу, направился к выходу, Роберт поднял голову и спросил:

— Можно отсюда телеграфировать в Лондон?

— Отсюда — нет, а из Brentwуда можно, сэр.

Роберт Одли взглянул на часы.

— Если желаете отправить телеграфное послание, сэр, — сказал слуга, — я переговорю с кем-нибудь из наших, и он доберется до Brentwуда верхом.

— Если так, я бы это сделал прямо сейчас. Вы мне устройте это, Ричардс?

— Конечно, сэр.

— Можете подождать, пока я напишу несколько строк?

— Да, сэр.

Слуга принес письменные принадлежности и разложил их перед Робертом.

Роберт окунул перо в чернильницу, задумчиво взглянул на горящие свечи и принялся писать.

«От Роберта Одли, поместье Одли-Корт, графство Эссекс — Френсису Уилмингтону, Пейпер-Билдингс, Темплъ.

Дорогой Уилмингтон, если у вас есть на примете специалист по маниакальным синдромам, который умеет хранить тайны своих клиентов, пожалуйста, телеграфируйте мне его адрес».

Запечатав письмо, Роберт Одли передал слуге конверт и монету в один соверен.

— Пошлите кого-нибудь понадежнее, Ричардс. Да скажите, пусть подождет на станции ответа — он придет часа через полтора.

Ричардс отправился в людскую.

Сидя у камина, слуги терялись в догадках, обсуждая события минувшего дня, о которых знали не более того, что рассказал им камердинер сэра Майкла. Он же поведал им о том, что, когда хозяин вызвал его к себе, он был бледен, как смерть, а когда заговорил, голос у него был странный, не такой, как всегда, и ему, Парсонсу, показалось, что в ту минуту сэр Майкл был так слаб, что его можно сбить с ног голубиным перышком.

Мудрецы из людской сошлись на том, что сэр Майкл получил неожиданные известия от мистера Роберта — у слуг достало смекалки увидеть прямую связь между трагедией и появлением в доме молодого адвоката, — и тут одно из двух: либо это были известия о смерти какого-то близкого и дорогого родственника — старшие слуги отправили на тот свет одного за другим все семейство Одли, пытаясь угадать, кто бы это мог быть, — либо новости о тревожном падении курса ценных бумаг, провале спекулятивной сделки или крахе банка, в который была вложена большая часть всех денежных средств баронета.

Общее мнение склонилось к последней версии, и пересуды о воображаемом крахе доставили слугам мрачное и странное удовольствие, ибо, окажись вымысел явью, это означало бы конец их безбедному житью в богатом поместье снисходительного хозяина.

А Роберт Одли все сидел у печального камина, который казался печальным даже теперь, когда пламя, озарив все его углы, загудело в широком дымоходе. Роберт прислушивался к стенаниям мартовского ветра, что бродил вокруг дома, шевеля заросли плюща, покрывавшего старинные стены. Он устал, он измучился, ему не давало покоя воспоминание о том, как он проснулся в два часа минувшей ночи, разбуженный треском и жаром горящих построек. Если бы не его присутствие духа, не его холодная решимость, Люк Маркс нашел бы в этом пожаре неминуемую гибель. Несчастье оставило следы и на Роберте: он опалил волосы на голове, а левая рука покраснела и ныла от ожога, который он получил, когда тащил из огня мертвецки пьяного Люка.

Пережитое совершенно вымотало его, он забылся, наконец, тяжелым сном и проснулся лишь тогда, когда Ричардс, войдя в библиотеку, подал ему ответную телеграмму.

Ответ был коротким:

«Дорогой Одли, всегда рад услужить. Элвин Мосгрейв, доктор медицины, 12, Сэвилл-Роу. Ему вполне можно довериться».

— Завтра утром нужно будет доставить в Brentwood еще одну телеграмму, Ричардс, — сказал Роберт. — Хорошо, если кто-нибудь из ваших людей сделает это до завтрака. Я дам ему полсоверена за труды.

Ричардс поклонился.

— Спасибо, сэр; денег не нужно, сэр. В котором часу послать слугу?

— Чем раньше, тем лучше, — ответил Роберт, и, подумав, добавил: — Лучше всего в шесть.

— Будет сделано, сэр.

— Комната для меня приготовлена, Ричардс?

— Да, сэр; мы приготовили ту самую, в которой вы обычно останавливаетесь.

— Ну и отлично. Спать пойду сейчас же. Принесите мне стакан разбавленного бренди, да потеплее, и подождите, пока я напишу второе послание.

Во втором послании к доктору Мосгрейву содержалась настоятельная просьба немедленно приехать в поместье Одли-Корт по весьма серьезному делу.

Написав телеграмму, Роберт с чистой совестью признался самому себе, что на этот день и час он сделал все от него зависевшее.

Он взял в руку стакан с бренди. Сейчас ему, в самом деле, нужно было выпить: он почувствовал, что продрог до костей. Роберт медленно потягивал золотистый напиток и думал о Кларе Толбойз, думал о строгой, серьезной девушке, за брата которой он сегодня отомстил.

Знала бы она, какой страшный пожар случился в здешних местах!

Знала бы она, какой опасности подвергался он, Роберт, и как отличился, вытаскивая из огня мертвецки пьяного хозяина постоянного двора!

Такие мысли бродили сейчас в голове Роберта Одли, но внезапно на него накатила теплая волна, и он ослаб — ослаб настолько, что уже не в силах был даже мысленно перенестись туда, где под холодным февральским небом шумят суровые ели и где он впервые увидел эти чудесные карие глаза, так похожие на глаза его пропавшего друга...

СОВЕТ ДОКТОРА МОСГРЕЙВА

Миледи спала. Она крепко спала в эту долгую ночь. Так зачастую спят преступники, проводя последнюю ночь на этой земле, и когда серым пасмурным утром в темницу приходит тюремщик, он с удивлением обнаруживает их, обреченных, в объятиях безмятежного сна.

Игра была сыграна и проиграна. Почему? Может быть, миледи обронила важную карту? Может, не сумела в нужный момент подстроить фокус, на какие была великой мастерицей? Нет, все гораздо проще: противник оказался сильнее ее и потому победил.

Сейчас она спала спокойнее, чем когда-либо с того самого дня, когда, вскоре после своего второго замужества, узнала о том, что Джордж Толбойз возвращается домой с австралийских золотых приисков. Теперь она могла спать, не тревожась ни о чем: то худшее, что было связано с ней, перестало быть тайной, а новых разоблачений не предвиделось. Она сбросила с плеч невыносимую ношу, и ее чуткая, себялюбивая природа подвела, наконец, итоговую черту. Миледи спала в пуховой постели, спала под мягким шелковым покрывалом, и зеленые бархатные шторы, отбрасывая глубокую тень, охраняли ее сон, словно строгие неподкупные стражники. Она приказала горничной лечь на ночь в той же комнате, устроившись на низкой кушетке; она велела также, чтобы настольная лампа горела в спальне всю ночь.

Не думаю, чтобы она испытывала страх перед мрачными кошмарами, которые могли посетить ее в эту ночь. Ее, эгоистку до мозга костей, менее всего заботило то, что не сулило ей прямой угрозы, а о том, что призраки и привидения могут принести действительный вред, ей слышать не доводилось. Роберт Одли? Когда-то она его боялась, но теперь он был ей не страшен. Худшее он уже сделал, а совершив нечто более жестокое, он навсегда опозорит имя того, за кого мстил.

«Видимо, меня куда-нибудь упрячут, — подумала миледи. — Ничего, страшнее этого со мной ничего не произойдет».

Она уже видела себя в роли государственной преступницы, имеющей определенный статус и право на заботу о собственной персоне, в роли второй Железной маски, которую нельзя заключить в темницу, не предоставив соответствующих удобств. Впрочем, по большому счету это ей

было безразлично. За последние несколько дней она прожила сто жизней, и в ней иссякла способность страдать — по крайней мере, на время.

На следующее утро она выпила чашку крепкого зеленого чая и съела кусочек пирога с таким видом, с каким осужденные совершают свою последнюю трапезу, меж тем как тюремщики, присутствуя тут же, зорко следят затем, чтобы приговоренный не проглотил осколок фаянсовой посуды, или чайную ложку, или не выкинул какую-нибудь другую отчаянную штуку.

Миледи позавтракала, приняла ванну и, надушив волосы, появилась в легкомысленном утреннем туалете — самом легкомысленном из всех, какие нашлись в ее роскошной гардеробной. Прежде чем выйти из комнаты, она обвела ее медленным тоскливым взглядом, но в сознании ее не промелькнуло и тени благодарных воспоминаний о том, кто подарил ей все то, что безмолвно свидетельствовало о его любви. Миледи думала лишь о том, как дорого все это стоило, и о том, что владеть этими вещами ей осталось совсем недолго.

Она взглянула на себя в большое зеркало на подвижной раме. Отдых вернул ей нежно-розовый цвет лица, и в ее больших голубых глазах засиял прежний нежный блеск, а не тот, что горел в них накануне — пугающий, злой, лихорадочный.

Миледи торжествующе усмехнулась: что бы ни сделали с ней ее враги, красоты им у нее не отнять.

Мартовский день был ярким и солнечным, на небе — ни облачка. И все же миледи вышла, закутавшись в индийскую шаль, за которую сэръ Майкл заплатил в свое время целых сто гиней: возможно, не исключая того, что ее могут увезти из Одли-Корт, не дав времени на долгие сборы, она решила, что при этом хоть какие-то из дорогих вещей, да останутся при ней. Будь она Иудой, она сжимала бы в руке тридцать сребреников до последней минуты своей постыдной жизни.

Роберт Одли завтракал в библиотеке. Все утро он просидел над единственной чашкой чая, куря трубку и мрачно размышляя над вставшей перед ним задачей.

«Обращусь к опыту доктора Мосгрейва, — подумал он. — Доктора и адвокаты — исповедники нашего прозаического девятнадцатого столетия».

Первый скорый поезд из Лондона прибыл в Одли в половине одиннадцатого, а без пяти одиннадцать Ричардс, слуга, торжественно объявил о приезде доктора Элвина Мосгрейва.

Доктору с Сэвилл-Роу было лет пятьдесят. Высокий, худой, желтоватое лицо, впалые щеки, близорукие глаза столь неопределенного серого цвета,

что кажется, что когда-то они были голубыми, но со временем выцвели и приобрели нынешний нейтральный оттенок. Сколь ни обширны были познания Элвина Мосгрейва в медицине, наука сия была не в состоянии одеть его кости лишней плотью, а самому ему придать хоть немного живости.

Лицо его выражало удивительную бесстрастность и удивительную сосредоточенность. Это было лицо человека, который большую часть своей жизни выслушивал других людей, отдавая им всего себя, пока, наконец, не расстался с собственной индивидуальностью и собственными страстями.

Он поклонился Роберту Одли, сел в кресло напротив и вперил внимательный взор в молодого адвоката.

Роберт истолковал внимание доктора по-своему.

«Должно быть, он думает, что я и есть его пациент, и пытается определить вид моего умопомешательства».

Доктор, словно угадав, о чем думает Роберт, спросил:

— Надеюсь, речь идет... не о вашем здоровье, сэр?

— Ах, нет, что вы!

Доктор Мосгрейв взглянул на часы — хронометр Бенсона стоимостью пятьдесят гиней, который носил в кармане жилетки с такой беззаботностью, словно это была обыкновенная картофелина, и сказал:

— Мне нет нужды напоминать вам о том, что мое время дорого; но в телеграмме вы указали, что случай ваш чрезвычайно... э-э... серьезен... и, если бы не это, я бы не отправился в дорогу в столь ранний час.

Роберт Одли сидел у камина, угрюмо разглядывая язычки пламени и ломая голову над тем, с чего начать разговор. Томительные минуты следовали одна за другой, и предупреждение доктора оказалось нелишним.

— Вы очень любезны, доктор Мосгрейв, — сделав над собой усилие, промолвил молодой человек, — я весьма признателен вам за то, что вы не оставили мою просьбу без ответа. То, ради чего я вызвал вас, доставляет мне неопишную боль, и, обращаясь к вашему опыту, я почти готов слепо довериться вам, чтобы помочь себе и тем, кто мне весьма дорог, выйти из чрезвычайно затруднительного положения.

Доктор Мосгрейв, дотоле взиравший на Роберта с деловым безразличием, впервые взглянул на него с неподдельным интересом.

— Признание пациента доктору столь же священно, сколь священна исповедь грешника духовному пастырю, не так ли? — спросил Роберт Одли.

— Именно так, сэр.

— Вы гарантируете, что дело, ради которого я побеспокоил вас, не

будет предано огласке ни при каких обстоятельствах?

— Разумеется, сэр.

— Мне известно, что вы специализируетесь в области психических заболеваний.

— Совершенно верно, сэр.

— По-видимому, вам не однажды приходилось выслушивать странные, а порою ужасные признания?

Доктор Мосгрейв утвердительно кивнул головой.

В эту минуту он казался человеком, который может надежно запереть в своей бесстрастной груди тайну целого государства, не почувствовав при этом никаких неудобств, налагаемых подобным бременем.

— То, о чем я хочу вам рассказать, — промолвил Роберт Одли, — касается не меня, и, надеюсь, вы простите, если я еще раз подчеркну, что конфиденциальность должна быть соблюдена неукоснительно.

Доктор Мосгрейв снова кивнул — на этот раз чуть строже.

— Я весь внимание, мистер Одли, — холодно сказал он.

Роберт Одли придвинул кресло поближе к доктору и тихим голосом начал рассказывать все то, о чем миледи поведала прошлым вечером.

Доктор Мосгрейв слушал его, не выражая ни малейшего удивления. Лишь раз он позволил себе улыбнуться — то была едва заметная, горькая усмешка, — когда Роберт поведал ему о мнимых похоронах в Вентноре, но и на этот раз он не выказал заметного удивления.

Роберт закончил свой рассказ на том месте, где сэр Майкл Одли прервал монолог миледи. Он не упомянул ни об исчезновении Джорджа Толбойза, ни о своих мрачных подозрениях на этот счет. Ничего не рассказал он и о пожаре на постоялом дворе.

— Это все? — сурово покачав головой, спросил доктор Мосгрейв. — Более вы ничего не хотите добавить?

— Более ничего. По-моему, то, что я рассказал, не нуждается в дополнениях.

— Итак, вы хотите убедиться, что эта леди — душевнобольная и потому не несет ответственности за свои действия?

Роберт Одли вздрогнул: он не ожидал, что доктор так быстро угадает его желание.

— Да, мне бы хотелось, чтобы леди на поверку оказалась умалишенной: это разом оправдает все, что она совершила.

— И избавит ее от суда, не так ли, мистер Одли?

Роберт нервно повел плечами: он опасался не суда, а кое-чего похуже.

— Боюсь, мой визит не принесет вам никакой пользы, — тихо

промолвил доктор. — Я, конечно, осмотрю леди, но, должен предупредить, в ее болезнь я не верю.

— Почему?

— Потому что в ее действиях нет ничего, что свидетельствовало бы о ее ненормальности. Она убежала из дома, но убежала в поисках лучшей доли. Что в этом необычного? Второй брак посулил ей богатство и титул, и ради этого она совершила преступление, имя которому — двоемужие. Что в этом необычного? Когда она оказалась в безумно трудном положении, она не впала в безумие, но, проявив завидную изобретательность и хладнокровие, сделала все, чтобы выпутаться из беды.

— Однако наследственное умопомешательство...

— Может проявиться в третьем поколении и отразиться на детях леди, если они у нее будут. Душевная болезнь не обязательно передается от матери дочери. Был бы рад помочь вам, мистер Одли, если бы мог, но в том, что я услышал от вас, признаков ненормальности я не усматриваю. Поверьте, в Англии ни один суд присяжных не примет всерьез вашу версию об умственной ущербности этой женщины. Лучшее, что вы можете для нее сделать, — это отослать ее назад, к первому мужу, если он согласится ее принять.

Роберт Одли вздрогнул, услышав упоминание о друге.

— Ее первого мужа нет в живых, — сказал он. — Точнее говоря, он исчез, пропал, но... У меня есть основания предполагать, что его нет в живых.

Роберт говорил с заметным волнением, и это, разумеется, не укрылось от внимания доктора.

— Первый муж леди исчез, — сказал он, делая ударение на каждом слове, — но вы считаете, что его нет в живых.

Несколько минут он молчал, глядя на огонь тем же угрюмым взором, каким прежде глядел на него Роберт, а затем сказал:

— Мистер Одли, между нами не может быть недомолвок. Вы мне рассказали не все.

Роберт взглянул на доктора с нескрываемым изумлением.

— Вряд ли я смогу помочь вам, — продолжил Элвин Мосгрейв, — пока буду гадать, где кончается ваша откровенность и где начинается ваше недоверие. Вы рассказали мне только половину истории, связанную с этой леди. Итак, что стало с ее первым мужем?

Мистер Мосгрейв задал свой вопрос столь решительным тоном, словно был уверен наперед, что здесь разгадка всех тайн.

— Я уже сказал вам, доктор Мосгрейв: не знаю.

— Однако ваше лицо поведало мне о том, что вы что-то скрыли от меня, и оно же поведало о том, что вы кого-то подозреваете!

Роберт Одли сидел безгласный, как камень.

— Если желаете извлечь пользу из моего визита, мистер Одли, — промолвил доктор, стараясь говорить как можно убедительнее, — вы должны доверять мне. Итак, первый муж леди исчез. Когда и как?

Роберт с трудом поднял голову.

— Что ж, я доверюсь вам, доктор Мосгрейв. Расскажу на этот раз все, без утайки. Я не прошу вас ни о чем, что могло бы нанести вред обществу, в котором мы живем, но я прошу вас, если можете, спасите имя нашего рода от бесчестья и позора!

Он рассказал, как исчез Джордж Толбойз, рассказал о собственных волнениях и страхах, и лишь богу известно, с какой неохотой решился он на полное, исчерпывающее признание.

Доктор Мосгрейв внимательно слушал Роберта Одли, и по его лицу невозможно было угадать, к какому решению он придет. Когда Роберт закончил, доктор встал и снова взглянул на часы.

— Я могу уделить вам еще двадцать минут, не более. Мне бы хотелось осмотреть леди. Итак, вы говорите, ее мать скончалась в доме для душевнобольных?

— Да, именно там. Вы хотите осмотреть леди Одли один на один, без свидетелей?

— Да, один на один, если не возражаете.

Роберт вызвал звонком горничную миледи, и она проводила, доктора в будуар леди Одли.

Элвин Мосгрейв вернулся в библиотеку через десять минут.

— Я поговорил с леди, — сказал он, — и мы прекрасно поняли друг друга. У нее душевная болезнь в скрытой форме. Болезнь эта может не проявиться никогда, а может обнаружить себя один-два раза в жизни в виде приобретенного слабоумия, причем в наиболее острой форме. Приступ длится весьма непродолжительное время и возникает только при условии экстремального психического воздействия. Леди — отнюдь не душевнобольная, но в крови ее содержится наследственная порча. Вот почему в этой женщине причудливо совмещается коварство безумца с расчетливостью нормального человека. Вы спросите, что все это значит? Мистер Одли, — эта женщина опасна!

Доктор Мосгрейв несколько раз прошелся взад-вперед по комнате, а потом снова заговорил:

— Я не стану укреплять вас в ваших подозрениях, и опровергать их я

тоже не стану. Но вот что я вам скажу: мистер Джордж Толбойз исчез, но бесспорных доказательств его смерти у вас нет. Если же они у вас будут, вы все равно ничего не сможете предпринять против этой женщины: ссылки на то, что у нее была веская причина избавиться от своего первого мужа, вам ничего не дадут. Поверьте, ни один суд присяжных не вынесет ей на этом основании обвинительного вердикта.

— Больше всего, сэр, — торопливо перебил доктора Роберт Одли, — я боюсь огласки этого дела и связанного с ним бесчестья для всей нашей фамилии.

— Прекрасно понимаю ваше состояние, мистер Одли, — холодно заметил доктор, — но вы не вправе ожидать, что я помогу вам скрыть наихудшее из преступлений, совершаемых против общества. Если бы я был убежден, что убийство совершила именно эта женщина, я не стал бы укрывать ее от правосудия, будь при этом поставлена на карту честь даже ста наиболее благороднейших фамилий! Но я в этом не убежден, и потому сделаю все возможное, чтобы помочь вам.

Роберт Одли порывисто схватил доктора за руку.

— Когда дела мои пойдут в гору, я отблагодарю вас по достоинству, — с чувством сказал он. — Я отблагодарю вас и за дядюшку, и за самого себя!

— У меня осталось только пять минут, а мне еще нужно написать письмо, — сказал доктор Мосгрейв с доброй усмешкой, растроганный горячностью молодого человека.

Он сел за стол, обмакнул перо в чернила и принялся быстро писать.

Прошло минут семь. За это время он заполнил три страницы, затем, отложив перо, сложил письмо и, вложив его в конверт, незапечатанным протянул Роберту.

Адрес на конверте был следующий:

«Месье Валь, Вильбрюмез, Бельгия».

Роберт Одли с сомнением взглянул на адрес, потом на доктора, который в эту минуту надевал перчатки с такой серьезностью, словно в его жизни не было более благородной цели, нежели натянуть их так, чтобы они не оскорбили мир ни единой лишней морщинкой.

— Это письмо, — произнес Мосгрейв, отвечая на безмолвный вопрос молодого человека, — написано моему другу месье Валью, владельцу и главному врачу прекрасной лечебницы для душевнобольных в Вильбрюмезе. Мы знаем друг друга много лет, и я не сомневаюсь, что он с удовольствием примет леди Одли на свое попечение и до конца ее дней будет заботиться о ней со всей ответственностью.

Роберт Одли хотел было вновь выразить доктору свою благодарность,

но Элвин Мосгрейв не дал ему сказать ни слова.

— С той минуты, как леди Одли переступит порог этого заведения, — продолжал он, — с прежней ее жизнью будет покончено навсегда. Сколько бы тайн у нее ни было, они все останутся при ней. Сколько бы преступлений она ни совершила, она не совершит более ни одного. Выройте могилу на ближайшем кладбище и похороните ее заживо — вы и тогда не укроете ее от мира надежней, чем лечебница моего друга. Как физиолог и как честный человек, я утверждаю: удалив от мира и людей такую женщину, вы окажете обществу самую большую услугу, ибо если женщину, которую я осмотрел десять минут назад, можно отпустить на свободу, то вся моя физиология не стоит и ломаного гроша. Если бы эта женщина была способна вцепиться мне в горло и задушить своими маленькими ручками, когда я беседовал с ней, будьте уверены, она бы сделала это, не моргнув глазом!

— Она поняла, кто вы и зачем пришли?

— Да, конечно. Она сказала: «Вы полагаете, я безумна, как и моя матушка, и пришли осмотреть меня. Ну что ж, вот она я, вся перед вами: попробуйте обнаружить порчу в моей крови!» До свиданья, мистер Одли, — торопливо прибавил доктор. — Мое время истекло десять минут назад, а мне еще нужно успеть на ближайший поезд!

ПОХОРОНЕННАЯ ЗАЖИВО

Роберт Одли сидел в библиотеке, смотрел на письмо доктора Мосгрейва и обдумывал, что ему предпринять дальше.

Когда-то молодой адвокат взял на себя роль разоблачителя порочной женщины.

Потом он стал ее судьей.

Теперь — тюремщиком.

И пока он не доставит письмо по назначению, пока лично не договорится обо всем с бельгийским доктором, до той поры он не снимет с себя тяжкое бремя и не выполнит возложенный на себя долг.

Он написал несколько строк миледи, сообщив ей, что собирается увезти ее из Одли-Корт в такое место, откуда она вряд ли сможет вернуться, и предложил ей, не теряя времени, готовиться к отъезду. Он сообщил ей, что в дорогу они отправятся нынче же вечером.

Мисс Сьюзен Мартин, горничная миледи, сочла невозможным упаковать чемоданы в такой спешке, и миледи решила помочь ей в этом.

Складывая и раскладывая шелковые и бархатные платья, собирая драгоценности и безделушки, она пришла в радостное возбуждение. У нее не отнимут ее сокровища — это главное. Ее собираются отправить в изгнание? Не беда: где бы она ни очутилась, она — при ее-то красоте! — везде будет хоть маленькой, но королевой, везде соберет толпу вассалов и верных рыцарей.

Горничная, медлительная и томная особа, махнула на все рукой, но миледи действовала решительно и неумолимо, и в шесть часов вечера отослала горничную к Роберту Одли, велев передать ему, что она готова тронуться в путь в любую минуту.

Роберт, заглянув в справочник Брэдшоу, выяснил, что Вильбрюмез находится вдали от железнодорожных путей и доехать до него можно только на брюссельском дилижансе. Почтовый поезд до Дувра отходит от вокзала Лондон-Бридж в девять утра; на него нетрудно успеть, потому что проходящий поезд, покидающий Одли в семь вечера, прибывает в Шордитч в четверть девятого. Перебравшись из Дувра в Кале, Роберт и его подопечная придут в Вильбрюмез на следующий день после полудня или ближе к вечеру.

Стоит ли во всех подробностях описывать их унылое ночное путешествие? Они ехали в отдельном купе, и миледи, возлежа на маленькой подушечке, с удовольствием куталась в свои меха: даже в этот последний час, час ее беды и позора, она не забыла прихватить знаменитые русские соболя.

Ее продажная душа не могла жить без дорогих и прекрасных вещей, которым так недавно она была полной хозяйкой. Она спрятала хрупкие чайные чашечки, севрские и дрезденские вазы в складках своих шелковых обеденных платьев. Она, будь это в ее силах, сняла бы картины со стен и сорвала гобелены с кресел. Она забрала с собой все, что смогла, и, смирившись с неизбежным, покорно отправилась в путь с Робертом Одли.

В тот момент, когда часы Дувра пробили полночь, Роберт Одли стоял на палубе парохода, а город, все дальше и дальше уходя за ночной горизонт, светился мерцающим полукругом. Корабль, бороздя серые беспокойные воды, быстро приближался к галльскому берегу. Через сутки или менее того дело будет сделано.

Подумав об этом, Роберт с облегчением вздохнул, и ему вдруг стало жаль ту, что осталась внизу, в каюте — одинокая, покинутая всеми, не нужная никому. Да, он сочувствовал ей, и при мысли о ее женственности и беспомощности невольно затеял спор с собственным разумом, но в ту минуту, когда ему вдруг показалось, что разум должен уступить, лицо друга — светлое, преисполненное надежды, как в тот первый день, когда он вернулся из Австралии, — предстало перед его внутренним взором; Роберт Одли вспомнил, какая чудовищная ложь разбила когда-то сердце молодого супруга, и разум его, холодный и неумолимый, вновь вступил в свои права.

Во второй половине следующего дня по неровной мостовой главной улицы Вильбрюмьеца прогрохотал дилижанс. Вечер только что задернул свой серый полог, и старинный богомольный городок, скучный и мрачный, стал еще мрачнее.

Фонари здесь зажигали рано, но они, слабо мерцая вдали, не столько освещали окрестности, сколько подчеркивали глубину наступающей тьмы.

Узкие улочки, облезлые фасады домов, полуразрушенная черепица и хилые трубы на крышах — все в этом глухом бельгийском городке свидетельствовало об упадке и разорении. Трудно было понять, почему дома здесь ставили так тесно, что дилижанс не мог проехать между ними, не вытеснив прохожих с разбитых тротуаров и вынудив их пробираться по улицам, обметая лапами своей одежды окна первых этажей. Это трудно

было понять, тем более что на равнине за городской чертой было достаточно места для новых застроек. Особо привередливые путешественники могли бы высказать удивление по поводу того, что самые узкие и неудобные улицы здесь казались наиболее оживленными и процветающими, меж тем как широкие проезды, облагороженные красивыми зданиями, были настолько немногочисленны, что казались заброшенными.

Впрочем, Роберт Одли, занятый своими мыслями, не думал об этом. Весь путь от Брюсселя до Вильбрюмье он и миледи ехали одни. За это время миледи не промолвила ни слова, за исключением единственного раза, когда дилижанс сделал короткую остановку и Роберт предложил миледи поесть. Сердце ее упало, когда Брюссель остался позади, потому что она рассчитывала, что ее вынужденное путешествие окончится здесь, а когда за окном потянулись унылые бельгийские равнины, она и вовсе впала в отчаяние.

Наконец дилижанс въехал во внутренний двор бывшего монастыря. Сейчас здесь располагалась мрачная гостиница. Леди Одли, с отвращением передернув плечами, сошла вниз.

Оставив миледи в кофейной комнате, Роберт, наняв экипаж, отправился в дальний конец тихого городка. Разыскав лечебницу, он предъявил там письмо доктора Мосгрейва, после чего началась утомительная процедура оформления, во время которой он обговорил множество условий и подписал множество документов.

В гостиницу он вернулся спустя два часа. Миледи сидела за столом, отрешенно глядя на тающие свечи. Рядом стояла нетронутая чашка кофе.

Роберт посадил женщину в экипаж и вновь занял место напротив.

— Можете вы сказать, наконец, куда вы меня везете? — с раздражением спросила миледи. — Мне надоело чувствовать себе ребенком, которого ставят в угол за плохое поведение! Куда вы меня везете?

— Туда, где у вас будет достаточно времени, чтобы раскаяться в своем прошлом, миссис Толбойз, — сурово ответил Роберт Одли.

Экипаж проехал три четверти мили и остановился у старинных ворот.

Кучер ударил в колокол, отворилась калитка, и на пороге появился пожилой сторож. Он молча взглянул на экипаж и тут же скрылся. Через три минуты он появился снова, отомкнул замок и, широко распахнув створки ворот, впустил экипаж на внутренний двор, вымощенный брусчаткой. Повозка, отчаянно тарахтя колесами, остановилась у парадных дверей серого каменного особняка. По сторонам его тянулись длинные ряды

бесчисленных окон, многие из которых были тускло освещены и напоминали бледные глаза усталых часовых.

Миледи, притихшая и настороженная, вышла из экипажа. Она заметила, что одно из окон занавешено выцветшей красной тканью. Там, за занавесью, мелькала чья-то тень, и было видно, что человек все кружит и кружит по комнате, не находя себе места. Это была женщина в невообразимом головном уборе.

Внезапно миледи схватила Роберта за руку и указала на окно.

— Теперь я знаю, куда вы привезли меня, — сказала она. — Это СУМАСШЕДШИЙ ДОМ!

Роберт не стал ей отвечать. Поддерживая за локоть, он ввел ее в вестибюль особняка, а затем вручил письмо доктора Мосгрейва женщине средних лет, улыбчивой и опрятно одетой. Та, передав письмо слуге, пригласила Роберта и миледи в небольшую комнату, украшенную яркими занавесками янтарного цвета. Комнату согревал небольшой камин.

— Мадам, по-видимому, очень устала, — ласково промолвила женщина и указала миледи на кресло.

Миледи устало повела плечами и осмотрелась.

— Что это за место, Роберт Одли? — воскликнула она. — Долго вы еще будете обманывать меня? Это то, о чем я только что сказала?

— Это лечебница для душевнобольных, миледи, — ответил молодой человек. — Как видите, я не собираюсь вас обманывать.

— Лечебница для душевнобольных? — повторила миледи и нервно рассмеялась. — Красивое выражение! Но ведь это и есть сумасшедший дом! Ведь это дом для сумасшедших, не так ли, мадам? — спросила миледи, обращаясь к женщине.

— Ах, нет, зачем вы так? Здесь вам будет хорошо... — запротестовала было женщина, но в эту минуту, источая сладчайшую из улыбок, в комнату вошел главный врач. В руках у него было письмо доктора Мосгрейва.

— Очень, очень рад познакомиться! Сделаю все, что в моих силах. Конечно же, с удовольствием позаботимся о мадам... мадам...

Он выжидательно посмотрел на Роберта Одли, и тот впервые за все время подумал: лучше, если миледи будет находиться здесь под вымышленной фамилией.

Не так уж трудно было из великого множества фамилий назвать первую попавшуюся, но внезапно с Робертом Одли случилось нечто необъяснимое: в эту минуту память подсказала ему только две фамилии — друга и его собственную.

Доктор, по-видимому, понял, что молодой человек в затруднении и, не

ожидая от него ответа, обратился к женщине, пробормотав ей что-то насчет № 14, бис. Женщина подошла к длинному ряду ключей, висевших над каминной доской, взяла нужные, затем вынула свечу из бра, висевшего в углу, зажгла ее и, пройдя с миледи и Робертом через зал, вымощенный каменными плитами, повела их по широкой деревянной лестнице.

Английский доктор написал своему бельгийскому коллеге, чтобы тот, принимая на свое попечение английскую леди, не стеснялся в расходах, и, когда доктор, последовавший за Робертом и миледи, открыл дверь, их взорам предстали величественные апартаменты: прихожая, вымощенная ромбами черного и белого мрамора, темная, как погреб; зал, украшенный унылыми бархатными драпировками — от них веяло тем похоронным великолепием, от которого вряд ли можно было воспрянуть духом; наконец, спальня, где стояла кровать, застеленная с такой тщательностью — нигде ни морщинки, ни щелочки, — что, казалось, покрывало невозможно откинуть, не вставив между ним и простыней перочинный нож.

Миледи угрюмо осмотрела комнаты, где ей предстояло жить; в тусклом свете свечи они выглядели особенно мрачно. Одинокий язычок пламени, бледный и прозрачный, замелькал разом во всех комнатах, отраженный всем, что сверкало и блестело: полированными полами и панелями, оконными стеклами и зеркалами.

Окруженная выцветшим бархатом и тусклой позолотой, женщина упала в кресло и закрыла лицо руками. Она замерла в безмолвном отчаянии, а Роберт и доктор, перейдя в другую комнату, продолжали разговор.

Доктор Мосгрейв столь изящно составил письмо, что Роберту осталось лишь повторить его содержание, опустив стилистические красоты. Затем он сказал:

— Мою подопечную зовут миссис Тейлор. Она моя дальняя родственница. Прошу обходиться с ней как можно мягче и предупредительней, но ни при каких обстоятельствах не отпускать ее из дому и тем более за территорию лечебницы, не дав в провозатые какого-нибудь надежного человека. Если ей понадобится протестантский священник, пригласите: ей есть в чем покаяться на исповеди.

Беседовали они не более четверти часа, затем молодой человек вернулся к миледи и шепнул ей на ухо:

— Запомните: вас зовут мадам Тейлор. Вряд ли вам хочется, чтобы здесь знали ваше настоящее имя.

Миледи покачала головой, но не отняла руки от лица.

— К мадам будет приставлен человек, обязанный выполнять любое ее

желание, — сказал доктор и добавил: — Разумное желание, разумеется.

Он снова одарил Роберта и миледи сладчайшей из улыбок и хотел сказать еще что-то, но женщина, внезапно вскочив с места, воскликнула:

— Замолчите! Оставьте меня наедине с тем, кто привез меня сюда. Вон!

И властным жестом указала на дверь.

Доктор пожал плечами и вышел, пробормотав что-то насчет «прекрасной дьяволицы».

— Вы привезли меня не в лечебницу, а в могилу, — сказала миледи, обращаясь к молодому адвокату.

— После всего, что вы натворили, я не мог поступить иначе. А здесь вам будет хорошо. Здесь никто не знает ни вас, ни вашей истории.

— Нет! Нет! К чему мне тогда моя красота? Какой здесь от нее прок? Столько расчетов и планов, столько страхов и бессонных ночей! И ради чего? Ради того, чтобы очутиться здесь! Знай я, чем все кончится, я бы давно покончила с собой!

И она с такой яростью запустила руки в копну золотых волос, словно решила сорвать ее с головы. В эту минуту она смертельно ненавидела и себя, и свою красоту.

— Я бы посмеялась над вами и бросила вам вызов, если бы посмела. Я бы убила себя, и этим тоже бросила вызов — если бы посмела. Но я всего лишь трусливая женщина, и такой я была с самого начала. Я боялась ужасного наследства, полученного от матери, я боялась бедности, боялась Джорджа Толбойза, боялась вас...

С минуту она молчала; затем, окинув глазами комнату, сказала:

— Знаете, о чем я сейчас думаю? Знаете, о чем я думаю сейчас, глядя на вас? Я думаю о том дне, когда исчез Джордж Толбойз.

Роберт вздрогнул и побледнел. Сердце его бешено заколотилось.

— Он стоял тогда напротив меня так, как сейчас стоите вы. Помнится, вы сказали, что ради него готовы сровнять с землей старый дом и с корнем вырвать каждое дерево в саду. Вам не придется брать на себя столь непосильный труд. Тело Джорджа Толбойза лежит на дне заброшенного колодца, того самого, что чуть в стороне от липовой аллеи, заросшего со всех сторон кустарником.

Роберт Одли всплеснул руками и вскрикнул от ужаса.

— Он пришел ко мне, — уверенно и твердо продолжила миледи, — я знала, он наверняка придет, и, насколько это было в моих силах, приготовилась к встрече. Я была готова подкупить его, улестить, дать ему отпор, — готова на все, только бы не лишиться своего богатства и

положения, не вернуться к своей прежней жизни. И вот он пришел и стал упрекать меня за то, что я подстроила в Вентноре, сказал, что своею ложью я разбила ему сердце, и теперь у него не осталось и капли жалости. Много горьких слов сказал он мне в тот день, и под конец заявил, что теперь никакая сила не отвратит его от того, чтобы привести меня к сэру Майклу и заставить признаться ему во всем. Увы, он не знал о тайном яде, который я впитала с молоком матери, не знал, что его жестокость лишь высвобождает зло, заключенное во мне, и что имя этому злу — безумие. Мы беседовали в зарослях кустарника в конце липовой аллеи. Я сидела на разрушенной каменной кладке рядом с колодцем. Джордж Толбойз стоял, прислонившись к лебедке, и на всякое его движение ржавая железная ось отзывалась громким протяжным скрежетом. Наконец, когда мне надоело выслушивать обвинения во всех смертных грехах, я встала и сказала, что, если он изобличит меня перед сэром Майклом, я сама укажу на него как на безумца и лжеца и сумею убедить супруга, который слепо любит меня, встать на мою защиту. Бросив ему в лицо эти слова, я собралась уходить, но он схватил меня за руку и попытался удержать силой. Помните синяки на моем запястье? Это их вы тогда заметили, и я поняла, что вы — тот человек, которого мне более всего следует опасаться.

Она умолкла, ожидая, что скажет на это Роберт, но тот стоял, застыв на месте и не проронив ни слова, и она продолжала:

— Вы друг друга стоите — Джордж и вы. Тщетно было бы ждать милосердия от любого из вас. Джордж поклялся, что, если бы на всей земле жил только один человек, способный вывести меня на чистую воду, он, Джордж, отправился бы за ним хоть на край света, лишь бы с позором изгнать меня из Одли-Корт. И вот тут я обезумела. Я вырвала ржавую ось из полусгнивших стоек, и мой первый муж, дико закричав, полетел в колодец. Говорят, там очень глубоко, но так ли это, я не знаю. Думаю, однако, что колодец давно высох, потому что всплеска я не услышала — только глухой стук. Я заглянула в колодец, но не увидела ничего, кроме черной бездны. Я опустилась на колени и прислушалась, не донесется ли снизу человеческий крик или хотя бы вздох... Я прождала четверть часа... Господь свидетель, мне показалось, что за это время прошла целая жизнь — но, увы, все было тихо...

Миледи снова умолкла. Она долго молчала, затем встала и подошла к двери, давая понять, что больше ей рассказать нечего.

Роберт тоже встал. Будь здесь еще один выход, он с готовностью воспользовался бы им: миледи замерла на пороге комнаты, и он не мог выйти, не задев ее, но после всего, что он услышал, даже простое

прикосновение к этой женщине было для него отвратительно.

— Посторонитесь. Дайте пройти, — сказал он ледяным голосом.

— Я без страха призналась вам во всем, — сказала Элен Толбойз. — Почему без страха? По двум причинам. Во-первых, вы вряд ли используете мое признание против меня: посадив меня на скамью подсудимых, вы убьете своего обожаемого дядюшку. Во-вторых, нет таких законов, которые покарали бы меня страшнее, чем вы, устроив мне пожизненное заключение в сумасшедшем доме. Я не благодарю вас за ваше милосердие, мистер Роберт Одли, потому что знаю ему истинную цену.

Она отошла от дверей, и Роберт, не глядя на нее, молча вышел из комнаты.

Полчаса спустя он сидел в гостинице за обеденным столом, не в силах ни есть, ни пить и не в силах хотя бы на минуту забыть о том, что только что услышал.

Перед его глазами неугасимым светом сиял образ друга, предательски убитого в поместье Одли-Корт.

БЛАГОДАРНОСТЬ ЛЮКА

Даже больной не грезит столь странными фантазмагориями, какие приходили на ум Роберту Одли, когда, возвращаясь из Вильбрюмьеза в Брюссель, он невидящим взором глядел в окно дилижанса, за которым простиралась болотистая равнина.

Скверно было у него на душе, так скверно, словно не миледи была виновата в том, что случилось, а это он, Роберт, увез соблазненную им женщину и теперь должен рассказать сэру Майклу, какую подлость совершил по отношению к нему.

Итак, дело Джорджа Толбойза подходило к концу.

Что делать дальше?

Вот уже полгода тело его друга лежит на дне заброшенного колодца. Хочешь не хочешь, а придется обратиться к коронеру. Начнется дознание, и скрыть преступление миледи станет практически невозможно.

Доказать, что Джордж Толбойз нашел смерть в поместье Одли-Корт, — почти наверняка значит доказать, что причиной его таинственной гибели стала миледи: ее встреча с ним в липовой аллее в день его исчезновения уже ни для кого не была секретом.

Оставить преступление нераскрытым — значит оставить Джорджа непохороненным.

Что же делать?

В Лондон Роберт прибыл вечером. Прошло уже почти двое суток с той поры, как он покинул Одли-Корт. Наняв экипаж, он поехал прямо в отель «Кларендон» — навестить дядюшку. Как он чувствует себя после всего, что произошло?

Но Роберту не суждено было в тот вечер повидаться с сэром Майклом и Алисией. В «Кларендоне» ему сообщили, что сэр Майкл с дочерью отбыли утренним почтовым поездом в Париж, а оттуда намереваются поехать в Вену.

У Роберта отлегло от сердца: старый баронет отбыл на континент — значит, не нужно торопиться с отчетом о дальнейшей судьбе бывшей леди Одли. Потом, когда сэр Майкл вернется в Англию, окрепший телом и духом, он легче перенесет печальный рассказ.

Роберт поехал домой, где его ожидали три письма: первое — от сэра

Майкла, второе от Алисии, а третье...

Роберт знал, от кого оно, хотя видел этот почерк один-единственный раз в жизни. Он вздохнул, густо покраснел и взял письмо нежно и бережно, словно это было живое существо, чувствительное к его прикосновению. Затем, осмотрев печать и отметив про себя качество и цвет бумаги, он смущенно улыбнулся и положил письмо за пазуху — поближе к сердцу.

«Не я ли подсмеивался над слабостями других людей? — подумал Роберт. — И не я ли оказался самым слабым из них? Прекрасное кареглазое создание! Зачем я встретился с этой девушкой? Какой в этом смысл? Зачем безжалостная Немезида привела меня в тот мрачный дом в Дорсетшире?»

Он вскрыл первые два письма, оставив третье «на сладкое».

Алисия писала, что она бы предпочла, чтобы сэр Майкл, излившись в потоке жалоб, облегчил душу, но он переносил горе с таким спокойствием, что ей было не по себе. Встревоженная, она, втайне от сэра Майкла, написала одному лондонскому врачу, которого вызывали в Одли-Корт всегда, когда кто-нибудь из домашних заболел всерьез, и попросила его навестить сэра Майкла, сделав вид, что он зашел непреднамеренно, случайно. Он выполнил ее просьбу и, побеседовав с сэром Майклом полчаса, заверил Алисию, что пережитое потрясение никаких серьезных последствий для него не возымело, но нужно отвлечь его от тягостных дум, расшевелить, любой ценой заставить двигаться — и как можно больше.

Вняв совету, Алисия немедленно начала действовать и, разыграв перед отцом прежнего избалованного ребенка, напомнила ему о давнем его обещании показать ей Германию. Сэр Майкл отнекивался, как мог, но она, сломив сопротивление любящего отца, вынудила его отправиться с ней на континент. Алисия сообщила Роберту, что не вернется в Одли-Корт до тех пор, пока не убедится, что душевные раны сэра Майкла зарубцевались окончательно.

Послание баронета было коротким. Кроме письма, в конверте лежало полдюжины незаполненных банковских чеков.

Сэр Майкл писал:

«Дорогой Роберт!

Для устройства той, которую я вверил твоим заботам, тебе понадобятся деньги. Нет нужды повторять, что для этого мне не жаль никаких средств. Сделай так, чтобы этой женщине было хорошо, но помни: больше о ней я не должен слышать никогда. Не хочу знать, как ты с ней поступишь, но рассчитываю на твою совесть и милосердие. Если денег не хватит, напиши, вышлю еще. Отчет о будущих тратах необязателен».

Дочитав письмо до конца, Роберт с облегчением вздохнул. Письмо освобождало его от объяснений с сэром Майклом и избавляло от прежних сомнений.

Пусть Джордж Толбойз почит с миром в странной и тайной могиле — сэр Майкл никогда не узнает о том, что бывшая его жена — убийца.

Осталось последнее, третье письмо. Роберт вынул его так же нежно и бережно, как и в прошлый раз, и вскрыл конверт.

В письме было всего несколько строк:

«Дорогой мистер Одли!

Здесьшний приходский священник уже дважды навещал Люка Маркса — того самого, что вы спасли во время пожара на постоялом дворе «Касл-Инн». Мистер Маркс в критическом состоянии. Сейчас он находится в доме своей матушки, проживающей неподалеку от поместья Одли-Корт. Боюсь, дни его сочтены. За ним ухаживает его жена. Обе — матушка и жена — умоляют вас повидаться с мистером Марксом, прежде чем он умрет. Пожалуйста, приезжайте не откладывая.

Искренне Ваша

Клара Толбойз.

Маунт-Станнинг,

дом священника, 6 марта».

Роберт Одли благоговейно сложил письмо и вновь отправил его туда, откуда достал, — поближе к сердцу. Прodelав это, он опустился в любимое кресло, набил трубку, разжег ее и, пока в ней не сторел весь табак, курил, задумчиво глядя на огонь камина. Он смотрел на него туманным взором, и мысли его, возносясь в сизых клубках табачного дыма, уносили его в светлые сказочные дали, где не было ни смерти, ни позора, а только он, и Клара Толбойз, и их великая любовь...

Роберт Одли докурил трубку и, когда последнее колечко дыма растаяло под потолком, очнулся и вспомнил, что бремя земных забот по-прежнему лежит на его плечах.

«Что нужно от меня этому Марксу? — с неудовольствием подумал он. — Скорее всего, он боится умереть, не сделав важного признания. Он хочет рассказать нечто, связанное с преступлением миледи. Он посвящен в тайну. Я уверен, я почувствовал это уже в тот вечер, когда впервые увидел его. Он знает нечто важное и спекулирует этим».

Менее всего хотелось Роберту Одли возвращаться в Эссекс. Менее

всего хотелось ему встречаться с Кларой Толбойз именно теперь, когда он узнал тайну гибели ее брата. Он знал, что ему придется лгать, изворачиваться и пускать в ход все свое красноречие единственно ради того, чтобы не сказать правду. Или, может, милосерднее поведать ей все без утайки? Погасить последнюю надежду, что еще теплится в ней? Нет, это выше его сил! Пусть надеется, пока живет.

Но Клара Толбойз настаивала на том, чтобы он ехал в Эссекс, не откладывая. Разве он может отказать ей? Тем более что речь идет об умирающем, который непременно хочет его видеть.

Роберт взглянул на часы. Без пяти девять. Последний почтовый поезд на Ипсвич, делающий короткую остановку в Одли, отправился из Лондона в половине девятого вечера. Однако поезд из Шордитча отправляется в одиннадцать и останавливается в Brentwude между двенадцатью и часом ночи. Итак, решено: Роберт едет этим поездом, а шесть миль от Brentwуда до Одли пройдет пешком.

Время еще оставалось, и Роберт снова задумался, поудобнее усевшись в кресле.

«Знал ли я, бездельник и белоручка, что моей беспечальной жизни когда-нибудь придет конец? Знал ли я, что в трагический хор влюбленных вольются и мои стоны и жалобы? Чем-то ответит на мою любовь Клара Толбойз? Бог ведает. Алисия? Пусть бедняжка подцепит себе в Германии какого-нибудь белокурого саксонца».

Он встал и нервно заходил по комнате, не зная, чем занять время. Курить ему не хотелось. Конечно, курение успокаивает нервы, и к тому же оно приятно само по себе, но полдюжины трубок, выкуренных в одиночестве, пресытят и самого заядлого любителя.

Увы, если рядом нет человека, с которым можно перемолвиться хотя бы словечком, трубка ваша, уважаемый читатель, особого удовольствия вам не принесет.

То, что Роберт Одли столь часто оказывался в своих тихих апартаментах наедине с самим собой, вовсе не значило, что у него не было друзей. Их у него было предостаточно, но дело, которому он себя посвятил, лишило его былых привязанностей, отторгло из прежней среды. Неужели и теперь, как в старые добрые времена, он мог бы легко, не задумываясь, болтать о политике и опере, литературе и скачках, театре и науке, скандалах и теологии? Ему это уже было не дано. Посвятив себя делу, он начал избегать вчерашних друзей, словно и впрямь стал полицейским детективом, и, ведя борьбу с общественными пороками, невольно опорочил себя самого, что сделало неуместным его присутствие в компании честных

джентльменов.

Зазвонили в церкви Темпля, в церкви святого Дунстана, в церкви святого Клементя Датского. Десять часов. Пора одеваться.

На Флит-стрит было тихо и немногочисленно. На углу Фаррингдон-стрит Роберт нанял экипаж и поехал на вокзал в Шордитч.

Экипаж подвез его к длинной деревянной платформе. Через несколько минут ударили в колокол, и поезд, медленно набирая скорость, двинулся на северо-запад.

Он ехал первым классом.

Один.

Один на весь вагон.

Один ли?

Тень Джорджа Толбойза преследовала его, когда он смотрел в окно вагона.

Он чувствовал ее у себя за спиной.

Он чувствовал ее и там, далеко-далеко впереди, куда сквозь ночь торопился его поезд, там, где в кошмарном небрежении истлевали останки дорогого ему человека.

«То, что когда-то было Джорджем Толбойзом, должно быть достойно погребено», — подумал Роберт.

Он чуть приоткрыл окно.

Струя морозного воздуха ударила в лицо, и ему вдруг показалось, что к его лбу и щекам прикоснулись губы мертвеца.

«Я должен похоронить Джорджа Толбойза. Я должен его похоронить. Во что бы то ни стало. Любой ценой. Даже ценой разоблачения. Даже если эту безумную женщину придется извлечь из ее убежища и водворить в тюрьму. Иначе я сойду с ума. Сам сойду с ума. Я должен похоронить Джорджа Толбойза. Любой ценой. Любой ценой. Любой ценой».

Наступила полночь. Прошло еще несколько минут. Поезд замедлил ход. Сейчас будет остановка. Роберт с облегчением вздохнул.

«Невеселое выдалось путешествие, — подумал молодой человек, внимательно глядя перед собой и стараясь не сбиться с пути, — невеселое мне выдалось путешествие между двенадцатью и часом в безлунную мартовскую ночь. Лидти нужно. Если бедный парень хочет увидеть меня, я должен идти. До конца дней моих не будет мне прощения, если я вернусь назад. К тому же этого хочет она. Да-да, этого хочет она, и мне ничего не остается, как только подчиниться ее воле. Помогите мне, Господи!»

Дойдя до деревни, он остановился у деревянной изгородки, окружавшей дом священника с прилегающим к нему садом, и посмотрел на

окна. В доме было темно. Роберт печально вздохнул, но сердце его радостно забило, когда он подумал, что здесь, под этим кровом, совсем недавно жила та, которая нынче так властно завладела всеми его помыслами. Он вздохнул еще раз и продолжил свой путь.

Только дойдя до дереvушки Одли — была уже половина второго ночи, — он вспомнил, что в своем письме Клара Толбойз не указала ему, как найти дом, где умирает Люк Маркс.

«Скорее всего, доктор Доусон велел перенести беднягу к его матери, — подумал Роберт Одли. — Он же его сейчас и лечит. Значит, только он может указать мне нужный дом».

Приняв решение, Роберт направился туда, где до второго замужества жила Элен Толбойз.

Двери небольшой приемной были приоткрыты. Внутри горел свет. Распахнув створки, Роберт вошел в помещение.

Доктор стоял за прилавком красного дерева, смешивая в мензурке какое-то снадобье. Судя по тому, что шляпа лежала тут же, около него, в приемную он зашел только что. Его помощник спал в соседней комнате: оттуда доносилось мерное посапывание.

— Извините за беспокойство, мистер Доусон, — обратился к нему Роберт Одли, когда доктор, подняв голову, узнал посетителя, — я прибыл, чтобы повидаться с Марксом, который, я слышал, очень плох. Прошу вас, расскажите, как пройти к дому его матушки.

— Мы пойдем туда вместе, мистер Одли, — отозвался доктор. — Через минуту я сам туда отправляюсь.

— Ему, в самом деле, плохо?

— Хуже не бывает. Будь по-другому, я не стал бы настаивать на том, чтобы его увезли из Маунт-Станнинга. Он, как вам, конечно же, известно, пил, не зная меры, а внезапное потрясение, которое он испытал той роковой ночью, добило его окончательно. Два последних дня он был весь в жару, его трясло; нынче вечером он вел себя намного спокойнее, но, боюсь, жить ему осталось не более суток.

— Меня известили, что он хочет повидаться со мной, — сказал Роберт.

— Знаю, — кивнув головой, сказал мистер Доусон и скептически добавил: — Причуды больного воображения, не более того. Вы вытащили парня из горящего дома, вы сделали все, чтобы спасти ему жизнь. Человек он грубый и невежественный, но чувство благодарности не чуждо и ему, и то, что вы сделали для него, не выходит у него из головы.

Они вышли из приемной. Мистер Доусон закрыл за собой дверь.

Доктор повел адвоката по тихой улице, затем они свернули в переулок,

и в конце его Роберт Одли увидел тусклый желтый квадрат: это светилось окно, за которым умирал Люк Маркс.

Мистер Доусон поднял щеколду и вошел в дом. В гостиной на столе горела длинная сальная свеча. Больной лежал в спальне на втором этаже.

— Сказать ему, что вы пришли? — спросил мистер Доусон.

— Да, пожалуйста. Боюсь только, что он разволнуется. Мне не к спеху, я могу подождать. Потом дадите мне знать, и я к вам поднимусь.

Мистер Доусон кивнул головой и, стараясь не шуметь, поднялся наверх по узкой деревянной лестнице.

Роберт Одли сел в кресло у погасшего очага и, скорбно осмотревшись вокруг, принялся терпеливо ждать. Вокруг стояла гнетущая тишина, нарушаемая только монотонными звуками часового механизма.

«Тик-так! Тик-так! Сиди и жди! Тик-так! Тик-так! Сиди и жди!» — почудилось вдруг молодому человеку, и ему безумно захотелось швырнуть в часы шляпу и остановить маятник.

— Люк проснулся, — слышался сверху, с лестницы, приглушенный голос доктора. — Люк Маркс проснулся и хочет видеть вас.

Роберт живо вскочил с места и поднялся на второй этаж.

Фиби Маркс сидела в ногах кровати и не отводила глаз от мужа. Она смотрела на него с ужасом, и было видно, что больше, чем потеря супруга, ее страшит приход смерти. Мать Люка стояла у очага, подогревая куриный бульон. Люк лежал, обложенный подушками; его грубое лицо было бледным, а огромные руки беспокойно металась по широкому одеялу.

Увидев на пороге Роберта Одли, Фиби торопливо бросилась к нему.

— Погодите, сэ,р, позвольте, я вам кое-что скажу, прежде чем вы станете говорить с Люком, — сбивчиво и горячо прошептала она.

— Какого черта! — прорычал Люк Маркс, в котором даже болезнь не умерила его всегдашней грубости. — Какого черта! Вечно она хитрит, юлит и обманывает меня. Надоело! Я не малое дитя, и могу сам за себя держать ответ. Чего она ему там говорит? — спросил он, обращаясь к матери.

— Ничего особенного, родной мой: она рассказывает джентльмену о том, как ты себя чувствуешь, — примирительно ответила женщина.

— Я чего хотел ему сказать, все равно скажу, и не надо мне рот затыкать!

— Конечно, милый, все будет, как ты хочешь, — прежним тоном отозвалась его мать.

Люк устало закрыл глаза и снова впал в забытие, а Фиби, выведя Роберта из комнаты на узкую лестничную площадку, снова зашептала:

— Сэр, я думаю, у Люка после всех переживаний совсем помутился

разум! Он никого ни в чем не подозревает, иначе рассказал бы об этом всем и каждому, но, сэр, он настроен против миледи, ужасно зол на нее; он утверждает, что, если бы она дала ему достаточно денег на обзаведение, мы бы поселились где-нибудь в Brentwude или Челмсфорде и всего этого бы не произошло. Ах, сэр, умоляю, выбирайте каждое слово, когда будете говорить с Люком!

— Да-да, понимаю; я буду осторожен.

— Я слышала, миледи покинула Одли-Корт.

— Да, это так.

— А когда она вернется, сэр?

— Никогда.

— Но там, где она теперь, ей не будет плохо?

— Не беспокойтесь, там с ней будут хорошо обращаться.

— Простите за расспросы, но мне это небезразлично, сэр, потому что миледи всегда была мне доброй хозяйкой.

В это время Люк Маркс пришел в себя.

— И когда эта баба кончит болтать? — раздался из-за дверей его хриплый голос.

Фиби испуганно взглянула на Роберта и прижала пальчик к губам. Затем она тронула его за рукав, и они вернулись в комнату.

— Выйди вон, — решительно потребовал Люк, увидев жену. — Пошла вон: тебе незачем знать то, что я скажу. Убирайся вниз, в гостиную, и заberi с собой матушку. Я буду говорить с мистером Одли с глазу на глаз!

— Да не посягаю я на твои секреты, Люк, — направляясь к выходу, промолвила Фиби, — и, конечно же, я уйду. Но, надеюсь, ты не станешь возводить напраслину на тех, кто был так добр и так щедр к тебе.

— Что захочу, то и скажу, — прохрипел Люк. — Выискалась, понимаешь, командирша на мою голову... Пошла вон!

Что и говорить, даже лежа на смертном одре, бывший хозяин постоянного двора не изменил своим всегдашним привычкам и был все так же невыносимо груб и деспотичен. Но все-таки что-то изменилось в его нелюдимой душе, и сейчас, облизнув побелевшие губы и взглянув на Роберта глубоко запавшими глазами, он указал ему на кресло возле себя и сказал:

— Хотя я и не из благородных, мистер Одли, но обошлись вы со мной как с джентльменом. Я был пьян в стельку, когда случился пожар, и ежели бы не вы... Словом, спасибо за все. Я сроду не благодарил людей вашего круга, даже тогда, когда было за что, потому что, бросая объедки с барского стола, они всякий раз устраивали такой шум, что хотелось швырнуть им

ихние подачики обратно... Но ежели джентльмен, рискуя собственной жизнью, вытаскивает тебя из огня... Я знаю — по докторовой физиономии вижу, что жить мне осталось недолго, и потому, умирая, я говорю: спасибо вам, сэр; премного вам обязан, сэр.

Люк Маркс вытянул левую руку — правая, обожженная, была обернута куском полотна — и подал ее Роберту Одли.

Подхватив его кисть обеими руками, молодой человек сердечно пожал ее.

— Ну что вы, что вы, мистер Маркс. Рад был помочь вам всем, чем мог.

Люк Маркс умолк на несколько минут, затем, внимательно взглянув на Роберта, сказал:

— Того джентльмена, который пропал, прибывши с вами в Одли-Корт, — ведь вы его очень любили, не так ли, сэр?

Роберт Одли вздрогнул.

— Я слышал, вы очень любили этого мистера Толбойза, сэр, — повторил Люк.

— Да, он был моим лучшим другом.

— Слуги из Одли-Корт говорили, что вы места себе не находили, когда он пропал. Говорили, что вы с ним были навроде как братья. Так ведь, сэр?

— Да-да, все это так. Прошу вас, не нужно больше об этом. Если вы послали за мной, чтобы сообщить что-нибудь о моем утраченном друге, не утруждайте себя — сил у вас и без того мало, не доставляйте мне лишней душевной боли. Худшее, что вам известно о женщине, которая причастна к этому, я узнал от нее же самой. Мне слишком многое известно об этом темном деле, и вы не расскажете мне ничего такого, чего бы я уже не знал.

На губах умирающего заиграла слабая улыбка.

— Так уж и ничего? Вы в этом уверены?

— Уверен.

С минуту Люк молчал, затем, собравшись с силами, спросил:

— Что же все-таки она вам рассказала?

Роберт начал терять терпение.

— Прошу вас, Маркс, оставим эту тему. В какие бы тайны вы ни были посвящены, в свое время вам, я догадываюсь, достаточно заплатили за молчание. С вашей стороны было бы порядочнее молчать до конца.

— Вот как? — ухмыльнулся Люк Маркс. — А что, ежели у миледи была своя тайна, а у меня — своя?

— То есть?

РАССКАЗ УМИРАЮЩЕГО

В эту минуту в комнату вошла матушка Люка Маркса.

— Матушка, — обратился к ней Люк, — ты помнишь, что было седьмого сентября прошлого года?

Старая женщина покачала головой.

— Да ты что, сынок? За последние восемь-девять лет память у меня так прохудилась, что я иной раз забываю, какой нынче день недели.

Люк Маркс передернул плечами, выражая крайнее нетерпение.

— Не притворяйся, будто не понимаешь, об чем я толкую. Помнишь, я сказал тебе, чтобы ты запомнила этот день, потому что тебе еще придется свидетельствовать на суде и приносить присягу на Библии? Разве я тебе этого не говорил?

Женщина беспомощно развела руками.

— Раз ты говоришь, значит, так оно и было. И все-таки... Память совсем прохудилась, — виновато повторила она, обращаясь к Роберту Одли.

— Мистер Маркс, послушайте, — сказал молодой человек, касаясь руки умирающего, — еще раз говорю вам: не утруждайте себя понапрасну. Я не задаю вопросов и об этом деле слышать больше ничего не желаю.

— А я не желаю умирать, не рассказав того, ради чего позвал вас! — страстно и горячо прошептал Люк Маркс.

— Маркс, Маркс, успокойтесь, ради бога! О чем вы? Что вас мучает?

Прежде чем ответить, Люк Маркс облизнул сухие губы и, обращаясь к матери, попросил:

— Матушка, дай напиток.

Женщина принесла ему кружку холодного молока, и он выпил его с такой поспешностью, словно и впрямь решил обогнать время, которого оставалось у него совсем мало.

— Сядь вон там, — сказал он матери, указывая на кресло, стоявшее в ногах кровати.

Женщина с покорным видом села напротив Роберта Одли. Она сняла очки, протерла стекла — так тщательно, будто это могло прояснить ее память — и снова водрузила их на нос.

— Задам тебе еще один вопрос, матушка, — сказал Люк, — и будет

очень странно, ежели ты и на этот раз не сможешь мне ответить. Помнишь то время, когда, еще до своей женитьбы, я работал на ферме у Аткинсона?

— Ну как же, как же, — радостно закивав головой, ответила старая женщина. — Конечно же, помню, дорогой. Это было прошлой осенью, как раз тогда, когда в саду на нашей улице собирали яблоки и когда ты справил себе новую куртку. Как же, Люк, помню, прекрасно помню.

Сидя рядом, Роберт Одли никак не мог взять в толк, к чему клонит Люк.

— Ежели помнишь так много, — сказал Люк, — может статься, ты вспомнишь еще кое-что — к примеру, кого я привел домой однажды вечером, когда у Аткинсонов заканчивали скирдовать пшеницу?

— Конечно, помню, — с воодушевлением отозвалась старая женщина. — Ты привел к нам Фиби. Вы поужинали и выпили по чашечке чая.

— Какая к черту Фиби! — с раздражением воскликнул Люк. — Сто лет не снилась мне твоя Фиби! Помнишь, тогда, в сентябре, я привел к нам джентльмена — это было после десяти вечера; джентльмена, промокшего до нитки, в грязи и в тине с головы до пят: рука сломана, плечо опухло, одежда вся порвана — кажется, и родная мать бы его не признала; помнишь? Он сел на кухне у очага, уставился на огонь, и вид у него был такой, что не понять, то ли он нынче спятил, то ли сроду был таким. Кто он и откуда, ничего он не помнил, и мы по первости обошлись с ним, как с малым дитем: раздели, помыли, просушили одежду, потом потихоньку, из ложечки, начали вливать в него бренди, а у него свело челюсти, и рот ему пришлось открывать силой — помнишь, матушка?

— Помню, помню, милый, — кивая головой, скороговоркой пробормотала старуха.

Роберт Одли пал на колени у изголовья умирающего.

— Господи! — воскликнул он, вкладывая душу в каждое слово. — Благодарю тебя, Господи, за неизбывные твои милости. Джордж Толбойз жив!

— Погодите маленько, — сказал Люк Маркс, — уж больно вы скорый. Матушка, сними-ка коробку из белой жести; она там, на полке, что насупротив комода.

Старая женщина направилась к полке и, порывшись среди разбитых чашек, молочных горшков, всевозможных тряпочек и фаянсовой посуды, достала исцарапанную и грязную жестяную коробку.

Роберт Одли по-прежнему стоял на коленях у кровати, погрузив лицо в ладони.

Люк Маркс открыл табакерку.

— Будь тут у меня денежки, — ухмыльнувшись, промолвил он, — они бы надолго не задержались. Однако здесь кое-что подороже денежек, и это «кое-что» я вам отдам, чтобы доказать, что даже пьяная скотина навроде меня умеет быть благодарной, ежели к ней отнестись по-человечески.

Он вынул из табакерки два сложенных клочка бумаги и протянул их Роберту Одли.

Это были два листка, вырванные из записной книжки и заполненные карандашом — неразборчиво, вкривь и вкось, словно писал не джентльмен, а полуграмотный сельский пахарь, привыкший не к перу и бумаге, а к плугу и заступу.

— Почерк мне незнаком, — сказал Роберт Одли, с нетерпением развернув первый листок. — Какое это имеет отношение к моему другу? Зачем вы мне это показали?

— Сначала прочтите, — резонно заметил Люк. — Вопросы после будете задавать.

Вот что было написано в первом письме:

«Мой дорогой друг!

Пишу тебе в столь сильном смятении чувств, в каком, кажется, не пребывал еще никто из смертных. Я не в состоянии рассказать тебе, что со мной произошло. Скажу лишь, что произошло нечто, разбившее мне сердце и вынуждающее меня покинуть Англию в поисках какого-нибудь уголка, где я смогу жить и умереть, забытый всеми и никому не известный. Если бы мне могла помочь твоя дружба, я бы положился на нее. Если бы мне мог помочь твой совет, я бы обратился к нему. Но ни дружба, ни совет не помогут. Единственное, что я могу сказать тебе сейчас: да благословит тебя Бог за то, чем ты был для меня в прошлом, и да научит Он тебя, как забыть меня в будущем!

Д.Т.».

Второе, адресованное другому человеку, было намного короче первого:

«Элен!

Господь помилуй тебя и прости — как простил тебя я — за то, что ты сделала сегодня. Оставайся и живи с миром; больше ты никогда не услышишь обо мне. Для тебя и для людей я стану никем и ничем: разве не этого, в сущности, пожелала мне ты? Не бойся, я не стану досаждать тебе. Я покидаю Англию и не вернусь никогда.

Д.Т.».

Роберт Одли сидел, в полном замешательстве глядя на эти строки: почерк был совершенно незнакомым, но письма — Роберт это чувствовал — были написаны Джорджем, и в конце каждого из них стояли его инициалы.

Роберт испытующе посмотрел на Люка: ему вдруг показалось, что умирающий затеял с ним нечистую игру.

— Это писал не Джордж Толбойз, — твердо сказал он, не сводя глаз с Люка.

— Это писал он, — промолвил Люк Маркс, упрямо мотнув головой. — Это писал мистер Толбойз — все до последней буковки, собственной рукой. Но он писал левой рукой, потому что правая у него была сломана.

Роберт Одли взглянул на Люка быстро и внимательно. Тень подозрения сошла с его лица.

— Понятно, — сказал он, — теперь мне все понятно. Расскажите, как вы спасли моего бедного друга.

Он сидел, все еще не в силах поверить, что небывалое случается, не в силах привыкнуть к новой надежде, свет которой так резко и внезапно брызнул ему в глаза.

— Расскажите мне все! — воскликнул он. — Ради всего святого, расскажите все до мелочей: только так я смогу понять, что произошло в тот роковой день!

— В сентябре прошлого года я работал на ферме у Аткинсона, — начал Люк Маркс. — Я помогал ему скирдовать последнюю пшеницу. Самый короткий путь от его фермы до матушкиного дома — через луга, что тянутся за особняком Одли-Корт. Вот я и приноровился ходить там, а Фиби частенько поджидала меня, стоя у садовых ворот — тех, что невдалеке от липовой аллеи. Она выходила, чтобы чуток поболтать со мной, потому что знала, когда я возвращаюсь с работы. Иногда мы встречались в самом доме, и тогда я пробирался по сухому рву, что тянется между лугами и огородом, и приходил в комнату для слуг. Там я пропускал стаканчик-другой эля, а иногда перехватывал что-нибудь из еды — как придется.

Не знаю, что делала Фиби в тот вечер, седьмого сентября, но этот день я запомнил потому, что за мои труды фермер Аткинсон заплатил мне сполна, и потому, что за те денежки я должен был подписать какую-то бумагу. Так вот, я не знаю, что делала она, то есть Фиби, в тот вечер, но в воротах, что у липовой аллеи, она меня не встретила, и я решил кружным путем перейти на другую сторону сада, спрыгнул в сухой ров и пошел по

нему, потому что всенепременно хотел повидаться с Фиби и предупредить ее, что со следующего дня буду работать совсем в другом месте, на ферме неподалеку от Челмсфорда. Я уже был на полпути между фермой Аткинсона и Одли-Корт, когда часы на церкви в Одли пробили девять вечера, а когда я дошел до огорода, было уже, я полагаю, четверть десятого.

Я прошел через огород и направился в липовую аллею. Самый короткий путь до людской — через кустарник мимо пересохшего колодца. Было уже довольно темно, но я там ходил не раз, к тому же окно людской ярко светилось в темноте, так что сбиться с пути было никак невозможно.

В тот момент, когда я проходил мимо колодца — близенько так проходил, — рядом раздался стон; стонал человек, лежавший где-то в кустах. Привидений я не боюсь — я вообще, можно сказать, ничего не боюсь, но тот человек стонал так, что у меня душа ушла в пятки. С минуту я стоял ни жив ни мертв, не зная, что предпринять. Но человек снова застонал, и я, раздвинув ветки, бросился на звук.

Там, под лавровыми деревьями, я нашел незнакомого мужчину. Мне показалось, что у бедняги не все в порядке с головой, и я решил, приподняв за воротник, втащить его в дом. И тут он, не поднимаясь с земли, схватил меня за руку и, насколько я мог разглядеть в темноте, взглянул на меня серьезно-серьезно и печально-печально — взглянул, значит, и спросил, как меня зовут, кто я и зачем иду в Одли-Корт.

По тому, как он говорил, я понял, что это человек не простого звания, а джентльмен, и поскольку он был со мной вежливым и не чванился, я ему также отвечал уважительно.

«Мне нужно уйти отсюда, — сказал он, — но так, чтобы меня не видела ни одна живая душа. Я лежу здесь с четырех часов дня, у меня почти не осталось сил. Мне нужно уйти отсюда, но запомните, никто не должен меня видеть».

Я сказал ему, что это нетрудно устроить, но про себя подумал: может, то, что я по первости решил насчет его головы, я подумал правильно, потому что при таких муках только чокнутый беспокоится о том, чтобы исчезнуть незаметно.

«Не могли бы вы помочь мне перебраться куда-нибудь в другое место, где я мог бы переодеться в сухое, — спросил он, — но, — повторил он, — сделать это незаметно».

К тому времени он уже нашел в себе силы приподняться и сесть, и я заметил, что правая рука у него висит свободно, и всякий раз, когда он ее задевает, он морщится от боли.

Я показал на руку и спросил, что случилось.

«Сломана, друг мой, сломана, — тихо ответил он. — А потом, обращаясь не столько ко мне, сколько к себе, добавил: — Разбитые сердца и сломанные руки заживают не скоро».

Я сказал ему, что могу отвести его в дом моей матушки, где он обсушится, обогреется и поест.

«А она сможет сохранить все в тайне?» — спросил он.

«Сможет, — ответил я. — Если нынче вечером вы ей выложите все государственные тайны, какие знаете, к завтрашнему утру она забудет их начисто».

Ответ мой, похоже, его устроил. Он встал, но тут же навалился на меня, потому что был страшно слаб и ноги его почти не держали. Поддерживая его, чтобы он не упал, я почувствовал, какой он мокрый и грязный.

«Где это вас так угораздило? — спросил я его. — Вы, часом, не из местного пруда выбрались, сэр?»

Он ничего не ответил, похоже, даже не услышал вопроса. Когда он встал на ноги, я увидел, что джентльмен ладно скроен, выше ростом и шире меня в плечах.

«Отведите меня к своей матушке, — попросил он, — и дайте переодеться во что-нибудь сухое. Я вам хорошо заплачу за труды».

Я знал, что ключ от ворот всегда оставляют в замке, и повел джентльмена к калитке, уверенный, что этой дорогой мы выберемся отсюда наверняка.

Так оно и вышло. Бедняга еле переставлял ноги. Я повел его через луга и привел в дом к матушке, зайдя не с улицы, а со стороны огородов, а поскольку время было куда как позднее, его, как он того желал, в наших местах не видела ни одна живая душа. А потом матушка разожгла огонь и подогрела ему ужин, приготовленный для меня.

Только сейчас, сидя у огня, я разглядел его как следует. Нет, ей-богу, впервые в жизни видел я человека в таком... Даже не знаю, как сказать. Я уж говорил, что был он весь в грязи и зеленой тине, так мало этого, руки у него были сплошь исцарапаны и страшно кровоточили, и кожа с них была сорвана в нескольких местах.

Я начал стаскивать с него одежду, и он подчинился мне, как малое дитя. При этом он все сидел и смотрел на огонь и тяжело вздыхал, будто сердце его было готово вот-вот разорваться от горя. Видать по всему, он даже не соображал, где находится, и не видел нас, и все смотрел и смотрел прямо перед собой, и только беспомощно болталась его сломанная правая рука.

Глядя на его руку, я понял, что дело дрянь, и хотел было послать

матушку за доктором Доусоном, но бедняга тут же пришел в себя и начал кричать, что никакого доктора ему не нужно, потому что он хочет, чтобы о том, что он побывал у нас, знали только мы двое.

Тогда я сказал, что пойду куплю для него бренди, и он согласился. Я отправился в пивную, и, когда пришел туда, было около одиннадцати, а когда вернулся домой, часы пробили одиннадцать.

Бренди оказался очень кстати, потому, что джентльмена трясло так, что аж зубы стучали. Мне пришлось силой разжать ему челюсти, прежде чем я влил ему в глотку спиртное. Он сделал несколько глотков, затем его разморило, и он, сидя тут же, у печи, начал клевать носом. Тогда я сбегал и принес одеяло. Я набросил его на джентльмена, и отвел того наверх, и уложил его спать на складную кровать. Матушку я также отправил спать, а сам сел у камина и, не давая огню потухнуть, присматривал за джентльменом до самого утра.

Проснулся он внезапно и тут же заявил, что ему беспрерывно, прямо сейчас нужно отправляться в путь.

Уж я его уговаривал и так, и эдак, но он стоял на своем, и я надел на него его одежду, которую высушил и вычистил, пока он опал. Он был бледен, на лбу здоровенная ссадина, и я умыл ему лицо и перевязал ему голову носовым платком. Он с грехом пополам напялил на себя пиджак, застегнул его у горла и оставил правый рукав пустым, потому что не смог продеть в него сломанную руку. Все, что на нем было, висело, как на пугале. Он поминутно охал и стонал, а синяков да ссадин на нем было — просто страсть! И все-таки он решил идти, и я не посмел его удерживать.

«Какой здесь ближайший город, откуда можно доехать до Лондона по железной дороге?» — спросил он.

Я сказал ему, что ближайший город Brentwood.

«Очень хорошо, — сказал он. — Если вы проводите меня до Brentwood и найдете мне там хирурга, который осмотрит мою руку, то за все хлопоты я дам вам пять фунтов».

Я сказал ему, что с радостью сделаю для него все, что он пожелает, но до Brentwood добрых шесть миль, так что я сбегаю к соседям и одолжу двуколку.

Тут он снова замотал головой и напомнил, что хочет удалиться незаметно, а потому предпочитает уйти пешком.

Пришлось идти пешком. Каждый шаг давался ему с превеликим трудом, но те проклятые шесть миль он таки одолел, и, скажу я вам, сколько живу, такого упорства я не встречал ни в ком и никогда.

Бrentвудский хирург посоветовал ему остаться в городе и подождать,

пока полегчает, но джентльмен и слышать ничего не хотел и все торопился в Лондон, и тогда хирург, обработав руку лекарствами и соорудив для нее перевязь, отпустил упряма на все четыре стороны.

Роберт Одли вздрогнул; прошлое внезапно ожило в его памяти, и он вспомнил Ливерпуль, портовую контору, свои бесплодные поиски и того клерка, что окликнул его в последний момент и сообщил о некоем пассажире, который взял билет на корабль «Виктория-Регия» примерно за час до отплытия; то был молодой человек с рукой на перевязи, назвавшийся каким-то настолько расхожим именем, что Роберт тут же его забыл.

— Когда хирург перевязал ему руку, — продолжал Люк, — джентльмен попросил:

«Дайте мне карандаш; до отъезда мне нужно кое-что написать».

Хирург усмехнулся, покачал головой и, указав на правую руку джентльмена, сказал:

«Этой рукой вы сегодня — и в ближайшее время — ничего не напишете».

«Вы правы, — сказал молодой человек, — тогда я напишу левой рукой».

«Может, я напишу — под вашу диктовку?» — предложил хирург.

«Нет, спасибо, — сказал джентльмен. — Помощь вашу принять не могу, потому что письма мои будут сугубо личными; но, если вы дадите мне пару конвертов, буду вам весьма обязан».

Пока хирург ходил за конвертами, молодой человек левой рукой вытащил записную книжку из кармана пиджака. Обложка ее промокла и загрязнилась, но внутри листы остались чистыми, и джентльмен, вырвав пару страниц, начал писать. Писал он левой рукой, и что из того получилось, видите сами. Затем он вложил свои, с позволения сказать, письма в конверты, что принес доктор, и поставил на одном из них крест, а на другом ничего не поставил, затем заплатил доктору за труды. Тот еще раз попытался уговорить его остаться в Brentwude, пока не заживет рука, но джентльмен снова наотрез отказался и, обращаясь ко мне, сказал:

«Проводите меня до железнодорожной станции, там вы получите то, что я вам обещал».

Я отправился на станцию вместе с ним. Мы пришли вовремя: поезд делает остановку в Brentwude в половине девятого, и до его прихода оставалось еще целых пять минут. Мы дошли до края платформы, и молодой человек спросил меня:

«Вы могли бы передать эти письма тем, кому я скажу?»

«Могу», — отвечаю.

«Очень хорошо, — говорит он. — Вы знаете, где находится поместье Одли-Корт?»

«Как не знать, — отвечаю, — там моя девушка в горничных служит».

«Чья она горничная?» — спрашивает он.

«Она горничная миледи, — говорю. — Служит новой хозяйке, той самой, что прежде была гувернанткой у мистера Доусона».

«Прекрасно, — говорит он. — Вот это письмо — конверт помечен крестом — передайте, пожалуйста, леди Одли. Прошу передать из рук в руки и без свидетелей. Понимаете, — говорит, — никто третий этого видеть не должен».

«Понимаю, — говорю. — Все сделаю в точности».

Тогда он спрашивает:

«А мистера Одли, племянника сэра Майкла, знаете?»

«Как же, — говорю, — знаю. Про него говорят, что он важная шишка и знает толк в вежливом обхождении. Одна беда: у него что на уме, то и на языке» — такая об вас молва идет, сэр; вы уж извините.

«Тогда, — говорит молодой джентльмен, — передайте, пожалуйста, второе письмо мистеру Роберту Одли. Он остановился в гостинице «Солнышко», что в деревне Одли».

С этими словами он передал мне второе письмо и вручил пять фунтов, как и обещал.

Подошел поезд. Мы попрощались. Он сел в вагон второго класса, и последнее, что я помню, — это то, что лицо у него в тот момент было белое, как бумага, и на лбу здоровенный пластырь крест-накрест.

— Бедняга Джордж! — воскликнул Роберт Одли. — Ах, бедняга!

— Я отправился в деревню, — продолжил Люк, — а оттуда напрямиком в «Солнышко». Пришел, значит, в гостиницу, а хозяин говорит, что, мол, постоялец, то есть вы, уехал в Лондон и что тамошнего адреса он, хозяин то есть, не знает, но что проживаете вы, должно быть, где-то возле Дома правосудия, или где-то возле Вестминстер-Холла, или... словом, где-то там в том же роде.

Что мне было делать? По почте письмо не отправишь, потому как неизвестно, куда посылать, а расспрашивать об этом тех, кто живет в поместье, тоже нельзя, потому что про письмо сразу станет известно...

Словом, решил я оставить письмо при себе и обождать, когда вы в другой раз объявитесь в наших местах.

С другим письмом, на котором крест, я решил сходить в Одли-Корт под вечер, свидеться с Фиби и разузнать у нее, когда я смогу потолковать с миледи с глазу на глаз.

На работу в тот день я не пошел, а все шлялся по тамошним лугам до самого вечера, а когда стемнело, нашел Фиби — она, как всегда, встретила меня у садовых ворот.

Ну, значит, пошли мы с ней в кустарник, и я уже было свернул к старому колодцу, где мы с Фиби частенько сиживали теплыми летними вечерами, а она вдруг побледнела вся и говорит:

«Ой, не туда! Только не туда!»

«Почему это не туда?» — спрашиваю.

«Не знаю, — говорит, — почему, но я слышала, там, в колодце, завелись привидения».

«Чепуха, — говорю, — просто на тебя блажь накатила».

«Может, — говорит, — и накатила, да только я к тому проклятому колодцу в жизни больше не подойду!»

Сказала да и пошла назад, к садовым воротам. Я за ней.

«Что-то ты, — говорю, — нынче не в себе». «Твоя правда, — говорит, — не в себе, и в себя все никак прийти не могу».

«С миледи, — спрашиваю, — что ли, поругалась?» Тут она, Фиби то есть, смотрит на меня эдак с хитренькой улыбочкой да и говорит:

«Да что ты, — говорит, — Люк, как раз наоборот: я миледи сроду такой любезной не видела. Сдается мне, она нам теперь точно денег даст на обзаведение — на ферму, на пивную, на все, что попрошу».

Я никак в толк не мог взять, к чему бы такие нежности при нашей бедности: не далее как три дня назад Фиби жаловалась, что миледи шибко гордая, и любит только себя, и нам ее милостей придется лет сто ждать и не дожидаться.

«С чего ж, — спрашиваю, — такие перемены?» А она, Фиби то есть, смотрит на меня, и опять эдак хитро улыбается и, чую, ничего мне толком рассказывать не собирается.

Тут меня зло взяло, и я говорю: «Ежели, — говорю, — у тебя есть секреты от того, за кого ты замуж идти собралась, так иди, — говорю, — на все четыре стороны: мне ты такая не нужна. Ищи себе другого и держи секреты от него!»

Тут она давай хныкать, но я на то внимания не обратил и начал про миледи расспрашивать, потому как в кармане у меня было письмо, где крест на конверте, — и мне, стало быть, надобно было вызнать все в подробностях, чтобы, значит, выбрать минуту, когда передать письмо миледи с глазу на глаз.

«Не у тебя одной, — говорю, — секреты есть за душой, и не одна ты, — говорю, — можешь держать язык за зубами. А вот скажи, —

спрашиваю, — не приходил ли вчера к твоей госпоже молодой человек, джентльмен с коричневой бородой?»

Нет бы ей, Фиби то есть, ответить по-человечески, так нет же: вместо этого пуще прежнего в слезы ударилась.

Я по первости хотел было цыкнуть на нее, но сдержался, и по-хорошему, ласкою, начал выпрашивать, что да как — и мало-помалу вызнал, что за день до того она, сидемши у себя в комнате, что под самой крышей, — оттудова видать и липовую аллею, и старый колодец — заприметила, значит, как миледи беседует с каким-то незнакомым джентльменом. Беседовали они там долго, покудова...

— Не надо, — перебил Роберт Одли. — Остальное я знаю.

— Фиби рассказала мне про все, что видела, — продолжил Люк Маркс. — И еще она сказала, что сразу же, как только все произошло, она отправилась напрямиком к миледи и выложила ей все начистоту, чтобы та, значит, поняла, что теперь она будет во власти собственной горничной до конца дней своих.

Вот и получается, сэр, что леди Одли и Фиби решили, что тот джентльмен, которого я проводил до поезда, лежит себе мертвый на дне колодца. Кабы я передал письмо, они бы поняли, что тот человек жив, и, опять же, кабы я передал письмо, мы — Фиби и я — ни гроша бы не получили от Фибиной госпожи и не смогли бы завести собственное дело.

Словом, поразмыслив, письмо я решил припрятать подальше, а то, что знаю про джентльмена, не рассказывать никому — пусть миледи живет и мучается, и пусть не будет ей покоя ни днем и ни ночью. Господь свидетель, не будь она такой жадной и дай столько, сколько мне было нужно, чтобы встать на ноги, я выложил бы ей все и снял бы камень с ее души.

Но камень тот был ей не в тягость, потому что не было у нее никакой души. Деньги она швыряла мне, как швыряют подачку собаке, и ежели снисходила до разговора, то и разговаривала, как с собакой, причем с собакой, которую на дух не переносит. Не было дурных слов, каких бы она про меня ни сказала. Не было спеси и презрения, каких бы она при мне ни обнаружила, чтобы лишний раз показать, какое я ничтожество. Кровь закипала в жилах от такого обращения, и я мстил миледи, но свою тайну не выдавал. Из любопытства я вскрыл и прочел оба письма, но мало что понял, и снова их спрятал, и, поверьте, сэр, до сего дня, кроме меня, в них не заглядывала ни одна живая душа!

С этими словами Люк Маркс закончил свой рассказ. Он лежал, безмолвный и недвижимый, и чувствовалось, что рассказ отнял у него

последние силы. Он глядел на Роберта Одли и пытался обнаружить в его лице хотя бы тень осуждения. Но Роберт не стал осуждать умирающего: в том, что все случилось так, а не иначе, он видел перст Божий.

Люк Маркс забылся тяжелым сном. Давно уже спала его старая матушка, заснувшая в кресле во время его рассказа; спала Фиби, прикорнув на лежанке внизу, на первом этаже. Не спал один Роберт Одли. Не сомкнув глаз, он просидел у кровати умирающего до самого утра. Он не спал, не мог спать: то, что он услышал, не выходило у него из головы.

Фиби сменила его в восемь часов утра. Он отправился в гостиницу и, заказав номер, упал на кровать и уснул как убитый.

Проснулся он только вечером. Когда он сошел вниз, в столовую, хозяин гостиницы сообщил ему, что Люк Маркс скончался в пять часов пополудни, отошел тихо и безмятежно, как человек, которого не мучают угрызения совести.

В тот же вечер Роберт Одли сел писать письмо — длинное письмо, адресованное мадам Тейлор, проживающей в бельгийском городке Вильбрюмьез, длинное письмо, адресованное порочной женщине, сменившей за свой недолгий век несколько имен и обреченной на то, чтобы, получив еще одно, закончить с ним свой земной путь. В этом письме он рассказал все, что узнал от умирающего.

«Может быть, известие о том, что супруг ее остался жив, принесет ей хоть какое-то облегчение, — подумал Роберт Одли, — если только душа ее, черствая и себялюбивая, не вовсе разучилась сострадать ближним!».

РАССКАЗ ЖИВОГО

Клара Толбойз вернулась домой, в Дорсетшир. Она рассказала отцу, что его единственный сын, покинув Англию 9 сентября прошлого года, вновь отправился к берегам Австралии. Все говорит за то, что он жив и непременно вернется, чтобы попросить прощения у отца, перед которым, положа руку на сердце, не так уж и виноват, тем более что за ошибку юности — женитьбу на недостойной особе — он уже заплатил сполна.

Мистер Харкурт Толбойз совершенно растерялся. Сей Юний Брут никогда не попадал в подобное положение. Однако он понял, что, действуя в излюбленной своей манере, никогда из него не выпутается, и потому, впервые в жизни дав волю естественным чувствам, признался, что после беседы с Робертом Одли он, думая о судьбе сына, испытал сильнейшее беспокойство, и отныне да будет известно всем: когда бы его бедный мальчик ни вернулся в Англию, он будет рад принять его в свои объятия.

Но когда он вернется? Как с ним связаться?

Роберт Одли поместил объявления в газетах Мельбурна и Сиднея. Может быть, приехав в один из этих городов, Джордж прочтет их и откликнется? Да-да, он непременно откликнется! Не махнет ли он на них рукой? А разве тревога Роберта для него ничего не значит? Но что, если объявления не попадутся ему на глаза? Что, если он путешествует под вымышленным именем, и никто — ни попутчики, ни капитан корабля — не догадается, что он и тот, о ком идет речь в газете, — одно и то же лицо? Что делать тогда? Что делать? Набраться терпения и ждать, когда Джордж, устав от бесплодных странствий, сам, по своей воле, вернется в родные пенаты? Но как ускорить его возвращение? Как?

Одолеваемый этими вопросами, Роберт приехал в Дорсетшир, и мистер Харкурт Толбойз, впервые в жизни услышав голос собственного своего великодушия — и немало тому подивившись, — предложил Роберту чопорное гостеприимство под кровом особняка из красного кирпича.

Роберт приехал в середине апреля, и снова увидел черные ели, к которым так часто устремлялись его беспокойные мысли, без устали напоминавшие ему о Кларе Толбойз. За живой изгородью уже цвели примулы и ранние фиалки, и ручьи, которые тогда, в январе, были скованы льдом, подобно сердцу Харкурта Толбойза, — ныне растаяли, подобно

сердцу Харкурта Толбойза, и, поблескивая в лучах неверного апрельского солнца, бежали под черными зарослями боярышника.

Спальня и гардеробная, отведенные Роберту, дышали торжественной строгостью. Каждое утро, стараясь избавиться от гнетущего чувства, которое невольно охватывало его в этих стенах, Роберт прислушивался к пению пружинного матраса и представлял, что минувшую ночь он провел на клавишах концертного рояля.

По утрам его будили удары колокола. Он просыпался и, обводя взглядом окружающие предметы, невольно хмурился, ибо все, что он видел в эти минуты, живо напоминало ему главы, статьи и параграфы воинского устава.

Он совершал свой нехитрый туалет, и солнце, которое еще не давало тепла, немилосердно слепило его утренним светом.

Следуя примеру мистера Харкурта Толбойза, он принимал холодный душ, и, когда часы в холле отбивали ровно семь, выходил из дому — строгий, чинный и скучный, как мистер Харкурт Толбойз, и шел к столу, поставленному под черными елями, где его уже ожидало то, что можно было бы назвать легким предварительным завтраком.

Клара Толбойз тоже принимала участие в утреннем священнодействии. Она приходила к столу вместе с отцом и была прекраснее утра, ибо утро временами бывало унылым и сумрачным, а Клара Толбойз всегда казалась веселой и улыбчивой.

Они часто беседовали о Джордже, и Роберт Одли, сидя за длинным столом, редкий день не вспоминал о том, как он впервые появился в этом доме и как возненавидел Клару за ее холодное самообладание. Сейчас, узнав ее ближе, он понял, что для него уже не существует женщины благороднее и прекраснее, чем Клара Толбойз.

Время от времени в доме появлялись молодые деревенские сквайры, окруженные мамашами и многочисленными сестрицами. Роберт Одли с трудом переносил их присутствие, ибо видел в них не гостей, а разбойников, нагло посягающих на его заповедное достояние. Он ревновал Клару ко всему и ко всем: к толстому вдовцу сорока восьми лет, к пожилому баронету с темно-рыжими бакенбардами, к старухам-соседкам, которым она покровительствовала, к цветам в оранжерее, которые отнимали у нее слишком много времени, отвлекая внимание от него, Роберта Одли.

Вначале оба они держались довольно сдержанно и церемонно, обсуждая лишь злоключения бедного Джорджа, но мало-помалу между ними возникло чувство душевной близости, и не прошло трех недель, как

мисс Толбойз совершенно очаровала Роберта, начав ему выговаривать за бесцельную жизнь, которую он вел слишком долго, и за небрежение талантами и дарованиями, которые столь щедро отпустила ему природа.

Господи, как прекрасны были упреки из уст любимой! Как приятно было унижать себя при ней и прикидываться смиренником! Сколь сладостны были намеки на то, что, если бы в его жизни появилась достойная цель, он не стал бы рассеянно блуждать по накатанным дорогам, но, не боясь препятствий, проторил бы новую — свою!

— Неужели вы полагаете, мисс Толбойз, — сокрушенно спрашивал он, — что я до пятидесяти лет буду читать французские романы и курить турецкий табак? Неужели вы не верите, что настанет день, когда мне опротивят пенковые трубки, наскучат французские романы, а жизнь с ее гнетущим однообразием надоеет настолько, что я сам захочу изменить ее уклад?

Увы, Клара Толбойз не поняла истинного смысла сих меланхолических жалоб.

— Подумайте о благе ближних, — посоветовала она, — и займитесь своей профессией всерьез.

Роберт нахмурился: эти перспективы показались ему удручающими.

«Пока я буду заботиться о благе ближних, — подумал он, — она выскочит замуж за какого-нибудь неотесанного сквайра».

Пять недель прогостил молодой адвокат в семействе Толбойзов, не в силах разрушить чары неопределенности, а когда, почувствовав, что оставаться дольше просто неприлично, в одно прекрасное майское утро собрал чемодан и объявил о своем отъезде.

Мистер Харкерт Толбойз был не из тех, кто в подобных случаях выказывает горестное сожаление, но, обратившись к гостю с холодной приветливостью, которая должна была изображать высшую степень дружелюбия, он сказал:

— Мы хорошо провели время, мистер Одли. Рад, что ваше присутствие внесло в нашу тихую размеренную жизнь приятное оживление.

Роберт поклонился.

— Надеюсь, мы еще не однажды будем иметь честь принимать вас в нашем поместье, — с той же холодной приветливостью продолжал Харкерт Толбойз. — Здесь у нас чудесные места для охоты, и, если в следующий раз вы сообразовите взять с собой ружье, фермеры, арендующие мою землю и мои уголья, отнесутся к вам с отменной вежливостью и должным пониманием.

Роберт поклонился еще раз.

— Спасибо, сэра, я и в самом деле люблю охотиться на куропаток, — сказал он и, не удержавшись, взглянул на Клару Толбойз.

Девушка покраснела и опустила глаза.

Для молодого адвоката это был последний день пребывания в земном раю. Впереди его ждала скучная череда дней, ночей, недель и месяцев, которая должна была продлиться до первого сентября, когда открывался охотничий сезон и когда уместно было появиться в Дорсетшире во второй раз. За это время молодые розовощекие сквайры и толстые сорокавосемилетние вдовцы могли нанести ему, Роберту Одли, непоправимый ущерб. Неудивительно, что столь мрачные предчувствия ввергли его в совершенное отчаяние, и в то утро он был для мисс Толбойз плохим партнером для прогулок по дорожкам сада.

Но этот день миновал, как и всякий другой, солнце покатилося за горизонт, а мистер Харкурт Толбойз заперся у себя в библиотеке для юридического разбирательства какого-то дела в обществе адвоката и арендатора — и только тогда Роберт Одли преодолел свою печаль и у него стало чуть легче на душе.

Стоя у высокого окна гостиной, он наблюдал, как темнеет небо и с каждой минутой все ярче разгорается закат умирающего дня. Клара сидела рядом с ним, и он не мог не радоваться этому тихому уединению, хотя там, вдали, разглядел тень экспресса, который завтра утром должен умчать его в Лондон. Бог с ним, с прошлым, бог с ним, с будущим! Клара Толбойз сидела рядом, и только это имело значение и смысл.

Они и сегодня говорили о том, что всегда связывало их, — о Джордже. Пальцы девушки нервно вздрагивали; в ее глазах застыли слезы.

— Не могу, не хочу верить, что папа так легко смирился с исчезновением брата, ведь он любит — любит, мистер Одли! Будь я мужчиной, я бы сама поехала в Австралию, я бы нашла брата и вернула его домой. — И, помолчав, тихо добавила: — Если, конечно, он еще жив.

Она перевела взгляд на темнеющее небо.

— Может быть, мне отправиться на поиски вашего брата? — промолвил Роберт, дотрагиваясь до ее руки.

— Вам? — Клара подняла голову и сквозь слезы взглянула на него. — Вам, мистер Одли? Но разве вправе я ожидать от вас такой жертвы?

— А разве есть на свете жертва, какую бы я не принес ради вас, Клара? Разве есть такие моря и страны, куда бы я не отправился, зная, что награда за труды — ваша благодарность?

С минуту Клара молчала, не находя нужных слов, а потом сказала:

— Вы очень добрый и великодушный человек, мистер Одли. Но вы предлагаете так много, что мне вряд ли когда-нибудь удастся по достоинству отблагодарить вас. Нет, нет, это невозможно. По какому праву смогу я принять такую жертву?

— По праву моей любви к вам, Клара!

Роберт Одли упал на колени — получилось это, признаться, довольно неуклюже — и, припав к изящной нежной ручке, скрытой складками шелкового платья, осыпал ее страстными поцелуями.

— Я люблю вас, Клара, — сказал он, — я люблю вас. Можете позвать отца, можете сию же минуту выгнать меня из вашего дома. Делайте со мной, что хотите, я все равно люблю вас и буду любить, пока живу на свете, и, даже если вы скажете мне «нет», это ничего не изменит!

Клара высвободила маленькую ручку, но это был отнюдь не резкий, не сердитый жест, ибо в следующее мгновение та же ручка легко и трепетно легла на темные волосы Роберта.

— Клара, Клара! — умоляюще прошептал он. — Я поеду в Австралию, я разыщу вашего брата!

Ответа не последовало. К чему слова, когда ответ в глазах любимой?

— А может, поедем вместе, Клара? Поедем как муж и жена?

Мистер Харкерт Толбойз, зайдя в эту комнату четверть часа спустя, застал Роберта одного и вынужден был выслушать признание, удивившее его до чрезвычайности. Подобно всем самонадеянным людям, он совершенно не замечал того, что происходило у него под боком, и был искренне убежден, что именно его общество и спартанский уклад жизни сделали Дорсетшир привлекательным для гостя.

Увы, ему пришлось разочароваться, но разочарование он перенес удивительно легко, прямо-таки стоически, выразив спокойное удовлетворение по поводу того, что события повернулись именно таким, а не иным образом.

Когда, к всеобщему удовольствию, все было улажено, Роберт сказал:

— С вашего позволения, дорогой сэр, наше свадебное путешествие мы совершим в Австралию.

Это заявление смутило мистера Толбойза. Взор его затуманило нечто похожее на слезы, и он, смахнув это «нечто», крепко пожал руку будущему зятю.

— Я понимаю, вы хотите отправиться на поиски моего сына, — сказал он. — Будь по-вашему: привезите мне моего мальчика, и я с готовностью прощу вас за то, что вы лишаете меня дочери.

Роберт Одли вернулся в Лондон, чтобы разузнать, какие корабли отплывают из Ливерпуля в Сидней в июне.

Он вернулся новым человеком — с новыми надеждами, новыми заботами, новыми планами и новыми целями. Он ехал по знакомым улицам и не понимал, почему этот мир, до сих пор скучный и однообразный, вдруг заиграл тысячами оттенков и запел на тысячи голосов.

Когда он вошел в дом, миссис Мэлони, по обыкновению, усердно мыла лестницу.

— Вам тут уйма всяких писем пришла, ваша честь, — сказала она, вставая с колен и прижимаясь к стене, чтобы дать ему пройти. — И посылки разные приходили, и еще приходил один джентльмен, много раз приходил — он и сейчас ждет вас: я ему сказала, вы писали, что приедете сегодня, чтобы я, значит, приготовила ваши комнаты.

— Прекрасно, миссис Мэлони! Пожалуйста, купите мне чего-нибудь поесть, пинту шерри, а также позовите носильщика и проводите его ко мне.

Роберт медленно двинулся вверх по лестнице, размышляя, кто бы это мог ждать его в апартаментах.

Вряд ли это сколько-нибудь значительная персона. Скорее всего назойливый кредитор. Отвечая на приглашение Харкурта Толбойза, Роберт уехал из Лондона, оставив дела в совершенном запустении: он слишком высоко взлетел на седьмое небо любви, чтобы помнить о столь низменных материях, как неоплаченные счета от портного.

Он открыл дверь и вошел в гостиную. Канарейки пели прощальную песню заходящему солнцу. Бледно-желтые пятна света мерцали на листьях герани. Гость сидел спиной к окну, опустив голову на грудь. Когда Роберт Одли вошел в комнату, посетитель вскочил с места, и молодой адвокат вскрикнул от радости и удивления.

Перед ним стоял Джордж Толбойз.

Миссис Мэлони принесла из ближайшего кабака вина и еды на двоих, и молодые люди далеко за полночь засиделись у камина, возле которого давно уже не было так весело и уютно.

О многом и о многих поведал Роберт в тот вечер своему другу, и лишь о женщине — порочной женщине, обреченной доживать остаток своих дней в забытом богом бельгийском городишке, — он упомянул лишь вскользь, зная, скольких душевных мук будет стоить Джорджу одно лишь напоминание о ней.

Затем настала очередь Джорджа, и он рассказал, что случилось с ним в тот солнечный день, седьмого сентября прошлого года, когда он, оставив

спящего друга у ручья, где они ловили форель, отправился в Одли-Корт, чтобы изобличить во лжи свою неверную жену.

— Господь свидетель: с той минуты, когда я упал в колодец, мне больше всего хотелось все устроить так, чтобы правосудие не покарало эту женщину. Плечо саднило и кровоточило, правая рука была сломана. Я стоял по колено в грязи и болотной тине, растерянный и ошеломленный. Глотнув зловонный воздух, я понял, что, если не выберусь отсюда, мне конец. К счастью — насколько в столь бедственном положении вообще уместно говорить о счастье, — мне пригодился мой австралийский опыт, ибо лазать я умею, как кошка. Колодец был сложен из грубо отесанных камней неправильной формы, и я, вставляя ноги в расщелины между ними, упираясь спиной в противоположную стену и помогая себе руками — хотя правая рука болела невероятно, — мало-помалу начал подниматься наверх. Трудная это была работа, Боб, и странно, что человек, убеждавший себя и других в том, что он устал от жизни, тратит невероятные усилия на то, чтобы спасти эту самую жизнь. По-видимому, я выбирался не меньше получаса, хотя, как ты понимаешь, в такие минуты каждое мгновение кажется вечностью. Наконец я вылез на поверхность. Уйти незамеченным было невозможно, и я решил спрятаться в кустарнике до наступления темноты. Тот, кто нашел меня там, рассказал тебе, что случилось потом.

— Да, Джордж, он мне все рассказал.

В Австралию Джордж не вернулся. Он взошел на борт корабля «Виктория-Регия», но потом передумал, обменял билет и перешел на другое судно той же компании, направлявшееся в Нью-Йорк. В Нью-Йорке Джордж оставался до тех пор, пока в состоянии был вынести добровольное изгнание и одиночество, отторгшее от него всех, кого он помнил и любил.

— Джонатан встретил меня очень дружелюбно, Боб, — сказал он, заканчивая твой рассказ. — У меня хватило средств, чтобы устроиться на чужбине совсем недурно, тем более что, как ты знаешь, человек я неприхотливый. Я даже начал подумывать о том, как бы приумножить капитал, и чуть было не отправился на калифорнийские золотые прииски, но, взглянув на себя со стороны, почувствовал суетность и никчемность своего существования. Там у меня было множество друзей, Боб. Их могло бы стать еще больше, но зачем они мне? Прошлое болело во мне, словно пуля, которую так и не вынули из тела. Что общего было у меня с теми, кто ничего не знал о моей боли? Я тосковал по твоему крепкому рукопожатию, Боб. Твоя дружеская рука вывела меня из самого мрачного лабиринта моей жизни.

Прошло два года. Роберт Одли поселился между Теддингтон-Локс и Хэмптон-Бридж в прекрасном доме с видом на реку. Там, среди лилий и камыша, можно частенько видеть восьмилетнего мальчугана, играющего с годовалым младенцем. Мальчик берет малыша на руки и, шутки ради, осторожно наклоняет его над водой, и младенец, глядя на ее спокойную поверхность, с удивлением обнаруживает там свое отражение.

Роберт Одли пользуется широкой популярностью в узком семейном кругу. Когда он устраивает показательный процесс «Хоббс против Ноббса», родные и близкие, выступающие в роли высоких судей, покатываются со смеху, высказывая величайшую небрежность по отношению к своим обязанностям.

Мастер Джордж Толбойз-младший, упомянутый выше, пока еще не мечтает об Итоне и с удовольствием ловит головастиков, устраивая в ивовых зарослях собственную академию. Он часто приходит в дом отца, проживающего со своей сестрой и ее мужем. Мальчик души не чает в дяде Роберте, тете Кларе и прехорошеньком младенчике, который только-только начал ходить по лужайке, сбегаящей к воде. На реке построен большой элинг и причал, где Роберт и Джордж швартуют свои изящные лодки.

Сюда, в дом близ Теддингтона, приходят красивая жизнерадостная девушка и ее отец, седобородый джентльмен, мужественно, как и подобает христианину, перенесший все тяготы жизни, выпавшие на его долю.

Более года минуло с того дня, когда на имя Роберта Одли пришло письмо, окаймленное черной полосой. В письме сообщалось о том, что в далеком бельгийском городке Вильбрюмьер тихо скончалась некая мадам Тейлор. Она умерла после продолжительной болезни, именуемой, согласно диагнозу господина Валя, «общий упадок сил».

Летом 1861 года в дом явился еще один гость, искренний и благородный молодой человек. Он качает младенца, играет с Джорджи, а когда отправляется на реку, любо-дорого смотреть, с каким мужественным изяществом он налегает на весла. Лодки никогда не стоят без дела, когда в Теддингтон приезжает сэр Гарри Тауэре.

Рядом с элингом построен просторный павильон, где джентльмены курят летними вечерами, пока Клара и Алисия не позовут их на лужайку

пить чай и есть клубнику со сливками.

Одли-Корт заперт. Старая строгая экономка безраздельно правит в печальном особняке, где когда-то раздавался серебристый смех миледи. Портрет миледи, написанный художником-прерафаэлитом, занавешен. Густая пыль покрывает картины Воувермана, Пуссена, Кейпа и Тинторетто. Дом часто показывают любопытствующей публике — баронет об этом не знает, — и люди, восхищаясь апартаментами миледи, задают множество вопросов, интересуясь золотоволосой красавицей, скончавшейся за границей.

Сэр Майкл не торопится с возвращением в родовое гнездо. Он останется в Лондоне до тех пор, пока Алисия не станет леди Тауэре, а затем переедет в дом, который недавно купил в Хартфордшире по-соседству с владениями зятя.

Джордж Толбойз вполне счастлив с такой сестрой, как Клара, и таким испытанным другом, как Роберт, но не следует забывать, что он молод, и быть может, недалек день, когда в его жизнь войдет та, которая утешит его и заставит забыть о прошлом.

Пенковые трубки и французские романы Роберт Одли раздарил адвокатской холостой братии. Миссис Мэлони присматривает за его геранью и канарейками, и он ежеквартально выплачивает ей небольшое жалованье.

Надеюсь, никто не станет возражать по поводу того, что всех этих добрых людей, участников моей истории, я привела к счастливому концу. Мой жизненный опыт невелик, но многообразен^[1], и я смело могу подписаться под словами Давида — могущественного царя и великого философа, утверждавшего, что ни в юности, ни в зрелости он «не видал праведника оставленным, и потомков его — просящими хлеба».

notes

Примечания

Когда М.Э. Брэддон писала эти строки, ей было 26 лет. К этому времени, когда роман «Тайна леди Одли» вышел в свет, она уже несколько лет проработала актрисой провинциального театра и гувернанткой в аристократических семействах. В 1860 году она встретила издателя Джона Максвелла (1824–1895) и, несмотря на то, что с 1862 по 1868 год родила ему пятерых детей, замуж за него смогла выйти только в 1874 году, когда умерла его первая жена, скончавшаяся в доме для умалишенных. «Многообразный» жизненный опыт Мэри Элизабет Брэддон был достаточно горек: ее сценическая деятельность и брак, не узаконенный официальными узами, много лет служили поводом для злых пересудов в «добропорядочном» обществе. Следует добавить, что М.Э. Брэддон была необычайно трудолюбивым и жизнестойким человеком. Она написала около восьмидесяти романов, была редактором ряда журналов, содержала на свои заработки мать и собственное многочисленное семейство (от первого брака у мужа писательницы было пятеро детей, а из тех, что родились у М.Э. Брэддон и Д. Максвелла, в живых осталось четверо). Мэри Элизабет Брэддон вырастила и воспитала девятерых, став для всех и каждого заботливой и нежной матерью.